

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2023, Том 6, №4

Подписано к публикации: 12.05.2023

Главный редактор журнала
Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Абшилава Георгий Валерьянович* (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Джаллилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент
Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Кирилова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожневников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Русинова Вера Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент
Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://ilj-journal.ru>

© International Law Journal, 2023

Содержание

Седова Ж.И. Классификация недобросовестного поведения в праве	9-14
Сенников С.А. О правовом статусе протоколов межгосударственных комиссий в области рыболовства	15-21
Бродников А.С. Географические указания и наименования мест происхождения товаров как инструмент развития регионов	22-27
Вуйчич О.В. Тенденции воплощения современной интерпретации понятия «формальная определенность права»	28-31
Сагасти С.С. Расследование терроризма: уголовно-правовые и криминалистические аспекты	32-38
Шушания Ш.С., Пшеничникова Н.А. Запрет на противоречивое поведение в гражданском праве	39-43
Барышников М.Ю. К вопросу о неюрисдикционных способах защиты вещных прав	44-49
Долгополов К.А., Щербалев А.А. Понятие и основные характеристики субъективной стороны преступления	50-53
Годованик Е.В., Квач С.С., Федулов И.Н. Проблемные вопросы деятельности совета безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности: методологические подходы и перспективы решения	54-59
Корзинкин С.С. Конститутивные элементы договора энергоснабжения (на примере электрической энергии)	60-63
Краевская А.Г., Лозовицкая Г.П. Административное судопроизводство: истоки и перспективы рассмотрения административных дел с использованием IT-технологий	64-70
Майкенов А.Р. О мировой практике обеспечения соблюдения служебной дисциплины и законности при прохождении службы в органах внутренних дел (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации)	71-75
Ольховиков А.С. Волезамещающий судебный акт как средство исполнения обязательств по корпоративному договору	76-79
Пахомова Н.А. Актуальные проблемы права наследования на современном этапе	80-84
Роменский В.В. Актуальные способы укрепления государственного суверенитета в России	85-88

Рубанцова Т.А. Проблема формирования безопасной среды в университете как условие профилактики террористических проявлений в студенческой среде	89-92
Харина Э.Н. Правовые аспекты суррогатного материнства в России и за рубежом	93-98
Шипеев Я.Г. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении душевнобольных арестантов в XVII-XIX вв.	99-104
Гатауллин З.Ш. Проблемы возмещения вреда, нанесенного преступлением террористической направленности	105-108
Исаев В.В. Современное состояние молодежной преступности в Германии	109-113
Кужиков А.Ю., Кузьмин И.М. Тенденции цифровизации российского права, как элемент предмета истории и методологии юридической науки	114-116
Ван Лу История развития форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в КНР	117-120
Магомедова Е.А., Воробьева М.О., Муравель М.А., Зайцева М.А. Принципы правотворчества и их правовое закрепление в законодательстве субъектов Российской Федерации	121-125
Пономарев О.В., Моженко Н.С., Прохорова Н.А., Шичко А.Р. Налоговые преступления и налоговые правонарушения: вопросы разграничения, проблемы выявления	126-130
Саблин Р.А. Материальные и процессуальные аспекты использования переписки в сети «интернет» (на примере мессенджеров)	131-134
Хачатурова С.С. Инновации в юридической деятельности	135-137
Шайхутдинова А.И. Сравнительный анализ практики применения доктрины <i>forum non conveniens</i> судами разных стран	138-147
Пономарев О.В., Позняков К.С., Шичко А.Р., Моженко Н.С. Бюджетно-правовая ответственность как институт бюджетного права	148-151
Веревкин Д.В. К дискуссии о вещной и обязательственной природе залога	152-155
Лотто Т.А., Брагер Д.К. Проблемы получения образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями	156-159
Гитинова М.М., Ишкова Я.Г., Магомедгаджиева П.М. Недействительность сделки в судебной практике	160-164

Марков Б.Б. Информация в телемедицине: врачебная тайна и персональные данные	165-169
Мехдиев Т.Э. Искусственный интеллект в цифровом пространстве: теоретико-правовой взгляд	170-175
Перминов Я.В., Брагер Д.К. Осмотр жилища: тактические и процессуальные особенности	176-180
Хабилов А.И. Опционные соглашения при заключении договоров с долями обществ с ограниченной ответственностью: понятие, сфера применения	181-185
Раджабов Р.М., Азизов М.З., Омаргаджиев А.А. Медико-правовые аспекты ятрогении	186-188
Викторов О.В. Защита авторского права в сети интернет	189-194
Крылов М.К. Общее имущество супругов: основания возникновения права собственности и особенности правового регулирования	195-199
Плеханов С.М. Законность и дисциплина в государственном управлении: понятие и сущность	200-203
Василенков И.В. Основания и порядок оспаривания сделок должника в рамках дела о несостоятельности (банкротства)	204-208

Contents

Sedova Zh.I. Classification of bad faith conduct in the law	9-14
Sennikov S.A. On the legal status of the protocols of interstate commissions in the field of fisheries	15-21
Brodnikov A.S. Geographical indications and designations of origin of goods as a tool for regional development	22-27
Vuychich O.V. Trends in the implementation of the modern interpretation of the concept of «formal certainty of law»	28-31
Sagasti S.S. Terrorism investigation: criminal law and criminalistics aspects	32-38
Shushaniya Sh.S., Pshenichnikova N.A. Prohibition of contradictory behavior in civil law	39-43
Baryshnikov M.Yu. On the question of non-jurisdictional ways to protect property rights	44-49
Dolgopolov K.A., Shcherbalev A.A. The concept and main characteristics of the subjective side of crime	50-53
Godovanik E.V., Kvach S.S., Fedulov I.N. Problem issues in the activities of the UN Security Council to maintain international peace and security: methodological approaches and prospects for solutions	54-59
Korzinkin S.S. Constitutive elements of an energy supply contract (on the example of electric energy)	60-63
Kraevskaya A.G., Lozovitskaya G.P. Administrative proceedings: origins and prospects in the consideration of administrative cases using IT technologies	64-70
Maikenov A.R. On the world practice of ensuring compliance with service discipline and legality in the service of internal affairs bodies (on the example of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation)	71-75
Olkhovikov A.S. Will-substituting judicial act as a tool of fulfilling obligations under a shareholders' agreement	76-79
Pakhomova N.A. Actual problems of inheritance law at the present stage	80-84
Romensky V.V. Current ways to strengthen state sovereignty in Russia	85-88
Rubantsova T.A. The problem of forming a safe environment at the university as a condition for the prevention of terrorist manifestations in the student environment	89-92

Kharina E.N. Legal aspects of surrogate motherhood in Russia and abroad	93-98
Shipeev Ya.G. Execution of punishment in the form of imprisonment in relation to mentally ill prisoners in the XVII-XIX centuries	99-104
Gataullin Z.Sh. Problems of compensation for damage caused by a terrorist crime	105-108
Isaev V.V. Current status of youth crime in Germany	109-113
Kuzhekov A.Yu., Kuzmin I.M. Trends in the digitalization of Russian law, as an element of the subject of history and methodology of legal science	114-116
Wang Lu The history of the development of forms of placement of children left without parental care in China	117-120
Magomedova E.A., Vorobyova M.O., Muravel M.A., Zaitseva M.A. The principles of law-making and their legal consolidation in the legislation of the subjects of the Russian federation	121-125
Ponomarev O.V., Mozhenko N.S., Prokhorova N.A., Shichko A.R. Tax crimes and tax offences: issues of differentiation, problems of detection	126-130
Sablin R.A. Substantive and procedural aspects of the use of correspondence on the internet (using the example of messengers)	131-134
Khachaturova S.S. Innovations in legal activity	135-137
Shaikhutdinova A.I. Comparative analysis of the practice of applying the <i>forum non conveniens</i> doctrine by the courts of different countries	138-147
Ponomarev O.V., Poznyakov K.S., Shichko A.R., Mozhenko N.S. Budgetary and legal responsibility as an institute of budgetary law	148-151
Verevkin D.V. To the discussion about the proprietary and obligatory nature of the pledge	152-155
Lotto T.A., Brager D.K. Problems of obtaining samples for comparative research in respect of persons with religious beliefs	156-159
Gitinova M.M., Ishkova Ya.G., Magomedgadzhieva P.M. Invalidity of a transaction in judicial practice	160-164
Markov B.B. Information in the realm of telemedicine: medical privacy and personal data	165-169
Mekhdiev T.E. Artificial intelligence in the digital space: a theoretical and legal perspective	170-175

Perminov Ya.V., Brager D.K. A retrospective of the development of criminal law protection of victims in Russian legislation	176-180
Khabirov A.I. Optional agreements of concluding contracts with shares of limited liability companies: concept, scope of application	181-185
Radzhabov R.M., Azizov M.Z., Omargadzhiev A.A. Medical and legal aspects of iatrogeny	186-188
Viktorov O.V. Copyright protection on the internet	189-194
Krylov M.K. Common property of spouses: grounds for origin property right and features of legal regulation	195-199
Plekhanov S.M. Legality and discipline in public administration: concept and essence	200-203
Vasilenkov I.V. Grounds and procedure for challenging the debtor's transactions in the framework of an insolvency (bankruptcy) case	204-208

Классификация недобросовестного поведения в праве

Седова Ж.И., кандидат юридических наук,
Российский государственный университет правосудия

Аннотация: добросовестность невозможно оценить без познания ее антипода, то есть без того, что именно является недобросовестным поведением. Термины «недобросовестное поведение», «недобросовестные действия», «недобросовестная практика» и более тринадцати их производных аналогов применяются в нормах права, а также актах Суда Евразийского экономического союза, Европейского суда по правам человека, высшими судами Российской Федерации. Однако в праве до сих пор отсутствует определение понятия «недобросовестного поведения», в связи с чем разработка этого правового понятия сохраняет актуальность. В целях предотвращения недобросовестного поведения в праве вводятся нормы-запреты выявленных судебной практикой по состоянию на сегодня недобросовестных торговых, финансовых, налоговых практик, включая недобросовестное использование цифровых технологий, оказывающих влияние на сознание индивидов или их целевых групп при выборе определенного вида поведения. С целью оценки многомерности недобросовестного поведения и всех его характеристик в статье приводится его классификация. Недобросовестное поведение в праве может быть классифицировано: (1) по субъектному составу; (2) по направленности действий; (3) по характеру воли актора (носителя поведения); (4) в зависимости от истинных намерений актора; (5) в зависимости от результата (то есть в зависимости от того, кому причинен ущерб); (6) по характеру действий; (7) по сфере регулирования правоотношений, где выявлено недобросовестное поведение. Отрицание недобросовестного поведения, как естественная морально-нравственная реакция человека на любую несправедливость, представляет собой ещё и метод правового регулирования, основанный на принципе добросовестности.

Ключевые слова: принцип добросовестности, недобросовестное поведение, отрицание недобросовестного поведения, классификация поведения

Для цитирования: Седова Ж.И. Классификация недобросовестного поведения в праве // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 9 – 14.

Classification of bad faith conduct in the law

Sedova Zh.I., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Russian State University of Justice

Abstract: good faith cannot be assessed without knowing its antipode, that is, without knowing what exactly is bad faith conduct. The terms "bad faith conduct", "bad faith actions", "bad faith practice" and more than thirteen of their derivative analogues are used in the norms of law, as well as in the acts of the Eurasian Economic Union Court, the European Court of Human Rights, the highest courts of the Russian Federation. However, the law still lacks a definition of the concept of "bad faith conduct", in connection with which the development of this legal concept remains relevant. In order to prevent unfair conduct the law introduces norms prohibiting unfair trade, financial and tax practices revealed by judicial practice as of today, including unfair use of digital technologies influencing consciousness of individuals or their target groups in choosing a certain type of behavior. In order to assess multidimensionality of bad faith conduct and all its characteristics the article provides its classification. Unfair behavior in law can be classified: (1) by subject composition; (2) by the direction of actions; (3) by the nature of the actor's will (bearer of behavior); (4) depending on the actor's true intentions; (5) depending on the result (that is, depending on who suffers damage); (6) by the nature of actions; (7) by the sphere of legal relations regulation, where the bad faith conduct is revealed. Denial of bad faith conduct, as a natural moral reaction of human to any injustice, is also a method of legal regulation, based on the principle of good faith.

Keywords: the principle of good faith, bad faith conduct, denial of bad faith conduct, classification of behavior

For citation: Sedova Zh.I. Classification of bad faith conduct in the law. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 9 – 14.

Недобросовестное поведение является естественным проявлением человеческой природы, поэтому к нему следует относиться как к обыкновенному явлению жизни, с которым всегда необходимо бороться посредством установления его запретов во всех сферах жизнедеятельности человека. Недобросовестное поведение можно сравнить с болезнями: (1) его видов столько же много; (2) оно так же зависит от фактических обстоятельств (внешних факторов); (3) его так же нельзя искоренить навсегда; (4) оно всегда развивается в новые виды и т.д. Несмотря на то, что пресечь проявление недобросовестного поведения никогда не получится, это не означает, что его не надо запрещать. Выявленные недобросовестные практики должны быть прекращены и запрещены, а недобросовестный субъект наказан.

Ещё в IV-III вв. до н.э. в древнем источнике «Шань цзынь шу», составленном последователями политического деятеля Древнего Китая Гуньсунь Яна (Шан Яна) (390-338 гг. до н.э.), указано на то, что «люди по своей сути стремятся к порядку, однако, действия их порождают беспорядок», «...если управлять людьми как порочными, то всегда утверждается образцовый порядок и страна достигает могущества» [8, с. 52]. Данное высказывание подчеркивает необходимость понимания «порочности» или, другими словами, недобросовестности для целей создания наиболее эффективных норм, направленных на поддержание справедливого порядка в обществе.

Интересен тезис Г. Кельзена о том, что «если мы знаем, что есть пороки, мы уже знаем и то, что является добродетелями, поскольку добродетель является противоположностью порока» [3, с. 365]. Следует ещё раз отметить, что при изучении справедливости и добросовестности в праве учёные всегда исходили из анализа их антиподов: несправедливости и недобросовестности. Также, Аристотель воспринимал существование порока в качестве данности [1, с. 166].

Таким образом, учитывая естественную природу человека с присущими ему пороками, можно сделать вывод, что: (1) порок первичен, (2) затем следует недобросовестное поведение, опосредованное пороком; (3) недобросовестное поведение вызывает протест субъекта, которого оно затрагивает, и этот протест выражается в отрицании недобросовестного поведения, причинившего ему вред; (4) после чего приходит понимание того, что является добродетелью (добросовестностью), которую необходимо защищать, то есть через познание (испытанное на себе влияние) недобросовестного поведения приходит понимание добросовестности. Поэтому разнообразие недобросовестного поведения, опосредованного человеческими пороками, необходимо: как минимум, описать в нормах права, а, как максимум, запретить известные на текущий исторический момент виды недобросовестных практик в разных сферах правоотношений.

Общество с момента его появления сталкивается с недобросовестностью (наполнено с древних времен столкновением интересов в общей борьбе за существование и получение благ), поэтому чем больше ограничений и запретов (видов отрицания) недобросовестного поведения в правовом поле оно создаёт для обеспечения безопасности своей жизнедеятельности, тем выше уровень его развития (цивилизованности). Каждая правовая система, по утверждению Р. Алекси, как минимум, стремится быть честной и справедливой [9, с. 85]. Наличие минимальной справедливости и согласие общества с этим минимумом справедливости являются базовыми условиями для существования и функционирования правовой системы, возможности её взаимодействия с другими сообществами, которые не управляются данной правовой системой [12, с. 19].

Недобросовестное поведение нарушает право на нравственное достоинство и причиняет вред (моральный и(или) материальный), в связи с чем добросовестному участнику отношений требуется защита, реализуемая в правовой плоскости посредством применения судом соответствующей нормы позитивного права или принципа добросовестности. При этом у суда есть набор правовых средств, соответствующих определённым видам отрицания недобросовестного поведения.

Виды отрицания недобросовестного поведения и соответствующие им правовые средства защиты от недобросовестности основаны, в том числе, на социальной морали, которая, по мнению французского философа Э. Бутру, является прежде всего делом практики, то есть, по сути, наполнение морали нарабатывается поведением (положительным и отрицательным). При этом мораль сама по себе бесполезна, если она не претворяется в практические результаты, один из которых выражается, например, в «прогнесе справедливости в человеческих обществах». Учитывая то, что согласно философскому учению бытие всегда предшествует познанию, а познание воздействует, в свою очередь, на бытие, то человек, осуществляя добро, постепенно приходит к его определению [6, с. 3-4], в том числе и в сфере права: противостоя недобросовестному поведению, правовед вынужден дать определение «недобросовестному поведению» для целей создания чётко определенных универсальных механизмов противодействия всем видам недобросовестного поведения, и даже тем, которые ещё не сложились на практике, но неминуемо возникнут в силу научно-технического прогресса.

К. Маркс справедливо указывал на то, что индивида не существует для закона вне его действий (поведения) [5, с. 404]. Именно по пути создания норм права, запрещающих недобросовестное поведение – наиболее часто встречающиеся недобросовестные коммерческие практики в правоотношениях с потребителями и недобросовестные практики на финансовых рынках, – пошло развитие международного права.

Недобросовестное поведение в праве может быть классифицировано следующим образом:

1) **по субъектному составу** (то есть в зависимости от того, кто недобросовестно действует или бездействует):

- индивидуальное;
- коллективное;

2) **по направленности действий:**

- экономическое (в том числе коммерческое);
- политическое;

3) **по характеру воли актора** (носителя поведения):

- волевое осознанное;
- бессознательное под внешним влиянием;

4) **в зависимости от истинных намерений актора** (носителя поведения):

- преднамеренное;
- случайное;

5) **в зависимости от результата** (то есть в зависимости от того, кому причинен ущерб):

- частное;
- публичное;

6) **по характеру действий:**

- активное;
- пассивное;

7) **по сфере регулирования правоотношений:**

- материальное;
- процессуальное.

Примером **индивидуального недобросовестного поведения** является любое частное злоупотребление правами субъектом права в коммерческих правоотношениях или в процессуальном поведении. **Коллективным** является вид недобросовестного поведения, который используется массово (большим количеством субъектов права): например, налоговая оптимизация, которая не преследует какой-либо бизнес-цели, кроме как ухода от налогообложения; использование налоговой льготы не в соответствии с целью правового регулирования. Также, к коллективному недобросовестному поведению следует отнести направленные на причинение вреда действия юридического лица, как коллективного субъекта права.

Примерами **экономического недобросовестного поведения** являются уклонение от уплаты налогов, недобросовестные коммерческие практики, недобросовестные практики на финансовом рынке. В частности, современные международные и национальные источники права запрещают известные по состоянию на сегодняшний день виды недобросовестного поведения, закрепляя как исчерпывающие, так и неисчерпывающие перечни недобросовестных практик в разных сферах правоотношений, например: (1) разработанные ОЭСР фундаментальные международные правила по противодействию уклонению от уплаты налогов – General Anti-avoidance Rules (GAAR) [7], представляющие собой общие принципы по выявлению злоупотреблений в налоговой сфере; (2) тридцать один вид недобросовестных коммерческих практик (исчерпывающий перечень), указанные в Директиве № 2005/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О недобросовестной коммерческой практике по отношению к потребителям на внутреннем рынке (Директива о недобросовестной коммерческой практике)» от 11.05.2005; (3) девять запрещенных недобросовестных торговых практик, которые возникают в связи с продажей сельскохозяйственной и продовольственной продукции, и еще шесть запрещенных видов торговой практики в этой же сфере, если они не были предварительно согласованы в ясных и недвусмысленных условиях в договоре поставки или в последующем соглашении между поставщиком и покупателем («минимальный» исчерпывающий перечень), указанные в Директиве № 2019/633 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О недобросовестной торговой практике в деловых отношениях в сельскохозяйственной и продовольственной цепочке поставок» от 17.04.2019; (4) неисчерпывающий перечень недобросовестных практик на финансовом рынке, содержащийся в Договоре о сотрудничестве и обмене информацией, в том числе конфиденциальной, между Центральным банком Российской Федерации и Национальным Банком Республики Казахстан в области надзора за финансовым рынком от 07.06.2018; (5) антиконкурентные практики на торгах, противодействию которым посвящена статья 17 Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции».

Отрицание недобросовестного поведения является новым методом правового регулирования общественных отношений, основанным на принципе добросовестности. Общество не приемлет недобросовестное поведение в любом его виде и борется с ним преимущественно посредством установления его запретов: новые нормы-предписания международного права всё чаще закрепляют запреты известных по состоянию на сегодня видов недобросовестных коммерческих и финансовых практик. Для усиления отрицания в международных нормах государства устанавливают для себя обязательства по обеспечению сверхимперативности запретов недобросовестных практик, что реализуется ими уже в рамках национального права и правоприменения. Например, в 2019 году пунктом 4 статьи 3 Директивы №2019/633 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О недобросовестной торговой практике в деловых отношениях в сельскохозяйственной и продовольственной цепочке поставок» от 17.04.2019 было закреплено обязательство государств-членов ЕС *«обеспечивать, чтобы запреты... [недобросовестной торговой практики] представляли собой преобладающие императивные положения, применимые к любой ситуации, подпадающей под действие указанных запретов, независимо от права, которое в противном случае было бы применимо к соглашению о поставках между сторонами»*. Данная международная норма закрепила обязательство государств-членов ЕС обеспечивать сверхимперативность запретов недобросовестных торговых практик.

Политическое недобросовестное поведение коррелирует, как правило, с **экономическим**: например, введение государством недружественных односторонних мер ограничительного характера без веских правовых оснований и в нарушение норм международного права. В частности, в 2020 году США ввели односторонние меры ограничительного характера против нескольких старших должностных лиц, главного прокурора и директора департамента по вопросам юрисдикции Международного уголовного суда в Гааге, запретив им въезд в США (административные ограничительные меры) и заморозив их американские активы (экономические ограничительные меры) [11]. Причиной введения таких мер США явилось то, что Международный уголовный суд занимается расследованием действий военнослужащих США в Афганистане, пытаясь выяснить, возможно ли квалифицировать их деяния как военные преступления [2]. Введение США национальных ограничительных мер против чиновников международной организации, по сути, направлено на блокировку деятельности международной организации в нарушение норм международного права, а также нарушает международный иммунитет международной организации. Позднее, осознав неправомерность своих действий, США отменили 01.04.2021 эти односторонние ограничительные меры, указав на то, что хотя Соединенные Штаты продолжают возражать против заявлений Международного уголовного суда о юрисдикции в отношении военных США (в том числе их союзников), не являющихся участником международного договора о создании Международного уголовного суда, а также в отсутствие их согласия или обращения Совета Безопасности ООН, и будут продолжать защищать нынешних и бывших военных США от любых попыток осуществления такой юрисдикции Международным уголовным судом, однако введение США финансовых ограничительных мер против Международного уголовного суда и его персонала – это неэффективная и неподходящая стратегия для решения Соединенными Штатами проблемных вопросов с Международным уголовным судом [10]. Национальные санкции, введенные против чиновников международной организации в связи с осуществлением ими их должностных обязанностей, являются не только нарушением международного права, но и очевидным примером недобросовестного политического поведения (оказания неправомерного политического давления), которое было устранено только в апреле 2021 года. Данная ситуация является также примером **публичной недобросовестности США**, так как целью введения национальных американских ограничительных мер являлись международные чиновники, а значит и сама международная организация.

Волевым осознанное недобросовестное поведение характеризуется волевым выбором определённого вида поведения, направленным на преднамеренное причинение вреда другим субъектам правоотношений. Например, по договору об утилизации отходов подрядчик предоставил заказчику отчет об утилизации отходов на специализированном полигоне, тогда как выбросил отходы в несанкционированном месте, не выполнив условия договора, причинив вред публичному интересу – загрязнив земли сельскохозяйственного назначения, а также рассчитывая на неосновательное обогащение. Заказчик обнаружил факт недостоверности отчета и сообщил в полицию и природоохранную прокуратуру об экологическом правонарушении подрядчика. После возбуждения административного и уголовного производств по факту загрязнения окружающей среды подрядчик в целях прекращения правонарушения и избегания своей административной и уголовной ответственности перевез эти отходы с земель сельскохозяйственного назначения на специализированный полигон и потребовал от заказчика оплату по договору. Заказчик отказался платить недобросовестному подрядчику, так как гражданско-правовые отношения по договору закончились невыполнением работ в момент получения заказчиком недостоверного отчета от подрядчика об их выполнении. Действия подрядчика по устранению правонарушения осуществлялись им за свой счет в рамках публично-правовых от-

ношений, так как они были направлены на прекращение правонарушения и избегание его ответственности, а не на выполнение работ по договору, то есть целеполагание в его поведении было уже иное. Правовая цель поведения имеет существенное значение для квалификации поведения сторон правоотношений. Заказчик не должен платить за избегание подрядчиком административной и(или) уголовной ответственности. Устранение подрядчиком нарушения природоохранного законодательства не относится к договорным отношениям и не связано с исполнением договора. На основании принципа добросовестности, являющегося общим принципом права, нормой *jus cogens* и сверхимперативной нормой права, подрядчик при указанных обстоятельствах, очевидно свидетельствующих о явном его недобросовестном поведении, утратил право на получение оплаты за невыполненные работы. По сути, имел место отказ от права: подрядчик отказался от права на оплату работ, выбрав линию недобросовестного поведения, не подлежащего защите. Учитывая, что принцип добросовестности не разрешает извлекать выгоду из своего недобросовестного поведения, то любое недобросовестное поведение своим правовым последствием имеет утрату недобросовестным субъектом права на судебную защиту.

Бессознательное недобросовестное поведение свидетельствует об ослаблении воли актора внешним влиянием в момент принятия им решения о выборе линии поведения. К такому внешнему влиянию относятся такие специальные технологии, как: (1) решения, принятые искусственным интеллектом (нейросетью); (2) высокие гуманитарные технологии (от англ. *high-humanitarian technologies* или «Hi-Hume технологии»), под которыми понимается конвергенция социальных, информационных, коммуникационных, нейрофизиологических и иных технологий, изменяющих человеческое сознание и управляющих поведением человека как социотехнической системой.

Относительно высоких гуманитарных технологий (Hi-Hume технологий), оказывающих влияние на поведение человека, И.В. Лысак подчеркивает их влияние на сознание индивидов или их целевых групп при выборе определенного вида поведения (в т.ч. группового поведения) и относит к ним следующие виды технологий: маркетинговые технологии, управляющие выбором потребителей; антикризисные технологии по выводу компаний из экономического кризиса; коучинг-технологии по мотивации персонала и поддержанию внутрикорпоративного командного духа; бизнес-инжиниринговые технологии по созданию новых проектов; политехнологии и пр. [4, с. 260 - 262]. Право в текущем моменте не научилось учитывать влияние Hi-Hume технологий на поведение физических лиц и не использует тот факт, что эти технологии могут разрушать механизмы саморегуляции человека, в связи с чем поведение субъекта правоотношения под влиянием технологий можно было бы отнести к поведению с пороком воли.

Учитывая, что **преднамеренное недобросовестное поведение** совпадает с осознанным волевым, так как актор предвидит и осознает негативный результат своего поведения для третьих лиц, то **случайное недобросовестное поведение** в зависимости от мотива может варьироваться от халатности до действий в условиях и состоянии крайней необходимости.

Активное недобросовестное поведение характеризуется предпринятыми действиями, которые имели место в реальной действительности как юридический факт, тогда как **пассивное недобросовестное поведение** – это бездействие, примером которого может служить неэффективное исполнение или неисполнение своих функций государственным органом исполнительной власти: непринятие решений по вопросам своей компетенции в установленные законодательством сроки.

Современная судебная практика рассматривает споры из недобросовестного поведения как в коммерческих (**материально-правовых**) отношениях, так по вопросам злоупотребления **процессуальными** правами.

На основании международных и национальных правовых источников можно сформулировать понятие «**недобросовестное поведение**» в праве – это поведение субъекта права, которое обладает признаком реальности (оно не может носить гипотетический характер), имеет прямую причинно-следственную связь с негативными экономико-правовыми последствиями, возникшими у других субъектов права, имеет индивидуализацию (оно связано с конкретным носителем поведения) и по итогу сопоставления со всеми видами отрицания недобросовестного поведения явно свидетельствует о недобросовестности (очевидном отклонении действий от добросовестного поведения), что привело к необходимости применения судом правовых средств отрицания недобросовестного поведения. Характеристиками недобросовестного поведения являются: (1) волевой выбор недобросовестного поведения актором; (2) его непредсказуемость для контрагента; (3) антисоциальность его цели; (4) нарушение баланса интересов участников правоотношений; (5) причинение вреда (морального и(или) материального); (6) нарушение прав других лиц (как минимум права на нравственное достоинство); (7) несоответствие намерений совершаемым действиям; (8) использование прав не в соответствии с целью правового регулирования.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М., 1983. Т. 1.
2. Вашингтон наложил санкции на прокурора Международного уголовного суда в Гааге. Из-за чего конфликт? // сайт: BBC News. Русская служба. 03.09.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54014227>
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право: пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб.: Издательский дом «Альф-пресс», 2015. 704 с.
4. Лысак И.Е. Ни-Нуме технологии и последствия их применения // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4 (04). С. 259 – 263.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 14. // Цит. по В.А. Белов. Гражданское право. Т. I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Серия: Бакалавр. Углубленный курс. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 521 с.
6. Общество и мораль: Лекции по общественной этике профессоров Вольного университета общественных наук: пер. с фр. / Под ред. В.В. Битнера; Предисл. Э. Бутру. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
7. Противодействие международному уклонению от налогообложения // Сайт: Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/oppintevasion/
8. «Шань цзынь шу» // Правовая мысль: Антология / Автор-составитель Малахов В.П. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 1016 с.
9. Alexy R. Begriff und Geltung des Rechts. Freiburg; München, 1992. P. 62 / Цитата по Марк ван Хук. Право как коммуникация: пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. Гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.
10. Executive Order of April 1, 2021 On the Termination of Emergency with Respect to the International Criminal Court. Сайт: OFAC. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/icc_eo_termination.pdf.
11. Executive Order 13928 of June 11, 2020 (Blocking Property of Certain Persons Associated with the International Criminal Court). Сайт: OFAC. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13928.pdf>
12. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford, 1961. P. 189, 196; Kerchov M. van de, Ost F. Legal System Between Order and Disorder. Oxford, 1994. P. 19 / Цит. по Марк ван Хук. Право как коммуникация: пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербург. Гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 85.

References

1. Aristotel'. Sochineniya: v 4-h t. M., 1983. T. 1.
2. Washington nalozhil sankcii na prokurora Mezhdunarodnogo ugolovnogogo suda v Gaage. Iz-za chego konflikt? sajt: BBC News. Russkaya sluzhba. 03.09.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54014227>
3. Kel'zen G. CHistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo: per. s nem., angl., fr.; Sost. i vstup. st. M.V. Antonova. SPb.: Izdatel'skij dom «Al'f-press», 2015. 704 s.
4. Lysak I.E. Hi-Nume tekhnologii i posledstviya ih primeneniya. Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2010. № 4 (04). S. 259 – 263.
5. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. S. 14. Cit. po V.A. Belov. Grazhdanskoe pravo. T. I. Obshchaya chast'. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnyk. 2-e izd., pererab. i dop. Seriya: Bakalavr. Uglublennyj kurs. M.: Izd-vo YUrajt, 2014. 521 s.
6. Obshchestvo i moral': Lekcii po obshchestvennoj etike professorov Vol'nogo universiteta obshchestvennyh nauk: per. s fr. Pod red. V.V. Bitnera; Predisl. E. Butru. 2-e izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007.
7. Protivodejstvie mezhdunarodnomu ukloneniyu ot nalogooblozheniya. Sajt: Federal'naya nalogovaya sluzhba. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/oppintevasion/
8. «SHan' czyn' shu». Pravovaya mysl': Antologiya. Avtor-sostavitel' Malahov V.P. M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. 1016 s.
9. Alexy R. Begriff und Geltung des Rechts. Freiburg; München, 1992. P. 62. Citata po Mark van Huk. Pravo kak kommunikaciya: per. s angl. M.V. Antonova i A.V. Polyakova. Spb.: Izdatel'skij dom S.-Peterb. Gos. un-ta, ООО «Universitetskij izdatel'skij konsorcium», 2012. 288 s.
10. Executive Order of April 1, 2021 On the Termination of Emergency with Respect to the International Criminal Court. Sajt: OFAC. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/icc_eo_termination.pdf.
11. Executive Order 13928 of June 11, 2020 (Blocking Property of Certain Persons Associated with the International Criminal Court). Sajt: OFAC. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13928.pdf>
12. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford, 1961. P. 189, 196; Kerchov M. van de, Ost F. Legal System Between Order and Disorder. Oxford, 1994. P. 19. Cit. po Mark van Huk. Pravo kak kommunikaciya: per. s angl. M.V. Antonova i A.V. Polyakova. Spb.: Izdatel'skij dom S.-Peterb. Gos. un-ta, ООО «Universitetskij izdatel'skij konsorcium», 2012. S. 85.

О правовом статусе протоколов межгосударственных комиссий в области рыболовства

**Сенников С.А.,
Южный федеральный университет**

Аннотация: в статье исследуется вопрос о том, чем с точки зрения международного права являются протоколы межгосударственных комиссий, образованных с участием Российской Федерации и других стран, в сфере рыбного хозяйства, в частности, носит ли их применение обязательный характер на территории Российской Федерации независимо от ратификации или имплементации в национальное законодательство.

В правоприменительной практике стали встречаться позиции, согласно которым протоколы и иные решения подобных международных комиссий, регулирующие ключевые вопросы рыболовства в пограничных водоемах и распределяющие права на вылов водных биологических ресурсов между рыболовными предприятиями сопредельных государств, не подлежат обязательному применению, пока их положения не будут закреплены во внутринациональной системе права.

Автором последовательно обосновывается противоположная позиция, согласно которой протоколы межгосударственных комиссий в области рыболовства являются обязательными к применению независимо от их имплементации в национальное законодательство. Для этого использована трехступенчатая система обоснования: нормы законов и подзаконных актов Российской Федерации – судебная практика – доктрина. На всех трех уровнях исследования по итогам проведенного анализа были сформулированы доводы в обоснование обозначенной правовой позиции.

Ключевые слова: международные договоры, протоколы межведомственных комиссий по рыболовству, меры регулирования промысла, международные отношения, самоисполнимые, несамоисполнимые нормы международного права, презумпция самоисполнимости, рыбохозяйственное право

Для цитирования: Сенников С.А. О правовом статусе протоколов межгосударственных комиссий в области рыболовства // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 15 – 21.

On the legal status of the protocols of interstate commissions in the field of fisheries

**Sennikov S.A.,
Southern Federal University**

Abstract: the article examines the question of what are the protocols of intergovernmental commissions of Russian Federation and other countries in the field of fisheries from the point of view of international law, and whether their application is mandatory on the territory of the Russian Federation, regardless of ratification or implementation into national legislation.

There are opinions in law enforcement practice according to which protocols and other decisions of such international commissions regulating key issues of fishing in border waters and distributing rights to catch aquatic biological resources between fishing enterprises of neighboring countries are not subject to mandatory application until their provisions are fixed in the domestic legal system.

The author consistently substantiates the opposite position according to which the protocols of interstate commissions in the field of fisheries, including the protocols of the RUK, are mandatory regardless of their implementation into national legislation. The author used a three-stage system of justification: legislation of the Russian Federation K judicial practice K doctrine. Arguments in support of the designated legal position were formulated at all three levels of the study, based on the results of the analysis.

Keywords: international treaties, protocols of interdepartmental commissions on fisheries, fishing regulation measures, international relations, self-executing, non-self-executing norms of international law, presumption of self-executing, fisheries law

For citation: Sennikov S.A. On the legal status of the protocols of interstate commissions in the field of fisheries. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 15 – 21.

*1. Правовой статус протоколов межгосударственных комиссий
в сфере рыболовства – позиции судебной практики*

Российская Федерация является стороной более, чем в 70 международных договорах [1], многие из которых предусматривают участие в двухсторонних межправительственных и межведомственных объединениях (21), а также в многосторонних международных организациях по вопросам рыболовства (12) [2]. При этом указанные организации формируют самостоятельное правовое регулирование в отношении рыболовства в трансграничных морских водах, открытом море, районах действия международных договоров, в т.ч. в исключительных экономических зонах иностранных государств. Такое правовое регулирование дополняет внутренние национальные правила рыболовства в том или ином рыбохозяйственном бассейне.

Тем самым в пограничных районах, где происходит совместное использование водных объектов несколькими соседними государствами, возможна ситуация двойного регулирования – внутринациональными правилами рыболовства с одной стороны, и решениями межгосударственных организаций с другой. К таким межгосударственным организациям относятся Российско-Украинская комиссия по вопросам рыболовства в Азовском море, Смешанная российско-норвежская комиссия по рыболовству, Комиссия по рыболовству в северо-восточной части Атлантического океана (НЕАФК), Смешанная комиссия по рыболовству в Балтийском море, Комиссия по водным биоресурсам Каспийского моря и др.

В связи с этим представляется необходимым с практической и теоретической точек зрения определиться с правовым статусом решений перечисленных и других подобных комиссий, в которых участвует Российская Федерация, чтобы понять условия и пределы их действия для российских резидентов, осуществляющих деятельность в сфере рыболовства.

В судебной практике встречаются случаи, когда государственные органы признают протоколы межгосударственных комиссий по рыболовству не обязательными к применению до их имплементации в действующее национальное законодательство путем принятия Федеральным агентством по рыболовству соответствующих подзаконных нормативных правовых актов.

*1.1. Дело по протоколам Российско-Украинской Комиссии
(РУК) по вопросам рыболовства в Азовском море*

Так, в деле №А53-11437/2021 [3], рассматриваемом Арбитражным судом Ростовской области, индивидуальным предпринимателем оспаривался отказ территориального подразделения Росрыболовства в выдаче разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, обусловленный отсутствием в Правилах рыболовства для Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна [4] регламентации специализированных орудий добычи (вылова) и сроков добычи (вылова) камбалы-калкан в Азовском море.

В итоге суд решил, что в отсутствие соответствующего регулирования в Правилах рыболовства для Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна разрешение на добычу (вылов) водных биологических ресурсов на 2021 год надлежало выдать на основании нормы п. 7.3.1 протокола XXXII сессии Российско-Украинской Комиссии по вопросам рыболовства в Азовском море [5].

При этом оспоренный отказ в выдаче разрешения был сделан до издания приказа Росрыболовства от 31.03.2021 №157 «О мерах по выполнению решений XXXII сессии Российско-Украинской Комиссии по вопросам рыболовства в Азовском море» [6], то есть до имплементации решений РУК в российское законодательство.

Следовательно, суд посчитал протокол РУК действующим непосредственно с момента подписания сторонами, не требующим отдельного включения в национальное законодательство для использования его положений российскими правоприменителями, отдельно подчеркнув, что такой силой решение РУК обладает ввиду пробела в регулировании соответствующих отношений в национальных Правилах рыболовства. В итоге принятое решение и сделанные выводы устояли в двух последующих вышестоящих инстанциях.

Примечательно, что на этапе кассационного рассмотрения Пограничное управление ФСБ России по Краснодарскому краю пыталось вступить в дело третьим лицом на стороне ответчика в целях оспаривания решения суда первой инстанции. Из этого следует, что пограничный орган не согласился с признанием норм протоколов РУК непосредственно действующими, очевидно считая необходимым их предварительную имплементацию в структуру законодательства для придания им обязательного характера.

Необходимо отметить, что в указанном деле суды руководствовались разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в п. 2 постановления от 23.11.2010 №27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство» [7], в которых говорится о приоритете правил международного договора перед нормами законодательства о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов. Следовательно, можно заключить, что суды исходили из квалификации протокола РУК как части международного договора.

1.2. *Дело по протоколам Смешанной российско-норвежской комиссии по рыболовству*

В схожем деле, рассматриваемом Мурманским областным судом (решение от 16.08.2016 № 21-355/2016 [8]), был сделан аналогичный вывод в отношении юридической силы протоколов Смешанной Российско-Норвежской комиссии по рыболовству (СРНК), определяющих порядок осуществления рыболовства в Баренцевом и Норвежском морях.

Так, судья отклонил довод жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, связанный с тем, что действующее отечественное правовое регулирование не распространяется на Норвежскую экономическую зону, а протоколы СРНК сами по себе не действуют на территории России. В ответ судья отметил, что в состав действующего законодательства РФ о рыболовстве и сохранении водных биоресурсов входят также признанные нормы международного права, к которым относятся положения протоколов очередных и внеочередных сессий СРНК.

Подобный вывод суда свидетельствует об отнесении протоколов СРНК к разновидности непосредственно действующих международных соглашений, которые «по своей юридической силе в соответствии положениями Федерального закона от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ), с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, действуют в России на уровне подзаконных нормативных правовых актов, носят межведомственный характер». Вместе с тем судья следовал тем же разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, на которые ссылался Арбитражный суд Ростовской области в описанном выше деле.

В деле №А42-5491/2014 Арбитражный суд Мурманской области использовал аналогичную правовую позицию, которая была поддержана на уровне высшей судебной инстанции (постановление Верховного Суда РФ от 5 августа 2015 г. №307-АД15-8688) [9].

Итак, как мы видим, в правоприменительной практике встречаются правовые позиции, согласно которым протоколы межправительственных или межгосударственных комиссий не являются международными договорами и не носят обязательный характер, пока их положения не включены в соответствующие правила рыболовства. Однако суды занимают противоположную сторону, квалифицируя подобные протоколы в качестве самоисполнимых международных соглашений, не требующих отдельного признания или ратификации отечественным законодателем.

2. *Нормативно-правовое обоснование обязательности протоколов межгосударственных комиссий по рыболовству*

2.1. *Презумпция самоисполнимости*

С точки зрения теории договорные нормы международного права делятся на те, что применяются непосредственно (самоисполнимые), и те, что применяются опосредованно (несамоисполнимые) [10]. В доктрине считается, что нормы первой категории не требуют дальнейшей конкретизации и принятия каких-либо внутригосударственных нормативных правовых актов для осуществления, то есть они обязательны к применению независимо от имплементации в национальное позитивное право, а нормы второй категории напротив – не обязательны к применению, пока их не воспроизведут в национальном законе или подзаконном акте.

В качестве примеров самоисполнимых норм обычно приводят положения Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 г. (т.н. Венская конвенция) [11], несовершенных – положения некоторых международных договоров по морскому праву, получившие закрепление в главах КТМ РФ [12], например, Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. [13], часть правил которой содержатся в главе XVIII КТМ РФ [14].

Указанная градация условий международных договоров получила закрепление на законодательном уровне [15], так же, как и положение о том, что самоисполнимые и несовершенные нормы могут быть включены в один и тот же международный договор.

В докладе Совета Федерации Федерального Собрания, утвержденном постановлением от 08.02.2006 №36-СФ [16] и посвященном состоянию законодательства в РФ, содержится идея о наличии в российском правовом порядке презумпции самоисполнимости положений международного права, включенных в законодательство государства (они считаются «включенными», если уполномоченный орган подтвердил обязательность международного договора для государства). Это означает, что любой субъект правоприменения (суд, правоохранительные органы, органы исполнительной власти разных уровней и др.) в случае необходимости использования и толкования международных правовых норм должен воспринимать их как самоисполнимые, если иное прямо не указано в самом международном договоре или явным образом не вытекает из смысла этих норм. Более того, если правоприменительный орган квалифицирует те или иные международные правовые нормы как несовершенные, и откажет в их применении, он должен доказать и мотивировать свою позицию.

Причем в своем докладе, постулируя обозначенную презумпцию, Совет Федерации не ограничивался положениями исключительно международных договоров, но распространял ее на любые источники международного права, в том числе решения международных органов.

Исходя из изложенного, положения протоколов комиссий по вопросам рыболовства, будь то РУК, СРНК и др., по умолчанию следует признавать самоисполнимыми и не требующими включения в российскую систему права путем принятия специального подзаконного или законодательного акта, поскольку они по общему правилу становятся частью отечественного законодательства с момента их подписания уполномоченным государственным органом (в рассматриваемом случае Росрыболовством). Исключениями могут быть случаи отдельного упоминания в протоколах о том, что некоторые их положения действуют опосредованно, только после принятия уполномоченными органами соответствующих нормативных правовых актов.

2.2. Внутреннее законодательство

Еще одним свидетельством обязательности положений протоколов межгосударственных комиссий по рыболовству с момента их подписания, а не с момента издания специального приказа Росрыболовства выступают нормы внутригосударственных актов, в частности постановлений Правительства РФ от 25 августа 2008 г. №643 [17] и от 22 октября 2008 г. №775 [18].

Так, в названных постановлениях говорится не только о международных договорах, но и о таком виде документов в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов, как «решения (протоколы), принимаемые на заседаниях (сессиях) международных смешанных комиссий, созданных в соответствии с международными договорами РФ», а также «протоколы комиссий, созданных в соответствии с международными договорами Российской Федерации в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов». В каждом из обозначенных постановлений Правительство РФ относит подобные решения (протоколы) к непосредственно действующим, обязательным к применению независимо от дополнительных актов Росрыболовства – в первом случае на основании таких документов готовится объявление о подготовке и заключении договоров в отношении водных биоресурсов открытого моря и соответствующих районов действия международных договоров, во втором – закрепленный в протоколах порядок выдачи и регистрации разрешений на добычу (вылов) водных биоресурсов обладает большей юридической силой по сравнению с порядком, установленным Правительством РФ.

Тем самым Правительство РФ не проводит различий между актами и решениями международных комиссий в области рыболовства и международными договорами в этой же сфере регулирования с точки зрения их обязательности и непосредственности действия.

Более того, с 14.03.2020, то есть с даты принятия Закона о поправке к Конституции РФ №1-ФКЗ [19] статья 79 Конституции РФ дополнена положением, согласно которому решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат применению. Во исполнение названной конституционной поправки были внесены соответствующие дополнения во многие другие законы, в том числе в п. 4 ст. 5 Федерального закона от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ, который имеет аналогичное содержание. Из этого можно заключить, что по общему правилу, если не будет установлено противоречие Конституции РФ, решения межгосударственных органов, основанные на международных договорах Российской Федерации, являются обязательными к применению на территории России без дополнительных условий.

Наконец, еще одним доводом в пользу отстаиваемой нами позиции выступает поддержанный Советом Федерации в упоминавшемся выше докладе (постановление от 08.02.2006 №36-СФ) принцип правового положения нератифицированных межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров. Во-первых, они входят в отечественную правовую систему, поскольку ратификация требует только ограниченное число международных договоров, затрагивающих особо важные общественные отношения, критерии для определения которых перечислены в ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ, остальные договоры применяются без ратификации. Во-вторых, согласно обозначенному принципу в иерархии источников права нератифицированные международные договоры приравниваются к подзаконным актам, так как не могут обладать большей юридической силой, чем законы, поскольку согласие на их обязательность не требует принятия федерального закона (не с помощью ратификации). В итоге применение указанного принципа приводит к следующим последствиям – при возникновении коллизии между нормами федерального закона и нератифицированного международного договора подлежит применению закон, а если коллизия возникает между внутригосударственным подзаконным актом и нератифицированным международным договором – последний обладает большей юридической силой, если соответствующий подзаконный акт принят тем же государственным органом, который подписал международный договор, либо нижестоящим органом власти.

Таким образом, и в судебной практике, и в доктрине, и в действующем законодательстве имеются явные свидетельства того, что протоколы международных комиссий по вопросам рыболовства, по общему правилу должны применяться непосредственно с момента принятия без специальной имплементации подзаконным актом. Причем справедливость этого утверждения не зависит от квалификации таких протоколов с точки зрения источников международного права – как части международных договоров или самостоятельных решений межгосударственных органов, для любой квалификации имеется нормативно-правовое и доктринальное обоснование непосредственности применения.

Заключение

По итогам проведенного анализа удалось прийти к следующим выводам.

1. В практике правоприменительных органов встречается позиция, согласно которой протоколы межгосударственных комиссий в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов сами по себе не имеют обязательной юридической силы, пока их положения не будут имплементированы в действующее законодательство РФ посредством принятия отдельного приказа Росрыболовства.

2. Материалы судебной практики позволяют судить о том, что суды не склонны поддерживать вышеуказанную правовую позицию, признавая протоколы межгосударственных комиссий непосредственно действующими и обладающими юридической силой сразу с момента подписания уполномоченным государственным органом.

3. В пользу непосредственного действия протоколов и актов межгосударственных комиссий в области рыболовства также свидетельствует презумпция самоисполнимости международно-правовых норм, поддержанная Советом Федерации Федерального Собрания РФ, в силу которой положения любого источника международного права (договора, решения международного органа и др.), в отношении которого уполномоченным российским государственным органом (организацией) выражено согласие на обязательность его действия для Российской Федерации, признаются частью отечественной системы права, то есть включаются в действующее законодательство непосредственно с момента выражения указанного согласия. Если правоприменитель отказывается в применении того или иного международно-правового положения, он должен мотивировать и обосновать свой отказ. Иными словами, по умолчанию в области применения протоколов и иных актов двухсторонних и многосторонних международных комиссий действует опровержимая презумпция самоисполнимости.

4. В действующем позитивном праве имеются положения, свидетельствующие о признании законодательными органами и Правительством РФ самоисполнимости протоколов межгосударственных комиссий по вопросам рыболовства. Исходя из указанных положений, непосредственное действие положений таких протоколов не зависит от того, признавать их международными договорами или решениями межгосударственных органов, они в любом случае являются источниками международного права, применяемыми на территории Российской Федерации.

5. Протоколы межгосударственных комиссий, подписанные уполномоченными представителями Росрыболовства от имени Российской Федерации, применяются в отсутствие внутреннего регулирования схожих вопросов либо при наличии противоречий (коллизий) между ними и подзаконными актами Росрыболовства, в иных случаях, например, при коллизиях с подзаконными актами вышестоящих государственных органов (Правительства РФ, Президента РФ и др.) или с федеральными законами – подлежат применению соответствующие вышестоящие внутригосударственные нормативные правовые акты.

Литература

1. Перечень международных договоров Росрыболовства. URL: <https://fish.gov.ru/otkrytoe-agentstvo/otkrytye-dannye/perechen-mezhdunarodnyh-dogovorov/> (дата обращения: 10.10.2022)

2. Международное сотрудничество Росрыболовства. URL: <https://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 10.10.2022)

3. Система «Электронное правосудие»: <https://kad.arbitr.ru/Card/2df8c7d2-ce58-4230-8d41-262de6cbf944> (дата обращения: 15.10.2022)

4. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 9 января 2020 г. № 1 «Об утверждении правил рыболовства для Азово-Черноморского рыбохозяйственного бассейна». 149 стр. // СПС «Гарант».

5. Протокол XXXII сессии Российско-Украинской Комиссии по вопросам рыболовства в Азовском море. 8 стр. // СПС «Гарант».

6. Приказ Росрыболовства от 31.03.2021 №157 «О мерах по выполнению решений XXXII сессии Российско-Украинской Комиссии по вопросам рыболовства в Азовском море». 82 стр. // СПС «Гарант».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 г. № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Издательство «Юридическая литература», 01 января 2011. № 1. С. 5 – 10.

8. Решение Мурманского областного суда от 22 августа 2016 г. по делу № 21-358/2016. 5 стр. // СПС «Гарант».

9. Постановление Верховного Суда РФ от 5 августа 2015 г. № 307-АД15-8688. 2 стр. // СПС «Гарант».

10. Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия // Журнал российского права. 2017. № 12. декабрь С. 160 – 173.

11. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.). 26 стр. // СПС «Гарант».

12. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 03 мая 1999, N 18, ст. 2207.

13. Международная Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (Брюссель, 29 ноября 1969 г.). 10 стр. // СПС «Гарант».

14. Агешкина Н.А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Специально для системы ГАРАНТ. 2013 г. 159 стр. // СПС «Гарант».

15. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» – пункт 3 статьи 5 // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 17 июля 1995, N 29, ст. 2757. 17 с.

16. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 февраля 2006 г. № 36-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации». 269 стр. // СПС «Гарант».

17. Постановление Правительства РФ от 25 августа 2008 г. № 643 «О подготовке и заключении договора пользования водными биологическими ресурсами, общий допустимый улов которых не устанавливается». 7 стр. // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 01 сентября 2008, N 35, ст. 4039.

18. Постановление Правительства РФ от 22 октября 2008 г. № 775 «Об оформлении, выдаче, регистрации, приостановлении действия и аннулировании разрешений на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, а также о внесении в них изменений». 9 стр. // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 27 октября 2008, N 43, ст. 4953.

19. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». 22 стр. // Собрание законодательства Российской Федерации. Издательство "Юридическая литература", 16 марта 2020, N 11, ст. 1416.

References

1. Perechen' mezhdunarodnyh dogovorov Rosrybolovstva. URL: <https://fish.gov.ru/otkrytoe-agentstvo/otkrytye-dannye/perechen-mezhdunarodnyh-dogovorov/> (data obrashcheniya: 10.10.2022)

2. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo Rosrybolovstva. URL: <https://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/> (data obrashcheniya: 10.10.2022)

3. Sistema «Elektronnoe pravosudie»: <https://kad.arbitr.ru/Card/2df8c7d2-ce58-4230-8d41-262de6cbf944> (data obrashcheniya: 15.10.2022)

4. Prikaz Ministerstva sel'skogo hozyajstva RF ot 9 yanvary 2020 g. № 1 «Ob utverzhdenii pravil rybolovstva dlya Azovo-CHernomorskogo rybohozyajstvennogo bassejna». 149 str. SPS «Garant».

5. Protokol XXXII sessii Rossijsko-Ukrainskoj Komissii po voprosam rybolovstva v Azovskom more. 8 str. SPS «Garant».

6. Prikaz Rosrybolovstva ot 31.03.2021 №157 «O merah po vypolneniyu reshenij XXXII sessii Rossijsko-Ukrainskoj Komissii po voprosam rybolovstva v Azovskom more». 82 str. SPS «Garant».

7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 noyabrya 2010 g. № 27 «O praktike rassmotreniya del ob administrativnyh pravonarusheniyah, svyazannyh s narusheniem pravil i trebovanij, reglamentiruyushchih rybolovstvo». Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. Izdatel'-stvo «YUridicheskaya literatura», 01 yanvary 2011. № 1. S. 5 – 10.

8. Reshenie Murmanskogo oblastnogo suda ot 22 avgusta 2016 g. po delu № 21-358/2016. 5 str. SPS «Garant».

9. Postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 5 avgusta 2015 g. № 307-AD15-8688. 2 str. SPS «Garant».
10. Osminin B.I. Prioritetnoe primenenie mezhdunarodnyh dogovorov v nacional'noj pravovoj sisteme: usloviya i posledstviya. ZHurnal rossijskogo prava. 2017. № 12. dekabr' S. 160 – 173.
11. Konvenciya OON o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov (Vena, 11 aprelya 1980 g.). 26 str. SPS «Garant».
12. Kodeks torgovogo moreplavaniya Rossijskoj Federacii ot 30 aprelya 1999 g. № 81-FZ. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. Izdatel'stvo "YUridicheskaya literatura", 03 maya 1999, N 18, st. 2207.
13. Mezhdunarodnaya Konvenciya o grazhdanskoj otvetstvennosti za usherb ot zagryazneniya neft'yu (Bryussel', 29 noyabrya 1969 g.). 10 str. SPS «Garant».
14. Ageshkina N.A. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 15 iyulya 1995 g. № 101-FZ «O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii». Special'no dlya sistemy GARANT. 2013 g. 159 str. SPS «Garant».
15. Federal'nyj zakon ot 15 iyulya 1995 g. № 101-FZ «O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii» – punkt 3 stat'i 5. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. Izdatel'stvo "YUridicheskaya literatura", 17 iyulya 1995, N 29, st. 2757. 17 s.
16. Postanovlenie Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya RF ot 8 fevralya 2006 g. № 36-SF «O doklade Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii 2005 goda «O sostoyanii zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii». 269 str. SPS «Garant».
17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25 avgusta 2008 g. № 643 «O podgotovke i zaklyuchenii dogovora pol'zovaniya vodnymi biologicheskimi resursami, obshchij dopustimyj ulov kotoryh ne ustanavlivaetsya». 7 str. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. Izdatel'stvo "YUridicheskaya literatura", 01 sentyabrya 2008, N 35, st. 4039.
18. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 22 oktyabrya 2008 g. № 775 «Ob oformlenii, vydache, registracii, postanovlenii dejstviya i annullirovanii razreshenij na dobychu (vylov) vodnyh biolo-gicheskikh resursov, a takzhe o vnesenii v nih izmenenij». 9 str. Sobranie zakonodatel'stva Rossij-skoj Federacii. Izdatel'stvo "YUridicheskaya literatura", 27 oktyabrya 2008, N 43, st. 4953.
19. Zakon Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti». 22 str. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. Izdatel'stvo "YUridicheskaya literatura", 16 marta 2020, N 11, st. 1416.

Географические указания и наименования мест происхождения товаров как инструмент развития регионов

**Бродников А.С.,
Новосибирский государственный университет**

***Аннотация:** в условиях развития внутреннего рынка особое значение приобретает защита географических указаний и наименований мест происхождения товаров как инструментов развития отечественных производителей в регионах Российской Федерации. Целью работы является исследование влияния географических указаний и наименований мест происхождения товаров на развитие производства и туризма в регионах. В работе были сформулированы основные проблемы, возникающие при использовании и охране географических обозначений. Определены основные способы охраны географических указаний и наименований мест происхождения товаров субъектами малого и среднего предпринимательства. Проанализирована судебная практика по спорам, связанным с разграничением географических указаний и наименований мест происхождения товаров от других средств индивидуализации. Выявлен приоритет географических указаний и наименований мест происхождения товаров над товарными знаками, что, по мнению автора, положительно влияет на сохранение и укрепление особой ценности региональных брендов для местных производителей. Сделаны выводы об особом значении географических обозначений для регионов, производящих крепкие напитки. Исследованный в работе зарубежный опыт показал, что предоставление охраны географическим указаниям и наименованиям мест происхождения товаров повышает инвестиционную привлекательность региональных брендов. Инвестиционная привлекательность позволяет обеспечить стабильное развитие субъектам малого и среднего бизнеса, что в свою очередь приводит к образованию новых рабочих мест, созданию новых продуктов, развитию туризма и т.д.*

***Ключевые слова:** товарный знак, обозначение, правовая охрана, PGI, географическое указание, незаконное использование, средство индивидуализации, бренд*

Для цитирования: Бродников А.С. Географические указания и наименования мест происхождения товаров как инструмент развития регионов // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 22 – 27.

Geographical indications and designations of origin of goods as a tool for regional development

**Brodnikov A.S.,
Novosibirsk State University**

***Abstract:** in the context of the development of the domestic market, the protection of geographical indications and appellations of origin of goods as tools for the development of domestic producers in the regions of the Russian Federation is of particular importance. The aim of the work is to study the influence of geographical indications and appellations of origin of goods on the development of production and tourism in the regions. The paper formulated the main problems arising in the use and protection of geographical indications. The main methods of protection of geographical indications and appellations of origin of goods by small and medium-sized businesses are determined. The jurisprudence on disputes related to the delimitation of geographical indications and appellations of origin of goods from other means of individualization is analyzed. The priority of geographical indications and appellations of origin over trademarks is revealed, which, in the author's opinion, has a positive effect on the preservation and strengthening of the special value of regional brands for local producers. Conclusions are drawn about the special significance of geographical designations for regions producing strong drinks. The foreign experience studied in the work has shown that the provision of protection to geographical indications and appellations of origin of goods increases the investment attractiveness of regional brands. Investment attractiveness allows to ensure stable development of the subjects small and medium-sized businesses, which in turn leads to the creation of new jobs, the creation of new products, the development of tourism, etc.*

***Keywords:** trademark, designation, legal protection, PGI, geographical indication, illegal use, means of individualization, brand*

For citation: Brodnikov A.S. Geographical indications and designations of origin of goods as a tool for regional development. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 22 – 27.

Географические указания (далее – ГУ) и наименования мест происхождения товаров (далее – НМПТ) представляют повышенный интерес для исследователей в области права ввиду экономических преимуществ, которые данные инструменты могут дать для развития малого и среднего бизнеса. Дальнейшее развитие гражданского законодательства формирует потребность изучать такие институты как с научной, так и с практической точки зрения.

Целью введения в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] института ГУ являлось создание более благоприятной среды для развития российских региональных брендов. По нашему мнению, эта цель оправдана тем, что НМПТ долгое время оставалось непопулярным среди региональных производителей, в то время как фактически количество региональных брендов намного больше.

Вместе с тем производители продолжают заявлять обозначения на НМПТ, поскольку с 2019 года Роспатент активно информирует общество об особой ценности данных средств индивидуализации как эффективных механизмов развития и повышения известности не столько самих производителей уникальной национальной продукции, сколько регионов России.

По данным Роспатент на сентябрь 2022 года зарегистрировано 297 ГУ и НМПТ, среди которых 30 свидетельств приходится на ГУ. Кроме того, зарубежный опыт активного применения ГУ и НМПТ во многих странах, а также планомерное развитие и продвижение института ГУ и НМПТ в рамках Лиссабонской системы охраны НМПТ и ГУ дополнительно привлекает внимание производителей и законодателей к данным объектам. На сегодняшний день ГУ и НМПТ достаточно распространены в мировой практике – например в странах в Европе имеются сведения о 3 000 географических указаний. Лидеры по количеству зарегистрированных указаний – это Италия и Франция.

ГУ и НМПТ – особые объекты, индивидуализирующие конкретные товары. Возможность защиты этих объектов интересует не только собственников: правовая охрана важна для развития культуры и экономики региона, что проявляется в разных аспектах. Для предоставления охраны конкретному НМПТ или ГУ следует рассмотреть условия создания товара на определенной территории. Такие особенности повышают историко-культурное значение производимой продукции. Наиболее отчетливо культурно-историческая ценность проявляется у изделий народного промысла. Российскому потребителю хорошо известны такие изделия, как Гжель (НМПТ №2), Мстёра (НМПТ №38), Павлопосадский платок (НМПТ №123), Хохлома (НМПТ № 13) и другие изделия, которые по праву есть достояние многонационального русского населения. ГУ и НМПТ являются средствами сохранения традиционной культуры.

В соответствии с действующим законодательством срок охраны является неограниченным, то есть, защита объекта будет продолжаться до тех пор пока существует реальная, объективная возможность продолжать создание конкретного товара с определенными свойствами, указанными в реестре при закреплении ГУ и НМПТ.

На территории обозначенного объекта исключительное право будет действовать ровно 10 лет. При этом продлевать срок действия допустимо неограниченное число раз. Поскольку охрана традиционных выражений культуры не ограничена во времени, сохраняются и традиционные знания, рецепты и технологии. Сам факт охраны ГУ и НМПТ означает признание особой ценности изделий и продуктов народов региона, что способствует не только их сохранению для будущих поколений, но и получению дополнительного дохода от народного промысла [11].

Проявлением культуры многонационального народа России считаются также и продукты питания. Одними из самых известных являются Тульский пряник (НМПТ №32), Минеральная вода «Нарзан» (НМПТ №35), Астраханский арбуз (НМПТ №111), грузинское вино Киндзмараули (НМПТ №149) и др. Маркировка данных товаров с указанием на их защищенность режимом НМПТ привлекает внимание к национальному товару, повышает на него спрос среди отечественных и зарубежных потребителей.

Стоит указать, что НМПТ используется для обозначений, обладающих широкой и давно сформировавшейся известностью. Рассмотрим известный Тульский пряник. История производства этого пряника берет начало с XVII века и до сегодняшнего дня Тульский пряник остается одним из самых известных кондитерских изделий России. Богатая и долгая история национальных изделий также способствует повышению туристической привлекательности регионов. Программы экскурсий по заводам, фабриками, мастерским, например, экскурсии на заводы по изготовлению гжельских фарфоровых изделий, в мастерскую жостовской росписи – это уникальная возможность для туристов всех возрастов познакомиться с историей и культурой своей страны.

Правовой режим охраны ГУ позволяет региональным производителям выходить на рынок даже в том случае, если их товар не настолько широко известен потребителям, как НМПТ. Это значит, что товар, маркируемый ГУ, мог появиться относительно недавно или ранее был не способен отвечать иным критериям охраноспособности НМПТ. Так, в августе 2022 г. было зарегистрировано ГУ №293 «Федосихинские пель-

мени», уникальный рецепт которых, основан на давних традициях. Федосихинские пельмени заняли I место на втором Национальном конкурсе региональных брендов продуктов питания «Вкусы России-2021» и тем самым привлекли внимание общественности к данному продукту.

Географические обозначения привлекают внимание потребителя не только к конкретному продукту, но и к месту производства – российскому региону. Рассмотрим эту связь на примере одного из известных обозначений, зарегистрированного в марте 2021 – географическое обозначение №261 «Мацеста чай». Он выращивается рядом с рекой Мацеста, в районе с одноименным санаторием. Производители чая устраивают экскурсии на чайные плантации, что дополнительно повышает туристическую привлекательность и так популярного среди граждан России Краснодарского края.

Введение ГУ в ГК РФ позволило обеспечить правовую охрану тем обозначениям, которые были зарегистрированы в другой стране в соответствии с Лиссабонской системой (например, в США охраняется обозначение «OIDAHO» для картофеля), в рамках режима PGI в Европейском союзе. На данный момент иностранными ГУ стали: ГУ №259 «Korean Red Ginseng» («Корейский красный женьшень») от 2021 и ГУ №278 «Napa Valley» в январе 2022.

Возможность предоставления иностранным ГУ правовой охраны до изменений ГК РФ была затруднительна. Известный пример – американский бренд «Napa Valley» для вин: изначально служба по интеллектуальной собственности не стала оформлять документы для указанного обозначения [9], поскольку, по мнению регистрирующего органа, защита в рамках американской юрисдикции не соответствовала требованиям к НМПТ по ГК РФ. Суд также не согласился с позицией производителя вина и снова отказал в регистрации в качестве НМПТ. Однако в настоящее время марка «Napa Valley» все-таки зарегистрирована.

Аналогичная ситуация произошла с брендом «EMILIA» номер дела №2014721690. Роспатент в 2017 также не предоставил итальянскому заявителю правовую охрану режима PGI, поскольку защита ГУ в стране происхождения (Италия) не подтверждает факт его правовой охраны в качестве НМПТ [10]. Суд по интеллектуальным правам РФ так же указал, что охрана обозначения режимом PGI и в рамках Лиссабонского соглашения 1958 г. по общим признакам соответствует режиму охраны НМПТ в России [8].

Интерес рядового потребителя к уникальным и особенным продуктам, культуре своей страны и ее многонационального народа способствует, прежде всего, экономическому развитию региона. Распространение товаров под знаком защищенных законом географических наименований знакомит потребителя с качественной отечественной продукцией, завоевавшей определенный уровень доверия. Зарубежный опыт, в свою очередь, показал, что предоставление охраны ГУ и НМПТ повышает инвестиционную привлекательность региональных брендов [16]. Инвестиционная привлекательность позволяет обеспечить стабильное развитие субъектам малого и среднего бизнеса, что в свою очередь приводит к образованию новых рабочих мест, созданию новых продуктов, развитию туризма и т.д.

ГУ и НМПТ являются маркетинговыми инструментами, повышающими уровень конкурентоспособности и известности региона. Среди наиболее известных обозначений, завоевавших репутацию на международном рынке, можно выделить итальянскую Пармскую ветчину, французский Коньяк, бананы «Banano de Costa Rica», грузинские вина, чешское пиво – все это является визитной карточкой страны и региона. Повышению конкурентоспособности способствует и выход на международный рынок путем регистрации наименований в рамках Лиссабонской системы охраны географических наименований.

В то же время, как отмечает В.И. Еременко, необходимо понимать, что ГУ и НМПТ сами по себе не являются единственно действенными инструментами по продвижению региональных брендов, поскольку для создания прибыльного регионального бренда требуется всесторонняя и системная работа по его развитию, что включает в себя масштабное рекламирование и привлечение инвестиций [13].

Поддержке региональных производителей способствует непосредственно предоставляемый режим охраны ГУ и НМПТ. Известно, что по нормам ст. 1518 ГК РФ правовая охрана возникает с момента регистрации и выдачи свидетельства о предоставлении исключительного права. Это единственный документ, удостоверяющий полномочия правообладателя. Соответственно отсутствие свидетельства, говорит о незаконном использовании обозначения. Стоит отметить, что такую продукцию достаточно легко выявить, потому ГУ и НМПТ обладают конкретным уровнем репутации и легко узнаваемы среди товаров иных производителей.

Сами производители региональных товаров отмечают, что появление в законе ГУ позволяет обращать внимание потребителя к оригинальным продуктам, в частности, к специальной маркировке [14]. Кроме того, «мягкие» требования к регистрации ГУ, небольшой размер пошлин сподвигнут бизнес на более активное использование нового механизма защиты ради повышения узнаваемости собственных брендов.

Развитие и расширение производства способствует распространению товаров на уровне отечественного рынка. Здесь стоит отметить преимущество правового регулирования ГУ и НМПТ, которое направлено на

поддержку производителей. Благодаря поправкам, которые были внесены в параграф 3 главы 76 части 4 ГК РФ в совокупности с применением положений ст. 1518 ГК РФ допускается совладение правом через возможность специального субъекта, ассоциации или объединения производителей, направить заявку на предоставление регистрации как ГУ, так и НМПТ. Ранее зарегистрировать НМПТ имело возможность только одно лицо, сейчас – объединение лиц [16]. Преимуществами данной нормы являются: учет интересов всех лиц, участвующих в продвижении товара; уменьшение издержек путем распределения затрат среди всех участников; совместная разработка требований к товару; возможность участия малых и средних предприятий, а также индивидуальных предпринимателей в ассоциации. Также объединению проще коллективно защищать свои исключительные права от незаконного использования защищенного обозначения третьими лицами.

Товары, на которых незаконно используется ГУ или НМПТ, признаются контрафактными. Законодательством предусмотрены различные способы защиты обозначений, а также определенные санкции за нарушение режима правовой охраны. Прежде всего, ГК РФ предусматривает возможность лица, являющегося обладателем права настаивать на изъятии и уничтожении продукции, отвечающей признакам контрафакции.

В действующем российском праве также предусмотрены меры административного и уголовного характера за проступки, связанные с незаконным использованием интеллектуальной собственности. Данные меры направлены на дополнительное поддержание рынка уникальных региональных брендов.

Более строгая мера ответственности наступает в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ), при этом учитываются комментарии, данные законодателем примечаниями к статьям, например, ст. 180 УК РФ [3]. Если схожий состав противоправного деяния закреплен в нормах Кодекса об административных правонарушениях (далее

– КоАП РФ), например, ст. 14.10 КоАП РФ. Разграничение происходит с учетом размер нанесенного ущерба. При этом обе нормы прямо не предусматривают понятие «географического указания» после его появления в ГК. В то же время п. 3 ст. 1516 ГК РФ приравнивает ГУ и НМПТ при разрешении некоторых вопросов, например, при использовании, применении, регистрации и в других случаях. Ответственность за нарушение режима правовой охраны устанавливается, равно как и для средств индивидуализации.

Правовой режим охраны средств индивидуализации устанавливается также законодательством о рекламе [12]. Охрану ГУ и НМПТ в данном случае следует рассматривать как косвенный способ регулирования (как в рамках КоАП РФ и УК РФ), поскольку в подобных законах содержатся только нормы, пресекающие незаконное использование защищенных законом географических наименований. Недобросовестная конкуренция не допускается в случае введения заблуждения в отношении НМПТ в соответствии с нормами ст. 14.2 Федерального закона «О защите конкуренции» [4].

Дополнительным инструментом продвижения региональных брендов, как мы считаем, может быть назван товарный знак (далее – ТЗ). ТЗ допускается совместное использование с ГУ и НМПТ. Для деятельности с ГУ и НМПТ подразумевается отсутствие монопольного права, поскольку указанные средства индивидуализации в виде ГУ являются общедоступными. Однако для будущих владельцев ТЗ именно этот инструмент может оказаться приемлемым, так как он никак не ограничивает права пользования на исключительное право. Впоследствии, другие лица, ранее не знакомые с режимами ГУ и НМПТ пытаются зарегистрировать ТЗ для своего географического обозначения с целью сохранения возможности для локальных производителей при указании на этикетке места производства товара, то есть, конкретного географического объекта.

Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП) выработал практику, согласно которой при возникновении вопроса о сравнении обозначения, требующего регистрации в качестве ТЗ и сходного до степени смешения с охраняемым НМПТ, не имеет правового значения однородность товаров. Это подтверждается практикой суда, например, дело № СИП-839/2019 [7]: НМПТ №3 «Вологодское кружево» было противопоставлено обозначению «Вологодская кружевница» для товаров 30 класса МКТУ по заявке №2018709818. При разрешении указанного дела судебный орган руководствовался положением пункт 7 ст. 1483 ГК РФ.

Однако важно отметить, что если лицо, заявляющее ГУ или НМПТ в ТЗ, уже обладает свидетельством на географическое обозначение, то введения потребителей в заблуждение не происходит. При этом во избежание установления монополии на географическое обозначение, НМПТ в ТЗ может быть включено только как неохраняемый объект. Такое правило создает возможность для существования комбинированных ТЗ. В комбинированных ТЗ №452165, №465041 содержится охраняемое законом НМПТ №15 «НАРЗАН»; в товарных знаках №596056, №885454 содержится охраняемое законом НМПТ № 267 «Майкопское пиво». В свидетельствах на данные и другие товарные знаки дополнительно указывается, что слова «Нарзан», «Кисловодск», «Майкопское», «Майкоп» – это элементы, которые не охраняются, что выводит слова из объема правовой охраны и позволяет другим лицам использовать их другим лицам.

Необходимо также иметь в виду, что в силу п. 5 ст. 1483 ГК РФ в рамках международных соглашений, в которых принимает участие Российская Федерация, не допускается регистрация обозначений в качестве ТЗ, позволяющих определять некоторые вина или спиртные напитки как происходящие с территории одного из государства-участника международного соглашения, если такое обозначение имеет особые свойства, качество или репутацию, связанные с местом происхождения. Таким образом, данная норма предусматривает дополнительную охрану интересов иностранных компаний, производящих спиртные напитки с использованием географических обозначений.

В деле №СИП-611/2019 заявитель подал заявку на регистрацию комбинированного географического обозначения №2018740491, включающее словосочетание «RUSSIAN BEAR», в отношении 32 и 33 классов МКТУ, в том числе в отношении водки. Роспатент отказал в предоставлении правовой охраны, так как данное обозначение было сходным до степени смешения с известным нам и охраняемым НМПТ под номером 65 «Русская водка» для товаров «водка».

При рассмотрении данного дела в суде кассационной инстанции доводы Роспатента были поддержаны [5], вследствие чего в предоставлении правовой охраны рассматриваемому выше обозначению было отказано. Производитель «RUSSIAN BEAR» ссылаясь на тот факт, что ранее им уже были зарегистрированы ТЗ со спорным обозначением (№230596, №582379, №593917), имеющие более раннюю дату приоритета, чем НМПТ «Русская водка». Президиум СИП отклонил и эти доводы со ссылкой на ст. ст. 1252, 1483 ГК РФ [6]. Следовательно можно сделать вывод о том, что наличие других более ранних ТЗ не имеет правового значения при сравнении нового ТЗ и НМПТ, каждый из которых имеет конкретную дату приоритета. Данное положение позволяет выделить еще одну линию для разграничения НМПТ от ТЗ и ГУ.

Исследование норм, регулирующих порядок предоставления правовой охраны ТЗ, ГУ и НМПТ позволяет сделать вывод о том, что практика деятельности и судебная практика стремятся установить приоритет ГУ и НМПТ над ТЗ. По нашему мнению, данная тенденция положительно влияет на сохранение и укрепление особой ценности региональных брендов для местных производителей, поскольку предоставляет им больше возможностей и, соответственно, меньше преград для продвижения национальной продукции на отечественном и мировом рынке.

Стоит отметить особое значение ГУ и НМПТ для развития винодельческих регионов и регионов, производящих крепкие спиртные напитки. Вина и крепкие спиртные напитки являются одними из самых востребованных товаров для потребителей всего мира, что зачастую приносит регионам широкую мировую известность и прибыль. К наиболее известным охраняемым географическим обозначениям для крепкой алкогольной продукции можно выделить Текилу, Бурбон, Коньяк, Киндзмараули, а также Шотландский виски, Бордо и др. Охрана ГУ для вин и крепких спиртных напитков дополнительно предусматривались еще Соглашением ТРИПС.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // Рос. газета. 2006. 22 декабря. № 289.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 декабря. № 256.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2022) // Рос. газета. 1996. 19 июня. № 114.
4. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от. 12.04.2022) // Рос. газета. 2006. 27 июля. № 162.
5. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 11 июня 2020 года № С01-281/2020 по делу № СИП-611/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.10.2022)
6. Обзор практики Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации по вопросам, связанным с применением пункта 7 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 2 октября 2020 г. № СП- 21/26) [Электронный ресурс]. URL: Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 04.10.2022)
7. Решение Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 14 февраля 2020 года по делу № СИП-839/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 12.10.2022)
8. Решение Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 24 сентября 2018 года по делу № СИП-185/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.10.2022)
9. Решение Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации от 5 декабря 2017 года № С01-111/2018 по делу № СИП-237/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.09.2022)

10. Решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. по заявке № 2014721690 [Электронный ресурс]. URL: <https://new.fips.ru/> (дата обращения: 22.02.2022)
11. Географические указания – Введение [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int> (дата обращения: 29.04.2022).
12. Гунина Н.В. Охрана средств индивидуализации в XXI веке // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 1. С. 157 – 167; Еременко В.И. О введении правовой охраны географического указания в Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 2. С. 65 – 73.
13. Кирий Л.Л. Правовая охрана и продвижение региональных брендов – серьезный ресурс для развития экономики регионов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 20.09.2022)
14. Кряжева Е.Н. Проблемы защиты региональных брендов в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://ipcsmagazine.ru/> (дата обращения: 05.10.2022)
15. Федорцова А.С. Объекты интеллектуальной собственности // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 2. С. 287 – 290.
16. Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: учебник / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М., Изд-во Статут, 2018. 432 с.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii. Federal'nyj zakon ot 18 dek. 2006 g. № 230-FZ. Ros. gazeta. 2006. 22 dekabrja. № 289.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah. Federal'nyj zakon ot 30 dekabrja 2001 g. № 195-FZ. Ros. gazeta. 2001. 31 dekabrja. № 256.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Federal'nyj zakon ot 13 ijunja 1996 g. № 63-FZ (red. ot 05.04.2022). Ros. gazeta. 1996. 19 ijunja. № 114.
4. Federal'nyj zakon ot 26 ijulja 2006 g. № 135-FZ «O zashhite konkurencii» (red. ot. 12.04.2022). Ros. gazeta. 2006. 27 ijulja. № 162.
5. Postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam Rossijskoj Federacii ot 11 ijunja 2020 goda № S01-281/2020 po delu № SIP-611/2019 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (data obrashhenija: 22.10.2022)
6. Obzor praktiki Suda po intellektual'nym pravam Rossijskoj Federacii po voprosam, svjazannym s primeneniem punkta 7 stat'i 1483 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (utv. postanovleniem prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 2 oktjabrja 2020 g. № SP- 21/26) [Jelektronnyj resurs]. URL: Spravochnaja pravovaja sistema «Garant» (data obrashhenija: 04.10.2022)
7. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam Rossijskoj Federacii ot 14 fevralja 2020 goda po delu № SIP-839/2019 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (data obrashhenija: 12.10.2022)
8. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam Rossijskoj Federacii ot 24 sentjabrja 2018 goda po delu № SIP-185/2018 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (data obrashhenija: 22.10.2022)
9. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrja 2017 goda № S01-111/2018 po delu № SIP-237/2017 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (data obrashhenija: 15.09.2022)
10. Reshenie Federal'noj sluzhby po intellektual'noj sobstvennosti Rossijskoj Federacii ot 22 dekabrja 2017 g. po zajavke № 2014721690 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://new.fips.ru/> (data obrashhenija: 22.02.2022)
11. Географические указания – Введение [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.wipo.int> (data obrashhenija: 29.04.2022).
12. Gunina N.V. Ohrana sredstv individualizacii v XXI veke. Voprosy ustojchivogo razvitija obshhestva. 2021. № 1. S. 157 – 167; Eremenko V.I. O vvedenii pravovoj ohrany geograficheskogo ukazaniya v Rossijskoj Federacii. Gosudarstvo i pravo. 2021. № 2. S. 65 – 73.
13. Kirij L.L. Pravovaja ohrana i prodvizhenie regional'nyh brendov – ser'eznyj resurs dlja razvitija jekonomiki regionov [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.garant.ru> (data obrashhenija: 20.09.2022)
14. Krjazheva E.N. Problemy zashhity regional'nyh brendov v Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://ipcsmagazine.ru/> (data obrashhenija: 05.10.2022)
15. Fedorcova A.S. Ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti. Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 2. S. 287 – 290.
16. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Т. 3. Sredstva individualizacii: uchebник. Pod obshh. red. L.A. Novose-lovoj. М., Izd-vo Statut, 2018. 432 s.

**Тенденции воплощения современной интерпретации понятия
«формальная определенность права»**

**Вуйчич О.В., преподаватель,
Колледж Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции**

***Аннотация:** одним из важнейших конституционных требований к правовому закону является требование его правовой определенности. Однако данное требование не ограничивается определенностью правовой формы, но предполагает учет материального или фактического аспекта определенности права. В статье проводится теоретический анализ терминов формальная определенность права, постиндустриальное общество, информационное общество. В статье рассматривается правовая определенность через дихотомию ее формального и материального аспектов. Представляется, что возникновение неопределенности в праве напрямую связано с процессом толкования формально определенных абстрактных норм права, где на первый план выходит проблема субъективности толкования. Рассматриваемый в процессуальном праве принцип *res judicata* также имеет своей целью достижение стабильности правового регулирования общественных отношений; но уже не на уровне системы права в целом, а на локальном уровне конкретного правоотношения. Характерный для отечественной юриспруденции подход к праву как форме не является гносеологически бесспорным. Различные аспекты формальной и фактической определенности в праве, а также обосновывает необходимость расширения инструментальной базы науки теории права и конституционного права. В частности, в качестве одной из перспективных гносеологических парадигм выступает социокультурный подход к праву.*

***Ключевые слова:** правовая определенность, формальная определенность, определенность правового статуса, социокультурный подход*

Для цитирования: Вуйчич О.В. Тенденции воплощения современной интерпретации понятия «формальная определенность права» // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 28 – 31.

Trends in the implementation of the modern interpretation of the concept of «formal certainty of law»

**Vuychich O.V., Lecturer,
College of the Russian State University of Justice in Sochi**

***Abstract:** one of the most important constitutional requirements for a legal law is the requirement of its legal certainty. However, this requirement is not limited to the certainty of the legal form, but involves taking into account the material or factual aspect of the certainty of law. The article provides a theoretical analysis of the terms formal certainty of law, post-industrial society, information society. The article examines legal certainty through the dichotomy of its formal and material aspects. It seems that the emergence of uncertainty in law is directly related to the process of interpreting formally defined abstract norms of law, where the problem of subjectivity of interpretation comes to the fore. The principle of *res judicata*, considered in procedural law, also aims to achieve stability of the legal regulation of public relations; but no longer at the level of the legal system as a whole, but at the local level of a specific legal relationship. The author comes to the conclusion that the approach to law as a form characteristic of Russian jurisprudence is not epistemologically indisputable. Various aspects of formal and factual certainty in law, and also substantiates the need to expand the instrumental base of the science of the theory of law and constitutional law. In particular, the sociocultural approach to law is one of the promising epistemological paradigms.*

***Keywords:** legal certainty, formal certainty, certainty of legal status, socio-cultural approach*

For citation: Vuychich O.V. Trends in the implementation of the modern interpretation of the concept of «formal certainty of law». International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 28 – 31.

Современная интерпретация формальной определённости в контексте права получает значительное теоретическое и практическое значение. Это происходит, потому что поиск интерпретации понятия «формальная определенность права» напрямую связан с явлением юридических конфликтов и правовых споров. В связи с этим Суд по правам человека в Европе и Конституционный Суд Российской Федерации сделали заключение о праве на существование термина «принцип правовой определенности». Рассматриваемая про-

блема требует пояснения, является ли «формальная определенность права» принципом права или это феномен другого характера, и какие его существенные стороны.

Если мы обратимся с данным вопросом к российской теории права, станет понятно, что единого мнения по определению данного понятия нет.

Принцип правовой определенности наиболее широко рассматривается Т.М. Пряхиной, которая полагает, что данный принцип – это совокупность дополняющих друг друга требований, которым закон должен отвечать в полной мере, а также постулатов и правил законотворческой деятельности [1].

Т.Н. Назаренко и В.И. Анишина соотносят понятие «принципа правовой определенности» с понятием «формальной определенности» [2].

По мнению Е.А. Борисовой сущность данного принципа заключается в том, чтобы соблюдать определённые требования непосредственно устойчивости судебных актов [3].

Можно обобщить вышеназванные определения отечественных правоведов и представить такое определение «формальной определенности права», которое подразумевает наиболее точное значение, которое в свою очередь приводит к тем обстоятельствам, которые будут иметь правовые последствия, а также чёткое указание участников и сущность санкций за их нарушение [4].

В соответствии с вышесказанным, с анализом мнений различных отечественных правоведов, можно прийти к выводу, что принцип правовой определенности представляет собой особое социальное явление, за основу которого взяты определённые, правовые принципы. Необходимо обратить внимание на более подробное описание неопределённости в праве, её проявления и на средства для преодоления неопределённости.

Неопределенность в праве – это ситуация, когда правовые нормы оказываются неоднозначными или непонятными, что ведет к возможности для различных интерпретаций и спорных ситуаций при их применении. Это часто возникает в связи с тем, что законодательство не учитывает всех возможных сценариев и не может предусмотреть все нюансы конкретной ситуации. Однако, суд и применение закона часто позволяют разрешить непонятности, определив конкретный смысл и понимание той или иной нормы.

На основании философского учения Г.-В. Гегеля «субстанциональная воля» общества является смысло-содержащим и объективированным источником права, который в свою очередь воплощается в государственном строе и праве [5].

Э. Бетти писал, что акт толкования непосредственно предполагает интерпретатора в качестве мыслящего и живого духа, а также дух в смылосодержащих и объективированных формах, как у Г. Гегеля, которые, как правило, необходимо понимать в соответствии с их начальным предназначением [6].

Таким образом, толкование права зависит во многих случаях от мыслей субъекта толкования, в котором отражаются непосредственно этические ценности желания и субъективные цели самого толкователя относительно итога определения понятия.

Могут возникнуть конфликтные определения правовых предписаний ввиду того, что право определяют различные учёные, которые имеют противоречащие требования и интересы к определению непосредственно самого понятия. Следовательно, в истинной ситуации правового регулирования общественных отношений субъективная неопределенность выступает в качестве неопределённости права.

Однако личностная неопределенность в праве относится к ситуациям, когда в правовых отношениях не удается установить четких и однозначных субъектов правоотношений. Такая неопределенность может возникать при рассмотрении специфических случаев, например, в контексте наследства, прав на муниципальную или государственную собственность, либо прав на интеллектуальную собственность. Обладание правом в таких случаях может быть затруднено из-за того, что правовые нормы или установления могут быть неясными, двусмысленными или противоречивыми.

Принцип "res judicata" является одним из центральных принципов процессуального права и заключается в том, что решение, принятое по делу однажды, не может быть пересмотрено второй раз в том же или связанном с ним деле. Это означает, что второе дело на ту же тему, в котором уже было принято решение, должно быть рассмотрено и решено в соответствии с уже установленными фактами и правовыми выводами, несмотря на возможные изменения обстоятельств. Принцип "res judicata" основан на принципе стабильности правосудия и является инструментом обеспечения законности и предсказуемости в правоприменительной деятельности.

Можно предположить о существовании дискуссии о том, что необходимо объединить существующие в российском праве, правоприменительной практики и законодательстве принципы права в единый объединяющий принцип.

В свою очередь отражается в многообразии коммуникативной практики всеобщность современного общества. Устойчивость различных общественных отношений необходима для передачи общества, его культурного и социального строя, именно поэтому необходимо включить в круг приоритетных задач [9].

Принцип правовой определенности – это один из основных принципов государства права, закрепленный в Конституции многих стран мира. Он подразумевает, что законы должны быть ясными, однозначными и предсказуемыми, чтобы люди могли знать, как им следует действовать и какие последствия могут ожидать в случае нарушения закона. Также этот принцип означает, что государственные институты, включая суды и правоохранительные органы, должны применять законы постоянно и последовательно, не допуская различий или толкований, которые могут привести к несправедливости или нарушению прав граждан.

Существует материальная и формальная сторона явления правовой определенности. Формальная определенность права обеспечивает стабильное правовое регулирование общественных отношений. В таком случае необходимо уточнить, что это должно проявляться в единообразном понимании, применении и толковании права. Это уже относится к осуществлению материальной стороны правовой определенности.

Таким образом, стабильное правовое регулирование общественных отношений может быть только тогда, когда осуществлено общее понимание существующего права. Следовательно, преодоление неопределенности вправе приведет именно к общему пониманию существующего права.

Достижение стабильности регулирования общественных отношений в плане права становится возможным также и при применении принципа *res judicata*.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

- 1) принцип правовой определенности – это особое социальное явление, которое в свою очередь отражает стабильность имеющихся общественных отношений;
- 2) реализация стабильности правового регулирования общественных отношений становится возможным лишь при едином понимании существующего права, то есть, если преодолена неопределенность в праве;
- 3) отражение принципа правовой определенности находится среди принципов права, которые направлены на стабильность правового регулирования общественных отношений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Венская Конвенция о праве международных договоров: принята в Вене 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
3. Всеобщая Декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. 1995. 5 апреля.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: принята в Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 01 янв. 1990 г., 06 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах (вместе с «Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах»): принят 16 дек. 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сент. 1973 г. № 4812-VIII // Ведомости Верховного Суда СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
6. Протокол № 7 от 22 нояб. 1984 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ETS № 117. Ратифицирован Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ. Вступил в силу 1 ноября 1998 г. // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3835.
7. О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435. 464
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо, 2017. 250 с.
9. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28 дек. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
10. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
11. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31 января 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

12. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

13. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 15 февраля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

14. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

15. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 1 (часть I). Ст. 2.

References

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii: prinjata vsenarodnym golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm. i dop. ot 30 dek. 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dek. 2008 g. № 7-FKZ, ot 5 fev. 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 ijulja 2014 g. № 11-FKZ). Sobr. zakonodatel'stva RF. 2014. № 31. St. 4398.

2. Venskaja Konvencija o prave mezhdunarodnyh dogovorov: prinjata v Vene 23 maja 1969 g. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1986. № 37. St. 772.

3. Vseobshhaja Deklaracija prav cheloveka: prinjata General'noj Assambleej OON 10 dek. 1948 g. Ros. gaz. 1995. 5 aprelja.

4. Konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod: prinjata v Rime 4 nojabrja 1950 g. (s izm. i dop. ot 21 sent. 1970 g., 20 dek. 1971 g., 01 janv. 1990 g., 06 nojab. 1990 g., 11 maja 1994 g.). Sobr. zakonodatel'stva RF. 2001. № 2. St. 163.

5. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (vmeste s «Fakul'tativnym protokolom k Mezhdunarodnomu paktu o grazhdanskih i politicheskikh pravah»): prinjat 16 dek. 1966 g. Rezoljuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON. Ratificirovan Ukazom Prezidiuma VS SSSR ot 18 sent. 1973 g. № 4812-VIII. Vedomosti Verhovnogo Suda SSSR. 1976. № 17. St. 291.

6. Protokol № 7 ot 22 nojab. 1984 g. k Konvencii o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod ETS № 117. Ratificirovan Federal'nym zakonom ot 30 marta 1998 g. № 54-FZ. Vstupil v silu 1 nojabrja 1998 g. Sobr. zakonodatel'stva RF. 1998. № 31. St. 3835.

7. O koncepcii sudebnoj reformy v RSFSR: Postanovlenie Verhovnogo Soveta RSFSR ot 24 oktjabrja 1991 g. № 1801-1. Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1991. № 44. St. 1435. 464

8. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. M.: Jeksmo, 2017. 250 s.

9. O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 ijulja 1994 g. № 1-FKZ (v red. ot 28 dek. 2016 g.). Sobr. zakonodatel'stva RF. 1994. № 13. St. 1447.

10. O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 31 dekabrja 1996 g. № 1-FKZ (v red. ot 5 fevralja 2014 g.). Sobr. zakonodatel'stva RF. 1997. № 1. St. 1.

11. Ob Upolnomochennom po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 26 fevralja 1997 g. № 1-FKZ (red. ot 31 janvarja 2016 g.). Sobr. zakonodatel'stva RF. 1997. № 9. St. 1011.

12. O sudah obshej jurisdikcii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 7 fevralja 2011 g. № 1-FKZ (v red. ot 21 ijulja 2014 g.). Sobr. zakonodatel'stva RF. 2011. № 7. St. 898.

13. O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 5 fevralja 2014 g. № 3-FKZ (v red. ot 15 fevralja 2016 g.). Sobr. zakonodatel'stva RF. 2014. № 6. St. 550.

14. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj konstitucionnyj zakon «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii»: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 14 dekabrja 2015 g. № 7-FKZ. Sobr. zakonodatel'stva RF. 2015. № 51 (chast' I). St. 7229.

15. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj konstitucionnyj zakon «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii»: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 28 dekabrja 2016 g. № 11-FKZ. Sobr. zakonodatel'stva RF. 2017. № 1 (chast' I). St. 2.

Расследование терроризма: уголовно-правовые и криминалистические аспекты

Сагасты С.С.,
Московская государственная юридическая академия им.О.Е. Кутафина

Аннотация: терроризм – это многоплановое сложное и вместе с тем – крайне болезненное для всего международного сообщества следствие глобализации. На сегодняшний день в мировом сообществе сложилась сложная ситуация, сопряженная с системным противодействием этой глобальной угрозе и расследованием преступлений террористической направленности. Данная проблема обусловлена, в первую очередь, разноплановостью рассматриваемого явления.

Терроризм в нынешнем своем виде, конечно же, нельзя считать явлением новым, однако лишь в последние десятилетия терроризм стал серьёзной угрозой на глобальном уровне. Поэтому совершенно справедливо и оправданно то, что всевозможные международные организации и государства-партнеры стремятся организовать деятельность по расследованию, предотвращению и уничтожению подобного рода угрозы. В данной статье мы исследуем уголовно-правовые и криминалистические аспекты составов преступлений, сопряженных с террористической деятельностью. Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что полученные по его итогам результаты применимы как теоретическая основа для более глубокого исследования отдельных аспектов расследования преступлений террористической направленности и достижения государствами совместных результатов в области коллективной безопасности.

Ключевые слова: расследование терроризма, противодействие терроризму, криминологическая характеристика терроризма

Для цитирования: Сагасты С.С. Расследование терроризма: уголовно-правовые и криминалистические аспекты // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 32 – 38.

Terrorism investigation: criminal law and criminalistics aspects

Sagasti S.S.,
Kutafin Moscow State Law University

Abstract: terrorism is a multifaceted, complex and at the same time extremely painful consequence of globalization for the entire international community. To date, a difficult situation has developed in the world community, coupled with a systematic counteraction to this global threat and the investigation of terrorist crimes. This problem is caused, first of all, by the diversity of the phenomenon under consideration.

Terrorism in its current form, of course, cannot be considered a new phenomenon, but only in recent decades has terrorism become a serious threat at the global level. Therefore, it is absolutely fair and justified that all kinds of international organizations and partner States seek to organize activities to investigate, prevent and eliminate this kind of threat. In this article, we investigate the criminal-legal and criminalistic aspects of the elements of crimes associated with terrorist activity. The practical significance of this study lies in the fact that the results obtained from it are applicable as a theoretical basis for a deeper study of certain aspects of the investigation of terrorist crimes and the achievement of joint results by States in the field of collective security.

Keywords: terrorism investigation, counteraction to terrorism, criminological characteristics of terrorism

For citation: Sagasti S.S. Terrorism investigation: criminal law and criminalistics aspects. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 32 – 38.

Ежегодно от террористических действий в мире погибают люди, что повышает актуальность изучения и борьбы с данными явлениями. В числе наиболее крупных мировых террористических актов можно назвать подрыв башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, в результате которого погибло более 3 тысяч человек; серию взрывов на железнодорожном вокзале Аточа в Мадриде 11 марта 2004 года (погиб 191 человек, более 2 тысяч раненых); захват школы в Беслане 1 сентября 2004 года (335 погибших); террористический рейд на г. Гамбора в Нигерии 6 мая 2014 (более 300 погибших) [1].

Из относительно недавних террористических актов, совершённых в отношении граждан РФ, можно назвать подрыв над Синайским полуостровом авиационного борта А321 авиакомпании «Когалымавиа»,

летевшего из Санкт-Петербурга в Египет. В результате данной террористической операции погибло более 220 человек, а туристическое сообщение между Россией и Египтом было закрыто в связи с невозможностью гарантировать безопасность полётов [2]. Традиционно под терроризмом подразумеваются некие радикальные идеи общественного устройства, реализация которых осуществляется насильственными, общественно опасными способами [3].

Во-первых, террористическая деятельность проводится преимущественно **в рамках организованных групп**. Самыми распространенными видами таких групп, выделяемых криминалистами, являются террористическое сообщество и террористическая организация [4].

Во-вторых, такие преступления, как террористический акт, посягательство на жизнь общественного деятеля, захват заложников, организация массовых беспорядков, участие в незаконном вооружённом формировании, и т.д., квалифицируются как террористические, а также, как правило, выступают в роли формы реализации террористических идеологий [5].

Согласно Резолюции Совета Безопасности ООН №2178 (2014) злоупотребление государственной монополией на насилие признается питательной средой для терроризма, т.к. зачастую терроризм представляет собой политическую деятельность, базирующуюся на массовом использовании террора [6]. Несмотря на строго правовой статус термина «терроризм» и его присутствие во многих официальных документах, его толкование все еще является предметом дискуссии. Основная проблема терминологического определения терроризма заключается в его правильном отделении от насильственных действий, не связанных с реализацией террористических идей (движения за независимость, восстания против диктаторов и т.д.).

Анализ социально-политической обстановки в России и сопредельных государствах, содержащийся в материалах парламентских и правительственных коллегий, посланиях Президента РФ Федеральному Собранию, стратегических документах федерального уровня, нормативных правовых актах, судебной практике, научных исследованиях неопровержимо демонстрирует указание на терроризм как одну из важнейших угроз национальной безопасности РФ, ее конституционному строю, общественно-политической стабильности государства и общества.

В новейшей истории РФ пик террористической активности пришёлся на конец 1990-х – первую половину 2000-х годов в связи с проведением контртеррористических действий на территории Северного Кавказа и совершением ответных террористических действий со стороны исламистского подполья, с которым и осуществлялась данная борьба. Среди наиболее масштабных террористических актов данного периода можно обозначить захват больницы в Буденновске в 1995 году (195 погибших), подрывы жилых домов в Москве и Волгодонске в 1999 году (307 погибших), рейд на Кизляр в 1999 году (78 погибших), захват школы в Беслане в 2004 году (336 погибших) [7].

С тех пор социально-политическая обстановка в РФ существенно изменилась. Деятельность террористического подполья в РФ была подавлена, все основные террористические группировки, действовавшие на территории РФ – уничтожены либо выдвинуты за границу. Данному перелому обстановки в значительной мере способствовали учреждение в 2006 г. Национального антитеррористического комитета (НАК), реорганизация и налаживание координации работы силовых структур, приобретение боевого опыта в борьбе с террористическим подпольем, техническое перевооружение органов правопорядка, формирование пророссийской элиты республик Северного Кавказа. В результате вышеперечисленных мер количество террористических актов на территории России существенно снизилось, значительно выросло количество предотвращённых терактов, а также уровень их раскрываемости (до 80%) [8].

Справедливо было бы заключить, что особенностью деятельности по противодействию терроризму является то, что она в самом начале носила преимущественно реагирующий характер, нежели превентивный. Вместе с тем необходимо также помнить, что основой антитеррористического законодательства является непосредственно Конституция РФ, запрещающая пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, а также создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13, ст. 29).

Наиболее полное и всеобъемлющее определение терроризма развернуто в Федеральном законе от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии террористической деятельности» [10].

В соответствии с №114-ФЗ, террористическая деятельность включает в себя:

- посягательство на конституционный строй и территориальную целостность Российской Федерации;
- публичное оправдание террористической и прочей террористической деятельности;
- разжигание межнациональной, межрелигиозной и иной розни между различными группами населения;
- пропаганда национального, расового, религиозного, полового превосходства и/или неполноценности;
- осуществление публичной дискриминации граждан по признаку их отношения к той или иной национальности, расе, религии, полу;
- воспрепятствование реализации гражданами своего активного избирательного права, в том числе связанное с нарушением тайны голосования, путём применения насилия или угрозы такового;
- воспрепятствование работе органов государственной власти и местного самоуправления, средств массовой информации, избирательных комиссий путём применения насилия или угрозы такового;
- публичная демонстрация символики нацистской Международного сообщества, не связанная с учебно-просветительскими и научно-исследовательскими целями, а также не содержащая информацию о негативном характере нацистской идеологии;
- публичные призывы к осуществлению вышеуказанных деяний, включая распространение террористических материалов, их изготовление и хранение;
- приготовление и покушение на вышеперечисленные деяния, а также подстрекательство к их осуществлению;
- пособничество в осуществлении вышеперечисленных деяний, включая предоставление финансирования, предоставление трудовых ресурсов, материально-технической базы, а равно любой иной помощи террористическому сообществу либо его членам [11].

На наш взгляд, настоящий федеральный закон содержит скорее широкое определение терроризма, определяющее его как некий «классификатор» определённых деяний, подпадающих под данный общий термин. Аналогичный подход наблюдается и в определении терроризма. В широком смысле данный термин объединяет все деяния террористического характера, включая не только террористический акт (ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и публичную пропаганду террористической деятельности либо публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), но и захват заложников (ст. 206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ), диверсия (ст. 281 УК РФ) и прочие преступления против государственной безопасности и конституционного строя [13].

Данное «широкое» толкование понятия терроризма содержится в Федеральном законе «О противодействии терроризму» [14]. При этом, наблюдая некое противоречие между данным федеральным законом и профильной статьей УК РФ, ряд исследователей выдвигает позицию об отсутствии необходимости ст. 205 УК РФ и производных от неё. К примеру, как утверждает А.В. Наумов: «Вряд ли есть нужда в общем уголовно-правовом понятии терроризма, поскольку в действующем УК РФ нет недостатка в нормах об ответственности за терроризм. Напротив, речь может идти даже об определенном их избытке» [15].

Криминалистами и социологами выделяются следующие основные особенности функционирования терроризма в РФ:

1. Рост одиночного терроризма (примеры – Г. Бобокулова, Москва, 2016 год, отрезала голову 3-летнему ребёнку и публично угрожала себя подорвать [16]; М. Жлобицкий, Архангельск, 2018 год, совершил самоподрыв в здании областного УФСБ). Одиночный терроризм с точки зрения предотвращения и расследования преступлений кардинально отличается от террористических сообществ и группировок, поскольку для борьбы с ним неприменимы методы агентурно-разведывательной работы, посредством которых силовые структуры зачастую предотвращают террористические акты террористических сообществ, выявляют и арестовывают их лидеров, и т.д.

2. Наличие идеологической основы у террористов. Как правило, террористами являются либо апологеты крайне левых идеологий (троцкизм, анархизм), либо крайне правых (религиозный фундаментализм). Абсолютное большинство террористических актов, произошедших в РФ на протяжении её новейшей истории, было совершено приверженцами именно данных идеологий.

3. Наличие групп риска среди населения. Такими группами риска, представители которых наиболее уязвимы перед террористической пропагандой, являются в первую очередь сообщества мигрантов из Средней Азии (закрытые сообщества религиозных людей с низким уровнем жизни). Необходимо учитывать, что в странах Средней Азии действует разветвлённая сеть исламистской пропаганды, а также вербовщики многочисленных террористических группировок. Таким образом, жители данных стран могут прибывать на территорию РФ, будучи изначально сторонниками террористических идей, а, возможно, уже действующими членами террористических сообществ.

4. Готовность к смерти и отсутствие понимания ценности человеческой жизни. Среди террористов наблюдается самый высокий процент преступников, ликвидированных при попытках ареста, вооружённых столкновениях с сотрудниками правоохранительными органами. Наряду с этим, ряд террористов совершают свои преступления посредством самоубийства взрывом, цель которого – уничтожить вместе с собой как можно больше людей.

5. Распространение «телефонного терроризма». В течение 2018-2019 гг. ряд крупных городов России, включая Москву и Санкт-Петербург, подвергся многочисленным телефонным звонкам с сообщениями о минировании различных административных зданий, объектов массового скопления граждан (торгово-развлекательные комплексы, бизнес-центры, учреждения образования и здравоохранения, и т.д.), что повлекло за собой массовые эвакуации и приостановку функционирования «заминированных» учреждений на время работы спецподразделений МЧС. Несмотря на отсутствие жертв, данные деяния также являются террористическими, так как влекут за собой массовую дезорганизацию работы учреждений, а также распространяют панику среди населения [17].

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами, на наш взгляд, особый интерес приобретает тема потенциального кадрового состава террористов, наиболее уязвимых к их пропаганде групп населения. Согласно исследованию Л.С. Рубан, большинство членов террористических группировок является лица в возрасте до 30 лет (69%). Это обусловлено тем, что в силу небольшого жизненного опыта и распространенности максималистического отношения к окружающему миру данная категория населения сравнительно легко поддается психологическим манипуляциям и методам террористической вербовки [16]. Как было указано выше, среди террористов лица в возрасте от 18 до 29 лет составляют 69%, от 30 до 39 лет – 26%, от 40 до 49 лет – 5%. Среди лиц старше 50 лет террористов не обнаружено.

Помимо этого, при анализе потенциальной кадровой базы террористических идеологий нужно понимать, что значительная часть террористического сообщества на территории РФ связана с исламским фундаментализмом, в силу чего в РФ большинство выявленных, задержанных и уничтоженных террористов является уроженцами мусульманских республик бывшего СССР (страны Средней Азии), либо регионов России с высокой долей мусульманского населения (национальные республики Поволжья и Северного Кавказа) [18]. Все вышеперечисленные факторы должны быть учтены при формировании адекватной антитеррористической политики.

Как уже отмечалось, складывающаяся ситуация заставляет говорить о терроризме как важнейшей составляющей общественного бытия, как международном сообществе, в целом, так и в России – государстве, которое в силу географического положения, многообразия культурных сред и идеологической неоднородности, крайне чувствительно к террористической активности. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на значительное снижение уровня террористической активности в РФ по сравнению с 1990-ми – 2000-ми годами, данная угроза общественной безопасности и конституционному строю РФ остаётся одной из наиболее весомых.

Терроризм совершенствуется, получает кадровую, финансовую и материальную подпитку из-за рубежа, приобретает новые формы и проявления. В данных условиях необходимо осознавать, что только совместными усилиями законодателей, правоохранительных органов и научного сообщества можно нивелировать данную угрозу и свести террористическую активность в РФ до минимального уровня. Правовое регулирование противодействия терроризму должно формироваться, опираясь на имеющийся опыт каждой конкретной страны в этой области. Так как рассматриваемое явление имеет достаточно высокий уровень угрозы для общественной безопасности, важно в полной мере реализовать на практике теоретические установки, закреплённые в специальном антитеррористическом законодательстве.

Таким образом, правовая регламентация противодействия террористической и террористической деятельности (с учетом мирового опыта) подразумевает разноплановое воздействие на причины и предпосылки организации такой деятельности, в числе которых:

1. предиктивные меры по проведению профилактических бесед с населением, особенно лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста;

2. отслеживание и арест денежных средств, предназначенных для поддержания террористической деятельности;
3. идентификация и наблюдение за агентами вербовки и вербовщиками террористических организаций на территории России и Европы;
4. отслеживание средств материального обеспечения терроризма в виде продовольствия, оружия, боеприпасов, транспорта, техники и боевых снарядов;
5. создание оперативно-стратегических отрядов и служб управления, координирующих свою деятельность с органами разведывательных служб и контрразведки, федеральных специальных служб и Интерпола;
6. мониторинг активности и подробная аналитика разведанных, создание эффективной сети агент-информаторов;
7. внедрение сотрудников антитеррористических служб в террористические ячейки с целью расширения возможности инсайд-мониторинга;
8. эффективная работа по предотвращению последствий террористической деятельности, например, силами служб безопасности и Интерпола.

Международный терроризм является худшим из возможных насильственных инструментов интернациональной преступности, используемым в борьбе как против власти, так и, зачастую, самой властью для достижения определенных политических или военных целей. В этом смысле тактический элемент в сфере борьбы с терроризмом рядом экспертов признается наиболее эффективным с точки зрения стратегии комплексного, системного и институционального развития методов антитеррористического воздействия, ввиду направленности не на последствия деятельности террористических и террористических организаций, а на причины возникновения подобных ячеек.

Рассмотрев понятие и сущность терроризма на примере нормативных актов различных стран и концепций, описанных в литературе, мы выделили ряд признаков, которые качественно «переводят» глубоко теоретический вопрос в плоскость практических проблем. Так, на наш взгляд, в современном мире, к сожалению, пока что не удается сформировать единую эффективную стратегию борьбы с терроризмом. И такое положение дел проистекает в том числе из-за отсутствия согласованного и единого понимания данного явления.

Это связано, как с политико-правовыми проблемами квалификации терроризма даже на уровне его унифицированной дефиниции, так и с крайне согласованными действиями отдельных структур внутри каждой отдельной страны. В условиях, когда борьба с терроризмом представляет собой глубоко законспирированный комплекс мероприятий даже на государственном уровне, а антитеррористическая политика входит в сферу компетенций множества правоохранительных структур разного уровня, говорить о некой системе эффективных мер по противодействию терроризму на международном уровне, увы не приходится.

Вместе с тем уровень террористических актов в мире растёт, усложняются способы их совершения, растёт уровень насилия, причиняемый обществу в рамках террористической деятельности. Согласно международным научным исследованиям, совокупный бюджет в сфере терроризма составляет ежегодно до 20 млрд. долларов США. Проблема исследования терроризма является многоаспектной, затрагивающей разные стороны общественных отношений. Ввиду обозначенного характера проблематики, данный вопрос, на наш взгляд должен решаться системно. Существенную часть усилий международного сообщества было бы разумно сосредоточить на базовом терминологическом уточнении содержания и сущности понятий «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт». Унификация подходов к пониманию определения и сущности терроризма – это первый шаг к формированию рабочей системы по международному противодействию терроризму.

Мы считаем, что противодействие терроризму в России и других государствах является значимым направлением деятельности по объединению общественно-политических, национально-культурных и правовых усилий в сфере обеспечения глобальной внутригосударственной и международной безопасности. Системный подход к мероприятиям по предупреждению, выявлению, пресечению, устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений, квалифицируемых как терроризм, является одним из важнейших условий обеспечения безопасной и благополучной социально-экономической жизни государства.

Важнейшей задачей правоохранительной и социально-политической систем международного сообщества является формулирование и формирование последовательной антитеррористической и антитеррористической уголовной политики, которая сможет эффективно противодействовать любым проявлениям терроризма, устранив почву для развития террористической и террористкой идеологии, и, в итоге, обеспечит безопасность населения и объектов социально-значимой инфраструктуры.

Литература

1. Залужный А.Г. Правовые гарантии противодействия террористической деятельности в политической, религиозной и других сферах общественной жизни // Закон и право. 2002. № 9. С. 29 – 33.
2. Смертин А.Н. Терроризм: некоторые подходы к определению понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 11. С. 132.
3. Семенцов А.М. Политический экстремизм как девиация в политическом процессе // Преступность и общество: Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2014. С. 160 – 167.
4. Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 37 – 41.
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и терроризмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.03.2023)
6. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2178S/RES/2178 от 24.09.2014 «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.03.2023)
7. Ганаева Е.Э. Понятие и сущность терроризма: анализ проблемы // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 679 – 681.
8. Москаленко С.Г, Казимирова Н.Г. Превентивное противостояние политическому терроризму в современной России. М., 2016. С. 339.
9. Зорина О.С. Обзор законодательства в сфере антитеррористической деятельности // Закон и Право. 2018. № 11. С. 60 – 61.
10. Федеральный закон «О противодействии террористической деятельности» от 25.07.2002 №114-ФЗ // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.03.2023)
11. Харина Э.Н. Расследование терроризма: уголовно-правовые и криминалистические аспекты // Сборник трудов научной конференции «Теория и практика современной юриспруденции». 2020. С. 219 – 224.
12. Журавель В.П. Правовые и организационно-международные факторы противодействия терроризму в России в условиях нарастания угроз национальной безопасности // Вестник Северного федерального университета. 2014. № 6. С. 11 – 24.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.03.2023)
14. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 №35-ФЗ // СПС Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.03.2023)
15. Наумов А.В. Терроризм: психологические корни и правовые оценки. М: «Правовед», 2004. С. 33.
16. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 06.12.2016 по делу №01-0574/2016 // Официальный портал судов общей юрисдикции гор. Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 22.03.2023)
17. Гончаренко Г.С., Казимирова Н.Г. К вопросу о влиянии миграционных потоков на уровень криминальной обстановки // Межэтнические отношения и национальная политика в современной России. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. С. 305 – 312.
18. Рубан Л.С. Дилемма XXI века: толерантность и конфликт // Полиция и право. 2006. № 4 (10). С. 99.

References

1. Zaluzhnyj A.G. Pravovye garantii protivodejstvija terroristicheckoj dejatel'nosti v politicheskoj, religioznoj i drugih sferah obshhestvennoj zhizni. Zakon i pravo. 2002. № 9. S. 29 – 33.
2. Smertin A.N. Terrorizm: nekotorye podhody k opredeleniju ponjatij. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2009. № 11. S. 132.
3. Semencov A.M. Politicheskij jekstremizm kak deviacija v politicheskom processe. Prestupnost' i obshhestvo: Sbornik nauchnyh trudov. M.: VNI MVD Rossii, 2014. S. 160 – 167.
4. Ustinov V.V. Obvinjaetsja terrorizm. M.: Olma-Press, 2002. S. 37 – 41.

5. Shanhajskaja konvencija o bor'be s terorizmom, separatizmom i terorizmom (zakljuchena v g. Shanhae 15.06.2001). SPS Konsul'tant Pljus [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 22.03.2023)
6. Rezoljucija Soveta Bezopasnosti OON № 2178S/RES/2178 ot 24.09.2014 «Ugrozy mezhdunarodnomu miru i bezopasnosti, sozdavaemye terroristicheskimi aktami». SPS Konsul'tant Pljus [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 22.03.2023)
7. Ganaeva E.Je. Ponjatie i sushhnost' terorizma: analiz problem. Molodoj uchenyj. 2016. № 3. S. 679 – 681.
8. Moskalenko S.G, Kazimirova N.G. Preventivnoe protivostojanie politicheskomu terorizmu v sovremennoj Rossii. M., 2016. S. 339.
9. Zorina O.S. Obzor zakonodatel'stva v sfere antiteroristicheskoy dejatel'nosti. Zakon i Pravo. 2018. № 11. S. 60 – 61.
10. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terroristicheskoy dejatel'nosti» ot 25.07.2002 №114-FZ. SPS Konsul'tant Pljus. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 22.03.2023)
11. Harina Je.N. Rassledovanie terorizma: ugovovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty. Sbornik trudov nauchnoj konferencii «Teorija i praktika sovremennoj jurisprudencii». 2020. S. 219 – 224.
12. Zhuravel' V.P. Pravovye i organizacionno-mezhdunarodnye faktory protivodejstvija terorizmu v Rossii v uslovijah narastanija ugroz nacional'noj bezopasnosti. Vestnik Severnogo federalnogo universiteta. 2014. № 6. S. 11 – 24.
13. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 29.12.2022). SPS «Konsul'tant-Pljus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashhenija: 22.03.2023)
14. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terorizmu» ot 06.03.2006 №35-FZ. SPS Konsul'tant Pljus. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 22.03.2023)
15. Naumov A.V. Terorizm: psihologicheskie korni i pravovye ocenki. M: «Pravoved», 2004. S. 33.
16. Reshenie Horoshevskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 06.12.2016 po delu №01-0574/2016. Oficial'nyj portal sudov obshhej jurisdikcii gor. Moskvy [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (data obrashhenija: 22.03.2023)
17. Goncharenko G.S., Kazimirova N.G. K voprosu o vlijanii migracionnyh potokov na uroven' kriminogennoj obstanovki. Mezhhjetnicheskie otnoshenija i nacional'naja politika v sovremennoj Rossii. Rostov-na-Donu: Izd-vo «Fond nauki i obrazovanija», 2015. S. 305 – 312.
18. Ruban L.S. Dilemma XXI veka: tolerantnost' i konflikt. Policija i pravo. 2006. № 4 (10). S. 99.

Запрет на противоречивое поведение в гражданском праве

Шушания Ш.С., доцент,
Московский финансово-промышленный университет Синергия,
Пшеничникова Н.А., старший преподаватель,
Московский международный университет

Аннотация: в статье рассмотрены актуальные аспекты трансплантации в российское гражданское законодательство доктрины эстоппель как материально-правового запрета на противоречивое поведение. Данный правовой принцип достаточно давно известен правовым системам государств общего и континентального права, что поднимает вопрос о заимствованном характере запрета на противоречивое поведение. В статье подчеркивается отсутствие в гражданском законодательстве Российской Федерации легальной дефиниции и условий применения доктрины эстоппель. Нормы о запрете противоречивого поведения размещены в нескольких взаимосвязанных статьях гражданского законодательства, что ставит вопрос о характере и условиях применения судами данного принципа. В статье выделяется система условий, при которых судебный правоприменитель вправе задействовать доктрину эстоппеля. На основании сравнительно-правового анализа делается вывод о том, что нормы российского гражданского законодательства о запрете противоречивого поведения схожи с применением континентальной конструкции в немецком законодательстве. Доктрина эстоппель тесно связана с представлениями о добросовестности и справедливости. Недобросовестное поведение стороны гражданского правоотношения, нарушающее данные ранее общения, позволяет ей извлекать выгоду для себя, тем самым нанося ущерб добросовестной стороне. Сделан вывод, что конструкция запрета на противоречивое поведение в российском праве находится на ранних стадиях развития.

Ключевые слова: противоречивое поведение, встречное удовлетворение, гражданский оборот, защита доверия, принцип добросовестности

Для цитирования: Шушания Ш.С., Пшеничникова Н.А. Запрет на противоречивое поведение в гражданском праве // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 39 – 43.

Prohibition of contradictory behavior in civil law

Shushaniya Sh.S., Associate Professor,
Moscow University for Industry and Finance Synergy,
Pshenichnikova N.A., Senior Lecturer,
Moscow International University

Abstract: the article discusses the actual aspects of transplantation into the Russian civil legislation of the estoppel doctrine as a substantive prohibition on contradictory behavior. This legal principle has been known for a long time to the legal systems of states of general and continental law, which raises the question of the borrowed nature of the prohibition of contradictory behavior. The article emphasizes the absence of a legal definition and conditions for the application of the estoppel doctrine in the civil legislation of the Russian Federation. The norms on the prohibition of contradictory behavior are placed in several interrelated articles of civil legislation, which raises the question of the nature and conditions of the application of this principle by the courts. The article highlights a system of conditions under which a judicial law enforcement officer has the right to use the doctrine of estoppel. Based on the comparative legal analysis, it is concluded that the norms of the Russian civil legislation on the prohibition of contradictory behavior are similar to the application of the continental construction in German legislation. The doctrine of estoppel is closely related to the ideas of integrity and justice. The unscrupulous behavior of a party to a civil legal relationship that violates the data of earlier communication allows it to benefit for itself, thereby harming the bona fide party. It is concluded that the construction of a ban on contradictory behavior in Russian law is in the early stages of development.

Keywords: contradictory behavior, counter-satisfaction, civil turnover, protection of trust, the principle of good faith

For citation: Shushaniya Sh.S., Pshenichnikova N.A. Prohibition of contradictory behavior in civil law. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 39 – 43.

Введение

Для участников гражданского оборота типично менять свое поведение под влиянием каких-либо обстоятельств. Постоянно изменяющаяся социальная, экономическая, правовая среда, так или иначе, влияет на принятие решения человека вести себя определенным образом. Для индивида совершенно естественно иногда вести себя противоречиво, однако, это может привести к негативным последствиям в гражданско-правовой среде. В связи с этим правовой порядок должен защищать того, кто добросовестно полагается на определенные договором условия и первоначальное поведение контрагента. Здесь на первый план выходит принцип добросовестности, который требует от контрагентов в договоре защиты законного ожидания путем запрета противоречивого поведения.

Институт запрета противоречивого поведения имеет своей целью защиту добросовестного лица, пожившегося на определенное поведение контрагента, что, несомненно, является важным для защиты гражданского оборота. Согласно данному принципу лицо утрачивает право на возражение, если действует недобросовестно, то есть сторона не сможет оспорить или расторгнуть договор в результате такого поведения [5, с. 46].

Так, показательно, что подход российских судов схож с подходом судов романо-германской правовой семьи, которые при применении запрета противоречивого поведения используют общий принцип добросовестности. С течением времени российская практика стала нуждаться в конкретизации принципа добросовестности, для более ясного и точного его применения судами. Так, в Концепции развития гражданского законодательства [1] одной из целей проведения реформы гражданского законодательства стала конкретизация статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ), а также сопутствующая глобальная цель – стабилизация оборота сделок в России путем введения ряда изменений в регулирование недействительности сделок в ГК РФ. Одним из способов сохранения сделок было создание конструкции запрета противоречивого поведения для поддержания стабильности оборота и повышения доверия участников заключаемых сделок к контрагенту. В связи с данным обстоятельством сложились объективные предпосылки для имплементации в российское законодательство запрета на противоречивое поведение – так называемый принцип эстоппель. Именно необходимость правовой защиты добросовестного ожидания участников гражданских правоотношений стала причиной принятия решения о целесообразности включения в ГК РФ принципа эстоппель [4, с. 345].

Основная часть

С недавнего времени в систему гражданского законодательства были введены нормы, конкретизирующие принцип добросовестности через призму эстоппель (запрет на противоречивое поведение), а именно п. 2 и п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1 и п. 3 ст. 432 ГК РФ. Введенный российским законодателем механизм не является эстоппелем в том смысле, в котором он понимается в родоначальном значении. Такой механизм больше схож с применением континентальной конструкции в немецком законодательстве, поскольку опирается, прежде всего, на принцип добросовестности и защиты доверия, в отличие от англо-американского подхода, который использует эстоппель обещанием для преодоления доктрины встречного удовлетворения. Законодательные положения ГК РФ прямо не содержат в себе наименование и дефиницию принципа эстоппель. Несмотря на этот факт, они предписывают такие последствия подтверждения договора или сделки одной из сторон, в результате которых этой стороне запрещается заявлять, что договор не был заключен, или утверждать, что заключенное соглашение является недействительным или подлежащим оспариванию. Такими положениями являются, в частности, пункт 4 и часть 5 части 2 статьи 166, часть 3 статьи 432, часть 2 статьи 431.1 и Часть 5 ст. 450.1 ГК РФ, которые относятся к различным ситуациям.

Пункт 4 части 2 статьи 166 ГК РФ устанавливает, что сторона, поведение которой указывает на ее намерение сохранить сделку, не может подавать иск о признании сделки недействительной или недействительной при наличии оснований, о которых она знала или должна была знать в то время, когда она выразила это намерение. Часть 5 той же статьи гласит, что требование о признании сделки недействительной не может быть подано лицом, которое действует недобросовестно, особенно если поведение этого лица заставило других действовать, полагаясь на действительность договора. Стоит отметить, что лицо, действующее по доверенности, не обязательно должно быть стороной договора, поскольку при определенных обстоятельствах ГК РФ также предоставляет третьим лицам право требовать признания договоров недействительными или восстановления недействительных договоров. Часть 3 статьи 432 ГК РФ определяет принятие исполнения договора в качестве случая такого подтверждения для контрактов, которые в противном случае могли бы быть объявлены незаключенными.

Данные правовые новеллы стали результатом правовой трансплантации в «тело» российского гражданского законодательства доктрины эстоппель, появившейся и разработанной в странах общего права. Этот механизм предоставляет защиту лицу, пожившемуся (доверившемуся) на изменившееся поведение своего

контрагента, и стимулирует данного контрагента придерживаться своего изменившегося поведения для недопущения злоупотреблений по отношению к положившемуся лицу. Сама доктрина эстоппель поэтому и имеет такое название, поскольку запрещает лицу противоречить своему предшествующему поведению в целях защиты ожиданий контрагента. По мере становления правовой системы Великобритании механизм работы эстоппель до конца не сформировал четких границ. Это объясняется существованием множества разновидностей механизмов эстоппель, каждый из которых нацелен разрешать разные правовые задачи с учетом различных совокупностей обстоятельств дела.

Некоторые ученые считают, что все существующие доктрины эстоппель постепенно сливаются в единый механизм. Отечественная доктрина также полагает, что доктрина эстоппель представляет собой самостоятельную доктрину. Однако, все эти конструкции объединяет общее правило запрета противоречивого поведения, выводимого из принципа добросовестного поведения и защиты доверия. Нужно отметить, что понятия добросовестности в английском праве не существует и такой стандарт поведения формируется при рассмотрении конкретного дела самостоятельно. Несмотря на такие предлагаемые унифицированные подходы, характерные континентальным правовым порядкам, английское право вряд ли допустит появление какой-либо систематики или упрощения, опасаясь нарушения отличительной черты функционирования английского прецедентного права и проникновения в него чужеродных конструкций.

Существует несколько конструкций эстоппель, выделяемых в английском праве. Общее право признает эстоппель записью, который запрещает противоречить тому, что уже написано, в частности, это имеет отношение к принципам судебных решений – исключительности и преюдициальности (*estoppel by record, or estoppel per rem judicatam*); эстоппель документом за печатью, препятствующий оспаривание факта, задокументированного в особой форме (*estoppel by deed*); правило, запрещающее противоречить установленными между сторонами соглашениями и подтвержденными тем или иным образом, иными словами – эстоппель соглашением (*estoppel by convention*); эстоппель заверениями, при котором лицо, давшее другому лицу, положившемуся и понесшему ущерб, заверение о факте, не может впоследствии изменять свое поведение [6, с. 128].

Общей чертой применения различных правовых конструкций принципа эстоппель является наличие ряда условий. Во-первых, это наличие у субъекта права ясной позиции по вопросу факта или права. Данное лицом заверение о существующем факте или о существующем намерении является основанием возникновения эстоппеля заверением. При совершении двустороннего волеизъявления на заключение договора имеет место эстоппель соглашением. Соответственно, эстоппель обещанием порождает последствия после заверения о будущем намерении, или об обещании. Во всех перечисленных случаях после объявления заверения лицо, его давшее, утрачивает право противоречить сказанному. Также, заверение или обещание должно быть ясным и недвусмысленным для контрагента. Оно может быть выражено в письменной или устной форме, в качестве конклюдентных действий, а также в некоторых случаях может быть выражено в форме молчания. Во-вторых, необходимо осуществление действий лицом, которое добросовестно положило на обещание первого субъекта. В-третьих, наличие ущерба, исходя из практики, до конца не является обязательным применительно ко всем ситуациям, где есть полагание лица на противоречивое поведение контрагента. Таким ущербом может являться потеря лицом активов или передача собственных активов, которые в действительности ему не подлежали [3, с. 133].

Континентальные правовые порядки так же запрещают противоречивое поведение, однако, используют не механизм «эстоппель» в его исконном англо-американском понимании, а базируются на общем принципе добросовестности и защите доверия. Эти правовые порядки не запрещают договоры, в которых отсутствует встречное удовлетворение, а, соответственно, не используют доктрину встречного удовлетворения. Континентальный подход к запрету противоречивого поведения одновременно схож в идейных положениях по вопросу справедливости и различен в правоприменительной практике разных стран [8, с. 5].

Проводя параллель с англо-американским эстоппелем, континентальный запрет противоречивого поведения не требует в качестве обязательного критерия полагание лица на изменившееся поведение. Рассматриваемый механизм тем и характерен, что достаточно лишь противоречивого поведения для привлечения лица к ответственности. Также, в отличие от англо-американской модели, не обязательно чтобы лицо, полагающееся на поведение контрагента, существенно изменило свое поведение. Таким образом, акцент в континентальном механизме применения запрета противоречивого поведения сдвигается в сторону лица, изменяющего свое поведение, меньшее внимание уделяя положившемуся на эту ситуацию лицу. Основная идея такого подхода заключается в поддержании стабильности гражданского оборота путем запрета недобросовестных практик. Попытка проанализировать различные трактовки понятия эстоппеля, а также различия между отдельными юрисдикциями общего права могла бы претендовать на отдельное развернутое исследование, требующее соответствующего масштаба охвата правового материала и объемов самостоятель-

ного научного труда. Это систематизированный инструмент защиты интересов добросовестной стороны договора [7, с. 43].

В основе принципа эстоппеля лежат идеи принцип справедливости и равенства. Краткое описание его сущности можно сформулировать следующим образом. Когда человек своими словами или поведением заставил другого поверить в определенное положение дел, ему не будет позволено действовать иным образом, так как это было бы несправедливо по отношению к другой стороне. На первый взгляд, эта формула обеспечивает достаточную гибкость применения, отвечая общим соображениям справедливости. Однако, несмотря на очевидные претензии на свою этическую простоту, вряд ли существует более спорная или более сложная область обязательственного права.

Эстоппель традиционно воспринимался как принцип, имеющий ряд совершенно отдельных направлений, которые действуют совершенно по-разному и основаны на разных положениях. Первоначальная функция эстоппеля состоит в том, чтобы помешать стороне сделать заявление, противоречащее ее прежнему поведению. Эта форма эстоппеля охватывает, например, случаи, в которых устанавливаются правила исключения. Однако доктрина эстоппеля эволюционировала дальше и вышла далеко за рамки этой цели. Эстоппель по соглашению, например, возникает в тех случаях, когда стороны соглашения действовали на основании того, что какое-то положение договора имеет особое значение и будет действовать для того, чтобы одна из сторон впоследствии не пыталась утверждать, что это положение означает что-то другое.

Результаты исследования

Доктрина эстоппеля в российском праве находится на ранних стадиях развития. Особенно судебная власть сталкивается с проблемой соответствующих критериев для определения того, какие законодательные положения могут быть применены с помощью этого правового института, а какие нет. Различия в доктрине между английским и российским правом вызывают сомнения в том, что положения ГК РФ об эстоппеле являются эффективным правовым инструментом, а не просто источником вдохновения для дальнейшего развития на основе ранее существовавших российских правовых традиций. Очевидно, что не всякая ситуация переменчивого поведения может быть истолкована судом как ситуация эстоппеля. Для констатации подобного рода ситуации требуется обнаружение ряда взаимосвязанных признаков, которые и предоставляют суду возможность применить доктрину эстоппель для защиты добросовестной стороны.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Российская газета. № 84. 19.04.2022.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
3. Грибов Н.Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3 (112). С. 128 – 135.
4. Макарова А.В. Конкретизация и толкование принципа запрета противоречивого поведения (estoppel) в российском гражданском праве // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 345 – 347.
5. Новикова Е.П. Принцип «эстоппель» в российском праве: понятие, особенности использования в правоприменительной практике // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2022. № 1. С. 45 – 51.
6. Семенова Е.В. Правовая природа эстоппеля, его происхождение и понятийное содержание // Правовая культура. 2018. № 1 (32). С. 126 – 130.
7. Сирик Н.В., Сирик Н.В. Принцип эстоппель: опыт использования в РФ // Вестник Международного юридического института. 2019. № 1 (68). С. 41 – 46.
8. Шевченко И.М. К вопросу о межотраслевом характере принципа эстоппель // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 11. С. 3 – 8.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 16.04.2022). Rossijskaja gazeta. № 84. 19.04.2022.
2. Konceptcija razvitija grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniju grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009). Vestnik VAS RF. 2009. № 11.
3. Gribov N.D. Doktrina zapreta protivorechivogo povedenija. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 3 (112). S. 128 – 135.

4. Makarova A.V. Konkretizacija i tolkovanie principa zapreta protivorechivogo povedenija (estoppel) v rossijskom grazhdanskom prave. Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2019. T. 8. № 4 (29). S. 345 – 347.
5. Novikova E.P. Princip «jestoppel» v rossijskom prave: ponjatie, osobennosti ispol'zovanija v pravoprimeritel'noj praktike. Pravovoe regulirovanie jekonomicheskoj dejatel'nosti. PRJeD. 2022. № 1. S. 45 – 51.
6. Semenova E.V. Pravovaja priroda jestoppelja, ego proishozhdenie i ponjatijnoe sodержanie. Pravovaja kul'tura. 2018. № 1 (32). S. 126 – 130.
7. Sirik N.V., Sirik N.V. Princip jestoppel': opyt ispol'zovanija v RF. Vestnik Mezhdunarodnogo juridicheskogo instituta. 2019. № 1 (68). S. 41 – 46.
8. Shevchenko I.M. K voprosu o mezhotraslevom haraktere principa jestoppel'. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2021. № 11. S. 3 – 8.

К вопросу о неюрисдикционных способах защиты вещных прав

**Барышников М.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Институт сервисных технологий,
Российский государственный университет туризма и сервиса**

***Аннотация:** в настоящей научной статье рассматриваются особенности правового статуса неюрисдикционных форм защиты вещных прав по российскому законодательству. Нормативно закреплено, что участнику гражданских правоотношений представлены различные способы реализации права на защиту, среди которых выделяются как юрисдикционные, так и неюрисдикционные. Это связано с конституционным закреплением объема максимально возможного гарантирования защиты прав, свобод, законных интересов. Отмечается, что на практике неюрисдикционные способы защиты не менее распространены, чем, например, юрисдикционные. Неюрисдикционная форма защиты права охватывает собой действия граждан и организаций по защите гражданских прав и охраняемых законом интересов, которые осуществляются ими самостоятельно, без обращения за помощью к компетентным государственным органам. Автор работы кратко анализирует существующие неюрисдикционные формы защиты, рассматривает их применение на практике. Исследуются проблемы и перспективы дальнейшего развития данных способов защиты, где автор акцентирует внимание на их значимости для всей системы защиты прав. В ходе проведенного нами анализа были выделены два ключевых способа защиты вещных прав – самозащита и оперативный метод защиты вещных прав. Кроме того, гражданское законодательство содержит и ряд других неюрисдикционных способов защиты вещных прав, среди которых, например, можно выделить: удержание своего имущества или имущества правонарушителя, медиация, меры претензионного порядка и др.*

***Ключевые слова:** вещное право, защита вещных прав, юрисдикционные способы, неюрисдикционные способы, самозащита*

***Для цитирования:** Барышников М.Ю. К вопросу о неюрисдикционных способах защиты вещных прав // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 44 – 49.*

On the question of non-jurisdictional ways to protect property rights

**Baryshnikov M.Yu., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Institute of Service Technologies,
Russian State University of Tourism and Service**

***Abstract:** this scientific article discusses the features of the legal status of non-jurisdictional forms of protection of property rights under Russian law. It is normatively fixed that the participant of civil legal relations is presented with various ways of exercising the right to protection, among which there are both jurisdictional and non-jurisdictional ones. This is due to the constitutional fixing of the scope of the maximum possible guarantee of the protection of rights, freedoms, legitimate interests. It is noted that in practice, non-jurisdictional methods of protection are no less common than, for example, jurisdictional ones. The non-jurisdictional form of protection of the right covers the actions of citizens and organizations for the protection of civil rights and legally protected interests, which are carried out by them independently, without recourse to the competent state bodies. The author of the work briefly analyzes the existing non-jurisdictional forms of protection, considers their application in practice. The problems and prospects for the further development of these methods of protection are explored, where the author focuses on their significance for the entire system of rights protection. In the course of our analysis, two key ways to protect property rights were identified - self-defense and an operational method for protecting property rights. In addition, civil law contains a number of other non-jurisdictional ways to protect property rights, among which, for example, one can single out: retention of one's property or property of the offender, mediation, claim measures, etc.*

***Keywords:** property law, protection of property rights, jurisdictional methods, non-jurisdictional methods, self-defense*

***For citation:** Baryshnikov M.Yu. On the question of non-jurisdictional ways to protect property rights. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 44 – 49.*

Введение

Система юрисдикционных и неюрисдикционных способов защиты прав нормативно предусмотрена положениями Гражданского кодекса РФ.

Юрисдикционная форма включает закрепленные в правовом выражении способы защиты [11]. В свою очередь, неюрисдикционные способы не связаны напрямую с такими субъектами, предполагают использование именно тех способов, которые не требуют обращения в суд или орган власти.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена высокой степенью социальной значимости использования разного рода способов защиты прав и свобод. Регламентирование законом различных разновидностей позволяет осуществлять данные формы защиты более эффективно и действенно, применить в конкретной практической ситуации наиболее подходящий способ [6]. Несовершенства законодательства в практических вопросах применения неюрисдикционных способов защиты вещных прав обосновывают актуальность данного исследования.

Цель настоящей статьи – проанализировать неюрисдикционные способы защиты вещных прав.

Основная часть

В начале исследования обратимся к ключевым понятиям по теме исследования.

Говоря непосредственно о вещных правах, отметим, что это разновидность гражданских прав, объектом которых выступает право субъекта правоотношений на конкретную вещь, производя различные действия с которой субъект реализует свои цели и задачи. Это абсолютное право, которое предоставляет собственнику вещи возможность совершения всех его правомочий.

Неюрисдикционные способы защиты вещных прав по своей сущности и внешнему выражению противоположны, соответственно, юрисдикционным способам. Юрисдикционные способы защиты вещных прав имеют четкое нормативное закрепление и формально определенное содержание, выраженное через административные (и не только) регламенты и т.д. [4, 10]. Это способы, которые участник правоотношений не может осуществлять без посторонней помощи: (в отличие от неюрисдикционных способов защиты вещных прав, где не требуется ни специальных знаний, ни обращения к какому-либо профильному эксперту). Нормативно статус неюрисдикционных способов защиты вещных прав регламентируется положениями главы 20 части первой Гражданского кодекса РФ.

Примерами юрисдикционных способов защиты вещных прав может служить одно из наиболее важных конституционных прав – право на судебную защиту. Еще один пример – административный порядок защиты, который реализуется в установленных законом случаях. Два этих варианта представляют собой всю совокупность юрисдикционных способов защиты прав [3]. В некоторых случаях применяется также смешанный административно-судебный порядок.

Выделим отличительные признаки юрисдикционных способов защиты – для более эффективного сравнения с неюрисдикционным процессом:

- формальная определенность, нормативная закрепленность, санкционированность государством;
- четко установленный алгоритм действий – строгий механизм реализации функции;
- связан с обращением к уполномоченным органам;
- объект – нарушенные или оспариваемые субъективные права, и т.д. [2].

В настоящей статье рассмотрим более подробно два неюрисдикционных способа защиты вещных прав – таких, как самозащита и оперативный способ защиты вещных прав.

Самозащита – относительно новый способ защиты гражданских прав, как отмечают специалисты, занимает в системе особое место. Согласно нормам ст. ст. 12, 14 Гражданского кодекса РФ, самозащита – это универсальная форма защиты гражданских прав. Самозащита в интересующем нас контексте понимается как определенные действия участника гражданских правоотношений, направленные на предотвращение нарушения и ликвидацию наступивших последствий [1].

В теории науки гражданского права факт применения самозащиты именно в вещных правоотношениях исследуется довольно активно. Так, например, признанный корифей отрасли В.В. Витрянский, отмечал, что самозащита – это способ предупреждения или пресечения нарушения права, который вполне себе может применяться в частной собственности [3].

Позицию В.В. Витрянского поддерживает, например, С.А. Краснова, которая в своем исследовании делает акцент на том, что самозащита вещно-правового характера направлена на беспрепятственное осуществление права собственности и является мерой охраны при обязательно-правовом характере состояния крайней необходимости и дозволенного самоуправства, или самопомощь [4].

Второй способ защиты вещных прав, который стоит обособленно в сравнении с другими, – это так называемый оперативный способ защиты вещных прав.

В частности, в рамках данного термина понимается совокупность различных юридических средств, которые применяются непосредственно участником спорных правоотношений, без обращения к конкретному уполномоченному субъекту. Интересно, что такие меры носят все же юридический, а не фактический характер, поскольку в любом случае влекут наступление правовых последствий в виде изменения набора прав и обязанностей субъекта, в т.ч. их прекращение [1, 12].

На примере данного способа защиты перечислим ключевые признаки неюрисдикционных способов, отличающие их, соответственно, от юрисдикционных:

- применяются только в случае, если совершено какое-либо правонарушение, то есть носят правоохранный характер;
- применяются в одностороннем порядке, то есть участник правоотношений не обращается к уполномоченным органам (из правила есть исключения);
- не исключает возможности применения впоследствии юрисдикционных способов – например, обращения в суд в соответствии со ст. 51 Конституции РФ, и т.д. [6].

В целом, как отмечают специалисты, данный способ защиты вещных прав на практике считается достаточно действенным и эффективным, в том числе в сравнении с другими неюрисдикционными способами защиты.

Далее рассмотрим, каким образом применяются неюрисдикционные способы защиты вещных прав.

Неэффективность действующей судебной-арбитражной практики в последние годы превратилась даже в некоторую тенденцию, особенно если речь идет о применении виндикационного и негаторного исков [5]. Соответственно, возрастает актуальность для использования разных неюрисдикционных способов. На это также обращает внимание в своих трудах В.В. Витрянский [3]. В частности, он пишет о том, что традиционные формы защиты в итоге могут оказаться актуальными лишь в тех случаях, когда спор представляет собой какое-то элементарное нарушение, в том числе не сопровождающееся какими-либо несущими юридические последствия действиями по оформлению права.

В частности, рассмотрим особенности применения такого способа, как признание права как разновидности самозащиты вещных прав. Так, в соответствии Определения Верховного Суда РФ от 13.03.2020 N 306-ЭС19-19642 по делу N А55-12718/2018, предприниматель, намереваясь получить разрешение на строительство магазина на категории земель «земли населенных пунктов», принадлежащему Г., обозначила в обоснование своих требований наличия договора о намерениях с Г. Однако в выдаче разрешения было отказано, поскольку данного основания пользования земельным участком нет в нормах российского законодательства. Предприниматель все же возвела магазин, а впоследствии произвел обмен земельными участками и стал фактическим владельцем земли под своим же магазином. Вновь произведя действия по получению разрешения, предприниматель несколько раз по-прежнему получал отказы, в котором в том числе были ссылки также и на то, что спорный объект недвижимости уже возведен. Суды нескольких инстанций также отказали в удовлетворении требований, ссылаясь на то, что приведенные действия не свидетельствуют о добросовестности поведения лица и не могут служить основанием для легализации гражданского правонарушения. Лишь только Судебная коллегия Верховного Суда РФ вернула дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции [8].

В обоснование своего решения коллегией было указано следующее. Во-первых, обозначенное здание по нормам Гражданского кодекса РФ попадает под определение самовольной постройки. Соответственно, лицо, которое ее возвело, не становится автоматически ее собственником, то есть не имеет права реализовывать три известных правомочия собственника – владение, пользование, распоряжение. Кроме того, в силу своего статуса самовольная постройка подлежит сносу. При этом, как известно, такая постройка вполне себе может быть легализована.

Также, как следует из выводов суда, само по себе отсутствие разрешения на строительство в подобной ситуации – это не основание для получения отказа в иске о признании права собственности. Вместе с тем суду в рамках процедуры необходимо установить ряд имеющих значение для разрешения дела обстоятельств, среди которых, в частности, факты того, предпринимал ли субъект, создавший самовольную постройку, необходимые меры для легализации ее статуса. Например, это могут быть действия по получению разрешения на строительство. Кроме того, например, установлению подлежит правомерность отказа в выдаче такого разрешения, полученного от уполномоченного органа.

В данном случае суды необоснованно уклонились от исследования по существу вопросов наличия у истца прав, допускающих строительство на спорном земельном участке данного объекта, а также о некоторых других, имеющих существенное значение для вынесения решения по делу обстоятельств.

На данном примере представляется, в каком случае вещные права на самовольную постройку могут быть защищены. Для этого необходимо: отсутствие недобросовестного поведения, наличие у лица, осу-

ществляющего застройку, прав на такое строительство, осуществление строительства по установленным законом требованиям и без нарушений чьих-либо прав и законных интересов.

В соответствии с Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2019 по делу N 307-ЭС19-13722, А13-8951/2018, администрация муниципального образования, в чьи полномочия также входило распоряжение земельными участками, на которые не было разграничено право государственной собственности, предоставила казенному учреждению один из таких земельных участков в постоянное (бессрочное) пользование. Межрегиональное управление Росимущества обратилось с заявлением в уполномоченный орган с требованием о государственной регистрации права собственности Российской Федерации на земельный участок. В качестве основания были отмечены положения п. 1 ст. 3.1. Федерального закона от 25.10.2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», то есть процесс разграничения государственной собственности на землю и соответствующее нормативное закрепление перечня категорий земельных участков, которые относятся к федеральной собственности. Однако регистрирующим органом было указано на отсутствие оснований для государственной регистрации. В свою очередь, управление Росимущества обжаловало действия уполномоченного органа в суд, где и в первой, и в апелляционной инстанциях требования управления были удовлетворены.

Кассационная инстанция, однако, со своими нижестоящими коллегами не согласилась – решения судов были отменены, в удовлетворении заявления отказано. Вынося такое постановление, суд исходил из следующей аргументации.

По мнению суда кассационной инстанции, администрация в силу положений п. 2 ст. 16 Земельного кодекса Российской Федерации не уполномочена на издание актов о разграничении государственной собственности на землю, учреждению спорного земельного участка на праве постоянного бессрочного пользования не могла повлечь разграничение государственной собственности.

Как отмечается в материалах дела, при наличии обоснованной необходимости орган власти, среди полномочий которого определено распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, обязан выполнить действия по фактическому предоставлению такого земельного участка одному из установленных законом субъектов – для строгого целевого использования. При этом подобное предоставление выступает в качестве законного основания для разграничения права, за которым, в свою очередь, следует осуществление процедуры регистрации права собственности соответствующего публично-правового образования.

При этом уполномоченный орган, осуществляя предоставление земельного участка на соответствующем праве, не может действовать произвольно, в своих интересах без обоснования необходимости такого предоставления. Так, орган местного самоуправления, осуществляющий распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, расположенными в границах соответствующего муниципального образования, не вправе принять решение о закреплении на праве постоянного (бессрочного) пользования такого участка земли за иным органом местного самоуправления или муниципальным учреждением только с целью последующего разграничения права собственности на этот участок в пользу муниципального образования [9].

В данном примере ключевым является вывод о том, что при наличии обоснованной и нормативно подтвержденной необходимости уполномоченный на распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, орган власти вправе осуществить такое распоряжение для целевого использования установленной законом группе субъектов. Такое предоставление является основанием для разграничения права и последующей регистрации права собственности на земельный участок соответствующего публично-правового образования. В данном случае суд подтвердил и гарантировал право на земельный участок, установив исключительные полномочия органа местного самоуправления в этом отношении [7].

Заключение

Таким образом, подводя итог рассматриваемому вопросу, обозначим следующие выводы.

1. Неюрисдикционные способы защиты вещных прав – это предусмотренные законодательством способы защиты вещных прав, которые подразумевают самостоятельные действия участника гражданских правоотношений по защите вещных прав без обращения в суд или уполномоченный орган власти.

2. С практической точки зрения также можно сделать вывод о том, что неюрисдикционные способы защиты более актуальны для участника гражданских правоотношений. Они являются более пластичными и гибкими, что позволяет применять такие способы защиты более широко.

3. В ходе проведенного нами анализа были выделены два ключевых способа защиты вещных прав – самозащита и оперативный метод защиты вещных прав. Кроме представленных в работе, гражданское законодательство содержит и ряд других неюрисдикционных способов защиты вещных прав, среди которых,

например, можно выделить: удержание своего имущества или имущества правонарушителя, медиация, меры претензионного порядка, некоторые другие.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет судить об актуальности и практической значимости неюрисдикционных способов защиты для современных гражданских правоотношений.

Литература

1. Алексеев В.А. Нужны ли вещному праву вещные права? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 2. С. 31 – 42.
2. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско–правовой защиты: монография. М.: Норма, 2022. 464 с.
3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. 431 с.
4. Краснова С.А. Система способов защиты вещных прав: монография. М.: ИНФРА-М, 2015. 148 с.
5. Маслюк П.М. Иск о признании права собственности как способ защиты вещного права // Хозяйство и право. 2022. № 4. С. 13 – 22.
6. Новоселова А.А., Подшивалов Т.П. Вещные иски: проблемы теории и практики: монография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2023. 279 с.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358150/efb118e36adf1b82f2b3bb7c534298b4563e6b84 (дата обращения: 12.03.2023).
8. Определение Верховного Суда РФ от 13.03.2020 N 306-ЭС19-19642 по делу N А55-12718/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13032020-n-306-es19-19642-po-delu-n-a55-127182018/> (дата обращения: 19.03.2023)
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2019 по делу N 307-ЭС19-13722, А13-8951/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122019-po-delu-n-307-es19-13722-a13-89512018/> (дата обращения: 25.03.2023)
10. Подшивалов Т.П. Соотношение иска о признании вещного права отсутствующим с другими способами защиты // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 8. С. 39 – 42.
11. Согоян М.К. К вопросу о проблемах неюрисдикционной формы защиты гражданских прав // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 1. С. 587 – 598.
12. Шереметьева Н.В. Формы и способы защиты ограниченных вещных прав // Правовые вопросы недвижимости. 2021. № 2. С. 28 – 33.

References

1. Alekseev V.A. Nuzhny li veshhnomu pravu veshhnye prava? Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. 2020. № 2. S. 31 – 42.
2. Andreev Ju.N. Mehanizm grazhdansko–pravovoj zashhity: monografija. M.: Norma, 2022. 464 s.
3. Vitrijanskij V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi. M.: Statut, 2017. 431 s.
4. Krasnova S.A. Sistema sposobov zashhity veshhnyh prav: monografija. M.: INFRA-M, 2015. 148 s.
5. Masljuk P.M. Isk o priznanii prava sobstvennosti kak sposob zashhity veshhnogo prava. Hozjajstvo i pravo. 2022. № 4. S. 13 – 22.
6. Novoselova A.A., Podshivalov T.P. Veshhnye iski: problemy teorii i praktiki: monografija. M.: NIC INFRA-M, 2023. 279 s.
7. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 2 (2020) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 22.07.2020) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358150/efb118e36adf1b82f2b3bb7c534298b4563e6b84 (data obrashhenija: 12.03.2023).
8. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 13.03.2020 N 306-JeS19-19642 po delu N A55-12718/2018 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13032020-n-306-es19-19642-po-delu-n-a55-127182018/> (data obrashhenija: 19.03.2023)
9. Opredelenie Sudebnoj kollegii po jekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 24.12.2019 po delu N 307-JeS19-13722, A13-8951/2018 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-24122019-po-delu-n-307-es19-13722-a13-89512018/> (data obrashhenija: 25.03.2023)

10. Podshivalov T.P. Sootnoshenie iska o priznanii veshhnogo prava otsutstvujushhim s drugimi sposobami zashhity. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2020. № 8. S. 39 – 42.

11. Sogojan M.K. K voprosu o problemah nejurisdikcionnoj formy zashhity grazhdanskih prav. Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiju. 2020. № 1. S. 587 – 598.

12. Sheremet'eva N.V. Formy i sposoby zashhity ogranicennyh veshhnyh prav. Pravovye voprosy nedvizhimosti. 2021. № 2. S. 28 – 33.

Понятие и основные характеристики субъективной стороны преступления

Долгополов К.А., кандидат юридических наук, доцент,
Щербалев А.А.,
Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация: в статье рассматривается понятие и общая характеристика субъективной стороны преступления как целостного элемента состава преступления. Отмечается дискуссионный характер субъективной стороны преступления, который уже давно стал пристальным объектом научного исследования. Отдельно указывается, что в уголовном законе понятие субъективной стороны не закреплено, в связи с чем её с полным правом можно считать теоретической категорией. Показано, что основная сложность связана с установлением признаков субъективной стороны преступления, что обуславливает большое количество ошибок в практической деятельности. Доказывается, что понятия «субъективная сторона преступления» и «субъективная сторона состава преступления» соотносятся между собой как часть и целое, при этом первое понятие выступает в качестве юридической основы второго. Выясняется отражательная и преобразовательная природа субъективной стороны преступления. Основными характеристиками субъективной стороны преступления признаны: 1) психическая, нематериальная природа; 2) непосредственная связь с объективной стороной преступления; 3) системно-структурный характер, позволяющий выделить в ней определенные составные части. Раскрывается содержание каждой из приведенных характеристик субъективной стороны преступления. Отмечается центральное место психического отношения в структуре субъективной стороны преступления и его взаимосвязь с другими психическими феноменами. Перечисляются ключевые составные части субъективной стороны преступления. Указывается на их взаимосвязанный и взаимообусловленный характер.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, субъективная сторона преступления, элемент состава преступления, вина, психическое отношение, эмоции, мотив преступления

Для цитирования: Долгополов К.А., Щербалев А.А. Понятие и основные характеристики субъективной стороны преступления // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 50 – 53.

The concept and main characteristics of the subjective side of crime

Dolgoplov K.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Shcherbalev A.A.,
North Caucasus Federal University

Abstract: the article discusses the concept and general characteristics of the subjective side of the crime as an integral element of the crime. The debatable nature of the subjective side of the crime, which has long been a close object of scientific research, is noted. Separately, it is indicated that the concept of the subjective side is not fixed in the criminal law, and therefore it can rightfully be considered a theoretical category. It is shown that the main difficulty is associated with the establishment of signs of the subjective side of the crime, which causes a large number of errors in practice. It is proved that the concepts of "the subjective side of the crime" and "the subjective side of the corpus delicti" correlate with each other as part and whole, while the first concept acts as the legal basis of the second. It turns out the reflective and transformative nature of the subjective side of the crime. The following are recognized as the main characteristics of the subjective side of the crime: 1) mental, intangible nature; 2) direct connection with the objective side of the crime; 3) system-structural character, which allows to single out certain constituent parts in it. The content of each of the above characteristics of the subjective side of the crime is revealed. The central place of the mental attitude in the structure of the subjective side of the crime and its relationship with other mental phenomena is noted. The key components of the subjective side of the crime are listed. Their interconnected and interdependent nature is indicated.

Keywords: crime, corpus delicti, subjective side of the crime, element of corpus delicti, guilt, mental attitude, emotions, crime motive

For citation: Dolgoplov K.A., Shcherbalev A.A. The concept and main characteristics of the subjective side of crime. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 50 – 53.

Субъективная сторона преступления – один из самых дискуссионных и важных объектов исследования в теории уголовного права. Являясь элементом состава преступления, внутренней стороной любой преступной деятельности, она издавна привлекала внимание ученых-юристов и психологов. Это обусловлено тем, что субъективная сторона преступления выступает сознательно-волевой манифестацией личности виновного и в этом плане она позволяет достаточно глубоко изучить психологию преступника, ответить на вопрос почему он решил совершить преступление. Субъективная сторона раскрывает весь психологический механизм принятия виновным определенного решения, приведший к конкретному признанному преступным поведенческому акту.

Понятие субъективной стороны преступления сугубо теоретическое. В уголовном законе нет такого понятия. При этом имеется в виду и само использование термина «субъективная сторона преступления» в тексте уголовного закона и определение её понятия в какой-либо статье УК РФ. Иное дело теория уголовного права. Здесь понятие субъективной стороны преступления не только считается общепризнанным названием одного из элементов конструкции состава преступления, но и имеются множество различных определений её понятия, которые несмотря на все их вариации, в целом раскрывают одну и ту же присущую ей суть, а именно психическую сторону совершаемого преступления.

В теории уголовного права под субъективной стороной преступления принято понимать психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершаемым преступлением [1, с. 629]. Это «классическое» определение данного элемента состава преступления при всей своей кажущейся простоте поднимает целый ряд острых вопросов, главнейший из которых заключается в установлении признаков субъективной стороны правоприменительными органами в процессе практической деятельности. Как показало изучение практики «почти половина следственно-судебных ошибок связано с упрощенной однозначной и прямолинейной трактовкой субъективной стороны преступного поведения» [2, с. 4]. Обусловлено это тем, что субъективная сторона преступления недоступна прямому эмпирическому наблюдению и правильный вывод о её характере и содержании можно сделать, только изучив все фактические обстоятельства совершенного виновным лицом преступления, которые доступны в объективной форме.

Субъективная сторона преступления не тождественна понятию субъективной стороны состава преступления. Первое понятие шире, оно включает в себя второе, являющееся элементом состава преступления, обуславливает его наличие и квалификацию [3, с. 6-7]. Субъективная сторона состава преступления представляет собой таким образом юридический каркас субъективной стороны преступления, состоящий из одного обязательного признака – вины, и трех факультативных признаков – мотива преступления, цели преступления, эмоционального состояния потерпевшего.

Субъективная сторона преступления образуется в результате взаимодействия психологических особенностей конкретной личности, совершающей преступление и внешних условий социальной среды, в которой личность находится. Она является для индивида как субъективным образом, сознательно отражающим объективные обстоятельства совершаемого преступления, так и избирательным волевым воздействием на характер совершаемого преступления, используя его как средство для удовлетворения своих потребностей и интересов.

При раскрытии субъективной стороны преступления необходимо обратить внимание на ряд присущих ей основных характеристик, к которым в частности относятся: 1) психическая, нематериальная природа; 2) непосредственная связь с объективной стороной преступления; 3) системно-структурный характер, позволяющий выделить в ней определенные составные части, иначе названные в доктрине уголовного права признаками субъективной стороны преступления.

Психическая, нематериальная природа субъективной стороны преступления заключается в том, что она выражается в психической деятельности, представляющей собой сложный психофизиологический феномен, суть которого связана с возникновением, развитием и прекращением существования различных психических процессов и явлений, обуславливающих тот или иной вариант преступного поведения человека. Отсюда можно сделать вывод, что субъективная сторона преступления – это протекающий во времени психический акт, состоящий из целой совокупности происходящих в психической сфере человека явлений и процессов, которые не занимают никакого физического пространства, так как существуют только в особом субъективном мире лица, совершающего преступление.

Важно отметить, что образующие субъективную сторону преступления психические феномены нельзя четко разграничить между собой. Как отмечает А.И. Плотников «психические явления не имеют физического измерения. Они представляют собой качественно иную реальность, чем предметный мир, и в силу этого не могут иметь резких очертаний и границ. Известная расплывчатость (по отношению к понятиям предметного мира) – их неизбежное свойство, которое следует признать, как данность» [4, с. 78].

Анализ юридически значимых признаков субъективной стороны преступления показывает, что она касается четырех подсистем психической организации человека: сознательной, волевой, эмоциональной и мотивационно-целевой. При этом основу содержания субъективной стороны преступления, составляет осознаваемое содержание психической сферы человека, связанное с совершаемым преступлением. Осознаваемыми в данном случае являются те психические феномены и образы, на которые направлен или может быть направлен фокус внимания человека. Говоря иными словами преступление прежде всего является актом человеческого сознания и воли, который выражается во внешний мир в виде совершения определенно-го действия или бездействия. Таким образом, преступление всегда есть продукт деятельности «Эго» (Я) человека. Однако сознательно-волевая сфера человека во многом зависит от происходящих в его психике бессознательных процессов. Ещё К.Г. Юнг обращал внимание на то, что «бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием» и далее он отмечал: «Я недвусмысленно употребляю слово «компенсаторный», а не слово «контрастирующий», потому, что сознание и бессознательное вовсе не обязательно противоположны друг другу, но взаимно дополняются до целого – самости» [5, с. 15]. Это говорит о том, что между сознанием и бессознательным началом нет непреодолимой пропасти. Сознательные и бессознательные явления и процессы постоянно перетекают и трансформируются друг в друга. Поэтому полностью отрицать роль бессознательных психических процессов в генезисе субъективной стороны преступления было бы неправильно, но и определение точных параметров взаимодействия сознания и бессознательного в этом вопросе ещё только предстоит выяснить.

Психическая природа субъективной стороны не поддается непосредственному восприятию и наблюдению с помощью органов чувств человека. В связи с этим вывод о ней делается только на основании анализа и оценки поведения субъекта и остальных объективных обстоятельств совершенного преступления. Говоря о недоступности субъективной стороны преступления для чувственного восприятия другими лицами, мы имеем в виду только её информационную, психологическую часть, выраженную в совокупности сменяющихся друг друга мыслей, образов, представлений и побуждений. В свою очередь биологическая, нейрофизиологическая часть субъективной стороны преступления, материальной основой которой является головной мозг и нервная система человека доступна эмпирическому познанию. Как установила современная наука проявление психической деятельности в головном мозге происходит благодаря его электрической (испускания электромагнитных волн разной длины) и биохимической активности, которые осуществляются путем передачи нервных импульсов от одной клетки к другой через их химическое (медиаторы) или электрическое взаимодействие (движение ионов) по синоптическим связям (синапсам) [6, с. 344].

В субъективную сторону преступления входят не все психические феномены присущие человеку. Её образует только то содержимое психики, которое имеет предметную связь с объективной стороной преступления. В реальной жизни преступление вообще представляет собой единый психофизиологический акт, в котором и субъективная и объективная сторона преступления существует в единстве и нераздельной целостности обуславливая совершение преступления в одно время, в одном месте, одним и тем же лицом.

Несмотря на то, что с онтологической точки зрения субъективная сторона как особого рода психическая субстанция едина, она, тем не менее состоит из целой цепи взаимосвязанных психических феноменов, что указывает на её системно-структурный, неоднородный характер.

Центральное место в субъективной стороне преступления занимает психическое отношение лица к совершенному им деянию и его последствиям. Под психическим отношением В.Н. Мясищев понимает внутреннюю сторону связи человека с действительностью, содержательно характеризующие личность, как активного субъекта с его избирательным характером внутренних переживаний и внешних действий, направленных на различные стороны объективной действительности [7, с. 88]. В субъективной стороне преступления психическое отношение – это избирательная, активная, сознательно-волевая, ценностно-личностная взаимосвязь субъекта с его преступным деянием и его последствиями в котором раскрываются как социально-приобретенные, так и индивидуализированные (врожденные) черты личности данного субъекта.

В основе формирования психического отношения лица к совершенному им преступлению лежат установки и определенная иерархия мотивов. Именно они находят выражение в соответствующей преступной деятельности лица. Общим свойством установок и иерархии мотивов лица, совершившего преступление является смещение акцента с социально-значимых ценностей на личностно-значимые потребности. Установка, как правило, носит неосознанный антисоциальный, асоциальный или недостаточно выраженный социальный характер и означает готовность лица к совершению противоправного поведения. В мотивации лица, совершившего преступление, обычно преобладают мотивы, направленные на удовлетворение физиологических или материальных потребностей. Однако иногда могут иметь место и более возвышенные мотивы, выражающие духовные потребности человека, например, мотив сострадания.

Важное значение в субъективной стороне преступления имеет эмоциональный фон. Он включает в себя все протекающие во время совершения преступления эмоциональные процессы: эмоции, чувства, аффекты и настроения. В психологической науке эмоциональные процессы изучены довольно слабо и у них нет общепринятого определения. Но неоспоримым свойством эмоциональных процессов является их способность влиять на сознательно-волевую активность лица. Психическая деятельность человека всегда протекает на том или ином эмоциональном фоне, отчего зависит её сила, глубина, характер и направленность. Сильные эмоциональные процессы могут существенно снижать сознательно-волевой контроль лица над своим поведением, вплоть до полного его исключения. Особое значение в уголовном праве в этом плане имеют аффекты. В зависимости от их характера (физиологический или патологический) они могут не только деформировать психическое отношение лица к совершенному им преступлению, но и вообще исключить способность лица к осознанию фактической и социальной стороны совершаемого им действия (бездействия), а также к руководству его совершением.

В субъективной стороне преступления можно выделить несколько основных частей, каждая из которых может получить при определенных обстоятельствах самостоятельное юридическое значение: а) сознательно-волевое отношение к совершаемому преступному деянию; б) внутренние психологические побудительные причины, нередко обусловленные внешними обстоятельствами, которые влияют на механизм принятия решения виновным лицом; в) конечные идеальные представления, выступающие ориентирами для совершающего преступное деяние виновного лица, определяющие характер и направленность его действий (бездействия); г) доминирующие эмоциональные состояния; д) деятельность волевой сферы виновного касающейся общественно опасных результатов совершенного преступного деяния. В научной литературе все указанные составные части субъективной стороны преступления рассматриваются как отдельные её признаки, образующие содержание данного элемента состава преступления. В реальности, же они не просто взаимосвязаны, но и в прямом смысле слова взаимообуславливают существование друг друга.

Литература

1. Коржанский Н.И., Кудрявцев В.Н., Малинин В.Б., Павлов В.Г. и др. Энциклопедия уголовного права: Состав преступления. С.-Пб.: Изд. профессора Малинина, 2005. Т. 4. 796 с.
2. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М., 2000. 70 с.
3. Гаухман Л.Д. Субъективная сторона преступления: сравнительно-правовой аспект. М., 1992. 53 с.
4. Плотников А.А. Объективное и субъективное в преступлении. М., Проспект, 2011. 240 с.
5. Юнг К.Г. Эон. М.: Изд-во АСТ Москва, 2009. 411 с.
6. Коган А.Б. Основы физиологии высшей нервной деятельности: учеб. для биол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М: Высш. школа, 1988. 367 с.
7. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. Л. 1960. 426 с.

References

1. Korzhanskij N.I., Kudrjavcev V.N., Malinin V.B., Pavlov V.G. i dr. Jenciklopedija ugodovnogogo prava: Sostav prestuplenija. S.-Pb.: Izd. professora Malinina, 2005. T. 4. 796 s.
2. Luneev V.V. Sub#ektivnoe vmenenie. M., 2000. 70 s.
3. Gauhman L.D. Sub#ektivnaja storona prestuplenija: sravnitel'no-pravovoj aspekt. M., 1992. 53 s.
4. Plotnikov A.A. Ob#ektivnoe i sub#ektivnoe v prestuplenii. M., Prospekt, 2011. 240 s.
5. Jung K.G. Jeon. M.: Izd-vo AST Moskva, 2009. 411 s.
6. Kogan A.B. Osnovy fiziologii vysshej nervnoj dejatel'nosti: ucheb. dlja biol. spec. vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M: Vyssh. shkola, 1988. 367 s.
7. Mjashishhev V.N. Lichnost' i nevrozy. L. 1960. 426 s.

Проблемные вопросы деятельности совета безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности: методологические подходы и перспективы решения

**Годованик Е.В., доктор юридических наук, профессор,
Севастопольский государственный университет,
Квач С.С., кандидат юридических наук, доцент,
Федулов И.Н., доктор философских наук, профессор,
Югорский государственный университет**

***Аннотация:** работа посвящена определению ключевых проблем организации и деятельности Совета Безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности в современном мире. Рассмотрены возможные способы и проекты оптимизации деятельности Совета Безопасности ООН, в которых должен учитываться и уважаться государственный суверенитет всех членов ООН в формирующемся вопреки деструктивной, противоречащей основным принципам и нормам международного права политической позиции некоторых западных стран подлинно многополярном мире.*

Сформулированы авторские теоретико-методологические и научно-практические выводы о действенных механизмах, позволяющих сформировать эффективную модель межгосударственного сотрудничества на уровне Совета Безопасности ООН, предполагающего как незыблемость прерогатив постоянных членов, так и всестороннего учета законных интересов непостоянных членов при выработке и принятии резолюций и рекомендаций по вопросам поддержания международного мира и безопасности.

***Ключевые слова:** Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности ООН, международный мир и безопасность, резолюции Совета Безопасности ООН, право вето*

Для цитирования: Годованик Е.В., Квач С.С., Федулов И.Н. Проблемные вопросы деятельности совета безопасности ООН по поддержанию международного мира и безопасности: методологические подходы и перспективы решения // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 54 – 59.

Problem issues in the activities of the UN Security Council to maintain international peace and security: methodological approaches and prospects for solutions

**Godovanik E.V., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Sevastopol State University,
Kvach S.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Fedulov I.N., Doctor of Philosophical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Yugra State University**

***Abstract:** the work is devoted to determining the key problems of the organization and activities of the UN Security Council to maintain international peace and security in the modern world. Possible ways and projects to optimize the activities of the UN Security Council are considered, in which the state sovereignty of all UN members should be taken into account and respected in the political position of some Western countries that is being formed contrary to the destructive and contrary to the basic principles and norms of international law.*

The author's theoretical-methodological and scientific-practical conclusions are formulated on effective mechanisms that make it possible to form an effective model of interstate cooperation at the level of the UN Security Council, which implies both the inviolability of the prerogatives of permanent members and comprehensive consideration of the legitimate interests of non-permanent members in the development and adoption of resolutions and recommendations on issues maintaining international peace and security.

***Keywords:** United Nations Organization, historical and legal background, UN Charter, basic principles of international law, universal international organizations*

For citation: Godovanik E.V., Kvach S.S., Fedulov I.N. Problem issues in the activities of the UN Security Council to maintain international peace and security: methodological approaches and prospects for solutions. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 54 – 59.

Определение и тщательный анализ проблемных вопросов, возникающих перед Советом Безопасности ООН (далее – СБ ООН) при осуществлении его деятельности по поддержанию международного мира и безопасности, является необходимым структурным элементом комплексного научного исследования международно-правового статуса и актуальных проблем реформирования указанного главного органа Организации Объединенных Наций (далее – ООН), поскольку от их корректной постановки напрямую зависит эффективность указанного процесса, имеющего исключительную актуальность на современном этапе развития международного права. При этом представляется достаточно важным обратить внимание именно на те аспекты, которые прямо влияют на качество выполнения СБ ООН своей основной системообразующей функции по поддержанию международного мира и безопасности в универсальном (планетарном) масштабе.

В целом, как показывает практика функционирования СБ ООН на протяжении 1945-2023 гг., проблемные вопросы, возникающие в процессе деятельности этого органа международной организации, можно классифицировать по двум содержательным направлениям: а) фактические, вытекающие из текущего состояния международных отношений и отражающие конкретные угрозы, вызовы и изменения, реагирование на которые требует модернизации действующих международно-правовых норм или принятия новых нормативных положений учредительного характера о месте и роли СБ ООН в формировании унифицированного подхода к решению соответствующих вопросов повестки дня; б) международно-правовые (формально-юридические), отражающие несовершенство отдельных нормативных элементов международно-правового статуса СБ как главного органа ООН и приводящие к низкой эффективности этого органа в достижении целей и решении задач, регламентированных уставными положениями, разделяясь по основной направленности объекта реформирования на институциональные, организационно-правовые, функциональные и нормативно-правовые.

Как уже отмечалось, действующий и воплощенный в положениях Устава ООН [1] международно-правовой статус главных органов ООН отображает те политико-правовые реалии, которые сложились еще во время разработки и принятия Устава в 1945 г., поэтому, как логично предположить, существенно изменившиеся фактические обстоятельства международных отношений требуют приведения международно-правовых норм, на которых базируется общепризнанная концепция всеобщей безопасности, в соответствие с существующими реалиями многополярного мира.

На уровне самой ООН, являющейся наивысшим уровнем межгосударственного взаимодействия в современном мире, понимание такой потребности нашло свое проявление, в частности, в создании Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и изменениям в составе известных политических деятелей из разных регионов мира, которая 1 декабря 2004 г. представила Генеральному Секретарю ООН доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (далее: доклад Группы высокого уровня) [2], ключевым тезисом которого является признание необходимости «серьезных изменений» в структуре ООН и ее деятельности.

Как констатируется в части I этого рамочного документа, «учредители Организации Объединенных Наций думали в первую очередь о безопасности государства», и продолжается: «главная задача в XXI веке состоит в том, что мы должны добиться нового, более глубокого понимания системы коллективной безопасности в всех ее измерениях и со всеми ее функциями, обязанностями, стратегиями и учреждениями, поскольку только в таком случае система коллективной безопасности будет эффективной, экономически рациональной и справедливой». В частности, среди основных угроз, угрожающих международному миру и безопасности в современном мире, акцентируется внимание на основных их блоках, которых насчитывается шесть: 1) экономические и социальные угрозы, включая бедность, инфекционные заболевания, экологическую деградацию; 2) межгосударственный конфликт; 3) внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства; 4) проблема распространения ядерного, радиологического, химического и биологического оружия; 5) международный терроризм; 6) транснациональная организованная преступность.

Как уже было отмечено, по содержательному наполнению существующие на современном этапе проблемы в деятельности СБ ООН можно классифицировать на институциональные, организационно-правовые, функциональные и нормативно-правовые, причем определение конкретных проблемных международно-правовых вопросов в рамках указанных доктринально-теоретических групп требует тщательного комплексного политико-правового и формально-юридического анализа.

Как представляется, главной онтологической характеристикой, позволяющей оценить эффективность деятельности СБ ООН, является его способность действенно и оперативно устранять угрозы и вызовы международному миру и безопасности, которые фактически возникают из различных источников в современном мире.

Исходя из обозначенного общего методологического подхода, концептуально, деятельность СБ ООН по поддержанию международного мира и безопасности следует анализировать, с одной стороны, как неотъемлемую составную часть деятельности ООН как единственной в мире универсальной международной организации общей компетенции, а с другой – с точки зрения ее соответствия реальным конкретно-историческим условиям и угрозам XXI века, которые складываются в силу комплекса воздействующих на международный правопорядок политических, экономических, социальных, технологических, информационных и прочих факторов.

Обобщая два указанных направления решения проблемных вопросов деятельности СБ ООН, можно сделать концептуальный вывод о необходимости адаптации институционального механизма всей ООН в целом, а не только ее отдельного органа, к принципиально новым угрозам и вызовам современности путем внесения изменений и дополнений в Устав ООН, имеющих целью повышение эффективности ООН посредством усиления ее главных органов, включая СБ ООН, а также адаптации международного права, прежде всего – положений непосредственно самого Устава ООН, к современным реально существующим фактическим условиям, в которых формируется адекватное правовое регулирование международных отношений.

Следовательно, проблемные вопросы деятельности СБ ООН должны рассматриваться в неотъемлемой диалектической взаимосвязи как с проблемой недостаточной эффективности ООН в целом, так и с фактическими угрозами международному миру и безопасности в современном мире.

В то же время, свое внешнее проявление проблемы деятельности СБ ООН по поддержанию международного мира и безопасности находят в конкретных институциональных аспектах организационно-правового и функционального характера.

Основной организационно-правовой проблемой в функционировании СБ ООН как органа международной организации усматривается его неспособность к принятию какого-либо решения в ситуациях, объективно требующих реагирования в соответствии с действующими уставными нормами, определяющими соответствующие функции и полномочия.

Нормативные предпосылки возникновения подобной проблемы изначально заложены в механизме голосования для принятия решений по непроцедурным вопросам, установленном п. 3 ст. 27 Устава ООН (т.н. «ялтинская формула»).

В то же время, С.В. Додонова рассматривает эту проблему с точки зрения более широкого нормативного подхода, указывая на два немаловажных обстоятельства: 1) в основе системы коллективной безопасности находится Устав ООН; 2) основные цели и принципы права международной безопасности являются одновременно и целями и принципами международного права в целом, которые объективируют актуальность постановки вопроса о способности международного права адекватно решать свою главную задачу, коей как раз и является поддержание международного мира и безопасности [3].

С таким замечанием в целом следует согласиться, ведь, как отмечают А.Н. Барабанов, В.А. Голицын и В.В. Терещенко, «ситуации, когда Совет Безопасности оказывается «заблокированным» одним или рядом постоянных членов и не может принять никакого решения по применению силы, иногда интерпретируются как его неспособность реагировать должным образом на серьезные международные кризисы, заставляющие государства или группы государств действовать самостоятельно, в том числе силовыми методами» [4].

Одним из примеров такого нигилистического отношения к исключительной компетенции СБ ООН, являющейся одной из фундаментальных основ сложившегося после 1945 г. международного правопорядка, стало принятие в 1998 г. Североатлантической ассамблеей резолюции по вопросам евроатлантической безопасности, в которой отмечается, что НАТО «должна быть готова действовать в случае, если Совет Безопасности ООН не сможет осуществлять свои функции по поддержанию международного мира и безопасности» [5].

Необходимо отметить, что обозначенный подход к обеспечению международной, а точнее сказать – своей собственной, безопасности, к сожалению, стал не просто абстрактной нормой-целью, а руководством к действию государств, входящих в НАТО, многократно применявшимся после принятия соответствующей резолюции.

Так, в 1999 г. без обязательной и единственно возможной для санкционирования применения военной силы резолюции СБ ООН, НАТО провело противоречащую всем основным принципам и нормам международного права коллективную операцию, обозначаемую в документах самой организации как «Союзная сила» (англ. Operation Allied Force) [6], в рамках которой с 24 марта по 10 июня проводились интенсивные бомбардировки суверенной территории Югославии, в результате которых разрушалась военная и гражданская инфраструктура, гибли и получали ранения военнослужащие и гражданское население, были спровоцированы огромные потоки беженцев и внутренних переселенцев. При этом, осуществляемые действия никоим образом также не соответствовали гипотетически возможному исключению для применения военной

силы без резолюции СБ ООН – в целях самообороны, поскольку никакой угрозы для государств-членов НАТО действия Югославии не представляли.

Приведенный пример стал первым явным, но далеко не последним примером полного игнорирования и прямого нарушения государствами-членами НАТО под эгидой всего военно-политического блока как целостной структуры установленных императивными нормами международного права оснований и порядка применения вооруженных сил для поддержания международного мира и безопасности, без соблюдения которого складываются все основания констатировать наличие признаков акта агрессии в описываемых односторонних действиях.

В частности, целый ряд государств НАТО, прежде всего – США, осуществили вторжение в Ирак в 2003 г. без резолюции СБ ООН и отсутствии юридических оснований для активации механизма индивидуальной или коллективной самообороны, в результате которого, по различным оценкам, суммарные потери гражданского населения на всех стадиях конфликта составили от 116 000 до 1 500 000 только погибшими [7].

Другим вариантом агрессивных действий со стороны отдельных государств-членов НАТО является явный выход за пределы целей принятия и методов реализации резолюции СБ ООН, как это имело место в случае с интервенцией в Ливию. По ливийскому вопросу была принята основанная на ст. 42 Устава ООН Резолюция СБ 1973 от 17 марта 2011 г. [8], декларирующая защиту мирных жителей как цель внешнего военного вмешательства (т.н. «гуманитарная интервенция»), однако коалиция, ведущая роль в которой принадлежала США, фактически подменила цели проводимой операции, заняв сторону повстанцев и в конечном итоге спровоцировав не только значительное увеличение жертв среди гражданских лиц, но и размывание ливийской государственности как таковой, единство и целостность которой не восстановлена и по состоянию на сегодня. Кроме того, международная коалиция фактически молчаливо одобрила не имеющее ничего общего с соблюдением основных прав человека и не укладывающееся в элементарные понятия о морали и нравственности убийство повстанцами с особой жестокостью 20 октября 2011 года захваченного ими в плен после завершения битвы за Сирт легитимного лидера Ливии М. Каддафи.

В результате этих и многих других односторонних агрессивных действий государств-членов НАТО, решение об осуществлении которых принимаются исключительно на политической, а не на правовой основе, в современном мире сложилась ситуация, которую очень точно относительно различных сфер международных отношений охарактеризовал министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров: «В политике – расшатывание международно-правового фундамента, нарастание нестабильности и неустойчивости, хаотичная фрагментация глобального пространства, углубление недоверия между участниками международной жизни. В сфере безопасности – размывание грани между несилowymi и силовыми методами достижения внешнеполитических целей, милитаризация международных отношений, повышение роли ядерного оружия в доктринальных документах США, снижение порога его возможного применения, появление новых очагов вооруженных конфликтов, сохранение глобальной террористической угрозы, милитаризация киберпространства» [9].

При этом некоторые исследователи оценивают ситуацию отсутствия консенсуса в СБ ООН в соответствии с «ялтинской формулой» единогласия постоянных членов с достаточно радикальных позиций, полагая, что в случае отсутствия резолюции РБ о применении принудительных мер, направленных на обеспечение международного мира и безопасности, необходимо констатировать факт невыполнения указанным главным органом ООН своих обязанностей в соответствии с главой VII Устава, в результате чего уставные положения утрачивают свою силу в отношении конкретной ситуации [10].

Подобная позиция, как представляется, противоречит международно-правовым нормам, поскольку принятие решения о принятии принудительных мер является исключительной компетенцией РБ ООН, на чем фундаментально построена вся архитектура универсальной безопасности начиная с 1945 г.

Таким образом, в некоторой степени можно согласиться с С.В. Черниченко, по мнению которого лучше, чтобы не было принято никакого решения, чем принято решение, которое провоцирует обострение противоречий, между постоянными членами СБ [11], поскольку поиск компромиссных консенсуальных позиций постоянными членами является ключевым условием недопущения гипотетического прямого вооруженного конфликта между ними, для чего крайне важным обстоятельством является учет мнений и политико-правовых позиций каждой из пяти мировых Великих держав, обладающих правом вето.

Кроме того, «ялтинская формула», положенная в основу международно-правового статуса СБ ООН, отражает и необходимую целесообразность построения реально многополярного мира с одинаковым уважением к принципу суверенного равенства государств со стороны всех участников международных отношений. При этом совершенно недопустимой альтернативой дальнейшему сохранению и соблюдению принципа единогласия постоянных членов СБ представляется прямая конфронтация между ними, которая может стать критической для выживания всей человеческой цивилизации, принимая во внимание существующий

военно-промышленный и технологический потенциал ядерных государств, к которым относятся все указанные страны.

При этом некоторые организационно-правовые аспекты деятельности СБ ООН действительно нуждаются в усовершенствовании и модернизации с целью обеспечения как можно более полного представительства в главном органе ООН по поддержанию международного мира и безопасности всех континентов и регионов, направленного на полноценную легитимацию и универсализацию принимаемых решений. Для решения такой задачи, прежде всего, необходимо расширить географическое представительство в СБ ООН, которое не должно ограничиваться, например, только либо преимущественно североамериканскими или европейскими государствами.

В данном контексте следует признать справедливой и взвешенной позицию С.В. Лаврова о том, что «реформа Совета Безопасности назрела, потому что, когда из 15 членов Совета Безопасности в прошлом году шесть, а в будущем году с учетом переизбрания непостоянных членов уже будет семь западных стран, почти половина, конечно, это никуда не годится, конечно, это не репрезентативный состав, и, конечно же, хроническая недопредставленность развивающихся стран должна быть урегулирована» [12]. Соответственно, логично, если дополнительные места при расширении состава СБ ООН будут предоставлены государствам Африки, Азии, Южной и Латинской Америки, что, в свою очередь, отражает концепцию многополярного мира, состоящего из независимых государств, обладающих реальным суверенитетом, как единственно возможной альтернативы однополярной гегемонии, которую в мировой политике, экономике и международном праве стремятся навязать США и ее единомышленники по блоковому, конфронтационно-му восприятию окружающей действительности.

В целом, подводя итоги проведенного исследования проблемных вопросов деятельности СБ ООН по поддержанию международного мира и безопасности в современном мире, можно прийти к таким важнейшим выводам: а) проблемные вопросы, возникающие в процессе деятельности СБ ООН, можно разделить на фактические и формально-юридические, при этом саму по себе необходимость консенсуального принятия решений следует считать не проблемой, а безальтернативной целесообразностью, отражающей «ялтинскую формулу» как фундаментальную основу обеспечения международного мира и безопасности начиная с 1945 г. по сегодняшний день; б) основной фактической проблемой, препятствующей достижению консенсуса при принятии решений в СБ ООН, является односторонняя ориентация некоторых постоянных членов, прежде всего – США, на доминирование национальных политических и экономических интересов над уважением государственного суверенитета остальных участников международных отношений; в) основные усилия мирового сообщества по организационно-правовому реформированию СБ ООН должны быть направлены, прежде всего, на расширение географического представительства с целью обеспечения как можно более широкой международной легитимации его решений и вовлечения в процесс их принятия представителей всех континентов и регионов, причем, учитывая чрезмерное представительство в исследуемом органе западных государств, такое расширение должно происходить путем предоставления непостоянного и, возможно, постоянного членства государствам Африки, Азии, Латинской Америки, в том числе – с учетом независимости их внешней политики и реальных фактических возможностей ее самостоятельного осуществления в соответствии с основополагающим принципом суверенного равенства.

Литература

1. Додонова С.В. Международно-правовые основы укрепления системы коллективной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 16 с.
2. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. Государственное управление. М.: МГИМО-Ун-т, 2006. 256 с.
3. Bonnen P. Towards a common European security and defence policy: the ways and means of making it a reality. LIT Verlag Berlin-Hamburg-Münster, 2003. 204 p.
4. Blair D. Iraq war 10 years on: at least 116,000 civilians killed. The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/9932214/Iraq-war-10-years-on-at-least-116000-civilians-killed.html>
5. Лавров С.В. Мир на перепутье и система международных отношений будущего. Россия в глобальной политике. 2019. 20 сент. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/>

6. Murase S. The Relationship Between the UN Charter and General International Law regarding Non-Use of Force: The Case of NATO's Air Campaign in the Kosovo Crisis of 1999. *Liber Amicorum Judge Shigeru Oda*. Edited by Nisuke Ando, Kluwer Law International. 2002. Vol. 2. P. 1543 – 1554.

7. Черниченко С.В. Гуманитарная интервенция: международная противоправность. Актуальные международно-правовые и гуманитарные проблемы: сб. ст. М.: Дипломатическая академия, 2001. Вып. 2. С. 138 – 142.

References

1. Dodonova S.V. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy ukrepleniya sistemy kollektivnoj bezopasnosti* : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 16 s.

2. Barabanov O.N., Golicyn V.A., Tereshhenko V.V. *Gosudarstvennoe upravlenie*. M.: MGIMO-Un-t, 2006. 256 s.

3. Bonnen P. *Towards a common European security and defence policy: the ways and means of making it a reality*. LIT Verlag Berlin-Hamburg-Münster, 2003. 204 p.

4. Blair D. Iraq war 10 years on: at least 116,000 civilians killed. *The Telegraph*. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/9932214/Iraq-war-10-years-on-at-least-116000-civilians-killed.html>

5. Lavrov S.V. *Mir na pereput'e i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij budushhego*. *Rossija v global'noj politike*. 2019. 20 sent. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-na-perepute-i-sistema-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-budushhem/>

6. Murase S. The Relationship Between the UN Charter and General International Law regarding Non-Use of Force: The Case of NATO's Air Campaign in the Kosovo Crisis of 1999. *Liber Amicorum Judge Shigeru Oda*. Edited by Nisuke Ando, Kluwer Law International. 2002. Vol. 2. P. 1543 – 1554.

7. Chernichenko S.V. *Gumanitarnaja intervencija: mezhdunarodnaja protivopравnost'*. *Aktual'nye mezhdunarodno-pravovye i gumanitarnye problemy: sb. st.* M.: Diplomaticheskaja akademija, 2001. Vyp. 2. S. 138 – 142.

Конститутивные элементы договора энергоснабжения (на примере электрической энергии)

**Корзинкин С.С., специалист,
Московский государственный университет приборостроения и информатики**

Аннотация: электрификация производственных мощностей как очередной результат научно-технического прогресса является одним из основных условий стабильного существования и развития современного хозяйственного оборота, основанного на использовании крупных промышленных комплексов для массового производства товаров, работ и услуг. Признание энергии в качестве блага и товара с экономической точки зрения повлекло глобальное распространение электроснабжения как формы продажи такого товара, что требует надлежащего определения договора снабжения, установления его основных существенных признаков в целях правильной квалификации правоотношений по энергоснабжению и отграничения их от смежных институтов и конструкций. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что договор энергоснабжения является разновидностью договора купли-продажи, имеющим особый и уникальный с точки зрения своих природно-физических характеристик предмет – энергию, которая, хоть и является объектом материального мира, не может быть отнесена к категории «вещь» в связи с отсутствием телесной оболочки и скорой потребляемости в процессе производства. В то же время сама по себе передача энергии по договору не является единственным признаком договора энергоснабжения. Важно также учитывать, что для квалификации отношений именно как отношений по энергоснабжению необходимо, чтобы энергия передавалась от продавца покупателю особым способом – через сети напрямую в энергопринимающее устройство потребителя. Договор, по которому осуществляется продажа объектов, способных хранить или вырабатывать энергию (батареи, аккумуляторы), не может признаваться договором энергоснабжения. Наконец, последним основным характерным признаком договора энергоснабжения является особый статус продавца (поставщика) энергии, которым может выступать не любое лицо, а только «энергоснабжающая организация», адекватное определение которой в действующем законодательстве отсутствует. Представляется, что помимо таких признаков, как обладание статусом коммерческого юридического лица, продавец (поставщик) по договору энергоснабжения должен осуществлять деятельность по производству и продаже энергии в качестве своей основной деятельности.

Ключевые слова: энергоснабжение, договор энергоснабжения, продажа энергии, электроснабжение

Для цитирования: Корзинкин С.С. Конститутивные элементы договора энергоснабжения (на примере электрической энергии) // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 60 – 63.

Constitutive elements of an energy supply contract (on the example of electric energy)

**Korzinkin S.S., Specialist,
Moscow State University of Instrument Engineering and Computer Science**

Abstract: electrification of production facilities as another result of scientific and technological progress is one of the main conditions for the stable existence and development of modern economic turnover based on the use of large industrial complexes for mass production of goods, works and services. The recognition of energy as a good and commodity from an economic point of view has led to the global spread of electricity supply as a form of sale of such goods, which requires a proper definition of the supply contract, the establishment of its main essential features in order to properly qualify the legal relations on energy supply and delimit them from related law institutions and structures. According to the results of the study, the author comes to the conclusion that the energy supply contract is a type of purchase and sale contract that has a special and unique object from the point of view of its natural and physical characteristics - energy, which, although it is an object of the material world, cannot be classified as a "thing" due to the absence of a corporeal shell and fast consumability in the production process. At the same time, the transfer of energy under the contract itself is not the only sign of an energy supply contract. It is also important to take into account that in order to qualify the relationship as an energy supply relationship, it is necessary that energy is transferred from the seller to the buyer in a special way – through networks directly to the consumer's energy receiving device. The contract under which the sale of objects capable of storing or generating energy (batteries, accumulators) is carried out cannot be recognized as an energy supply contract. Finally, the last main characteristic feature of an energy supply contract is the special status of an energy seller (supplier), which may not be any person, but only an "energy supply organization", an adequate definition of which is absent in the

current legislation. It seems that in addition to such signs as having the status of a commercial legal entity, the seller (supplier) under the energy supply contract must carry out activities for the production and sale of energy as its main activity.

Keywords: *energy supply, energy supply contract, sale of energy, electricity supply*

For citation: Korzinkin S.S. Constitutive elements of an energy supply contract (on the example of electric energy). International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 60 – 63.

Предлагаемой законом формой, опосредующей общественные отношения по передаче электроэнергии от одного лица другому, является договор энергоснабжения, по которому, как это определено в п. 1 ст. 539 ГК РФ, энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд простоту изложенной нормы и иных связанных с ней положений, практика свидетельствует о наличии проблемных или, как минимум, спорных вопросов относительно оснований для квалификации договорного правоотношения по передаче электрической энергии от одного лица другому в качестве отношений, вытекающих из договора энергоснабжения.

В связи с изложенным имеется необходимость в проведении общего гражданско-правового анализа договора энергоснабжения и отграничения данного договорного типа от иных разновидностей договорных правоотношений, что возможно путем определения его существенных (конститутивных) элементов.

Первым отличительным признаком договора энергоснабжения и даже главным классификационным основанием, по которому данный договорный тип выделяется среди других, является предмет данного договора, а именно – энергия.

Точное определение энергии как объекта материального мира является предметом дискуссии в естественнонаучных кругах, пожалуй, с самого момента её появления и широкого распространения в обороте, что еще сильнее затрудняет юридическую квалификацию энергии как объекта. В связи с этим некоторыми авторами и вовсе признается, что энергия не обладает свойствами самостоятельного объекта гражданских прав [1].

По нашему мнению, энергия является объектоспособным элементом окружающей среды, по крайней мере с юридической точки зрения, что подтверждается тем, что энергия: 1) может свободно передаваться от одного лица другому; 2) может быть количественно и качественно исчислена; 3) имеет полезный хозяйственный эффект при её применении в быту и промысле.

Вышеперечисленные признаки в совокупности свидетельствуют о том, что энергия признается товаром в экономическом смысле, а, как известно, право – средство обслуживания экономической сферы, в связи с чем формальный отказ в признании энергии объектом гражданских прав не отвечал бы реалиям оборота.

Еще одной дискуссией, связанной с точным определением электроэнергии как объекта гражданских прав, является вопрос о том, является ли такая энергия материальной субстанцией либо же она представляет собой явление нематериального свойства [2].

Правильным представляется отнесение электроэнергии к явлениям материального свойства, обладающими определенными физическими признаками. Электроэнергия, в отличие, к примеру, от таких явно нематериальных объектов гражданского права, как товарный знак или деловая репутация, обладает свойством осязательности человеком, то есть способностью так или иначе воздействовать на материю (освещение темного помещения, возгорание проводников в результате короткого замыкания, разряд тока и т.п.).

Отметить лишь можно то, что, несмотря на материальную природу электроэнергии, следует признать невозможность её квалификации в качестве вещи в связи с отсутствием у электроэнергии свойств телесности, что признается присущим всем «силам природы» (свет, тепло, магнитные волны и т.п.) [3]. При этом следует также учитывать, что ключевой особенностью энергии является то, что как товар энергия потребляется сразу же в момент её приобретения, что обуславливает такие особенности энергии, как невозможность её передачи в залог, аренду или хранение [4].

Таким образом, одним из главных свойств договора энергоснабжения является особенность его объекта – энергии, которая может с юридической точки зрения быть квалифицирована как бестелесный материальный объект, главным свойством которого является, согласно общепризнанному взгляду, внутреннее движение материи, за счет которого имеет место полезный эффект от использования энергии. При этом следу-

ет признать, что конкретная разновидность энергии, передаваемой по договору энергоснабжения, например, электрическая или тепловая, для правовой квалификации значения не имеет.

Следующим немаловажным признаком, являющимся *conditio sine qua non* договора энергоснабжения, является особенный характер способа передачи энергии по данному договору.

Как следует из ранее процитированной диспозиции п. 1 ст. 539 ГК РФ, энергия передается «через присоединенную сеть», что предполагает единственный возможный с точки зрения техники способ её передачи для целей квалификации договорного правоотношения как энергоснабжения. В случае передачи энергии каким-либо другим способом соответствующие отношения не могут быть квалифицированы как отношения по договору энергоснабжения.

К примеру, при продаже одним лицом другому партии батареек, аккумуляторов или иных объектов, являющихся источниками хранения и/или выработки электроэнергии, такие отношения будут скорее регулироваться общими нормами о договоре купли-продажи или поставке, но никак не нормами о договоре энергоснабжения, поскольку передаваемая продавцом электроэнергия должна передаваться непосредственно по соответствующим сетям на энергопринимающее устройство покупателя.

Продажа тех или иных объектов, способных накапливать или вырабатывать электрическую энергию, не может признаваться в качестве отношений по энергоснабжению, поскольку в таких случаях энергия выступает лишь побочным (сопутствующим) объектом, содержащимся внутри вещи, выступающей непосредственным предметом сделки. Обратный подход означал бы, что к ситуации энергоснабжения можно отнести продажу мобильного телефона или, например, наручных часов на батарейках.

Еще одним конститутивным признаком договора энергоснабжения является субъектный состав соответствующих правоотношений. Так, ГК РФ однозначно определяют, что продавцом (поставщиком) энергии является «энергоснабжающая организация».

В ранее действовавших Правилах учета электрической энергии (утв. Минтопэнерго РФ 19.09.1996, Минстроем РФ 26.09.1996) содержится довольно скудное определение энергоснабжающей организации, под которой понималась коммерческая организация независимо от организационно – правовой формы, осуществляющая продажу потребителям произведенной или купленной энергии. Данное определение следует признать неудовлетворительным, поскольку кроме таких признаков, как обладание статусом коммерческого юридического лица, понятие энергоснабжающей организации никак не раскрывается. Также не выдерживает критики с точки зрения юридической техники имеющееся в норме уточнение, что продаваемая энергия должна быть в свою очередь произведена или куплена энергоснабжающей организацией, что и так очевидно, поскольку иных способов обладания лицом энергией в принципе не существует.

По этой причине Президиумом ВАС РФ было специально издано разъяснение, согласно которому соглашение, по которому арендатор компенсирует арендодателю расходы по оплате потребленной электроэнергии не может признаваться договором электроснабжения, в том числе по модели субабонентского договора (ст. 545 ГК РФ) [5]. В противном случае всякий раз в подобных ситуациях арендодателей или иных коммерческих организаций, предоставляющих иным лицам доступ к электроэнергии, следовало бы признавать электроснабжающими организациями, а заключенные ими договоры – договорам электроснабжения.

Изложенное свидетельствует о необходимости уточнения понятия «электроснабжающая организация» в целях предотвращения необоснованного расширения объема данного понятия. Представляется, что оптимальным критерием, по которому энергоснабжающие организации могут быть отграничены от других лиц, может выступать критерий осуществления данными организациями деятельности по энергоснабжению в качестве своего основного вида деятельности.

Литература

1. Grimm D.D. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. N 1 СПС (КонсультантПлюс)
2. Символоков О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография. Инфотропик Медиа. 2021 (СПС «Консультант Плюс»).
3. Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Полутом 2. Введение и общая часть. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. Т. 1. С. 12, 13.
4. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / под ред. Гришаева С.П., Свит Ю.П., Богачевой Т.В. М.: 2021 (СПС «Консультант Плюс»)
5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 N 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой».

References

1. Grimm D.D. K ucheniju ob ob#ektah prav. Vestnik grazhdanskogo prava. 2007. N 1 SPS (Konsul'tantPljus)
2. Simvolokov O.A. Dogovory v jelektroenergetike: problemy teorii i praktiki: monografija. Infotropik Media. 2021 (SPS «Konsul'tant Pljus»)
3. Jennekcerus L. Kurs germanskogo grazhdanskogo prava. Polutom 2. Vvedenie i obshhaja chast'. M.: Izd-vo inostranoj literatury, 1950. T. 1. S. 12, 13.
4. Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' vtoraja. pod red. Grishaeva S.P., Svit Ju.P., Bogachevoj T.V. M.: 2021 (SPS «Konsul'tant Pljus»)
5. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 11.01.2002 N 66 «Obzor praktiki razreshenija sporov, svjazannyh s arendoj».

Административное судопроизводство: истоки и перспективы рассмотрения административных дел с использованием ИТ-технологий

**Краевская А.Г.,
Лозовицкая Г.П., доктор юридических наук, профессор,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова**

***Аннотация:** в данной работе автором административное право рассматривается не только как базис в контексте учебной дисциплины, но и в контексте одной из основополагающей отрасли права, его взаимосвязанности с административным судопроизводством. Анализируется происхождение, развитие, формирование и перспективы. Изучается также процесс рассмотрения административного дела в суде и его прикладные аспекты, касающиеся реализации нормативно-правовой базы административного права. Автор обращается к историческим источникам, анализируя природу становления и развития административного права для наиболее четкого понимания составляющих академической и практической дисциплины для дальнейшего понимания и грамотного внедрения производных продуктов технического прогресса человечества в его деятельность, в частности – в судопроизводство. Актуализирован вопрос рассмотрения административного дела в дистанционном порядке с применением ИТ-технологий, проанализированы его плюсы и минусы. Рассмотрены последствия внедрения информационных технологий в административное судопроизводство и делопроизводство по административным делам. В статье предлагаются и анализируются прогрессивные внедрения с целью упростить процесс рассмотрения административного дела с максимальной минимизацией рисков, касающихся человеческого фактора и преимущественной максимизацией положительного эффекта, который является следствием внедрения инновационных технологий в делопроизводство и судопроизводство. Таким образом, логически выстраивается целесообразность внедрения ИТ-технологий с дальнейшим прогрессивным приобщением информационных технологий к рутинной работе с базовыми операциями. В заключении автором производится анализ качества услуг, получаемых в следствие сокращения времени на исполнение процедуры по её оказанию и скорой её реализации. Более того, подробно рассматривается ситуации, в которых может быть применён и внедрен искусственный интеллект, в частности касающиеся – электронные уведомления, судебных заседаний, судебных решений.*

***Ключевые слова:** административное право, административное судопроизводство, административное дело, суды общей юрисдикции, районный суд, правонарушение административного характера, дистанционные технологии, ИТ-технологии, искусственный интеллект, ИТ-адмсудопроизводство*

Для цитирования: Краевская А.Г., Лозовицкая Г.П. Административное судопроизводство: истоки и перспективы рассмотрения административных дел с использованием ИТ-технологий // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 64 – 70.

Administrative proceedings: origins and prospects in the consideration of administrative cases using IT technologies

**Kraevskaya A.G.,
Lozovitskaya G.P., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Plekhanov Russian University of Economics**

***Abstract:** in this paper, the author considers administrative law not only as a basis in the context of an academic discipline, but also in the context of one of the fundamental branches of law, its interconnectedness with administrative proceedings. The origin, development, formation and prospects are analyzed. The process of considering an administrative case in court and its applied aspects related to the implementation of the regulatory framework of administrative law are also being studied. The author turns to historical sources, analyzing the nature of the formation and development of administrative law for the clearest understanding of the components of academic and practical discipline for further understanding and competent implementation of derivative products of technological progress of mankind in its activities, in particular – in the judicial proceedings. The issue of considering an administrative case remotely with the use of IT technologies is updated, its pros and cons are analyzed. The consequences of the introduction of information technology in administrative proceedings and administrative proceedings are considered. The article proposes and analyzes progressive implementations in order to simplify the process of considering an administrative case with the maximum minimization of risks related to the human factor and the preferential maximization of the positive effect that results from the introduction of innovative technologies in*

record keeping and judicial proceedings. Thus, the expediency of introducing IT technologies with further progressive introduction of information technologies to routine work with basic operations is logically built. In conclusion, the author analyzes the quality of services received as a result of the reduction of time for the execution of the procedure for its provision and its speedy implementation. Moreover, the situations in which artificial intelligence can be applied and implemented are considered in detail, in particular concerning – electronic notifications, court sessions, court decisions.

Keywords: *Administrative law, administrative proceedings, administrative case, courts of general jurisdiction, district court, administrative offense, remote technologies, IT technologies, artificial intelligence, IT administrative proceedings*

For citation: Kraevskaya A.G., Lozovitskaya G.P. Administrative proceedings: origins and prospects in the consideration of administrative cases using IT technologies. *International Law Journal*. 2023. 6 (4). P. 64 – 70.

В научной сфере, ровно, как и на практике, всё чаще возникают споры о целесообразности использования IT-технологий в юриспруденции. Наиболее значимы и потому востребованы в обществе, на сегодняшний день, по нашему мнению, из числа юридических, являются административно-правовые отношения, возникающие как с физическими, так и с юридическими лицами. Поэтому в начале работы необходимо обратиться к истокам административного права, неповторимой и уникальной истории формирования отрасли правового регулирования общественных отношений. Так, целесообразно было бы полагать, что фундаментальным базисом зарождения и появления административного права стала наука «камералистика». Камералистикой считалась наука, охватывающая знания об экономических и административных дисциплинах. Зародившаяся во второй половине XIX века в дореволюционной России, именно она стала отправной точкой развития административной науки, как самостоятельной отрасли права. Данный курс был направлен на формирование грамотных чиновников и компетентных управляющих хозяйствами феодалов. Благодаря внедрению камералистики, практика управления и координации деятельности внутри государства приобрела определённые принципы, а именно – принцип функциональности, узкой специализации, регламентации обязанностей и унификации штатов. Поистине значимый вклад в развитие науки камералистики внес Иосиф фон Зонненфельс – известный австрийский ученый, назначенный профессором камеральных наук и полицейского права в 1763 года. Предметом изучения, с учетом отождествления на главенствующую роль аппарата управления, Зонненфельс считал безопасность и материальное благополучие граждан внутри государства. [6] Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что камеральная наука появилась в связи с острой потребностью в грамотном распределении финансов, а также необходимостью дальнейшего развития экономической политики в государственных структурных подразделениях.

В итоге, камеральная наука сформировала собственный подход и инструментарий к управленческой деятельности, а также структуру и самостоятельный процесс непрерывного научного совершенствования. Таким образом, поэтапным и постепенным развитием практической управленческой деятельности, на укрепившемся в обществе теоретическом базисе камералистики, в XVII-XVIII веках возникло административное право, как самостоятельная правовая стезя. Правда, сначала она имела формулировку «наука об общественно-правовом устройстве», что ещё тогда подтверждало её неразрывную связь с государством. Таким образом, историческое развитие административного права позволяет увидеть, как административное право, по мере своего преобразования и формирования, выработало собственный теоретический базис, в результате чего сформировало специальные правовые нормы, в результате став самостоятельной юридической дисциплиной.

Следует отметить, что административное право зародилось ещё в бытность существования восточных славян, когда все правоотношения сводились к тому, что их регулировал вождь и как известно, государство появилось лишь на Киевской Руси. Тогда основной задачей было объединение законов и их унификация по всей территории государства. Вместе тем государственное управление проходило некоторые преобразования, постепенно усложняясь за счёт увеличения сфер влияния в следствии решения всё большего круга вопросов регулирования. Как показал исторический анализ, проведённый автором, развитие административного права в России имело несколько этапов. Однако, пик его расцвета пришёлся на период, последующий революции 1917 года. Так, первый этап развития отрасли права (1917-1959 г.г.) – характеризовался усиленным созданием юрисдикционных органов для дальнейшего рассмотрения и решения административных споров в фиксированной компетенции данных органов. Важнейшим событием в этот период стало Совещание по вопросам науки советского государства и права, проведённое в июле 1938 года. По итогам совещания было утверждено общее определение права, а также формулировка советского права: «Советское право есть совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящих-

ся, выражающих их волю и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства, в целях защиты, закрепления и развития отношения и порядков, выгодных и удобных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества». В этот же исторический период впервые был опубликован учебник по административному праву, сформировав четко разграниченную и систематизированную систему юридических дисциплин [1].

Второй этап (1959-1987 г.г.) – ступень развития административного права, имеющая конституционное закрепление права обжалования неправомερных действий должностных лиц в суде, а также тенденцию к расширению подведомственности судов по вопросам административно-правового регулирования возникающих споров.

Третий этап имел периодизацию с 1987 по 1991 годы, характеризующуюся тем, что за это время было проведено законодательное установление порядка обжалования в суде неправомερных действий и неверных решений должностных лиц в государственных органах.

И четвертый этап, начавшийся и продолжающийся в 1991 году до сих пор, не прекратился, отличающийся началом судебной реформы, он стал носителем нормативной регламентацией прав гражданина на судебную защиту и прав, прописанных в Конституции Российской Федерации 1993 года.

На основе данного анализа мы можем сделать вывод о том, что развитие административного права в советский период происходило несколько разнопланово, сама система от периода к периоду менялась кардинально, что подтверждают нормативно-правовые акты. В частности, к таковым следует отнести: основы законодательства СССР (1980 г) и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (1984 г). После того, как видоизменились формы государства главенствующим принципом, стало разделение властей на базе самостоятельности отрасли права. Таким образом, административное право в России прошло огромный исторический путь развития, в ходе которого формировалась законодательная база и нормативно-правовые акты. Непрерывно продолжается развитие административно-правовой сферы и по сей день, совершенствуясь на благо общества – удовлетворении потребностей общества и государства.

Можем отметить и три фактора, которые свидетельствуют об уже пройденном значимом пути административного права, ведь в ходе него: укрепилась законность сферы и дисциплины в государственном управлении, появилась совершенно новая структура административного права и произошло становление системы административно-правового регулирования с выявлением проблемных вопросов для дальнейшего их решения.

Так, зарождение административной юстиции пришлось на 1970-е годы, «рука об руку» формируясь и внедряясь с судебной реформой 1864 года, которая впервые ввела гласный и независимый от администрации суд, что был основан на принципе «состязательности сторон». Аналогичным образом внедрение получили институты следователей, адвокатуры и присяжных. Составные части суда появились после судебных уставов, того же, 1864 года, сформировав необходимость процесса разбирательства в ходе решения споров между государственными органами и частными лицами в судебном порядке общими судами, выделив обращение к мировым судьям в крайнем случае.

Пик развития судопроизводства пришелся на времена после принятия судебного 1497 года, откуда берут корни своего становления и развития органы публичной власти. Последующие эволюция и становление административного судопроизводства пришлось на момент появления судебного 1550 года, где уже появилось понятие «административные правоотношения», а также впервые внедрилось в теорию, а уже в дальнейшем в практику, право на подачу жалобы с определенными ограничениями (например, по их количеству). Процесс административного производства имел место быть и во времена Российской империи, когда в рамках административных правоотношений решались вопросы между должностными лицами, а все дела были доверены Сенату и прокурору. Только к концу XIX появилась необходимость создавать судебно-административные органы в губерниях для децентрализации власти и ведения более эффективного контроля за огромной территорией государства.

Таким образом, губернии были наделены следующими полномочиями: разбор жалоб на городские, земские и иные власти от граждан. Подобная система пускай и была прорывом, но одновременно имела и определенные недостатки, а именно – несмотря на системный подход, отсутствовали принципы гласности, публичности и состязательности в судебном процессе, а также не была регламентирована длительность рассмотрения дела. С принятием ГПК РСФСР в 1922 году, административное судопроизводство модернизировалось, а как институт, стало существовать не только сугубо в теоретическом, но и в практическом плане. В частности, был введен судебный порядок обжалования осуществляемой деятельности нотариусов, а судебное судопроизводство, как термин и практическая деятельность в период СССР, только начинало зарождаться и впервые появилось. Интересно, что временной период с 1920 по 1950 годы административ-

ная юстиция, в большинстве случаев, характеризовалась лишь деятельностью по рассмотрению жалоб на должностных лиц. Большинство административных жалоб рассматривали такие государственные органы, как ведомства, министерства, исполкомы, администрации предприятий и учреждений и партийные комитеты всех уровней (так называемые в тот период – «квазигосударственные органы»). Новая ступень развития административного процесса пришлась на 1960 год, когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года «О порядке рассмотрения заявлений и жалоб граждан» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке». Вместе с тем, ГПК РСФСР закрепил положения об отдельных административно-правовых отношениях. Таким образом в ГПК РСФСР появился раздел, именуемый «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений», и глава 22, где в статьях 231 и 232 рассматриваются общие положения об административно-правовых отношениях по делам, возникающих в рамках их квалификации. Глава 23, в свою очередь, в статьях 233, 234, и 235 акцентирует внимание на жалобах на неправильности в списке избирателей, а глава 24 в статьях 236, 237, 238 и 239 регулируют правоотношения, связанные с жалобами на действия административных органов. А именно, например, делами на действия административных органов, процесс подачи жалобы, рассмотрения жалобы и решения суда, выносимые по поданной жалобе. Вопреки долговому и сложному пройденному процессуальному пути, административное судопроизводство не сразу получило единообразное понимание самого процесса в качестве самостоятельной отрасли российского права.

Впервые понятие административного права было закреплено законодательно в статье 118 Конституции РФ и на тот момент оно понималось как производство по делам об административных правонарушениях, вытекающих из КоАП РФ. А споры с органами публичной власти находили разрешение в рамках гражданского процесса. Значительный прогресс в развитии административного судопроизводства наблюдался в 80-90 годах, ведь именно тогда сложились две основные формы рассмотрения жалоб граждан: судебная и административная. И лишь в 2000-х годах реформа о выделении административного судопроизводства получила свою реализацию с момента принятия Кодекса административного судопроизводства РФ.

Таким образом, административное судопроизводство можно считать на наш взгляд – производным процессом от административного права. Но в своём развитии, эта отрасль приобрела самостоятельность и особую актуальность. Современное развитие административного судопроизводства, его стандартизация и унификация связанные с принятием процессуального законодательства, закрепляют нормы, принципы, правила и модель административного процесса как судебного. На данный момент развитие административного процесса характеризуется использованием ряда информационных технологий, технологиями по упрощению процедур и сокращением времени на рассмотрение дел. Также важными аспектами являются повышение качества обслуживания граждан и представителей бизнеса и увеличение прозрачности, открытости деятельности государственных органов. Некоторые современные технологии позволяют автоматизировать многие процессы, что ускоряет процедурное рассмотрение дел и снижает вероятность ошибок. Например, сегодня многие государственные услуги можно получить в режиме онлайн, без личного посещения офиса. Равно и введение электронного документооборота позволяет сократить время на передачу и обработку документов. Для повышения качества обслуживания граждан и бизнеса, административные процедуры становятся более простыми. Органы государственной власти, в свою очередь, стараются обеспечить доступность информации о процедурах и услугах, а также оказывать помощь в их получении. Прозрачность и открытость деятельности государственных органов становятся все важнее для государства. Органы власти публикуют отчеты о своей деятельности, проводят общественные слушания и консультации, чтобы вовлечь граждан в активный процесс принятия решений. В целом, современное развитие административного процесса направлено на упрощение процедур, повышение качества обслуживания и улучшение доступности государственных услуг, охране прав и свобод граждан [8].

Истоки рассмотрения административного дела могут быть связаны и с нарушением гражданами или организациями административного законодательства. Это может быть нарушение правил дорожного движения, нарушение правил строительства, нарушение правил трудового законодательства и т.д. Процедура рассмотрения административного дела может возникнуть и по инициативе государственных органов, например, при проверке деятельности предприятий на соответствие требованиям законодательства.

Рассмотрение административного дела зачастую начинается с составления протокола об административном правонарушении, который может быть составлен представителями полиции [2], а также инспекторами Государственной инспекции труда, представителями Роспотребнадзора [3] и т.д. Далее, этот протокол передается в суд или квалифицированный орган, который будет рассматривать дело. Таким образом, истоки рассмотрения административного дела связаны с нарушениями административного законодательства и могут возникнуть как по инициативе государственных органов, так и по жалобе граждан или организаций.

В целом, существующие и ныне активно развивающиеся электронные системы регистрации и рассмотрения административных дел в России позволяют упростить процесс подачи заявлений и документов, ускорить рассмотрение дел и уменьшить количество бумажной документации. Это отчасти улучшает качество и эффективность административного правосудия в России. С использованием IT-технологий можно автоматизировать многие процессы, такие как регистрация дел, передача материалов между органами, составление протоколов и решений, а также уведомление сторон о ходе рассмотрения дела. Также IT-технологии могут быть использованы для более эффективного контроля за исполнением решений по административным делам.

В целом, использование IT-технологий для контроля за исполнением решений по административным делам в большинстве случаев позволяет улучшить процесс и сделать его более прозрачным и эффективным [5]. Таким образом, автором предлагается в качестве специального термина для этой части IT-технологий. За законностью и дисциплиной с исполнительной власти осуществляет контроль Президент, как основной способ обеспечения законности в деятельности органов государственной власти, а также административный надзор и прокурорский надзор, как особый вид государственной деятельности, осуществляемый через специальную структуру.

В частности, IT-технологии могут использоваться для более эффективного контроля за исполнением решений по административным делам в следующих кейсах:

1. Электронные системы мониторинга исполнения решений. Такие системы позволяют отслеживать ход исполнения решений и своевременно реагировать на возможные задержки или нарушения.

2. Системы автоматического уведомления. Эти системы позволяют автоматически уведомлять органы исполнительной власти и стороны о ходе исполнения решений и производить рассылку уведомлений на электронную почту или мобильные устройства.

3. Системы аналитики данных. Данные системы позволяют анализировать информацию об исполнении решений и выявлять причины задержек или нарушений, что позволяет принимать меры по устранению проблем и улучшению процесса исполнения решений [4].

4. Системы электронной отчетности. Эти системы позволяют автоматически формировать отчеты об исполнении решений и предоставлять их в электронном виде. Это упрощает процесс отчетности и уменьшает количество бумажной документации.

5. Системы мониторинга социальных сетей. Эти системы позволяют отслеживать общественное мнение о ходе исполнения решений и своевременно реагировать на возможные негативные отзывы или обращения.

Информационные сервисы правосудия в судах общей юрисдикции зарекомендовали себя отчасти неплохо, а системы с использованием совершенно новых инновационных IT-технологий более системно и четко подходят в некоторых случаях (например, в делах с большим объемом) как к организации самого подхода в судебном процессе. Системы предназначены для осуществления основных «манипуляций» с информационными ресурсами, а именно – сбора, хранения, обработки и выдачи информационных документов, которые играют господствующую роль в осведомленности по судебным решениям, в том числе, в целях обеспечения легитимного доступа пользователей к информации по судебному разбирательству. Что касается документооборота, то системы с использованием способностей и навыков искусственного интеллекта предназначены для автоматизации действующего процесса документооборота, а также всех процессов делопроизводства в рамках судебного разбирательства. Неотъемлемой частью в информационных сервисах правосудия считается банк судебных решений, который организует и позволяет прогрессировать системе, содержащей в себе единый банк всех судебных решений. Проводимые мероприятия, так или иначе способствуют повышению информационно-справочной осведомленности, так же обеспечивают официальный доступ к информации пользователям сети Интернет, позволяют анализировать данные, исходя из опыта и практики судебных решений, налаживать видеоконференц-связи в целях внедрения режима удаленного участия осужденных и свидетелей, а также при подаче сведений и вынесения приговора суда.

На данный момент существует автоматизированная система, которая функционирует на территории Российской Федерации – ГАС «Правосудие». [7] Она направлена не только на модернизацию деятельности судов, но и создана для формирования единого информационного пространства, где публикуется информация от федеральных и мировых судов. Такой массив данных обеспечит официальный доступ к информации о деятельности судебных инстанций при наличии электронной подписи у должностного лица Российской Федерации.

Таким образом, автоматизированные системы на территории Российской Федерации есть и активно прогрессируют, но так или иначе их эффективность требует большой доработки и мониторинга степени внедрения в базовые процессы с целями минимизации риска для человеческого фактора и внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь. Автор считает, что существует несколько направле-

ний внедрения IT-технологий в административное судопроизводство, а именно основные из них – электронное досье, электронное подписание документов должностными лицами. Электронное уведомление, электронные судебные заседания, электронные судебные решения и автоматизация процесса, с учётом их дополнительного исследования и доработок. Таким образом, электронное досье позволяет хранить судам документы в электронном виде, в следствии чего будет упрощен оперативный доступ к ним, процесс подписания документов должностными лицами, а также способ электронного хранения, в результате чего и произойдёт минимизация риска потери или ошибки. Электронное подписание документов можно автоматизировать ещё в большей степени, в результате чего суды смогут подписывать все документы электронно, что значительно сократит документооборот в судебном процессе. Электронные уведомления могут дать возможность судам уведомлять участников судебного процесса о дате и времени заседаний, а также направлять судебные акты и другую информацию через электронную почту или другие мессенджеры. Электронные судебные заседания, в ряде случаев, могут стать новой стадией развития и внедрения информационных технологий в рамках судебного процесса по той категории дел, которую возможно проводить с дистанционным участием сторон. Это позволит проводить судебные заседания через видеоконференцсвязь и сократить время и средства на дорогу, тем самым создавая временной ресурс на другие, не менее важные, составляющие процедуры судебного процесса. Электронные судебные решения позволят ускорить процесс вынесения решений и значительно упростит их хранение, уведомление и обработку перед опубликованием. В целом, автоматизация процессов судопроизводства не только может сократить время на объёмные рутинные дела, но и значительно улучшит качество получаемых услуг, и исключая ошибки, особенно технического характера, как основное явление и следствие человеческого фактора. При этом важно учитывать факторы, способствующие улучшению прав и свобод человека и гражданина с тем, чтобы вводимые в административное судопроизводство IT-технологии не смогли ущемить или ограничить их.

Автором вводится понятие «IT-адмсудопроизводство», подразумевающее процесс, в котором происходит рассмотрение и разрешение споров, связанных с нарушениями законодательства в области информационных технологий и компьютерных систем. Данный процесс включает в себя, например, вопросы нарушения правил пользования интернетом, нарушения правил защиты персональных данных, нарушения правил программного обеспечения и другие. В упомянутом ранее виде судопроизводства могут участвовать как государственные, так и частные организации, а также отдельные лица. Решения, принятые в рамках IT-адмсудопроизводства, могут иметь серьезные последствия в виде штрафов, запретов на использования определенных технологий, а также иные методы административного воздействия.

Литература

1. Попадопуло Л.Н. «Особенности становления системы источников советского права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 6. С. 155 – 157.
2. Сердюк Н.В. и др. О принципах и основных направлениях формирования административно-правовой деятельности см. подробнее: Формирование кадровой политики и управление персоналом государственной службы: учебное пособие / под общей ред. Г.П. Лозовицкой. М.: Академия управления МВД России, 2019; Лозовицкая Г.П. Теоретические аспекты формирования и реализации кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации // Юридическая мысль. 2022. № 2 (126). С. 101 – 119.
3. Логинов А.В., Лозовицкая Г.П. О социальном контроле и реакции общества. О некоторых аспектах девиантологии в управлении персоналом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3 (146). С. 171 – 179.
4. Лозовицкая Г.П., Седова В.В. Организация дистанционной работы кадровых подразделений органов внутренних дел // Аграрное и земельное право. 2020. № 12 (192). С. 138 – 141; Лозовицкая Г.П., Ашуруп Б.Б. Возможности применения ситуационных центров в системе учета кадров и организации работы с персональными данными сотрудников внутренних дел России // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 169 – 171.
5. Лозовицкая Г.П., Маринкина Л.В. Искусственный интеллект: правовые проблемы использования // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: Сборник статей Международной научно-практической конференции / Под общей ред. И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. 2020. С. 517 – 521.
6. Иосиф фон Зонненфельс. «Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft». 1763-67.
7. ГАС «Правосудие». URL: ej.sudrf.ru
8. Краевская А.Г. Искусственный интеллект в вопросах юридического документоведения // Сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса «Наука молодых», 2022.

9. Кошанин А.В., Козырева А.Б., Курносова Н.А., Малов Д.В. Информационные технологии в правосудии. Состояние и перспективы Россия и мир. Москва, 2020.
10. Братановский С.Н., Конджакулян К.М., Братановская М.С. Административное право России». РИОР, 2019.
11. Лазарев В.В. Применение советского права: монография. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Казань, 1972. 200 с.
12. Никулин В.В. Революционная теория права: мировоззренческие истоки большевистской концепции права // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8. С. 300 – 304.

References

1. Popadopulo L.N. «Osobnosti stanovljenja sistemy istochnikov sovetskogo prava. Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Juridicheskij zhurnal. 2017. № 6. S. 155 – 157.
2. Serdjuk N.V. i dr. O principah i osnovnyh napravlenija formirovanija administrativno-pravovoj dejatel'nosti sm. podrobnее: Formirovanie kadrovoj politiki i upravlenie personalom gosudarstvennoj sluzhby: uchebnoe posobie. pod obshhej red. G.P. Lozovickoj. M.: Akademija upravlenija MVD Rossii, 2019; Lozovickaja G.P. Teoreticheskie aspekty formirovanija i realizacii kad-rovoj politiki v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Juridicheskaja mysl'. 2022. № 2 (126). S. 101 – 119.
3. Loginov A.V., Lozovickaja G.P. O social'nom kontrole i reakcii obshhestva. O nekotoryh aspek-tah deviantologii v upravlenii personalom. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2022. № 3 (146). S. 171 – 179.
4. Lozovickaja G.P., Sedova V.V. Organizacija distancionnoj raboty kadrovych podrazdelenij organov vnutrennih del. Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 12 (192). S. 138 – 141; Lozovickaja G.P., Ashurov B.B. Vozmozhnosti primeneniya situacionnyh centrov v sisteme ucheta kadrov i organizacii raboty s personal'nymi dannymi sotrudnikov vnutrennih del Rossii. Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 9 (189). S. 169 – 171.
5. Lozovickaja G.P., Marinkina L.V. Iskusstvennyj intellekt: pravovye problemy ispol'zovanija. Strategicheskoe razvitie sistemy MVD Rossii: sostojanie, tendencii, perspektivy: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshhej red. I.G. Chistoborodova, A.L. Sitkovskogo, V.O. Lapina. 2020. S. 517 – 521.
6. Iosif fon Sonnenfel's. «Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanzwissenschaft». 1763-67.
7. GAS «Pravosudie». URL: ej.sudrf.ru
8. Kraevskaja A.G. Iskusstvennyj intellekt v voprosah juridicheskogo dokumentovedenija. Sbornik statej III Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa «Nauka molodyh», 2022.
9. Koshanin A.V., Kozyreva A.B., Kurnosova N.A., Malov D.V. Informacionnye tehnologii v pravosudii. Sostojanie i perspektivy Rossija i mir. Moskva, 2020.
10. Bratanovskij S.N., Kondzhakuljan K.M., Bratanovskaja M.S. Administrativnoe pravo Rossii». RIOR, 2019.
11. Lazarev V.V. Primenenie sovetskogo prava: monografija. Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF, Kazan', 1972. 200 s.
12. Nikulin V.V. Revoljucionna teorija prava: mirovozzrencheskie istoki bol'shevistskoj koncepcii prava. Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. № 8. S. 300 – 304.

О мировой практике обеспечения соблюдения служебной дисциплины и законности при прохождении службы в органах внутренних дел (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации)

**Майкенов А.Р.,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя**

***Аннотация:** проанализирована мировая практика существования органов и институтов, обеспечивающих соблюдение дисциплины и законности в органах внутренних дел, посредством сравнения специфики функционирования соответствующих структур, в сравнении с деятельностью кадровых органов в системе полиции Республики Казахстан и Российской Федерации, а также предложены пути оптимизации их работы.*

Уточнено, что от надлежащего функционирования органов внутренних дел зависит уровень прав и свобод человека и гражданина в каждом государстве, где они существуют. Поэтому мировая практика соответствующих процессов характеризуется различными особенностями, определяющими сущность и значение дисциплины и законности в деятельности органов внутренних дел, что обуславливает осуществление сравнительно-правовой характеристики с определением перспективных направлений заимствования наиболее ценных идей.

***Ключевые слова:** Республика Казахстан, Российская Федерация, полиция, органы внутренних дел, служебное расследование, дисциплина, законность, обеспечение прав человека, личный состав, опыт*

Для цитирования: Майкенов А.Р. О мировой практике обеспечения соблюдения служебной дисциплины и законности при прохождении службы в органах внутренних дел (на примере Республики Казахстан и Российской Федерации) // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 71 – 75.

On the world practice of ensuring compliance with service discipline and legality in the service of internal affairs bodies (on the example of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation)

**Maikenov A.R.,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot**

***Abstract:** the world practice of existence of bodies and institutions that ensure compliance with discipline and legality in the internal affairs bodies, by comparing the specifics of functioning of the relevant structures, in comparison with the activities of human resources bodies in the police system of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, and also proposed ways to optimize their work, has been analyzed.*

It has been clarified that the level of human and civil rights and freedoms in each state where they exist depends on the proper functioning of internal affairs bodies. Therefore, the world practice of the relevant processes is characterized by different features that determine the essence and importance of discipline and legality in the activities of internal affairs bodies, which determines the implementation of a comparative legal characterization with the definition of promising areas of borrowing the most valuable ideas.

***Keywords:** the Republic of Kazakhstan, the Russian Federation, police, internal affairs bodies, official investigation, discipline, legality, ensuring human rights, personnel, experience*

For citation: Maikenov A.R. On the world practice of ensuring compliance with service discipline and legality in the service of internal affairs bodies (on the example of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation). International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 71 – 75.

Постановка проблематики исследования

Обеспечение прав и свобод человека выступает приоритетным направлением построения любого современного правового демократического государства. Вопрос их гарантирования находится в тесной взаимодействии с осуществлением деятельности тех или иных государственных институтов. Соответственно, построение такой системы функционирования общества, в котором соблюдение прав и свобод человека и гражданина для государственных служащих будет рассматриваться в качестве обычного рядового явления, выступает базисом функционирования любой сферы государственно-властной деятельности. Актуально указанное и для органов внутренних дел (далее – ОВД) любого современного правового демократического

социального государства, где возложенная на ОВД реализация правоохранительной функции в механизме государства реализуется на принципах верховенства права, законности и справедливости.

Система ОВД в современных государствах, включая Республику Казахстан и Российскую Федерацию, функционирует исходя из приоритета общечеловеческих ценностей и соблюдения прав человека, что подкрепляется в том числе и деятельностью внутриведомственных институтов, деятельность которых заключается в обеспечении соблюдения сотрудниками ОВД норм и требований законов, уставов и приказов как общегосударственного значения, так и действующих в ведомственном аспекте.

Вопрос человеческого фактора в деятельности государственно-властных органов, в том числе и ОВД, как в исследуемых государствах, так и за рубежом является достаточно значимым, поскольку правоохранительные органы наделены монополией на насилие в пределах, четко регламентированных законодательством, что требует постоянного мониторинга и контроля за гарантированием соблюдения прав человека.

Несмотря на то, что в различных мировых государствах правоохранительные органы носят разные названия, суть их деятельности близка. Кроме того, и вопросы функционирования органов, обеспечивающих соблюдение дисциплины и законности в органах правопорядка в мире достаточно линейны вне зависимости от того, как поименован орган внутриведомственного контроля за личным составом ОВД. Соответственно, анализ мировой практики и выявление положительного опыта, примененного для заимствования, может позволить оптимизировать функционирование ОВД на национальном пространстве Республики Казахстан и Российской Федерации.

Целью статьи является исследование мировой практики в сфере обеспечения дисциплины и законности деятельности ОВД в мире в целом, а также в Республике Казахстан и Российской Федерации в частности; анализ возможных путей оптимизации деятельности институций, осуществляющих контроль за личным составом.

Вопрос применения мировой практики при совершенствовании функционирования институтов, обеспечивающих дисциплину и законность в ОВД отдельных мировых государств, является одним из наиболее важных. От надлежащего функционирования правоохранительных органов зависит в большей степени гарантированность прав человека на национальных уровнях. Поскольку Республикой Казахстан и Российской Федерацией был выбран путь учета лучших международных практик в исследуемой отрасли, актуализирующий оптимизацию и повышение эффективности функционирования государственно-властных институтов с их приближением к мировым стандартам, анализ опыта отдельных государств в указанной сфере является аксиоматическим.

Понятие дисциплины (лат. *disciplina*) на доктринальном уровне рассматривается в качестве определенного порядка реализации человеческого поведения, сложившегося в том или ином обществе согласно общепринятым, в том числе и правовым, нормам, а также моральным устоям, либо требованиям конкретной организации, либо стандартам служебного или иного поведения членов коллектива в соответствии с принятым порядком и согласно утвержденным правилам [1, с. 25]. В контексте деятельности ОВД Российской Федерации, служебная дисциплина представляет собой соблюдение сотрудником ОВД регламентированных действующим законодательством, дисциплинарными уставами и положениями Присяги, иными ведомственными и локальными нормативными правовыми актами требований к исполнению служебных обязанностей (ч. 1 ст. 47 Федерального закона от 30.11.2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]). Служебной дисциплиной на правоохранительной службе Республики Казахстан является обязательное соблюдение сотрудником норм и правил, установленных законодательством, актами руководителей правоохранительных органов и уполномоченных руководителей (ч. 1 ст. 54 Закона Республики Казахстан от 06.01.2011 г. №380-IV «О правоохранительной службе» [3]).

В то же время, «законность» как понятие, обуславливающее сущность обеспечения служебной дисциплины, является принципом функционирования государственно-властных органов при осуществлении им собственной компетенции в регламентированном законодательством порядке [4, с. 32]. Представленное узкое понимание указанного понятия отражает необходимый для целей данной статьи смысл.

В свою очередь, законность представляет собой принцип деятельности государственно-властных органов, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц, физических лиц, соответственно которому указанные субъекты обязаны соблюдать положения Конституции и законов Российской Федерации (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ [5]) и Республики Казахстан (ст. 4 Конституции РК [6]).

Соответственно, соблюдение дисциплины и законности в деятельности ОВД в Республике Казахстан и Российской Федерации, равно как и во многих иных современных государствах, обеспечивает надлежащее функционирование упомянутых органов в пределах определенных полномочий, позволяет сотрудникам

ОВД обеспечивать права человека, а также способствовать утверждению принципов верховенства права и обеспечения развития государственности.

Далее представляется целесообразным обратиться к опыту отдельных мировых государств. Для сравнительной характеристики, выбраны Великобритания и США, где значимости обеспечения дисциплины и законности в функционировании органов правопорядка уделяется весомое внимание в правовой доктрине и законодательстве.

В Великобритании непосредственный надзор за полицейскими органами на местах осуществляется инспекторами полиции Великобритании и Государственного департамента по Шотландии. В Англии и Уэльсе соответствующий орган включает главного инспектора полиции и 9 подчиненных ему инспекторов, на попечении которых пребывает 6 полицейских районов. Для сравнения, в Шотландии предусмотрена только должность главного инспектора и одного подчиненного ему инспектора [7].

К методам работы инспекторов полиции МВД Великобритании отнесены ежегодные инспектирования деятельности полиции в регионах для выявления текущего состояния и эффективности деятельности полиции. Указанные органы опосредованно реализуют и общую превенцию преступности [8].

Неправомерное или противоречащее правилам, уставам и общепринятым нормам служебное поведение полицейских расследуется специальными должностными лицами. По окончании проверки, ее итоги представляются заместителю главного констебля, который принимает решение о целесообразности привлечения лица к дисциплинарной ответственности [9, с. 101].

Помимо указанного, в полиции Великобритании функционирует орган, принимающий жалобы как от полицейских, так и от граждан на деятельность сотрудников полиции. Он действует по принципу общественной палаты, однако эффективность его функционирования оставляет желать лучшего, поскольку подданные Великобритании предпочитают судебный порядок обжалования любой государственно-властной деятельности [10].

Для сравнения, в современной полиции Республики Казахстан и Российской Федерации также предусмотрен механизм ведомственного обжалования действий сотрудников ОВД, а в случаях, когда речь идет о процессуальном субъекте – регламентирована отдельная возможность пожаловаться на решения, а также деятельность указанных лиц (например, следователя, дознавателя) в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством обоих государств. При этом, в анализируемых странах вопросы, включенные в компетенцию инспекций по личному составу и подразделений собственной безопасности, контролирующих осуществление служебной деятельности личным составом ОВД, имеют дисциплинарный характер. Применительно к Республике Казахстан отметим, что указанные подразделения находятся в прямом подчинении Министра внутренних дел.

Для сравнения, в США службы по вопросам контроля за законностью и дисциплиной в силовых структурах крайне разнообразны. Например, в ФБР принято проведение внутренних расследований, реализуемых отделом этики и внутренних дел. Указанная структура подчинена министерству юстиции и выведена из-под прямого ведения ФБР [11]. В указанном контрольном подразделении предусмотрена защита субъекта, обращающегося с жалобой на действия полиции. В то же время, в США во внимание берутся анонимные сообщения о допущенных полицией нарушениях, что представляется недопустимым для казахстанской и российской правовых доктрин.

В отношении контроля за служебной дисциплиной сотрудников ОВД, интерес представляет определение в журнале Международной ассоциации начальников полиции [13, с. 35] основных моментов, которые затрудняют возможности отдела полиции к наказанию или увольнению с должности сотрудников полиции, допустивших нарушения. В их числе – нормативное закрепление подходов к определению состава инспекций, а также возложение на них обязанности в равной степени и защищать права сотрудников ОВД, и следить за их служебной дисциплиной и законностью деятельности.

Выводы

Поводя итоги обзорного исследования понятия дисциплины и законности, проанализировав международную практику обеспечения дисциплины и законности соответствующими органами в подразделениях полиции, представляется обоснованным сформулировать следующие выводы:

1) сущность дисциплины раскрывается через регламентацию определенного порядка реализации человеческого поведения, сложившегося в том или ином обществе согласно общепринятым, в том числе и правовым, нормам, а также моральным устоям, либо требованиям конкретной организации, либо стандартам служебного или иного поведения членов коллектива в соответствии с принятым порядком и согласно утвержденным правилам;

2) законность представляет собой понятие, обуславливающее сущность обеспечения служебной дисциплины, является принципом функционирования государственно-властных органов при осуществлении ими собственной компетенции в регламентированном законодательством порядке;

3) соблюдение законности и дисциплины в деятельности ОВД как в Республике Казахстан и Российской Федерации, так и в проанализированных государствах (Великобритания, США) обеспечивает детализацию их полномочий посредством обеспечения прав человека, а также соблюдения принципа верховенства права;

4) на современном этапе в Республике Казахстан и Российской Федерации существует механизм обжалования действий сотрудников ОВД, а в случаях, когда речь идет о процессуальном субъекте – регламентирована отдельная возможность пожаловаться на решения, а также деятельность указанных лиц (например, следователя, дознавателя) в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством обоих государств;

5) с учетом проанализированного зарубежного опыта, совершенствование работы с личным составом ОВД Республики Казахстан и Российской Федерации в контексте обеспечения законности и дисциплины, могли бы позитивно повлиять меры по обеспечению механизма надлежащего обеспечения рассмотрения жалоб на действия сотрудников ОВД (или жалоб, инициированных такими субъектами).

Литература

1. Репьев А.Г., Репьева А.М. Правовые категории «Законность» и «Дисциплина»: опыт системного исследования // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 1 (29). С. 22 – 32.

2. Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.

3. Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2023 г.) // «Егемен Қазақстан» 2011 жылғы 19 қаңтардағы № 14-17 (26419).

4. Иванов А.А., Бедретдинов Р.Р. Законность, правопорядок и дисциплина в сфере государственного управления // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 31 – 34.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

6. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1996 г., № 4, ст. 217.

7. Police Act 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/16/contents>.

8. Abuse of authority by Police [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://what-when-how.com/police-science/abuse-of-authority-by-police>

9. Яковлев К.Л., Яковлева Е.И., Яковлева О.Н. Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран. М.: ИНФРА-М, 2019. 160 с.

10. On the Activities of the Complaints Department of the British Police. Police. 1996. № 7. P. 23 – 28.

11. Macfarlane R.I. Managing for Effective Discipline: Increasing Officer Confidence in Discipline [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/managing-effective-discipline-increasing-officer-confidence>

12. Белянинов К. Крысиный отдел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1345471>

13. Police Ethics. Building Integrity and Reducing Drug Corruption // The Police Chief. 1991. № 1. P. 27 – 41.

References

1. Rep'ev A.G., Rep'eva A.M. Pravovye kategorii «Zakonnost'» i «Disciplina»: opyt sistemnogo issledovaniya. Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. 2014. № 1 (29). S. 22 – 32.

2. Federal'nyj zakon ot 30.11.2011 N 342-FZ (red. ot 05.12.2022) «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». «Sobranie zakonodatel'stva RF», 05.12.2011, № 49 (ch. 1), st. 7020.

3. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 janvarja 2011 goda № 380-IV «O pravoohranitel'noj sluzhbe» (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 03.01.2023 g.). «Egemen Kazakstan» 2011 zhylry 19 kahtardary № 14-17 (26419).

4. Ivanov A.A., Bedretdinov R.R. Zakonnost', pravoporjadok i disciplina v sfere gosudarstvennogo upravljenja. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 5. S. 31 – 34.

5. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovanijem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020). Oficial'nyj tekst Konstitucii RF s vnesennymi popravkami ot 14.03.2020 opublikovan na Oficial'nom internet-portale pravovoj informacii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

6. Konstitucija Respubliki Kazahstan (prinjata na respublikanskom referendum 30 avgusta 1995 goda) (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 19.09.2022 g.). Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan, 1996 g., № 4, st. 217.

7. Police Act 1996 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/16/contents>.

8. Abuse of authority by Police [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://what-when-how.com/police-science/abuse-of-authority-by-police>

9. Jakovlev K.L., Jakovleva E.I., Jakovleva O.N. Gosudarstvenno-pravovye osnovy organizacii pravoohranitel'nyh organov zarubezhnyh stran. M.: INFRA-M, 2019. 160 s.

10. On the Activities of the Complaints Department of the British Police. Police. 1996. № 7. P. 23 – 28.

11. Macfarlane R.I. Managing for Effective Discipline: Inereasing Officer Confidence in Discipline [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/managing-effective-discipline-increasing-officer-confidence>

12. Beljaninov K. Krysinyj otdel [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/1345471>

13. Police Ethics. Building Integrity and Reducing Drug Corruption. The Police Chief. 1991. № 1. P. 27 – 41.

**Волезамещающий судебный акт как средство исполнения
обязательств по корпоративному договору**

**Ольховиков А.С.,
Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина**

***Аннотация:** глобальное распространение корпоративных форм ведения бизнеса в условиях современной рыночной экономики предполагает необходимость эффективного управления корпорацией, что осуществимо посредством возложения на участников корпорации обязательств в соответствии с корпоративным договором. В то же время, специфика предмета корпоративного договора, которым признается согласованное договором осуществление корпоративных прав участниками (акционерами) обществ, приводит к выводу о невозможности или, как минимум, затруднительности понуждения к исполнению обязательств из корпоративного договора в натуре. На примере обязательств по осуществлению права голоса определенным образом на собрании акционеров, в работе обосновывается невозможность исполнения такого обязательства в натуре с помощью классического механизма, предусмотренного ст. 308.3 ГК РФ. В то же время, возможным вариантом решения такой проблемы видится внедрение практики вынесения судами волезамещающих судебных актов, с помощью которых итог состоявшегося собрания может быть признан таковым, как если бы стороны корпоративного договора не нарушали своих обязательств по голосованию в соответствии с принятыми на себя обязательствами. В то же время, в работе подчеркивается, что такая конструкция не должна приводить к нарушению прав третьих лиц, не являющихся стороной корпоративного договора либо вовсе не участвующих в капитале корпорации. Представляется, что возникшие в результате нарушения обязательств по голосованию определенным образом негативные правовые последствия в виде вынесения судом волезамещающего судебного акта и признания заключенных впоследствии сделок недействительными возможно только при условии, что сторонами корпоративного договора являлись все участники корпорации и что третье лицо, права которого могут быть затронуты в результате вынесения волезамещающего судебного акта (например, контрагент по сделке), заведомо знало о допущенном нарушении корпоративного договора при голосовании.*

***Ключевые слова:** корпоративный договор, исполнение в натуре, волезамещающий судебный акт, акционеры, корпоративный конфликт*

Для цитирования: Ольховиков А.С. Волезамещающий судебный акт как средство исполнения обязательств по корпоративному договору // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 76 – 79.

Will-substituting judicial act as a tool of fulfilling obligations under a shareholders' agreement

**Olkhovikov A.S.,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)**

***Abstract:** the global spread of corporate forms of doing business in the conditions of a modern market economy implies the need for effective management of a corporation, which is feasible by imposing obligations on the participants of the corporation in accordance with a shareholders' agreement. At the same time, the specifics of the subject of a shareholders' agreement, which recognizes the exercise of corporate rights agreed upon by the participants (shareholders) of the companies, leads to the conclusion that it is impossible or, at least, difficult to compel the specific performance of obligations from the shareholders' agreement. Using the example of obligations to exercise the right to vote in a certain way at a shareholders' meeting, the paper substantiates the problematic nature of forcing the fulfillment of such an obligation using the classical mechanism of specific performance provided for in Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation. At the same time, a possible solution to such a problem is seen to be the introduction of the practice of courts issuing will-substituting judicial acts, with the help of which the outcome of the meeting can be recognized as such, as if the parties to the shareholders' agreement did not violate their obligations to vote in accordance with the obligations assumed. At the same time, the paper emphasizes that such a concept should not lead to a violation of the rights of third parties who are not a party to the shareholders' agreement or do not participate in the capital of the corporation at all. It seems that the negative legal consequences arising as a result of the violation of voting obligations in a certain way in the form of the issuance of a will-substituting judicial act by the court and the recognition of transactions concluded subsequently as invalid are possible only if all the participants of the corporation were parties to the shareholders' agreement and that a third person whose rights may be affected as a result of the issuance of a will-substituting judicial act (for*

example, the counterparty to the transaction), obviously knew about the violation of the shareholders' agreement during the voting.

Keywords: *shareholders' agreement, specific performance, will-substituting judicial act, shareholders, corporate conflict*

For citation: Olkhovikov A.S. Will-substituting judicial act as a tool of fulfilling obligations under a shareholders' agreement. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 76 – 79.

Как и всякое иное договорное обязательство, обязательство по корпоративному договору представляет наибольшую ценность для кредитора только в той ситуации, когда оно реально исполняется должником, ведь зачастую взыскание убытков, неустойки либо получение иного денежного эквивалента не будет в полной мере способствовать защите преследуемого стороной корпоративного договора интереса [1].

На первый взгляд, систематика Гражданского кодекса РФ [2] свидетельствует об отсутствии препятствий для понуждения к исполнению в натуре обязательств по корпоративному договору, что подтверждается существованием общей для всех договорных обязательств статьи 308.3 кодекса, предусматривающей возможность такого понуждения.

В то же время, специфика предмета корпоративного договора, которым является согласованное участниками такого договора осуществление принадлежащих им корпоративных прав определенным образом, показывает, что с осуществлением понуждения к исполнению вытекающих из корпоративных соглашений обязанностей могут быть определенные трудности.

Например, представим себе широко распространенную ситуацию, когда одна сторона корпоративного соглашения (должник) приняла на себя обязательство проголосовать в соответствии с указаниями другой стороны (кредитор) на предстоящем общем собрании акционеров.

Не представляется возможным понять, каким образом кредитор сможет через суд понудить к исполнению данной обязанности в натуре, если должник не проголосует на собрании в соответствии с достигнутой договоренностью, ведь собрание уже прошло, то есть возможность предоставления должнику повторной попытки исполнить условия корпоративного договора кажутся сомнительными. Более того, даже если допустить гипотетически возможную ситуацию, при которой кредитору удастся «реставрировать» предшествующее положение, к примеру, путем инициации нового общего собрания кредиторов и включения в повестку дня желаемых вопросов, каким образом должник может быть функционально принужден к голосованию определенным образом? Вопрос остается риторическим.

Указанная проблема была предметом дискуссии в литературе – некоторые авторы признают, что исполнение обязательств по голосованию на общем собрании как на регулятивной, так и на правоохранительной стадии такого обязательственного отношения, следует признать полностью находящейся во власти должника в том смысле, что только от его действий зависит, проголосует ли он определенным образом или нет [3]. Таким образом, классический инструмент понуждения к исполнению обязанностей в натуре, заложенный в ст. 308.3 ГК РФ, нельзя признать эффективным средством *ex post* защиты кредитора по обязательству голосовать определенным образом.

В то же время в литературе также обсуждается возможность защиты интересов кредиторов по обязательству голосовать определенным образом с помощью вынесения так называемого волезамещающего судебного акта, которым решение собрания признавалось бы принятым с таким результатом, как если бы неисправный должник голосовал в соответствии с принятыми на себя обязательствами (то есть происходит замещение воли голосующего должника судом). Поясним данную мысль подробнее на примере.

Участники А (30% акций) и Б (40% акций) договорились, что участник Б за некоторое предоставление (например, за плату) проголосует на предстоящем общем собрании по вопросу о выборе кандидатуры директора компании в соответствии с указанием участника А. На собрании участник Б нарушает свое обязательство, не голосуя за кандидата, на которого указал участник А, в результате чего в качестве директора было избрано иное лицо. Однако, ситуация могла бы быть исправлена, если бы участнику А был бы доступен иск о признании решения собрания принятым с таким результатом, как если бы участник Б отдал свои голоса за ту кандидатуру, на которую изначально указывал участник А – то есть в таком случае желаемый для участника А директор в силу голосования большинством голосов (70%) был бы однозначно избран.

Практика российских судов свидетельствует скорее об отрицательном отношении к подобным волезамещающим судебным актам, что, по свидетельствам авторов, продиктовано соображениями того, что суд не может предрешать исход голосования, поскольку это сводит на нет свободную волю участников голосования [4]. В то же время представляется, что такое обоснование нельзя признать удовлетворительным, по-

сколькo не понятно, по какой причине должна защищаться свободная воля акционера, которая была добровольно ограничена заключением корпоративного договора.

По нашему мнению, более существенная проблема в ситуации с волезамещающими судебными актами при неисполнении обязанностей по голосованию заключается в нарушении принципа относительности договорных обязательств (п. 3 ст. 308 ГК РФ), ведь получается, что, в силу наличия определенных условий в корпоративном договоре отдельных участников корпорации, решение собрания может в последующем измениться на прямо противоположное, при этом в таком собрании могут участвовать иные лица, не являющиеся стороной такого договора, интересы которых явно затрагиваются такой неопределенностью в отношении окончательности принятого решения.

Представляется, что достижение баланса в данной ситуации возможно за счет установления правила о том, что вынесение подобных волезамещающих судебных актов возможно только в той ситуации, когда стороной корпоративного договора являются все участники соответствующей корпорации. В такой ситуации их правовые ожидания никак не могут быть нарушены последующим изменением принятого решения собрания, поскольку им, как сторонам корпоративного договора, это было заранее известно.

В то же время следует обратить внимание на важность обеспечения защиты интересов третьих лиц, не являющихся соответственно ни стороной корпоративного договора, ни участниками корпорации – их интересы могут быть защищены в силу действующего правового регулирования, что уже заложено в норме п. 6 ст. 67.2 ГК РФ в части указания на то, что нарушение корпоративного договора может повлечь недействительность сделок только в том случае, когда сторона такой сделки знала или должна была знать о предусмотренных корпоративным договором ограничениях.

Иными словами, в ситуации, когда, например, изначально решением общего собрания было дано согласие на заключение крупной сделки, однако в дальнейшем судом данное решение собрания было видоизменено на противоположное, по нашему мнению, сделка может быть признана недействительной только в той ситуации, когда контрагент заведомо знал о корпоративном договоре и нарушении его условий при голосовании на общем собрании по вопросу одобрения сделки.

Аналогичным образом интересы добросовестных участников гражданского оборота будут защищены в ранее приведенном примере с избранием директора – несмотря на то, что изначально решением собрания было избрано иное лицо, нежели то, которое будет указано в дальнейшем в судебном акте, такой изначально избранный директор мог успеть совершить сделки или иные юридически значимые действия от имени компании. Однако, доктрина видимости права [5] защищает интересы лиц, добросовестно полагавшихся на открытые данные публичных реестров, в том числе на данные ЕГРЮЛ, содержащие сведения о директоре компании, что закреплено в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ [6].

Изложенное в совокупности свидетельствует о целесообразности постановки вопроса о внедрении и развитии практики применения судами волезамещающих судебных актов в целях предоставления эффективной защиты кредиторам по обязательству из корпоративного договора, предметом которого является голосование определенным образом на общем собрании участников общества.

Литература

1. Бородкин В.Г., Станкевич А.В. О некоторых проблемах арбитражного процесса и способов защиты прав // Сборник очерков. Ч. 1. Инфотропик Медиа. 2018 (СПС «Консультант Плюс»)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
3. Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: Монография. Юстицинформ. 2017 (СПС «Консультант Плюс»).
4. Борейшо Д.В. Обзор практики применения норм о полномочиях из обстановки. Закон. 2020. N 10 (СПС «Консультант Плюс»)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Бюллетень Верховного Суда РФ. N 8. август, 2015.

References

1. Borodkin V.G., Stankevich A.V. O nekotoryh problemah arbitrazhnogo processa i sposobov zashhity prav. Sbornik ocherkov. Ch. 1. Infotropik Media. 2018 (SPS «Konsul'tant Pljus»)
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 N 51-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.12.1994. N 32. st. 3301.

3. Borodkin V.G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie korporativnogo dogovora v rossijskom prave: Monografija. Justicinform. 2017 (SPS «Konsul'tant Pljus»).

4. Borejsho D.V. Obzor praktiki primeneniya norm o polnomochijah iz obstanovki. Zakon. 2020. N 10 (SPS «Konsul'tant Pljus»)

5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 N 25 «O primeneni sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii». Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. N 8. avgust, 2015.

Актуальные проблемы права наследования на современном этапе

**Пахомова Н.А., кандидат исторических наук, доцент,
Курская академия государственной и муниципальной службы**

***Аннотация:** главная цель настоящего исследования состоит в изучении проблем права наследования, возникающих на современном этапе развития государства и общества. Для достижения заявленной цели необходимо решить первоочередные задачи. Во-первых, необходимо рассмотреть сущностно-содержательную характеристику совместного завещания. Во-вторых, требуется определить, что представляет собой наследственный договор. В-третьих, особого внимания заслуживают вопросы, затрагивающие организацию и функционирование наследственного фонда. Автором были решены поставленные задачи. По результатам исследования были сформулированы практические рекомендации по совершенствованию действующего гражданского законодательства в части наследования.*

***Ключевые слова:** право наследования, наследование по закону, наследование по завещанию, совместное завещание, наследственный договор, наследственный фонд, наследодатель, наследник*

Для цитирования: Пахомова Н.А. Актуальные проблемы права наследования на современном этапе // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 80 – 84.

Actual problems of inheritance law at the present stage

**Pakhomova N.A., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kursk Academy of State and Municipal Service**

***Abstract:** the main purpose of this study is to study the problems of inheritance law arising at the present stage of development of the state and society. To achieve the stated goal, it is necessary to solve priority tasks. First, it is necessary to consider the essential and substantive characteristics of a joint will. Secondly, it is required to determine what constitutes an inheritance contract. Thirdly, issues affecting the organization and functioning of the inheritance fund deserve special attention. The author solved the tasks set. Based on the results of the study, practical recommendations were formulated to improve the current civil legislation in terms of inheritance.*

***Keywords:** inheritance right, inheritance by law, inheritance by will, joint will, inheritance contract, inheritance fund, testator, heir*

For citation: Pakhomova N.A. Actual problems of inheritance law at the present stage. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 80 – 84.

Вопросы, регламентирующие применение права наследования, в современных условиях приобретают все большее значение. Популярность данного института обусловлена тем, что в последние годы на законодательном уровне был серьезно увеличен перечень объектов, переходящих в порядке наследственного правопреемства. Кроме этого, нельзя игнорировать непрерывно изменяющиеся рыночные отношения и развитие частной собственности. Данные факторы существенно усиливают актуальность права наследования.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что право наследования гарантировано главным законом страны – Конституцией Российской Федерации. Вместе с тем, оно в различных аспектах соприкасается с правом собственности и одновременно выступает особым элементом гражданского права. Причем данный элемент базируется на устоявшихся традициях и культурных ценностях. Он свойственен правовым системам любого государственного образования и способствует установлению прочных взаимосвязей, возникающих между различными возрастными категориями населения посредством реализации важной потребности - передачи имущества и имущественных прав своим потомкам.

Нормы, закрепленные в Гражданском кодексе Российской Федерации, регламентируют различные вопросы, касающиеся права наследования различных видов имущества и имущественных прав. Отечественное гражданское законодательство включает базовый понятийный аппарат, который непосредственно применяется для уточнения сферы наследственных правоотношений. В качестве наглядного примера можно отметить статью 1111 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой указано, что существует несколько законных оснований возникновения права наследования. К ним относятся следующие:

- завещание;
- наследственный договор;

- закон.

Кроме того, гражданско-правовые нормы содержат порядок очередности наследования по закону. Они закреплены в статьях 1142-1145. В соответствии с указанными статьями лица, выступающие наследниками последующих очередей, получают право наследования в следующих случаях:

- наследники предыдущих очередей отсутствуют;
- наследники предыдущих отраслей отказались от своего законного права.

Рассмотрим каждое из законных оснований получения права наследования более подробно и сформулируем основные проблемные моменты.

На современном этапе развития общества ключевым способом получения права наследования выступает наследование по завещанию. Данный способ позволяет реализовать интересы физического лица по поводу распределения принадлежащего ему имущества и имущественных прав после его смерти. Важным моментом выступает то, что переход вещей и имущественных прав наследодателя к наследникам соответствовал основополагающим принципам, к которым следует отнести:

- принцип справедливости;
- принцип учета интересов всех возможных наследников;
- принцип соблюдения воли наследодателя.

С учетом этого встает вопрос о необходимости создания качественной правовой базы, регламентирующей правоотношения, возникающие в области наследственного права. При этом данная база должна быть применима независимо от существующих тенденций и направлений развития общества.

Необходимо отметить, что на протяжении многих лет законодательными органами проводилась крупномасштабная работа, ориентированная на внедрение новшеств в наследственное законодательство, которые учитывали бы следующие моменты:

- эволюционное развитие социума в целом и наследственных отношений в частности;
- возникновение новых институциональных единиц и формулировок;
- развитие частной собственности.

В современном гражданском законодательстве достаточное внимание уделяется следующим концептуальным вопросам:

- совместное завещание;
- наследственный договор;
- наследственный фонд.

Внесение изменений повлекло за собой целесообразность исследования вопросов, раскрывающих их сущностно-содержательную характеристику и специфические особенности реализации в практических аспектах. В этой связи необходимо подробно изучить каждый из названных вопросов.

Следует отметить, что в научном сообществе идут активные дискуссии о совместном завещании. Данный институт наследственного права пришел в российское законодательство непосредственно из зарубежных стран. Впервые о наследственном праве заговорили в Великобритании, где оно рассматривалось как реальная возможность супругов определить судьбу принадлежащего им имущества совместно до того момента, как один из них умрет. Данная возможность предопределила появление нескольких ситуаций. К ним относятся следующие:

- завещание не может быть отменено после кончины одного из супругов;
- оставшийся супруг не имеет права отчуждать наследственную массу.

При этом Э.П. Абовян и О.Г. Ананьев выделяют случаи, когда совместное завещание закрепляет обоюдные обязательства и договоренности, которые были достигнуты между супругами [1, с. 59].

В научной литературе совместное завещание имеет особый интерес, так как оно позволило систематизировать опыт, накопленный зарубежными странами. Однако некоторые специалисты, например, Е.В. Протас и А.С. Карабут, считают, что введение норм, регулирующих данный институт, произошло преждевременно [7, с. 82]. Это обусловлено тем, что на практике совместное завещание по многим параметрам дублирует брачный договор, начинающий действовать в случае смерти одного из супругов.

Супруги имеют право включить в текст совместного завещания положения, касающиеся следующих моментов:

- завещание общего имущества конкретному лицу (лицам);
- завещание имущества, принадлежащего только одному супругу;
- установление доли каждого наследника в наследственных массах;
- установление наследственной массы каждого супруга;
- лишение наследства конкретных наследников;

- иные распоряжения.

Необходимость и целесообразность введения института совместного завещания не вызывает сомнения. При этом оно нуждается в доработках. Это обусловлено тем, что в действующем гражданском законодательстве существует ряд проблем. Дело в том, что Гражданский кодекс Российской Федерации содержит указания на то, что совместное завещание может быть отменено после смерти одного из супругов. Также существует законное право составления единоличного завещания. На практике действие данных норм ставит под сомнение целесообразность существования института совместного завещания.

В целях урегулирования данного пробела представляется необходимым регламентировать срок, на протяжении которого можно отменить совместное завещание. По нашему мнению, он должен составлять не более 6 месяцев с момента открытия наследства. Это обусловлено тем, что сроки принятия наследства и сроки выдачи свидетельства о праве на наследство составляют также 6 месяцев.

Отдельного внимания заслуживает обратная сила отмены совместного завещания для той категории наследников, которые смогли своевременно оформить свои законные права.

В этой связи целесообразно доработать Гражданский кодекс Российской Федерации и отразить в содержании положения, касающиеся уже принятых и оформленных в установленном порядке имущества и имущественных прав. Это означает, что отмена совместного завещания и составление завещания, которое отменяет уже составленное совместное завещание, не допускается в отношении принятого и оформленного соответствующим образом имущества.

В научной литературе, выдвигается альтернативный вариант решения данных проблем, согласно которому следует исключить из гражданского законодательства нормы, указывающие на возможность отмены совместного завещания после смерти одного из супругов. При этом данная точка зрения аргументирована достаточно четко: наделение супруга правом на отмену совместного завещания влечет за собой прямое нарушение воли умершего супруга.

Отдельного внимания заслуживают положения о совместном завещании, которые допускают возможность злоупотребления правами в отношении того имущества и имущественных прав, которые включены в завещание. То есть если имущество и имущественные права переданы наследнику после смерти по воле одного из супругов после смерти второго, это является существенным противоречием воли умершего.

Для того чтобы не допустить такую ситуацию рекомендуется дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации нормой, указывающей на то, что имущество и имущественные права, отраженные в совместном завещании, считаются обремененными. Это означает, что их допускается передать лицу, которое было указано в совместном завещании. Передача иным лицам запрещается.

Среди новшеств, регулируемых нормами гражданского права, необходимо отметить положения, регламентирующие вопросы составления наследственного договора и его содержания.

Прежде всего, следует отметить, что в Гражданском кодексе не закреплено легального определения термина "наследственный договор". Это создает серьезные проблемы в понимании его сущности и содержания. В этой связи целесообразно рассмотреть точки зрения по данному вопросу, сформировавшиеся в научной литературе. Так, Д.Г. Золотухин под наследственным договором предлагает понимать договор, в соответствии с которым одна сторона (отчуждатель) делает распоряжение о переходе в случае своей смерти принадлежащего ей права на определенное в данном договоре имущество другой стороне (приобретателю) или третьему лицу [5, с. 20].

По мнению А.И. Гусейновой, наследственный договор – это договор, заключаемый наследодателем с избранным(-ыми) им в соответствии с законом лицом (лицами) в целях передачи такому лицу (лицам) определенного имущества наследодателя [4, с. 54]. При этом у наследодателя возникает законное право возложить на это лицо (этих лиц) определенные обязанности либо поставить переход имущества в зависимость от наступления конкретных обстоятельств.

В статье 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что сторонами наследственного договора могут выступать любые физические лица. Это означает, что он может быть заключен также и между супругами. То есть наследственный договор по факту выступает альтернативным вариантов совместного завещания [3].

Наследственный договор включает следующие пункты:

- порядок перехода имущества;
- возложение обязательств на потенциальных наследников.

Законом допускает изменение и расторжение наследственного договора. Это возможно при жизни сторон. При этом возникают определенные юридические последствия в части уплаты компенсации убытков по исполнению такого договора в случае, когда они были установлены на момент расторжения данного соглашения.

Нельзя отождествлять наследственный договор и завещание. Они имеют существенные различия. Главное отличие состоит в том, что действительным признается тот вариант соглашения, который был удостоверяется самым первым (завещание – составленное ближе всего к моменту смерти наследодателя).

Включение института наследственного договора в отечественное гражданское законодательство привело к тому, что в правовом регулировании вопросов наследования возникли некоторые проблемные моменты. В первую очередь, следует отметить, что заключение наследственного договора влечет полную или частичную ничтожность завещания. Он, в свою очередь, предполагает защиту прав сторон, которые участвовали в его заключении, и при этом создает вполне реальный риск того, что завещание будет оспорено недобросовестными наследниками на основе поддельных наследственных договоров.

Чтобы минимизировать риск возникновения такой проблемы, рекомендуется зафиксировать в Гражданском кодексе усложненный порядок заключения наследственных договоров. Для этого можно воспользоваться опытом, сформировавшимся в Германии. В этой стране наследственный договор заключается только в суде. При этом обязательным условием является - присутствие всех сторон договора, свидетелей и двух нотариусов. С одной стороны, это существенно увеличит издержки на заключение такого договора, но в то же время снизит желание злоумышленников реализовать свои мошеннические схемы.

Кроме этого, действующие нормы, регулирующие наследственный договор, не охватывают вопросы распределения обязательств наследодателя, которые не были исполнены им при жизни. В данном случае приобретатель по наследственному договору не должен отвечать по долгам наследодателя, что отличает его от наследников.

В этой связи в целях недопущения возникновения споров, важно закрепить в гражданском законодательстве положение, согласно которому распределение обязательств должно быть совершено только в их возможной части в рамках обязательной доли наследников, в отношении которой не был заключен наследственный договор.

Помимо совместного завещания и наследственного договора серьезной проблемой выступает определение порядка формирования и изменения объема наследственной массы при жизни наследодателя [6, с.18]. В настоящее время отсутствует запрет на проведение сделок, которые могут повлечь приобретение наследодателем нового имущества или имущественных прав либо их продажу и иную форму отчуждения. Более того, любое соглашение, которое прямо или косвенно запрещает лицу распоряжаться принадлежащим ему имуществом, признается ничтожным.

В этой связи целесообразно дополнить действующее гражданское законодательство положением, запрещающим отчуждение имущества-предмета наследственного договора. При этом сделки, совершаемые с таким имуществом, выступают прямым основанием для признания их недействительными.

Еще одним новшеством стало положение, регулирующее формирование наследственного фонда. Наследственный фонд выступает новой формой юридического лица, создаваемое в целях исполнения завещания и управления наследственной массой после смерти завещателя. Данное объединение реализует свою функциональную деятельность на основании принципа неразделенности и статичности наследственной массы.

Создание наследственного фонда в обязательном порядке сопровождается реализацией комплекса действий. К ним относятся следующие:

- разработка устава организации;
- определение условий оформления;
- составление и нотариальное заверение собственной воли наследодателем [2, с. 2150].

Главная цель создания таких объединений состоит в существенном упрощении и облегчении порядка проведения процедуры распоряжения имуществом после того, как умер наследодатель.

Несмотря на некоторые преимущества, которые возникают в результате создания наследственных фондов, их функционирование сопряжено с комплексом проблем. Прежде всего, речь идет о рисках, связанных с тем, что создание такого фонда осуществляется после смерти наследодателя. При этом он не может ни оказать влияния на управление наследственным фондом, ни осуществлять контроль за деятельностью данного фонда.

В этой связи особый интерес представляет собой зарубежная практика. В некоторых странах гражданское законодательство предполагает, что наследственный фонд может быть создан при жизни наследодателя. Это способствует возможности вмешиваться в функционирование фонда в случае обнаружения неправомερных решений. Поэтому стоит рассмотреть возможность включения похожей нормы в Гражданский кодекс Российской Федерации с учетом специфики российского законодательства.

Стоит отметить, что в законе отсутствует прямое указание на имущественный ценз при создании наследственного фонда. Данная проблема может привести к серьезным негативным последствиям, в част-

ности к созданию наследственного фонда для любых категорий лиц. Это влечет за собой увеличение нагрузки на нотариусов, на которых возложена обязанность направлять в компетентные структуры документы для регистрации таких организаций.

Кроме этого, среди негативных последствий можно выделить увеличение количества нарушений при осуществлении деятельности наследственными фондами. Поэтому рекомендуется создавать наследственный фонд при условии, что размер наследственной массы превышает 1 млн. рублей.

Подводя итог, следует отметить, что совершенствование правового регулирования вопросов наследования – острая необходимость в современных условиях развития общества и права. При этом изменения и дополнения действующего гражданского законодательства носят позитивный характер. Однако они характеризуются комплексом проблем, которые на практике могут привести к серьезным нарушениям прав и свобод заинтересованных лиц. Поэтому они требуют качественной проработки.

Литература

1. Абовян Э.П., Ананьев О.Г. Проблемы наследственного права: завещание, совместное завещание, наследственный договор // Закон и право. 2022. № 5. С. 59 – 61.
2. Голованов Н.М. Проблемы правового регулирования наследственных фондов в России // StudNet. 2022. № 4. С. 2149 – 2160.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. № 233. 28.11.2001.
4. Гусейнова А.И. Понятие и правовая природа наследственного договора // Закон и право. 2020. № 3. С. 54 – 55.
5. Золотухин Д.Г. Новелла российского законодательства – наследственный договор // Отечественная юриспруденция. 2018. № 7 (32). С. 19 – 23.
6. Ламбринаки Л.А., Предеин Н.М. Актуальные проблемы гражданского права в области наследования // Скиф. 2020. № 1 (41). С.17 – 21.
7. Протас Е.В., Карabut А.С. Правовое регулирование наследования: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 81 – 86.

References

1. Abovjan Je.P., Anan'ev O.G. Problemy nasledstvennogo prava: zavesshhanie, sovmestnoe zavesshhanie, nasledstvennyj dogovor. Zakon i pravo. 2022. № 5. S. 59 – 61.
2. Golovanov N.M. Problemy pravovogo regulirovanija nasledstvennyh fondov v Rossii. StudNet. 2022. № 4. S. 2149 – 2160.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ja) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 01.07.2021). Rossijskaja gazeta. № 233. 28.11.2001.
4. Gusejnova A.I. Ponjatje i pravovaja priroda nasledstvennogo dogovora. Zakon i pravo. 2020. № 3. S. 54 – 55.
5. Zolotuhin D.G. Novella rossijskogo zakonodatel'stva – nasledstvennyj dogovor. Otechestvennaja jurisprudencija. 2018. № 7 (32). S. 19 – 23.
6. Lambrinaki L.A., Predein N.M. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava v oblasti nasledovanija. Skif. 2020. № 1 (41). S.17 – 21.
7. Protas E.V., Karabut A.S. Pravovoe regulirovanie nasledovanija: aktual'nye problemy i puti ih reshenija. Vestnik jekonomicheskoj bezopasnosti. 2021. № 1. S. 81 – 86.

Актуальные способы укрепления государственного суверенитета в России

**Роменский В.В., аспирант, руководитель дирекции дистанционного привлечения клиентов,
Московский государственный областной педагогический университет,
ООО «УРАЛСИБ Брокер»**

Аннотация: в условиях современного состояния межгосударственных отношений, важнейшей характеристикой которых были процессы глобализации, затронувшие и правовое обеспечение реализации функций государственной власти, актуальным является научное осмысление вопросов укрепления государственного суверенитета стран, строящих отношения с обществом на основе традиционных для него социальных ценностей. Процессы глобализации, затрагивающие и национальное правовое регулирование, представляют собой угрозу государственному суверенитету, что ставит задачу разработку механизмов его укрепления в сферах государственного управления и правового регулирования. Сделан вывод о том, что внешнеполитическое и экономическое давление не только на РФ, но и на те страны, которые не поддерживают санкционную политику в отношении России, наиболее актуальными мерами усиления государственного суверенитета следует считать разработку и реализацию мер по созданию и развитию межгосударственных объединений с участием Российской Федерации и, одновременно, отсутствию так называемых «недружественных стран» по примеру ШОС и БРИКС; меры по ограничению влияния актов международно-правового характера на национальную правовую систему, прежде всего, это касается актов Европейского Союза, поскольку интеграционные процессы в этом направлении в настоящее время свернуты и нет оснований для восстановления этих связей.

Ключевые слова: государственный суверенитет, защита государственного суверенитета, международное право, глобализация в праве, национальное государство в современном мире, глобализация в праве и государственный суверенитет

Для цитирования: Роменский В.В. Актуальные способы укрепления государственного суверенитета в России // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 85 – 88.

Current ways to strengthen state sovereignty in Russia

**Romensky V.V., PhD student, Head of Remote Client Acquisition Directorate,
Moscow State Regional Pedagogical University,
ООО URALSIB Broker**

Abstract: in the conditions of the current state of interstate relations, the most important characteristic of which were the processes of globalization, which also affected the legal support for the implementation of the functions of state power, the scientific understanding of the issues of strengthening the state sovereignty of countries building relations with society on the basis of traditional social values is relevant. The processes of globalization, which also affect national legal regulation, pose a threat to State sovereignty, which poses the task of developing mechanisms to strengthen it in the areas of public administration and legal regulation. It is concluded that the development and implementation of measures to create and develop interstate associations with the participation of the Russian Federation and, at the same time, the absence of so-called "unfriendly countries" following the example of the SCO and BRICS; measures to limit the influence of acts of an international legal nature on the national legal system, first of all, this concerns the acts of the European Union, since the integration processes in this direction are currently curtailed and there are no grounds for restoring these ties.

Keywords: state sovereignty, protection of state sovereignty, international law, globalization in law, national state in the modern world, globalization in law and state sovereignty

For citation: Romensky V.V. Current ways to strengthen state sovereignty in Russia. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 85 – 88.

Актуальность научного исследования вопросов, связанных с выявлением угроз государственному суверенитету и, как следствие, вопроса совершенствования государственной политике по воспрепятствованию таким угрозам, приобретает большую значимость в настоящее время, когда происходит трансформация сущности и содержания межгосударственных отношений, роли международного права в правовом регулировании межгосударственных и региональных конфликтов, в процессе трансформации сложившегося на

рубеже XX-XXI веков однополярного мира и возникновения новых «центров силы», в том числе и в рамках межгосударственных экономических и военно-политических объединений.

Категория «государственный суверенитет» используется в ряде общественных наук, поэтому и оценивается исследователями как понятие многогранное, наделяемое различными смысловыми сущностными элементами в зависимости от того, в рамках какого направления науки используется эта категория. Как правовая категория государственный суверенитет рассматривается, прежде всего, как способность государства самостоятельно решать максимально возможное число вопросов государственного строительства, регулирования общественных отношений.

В разных странах по-разному оценивается государственный суверенитет, причем чаще всего не в рамках правовых исследований, а исследований экономического характера, поэтому под суверенитетом страны понимается возможность ее экономики к стабильному развитию и противостоянию негативным факторам процессам глобализации [5, с. 74] характерных для современной мировой экономики. Посредством применения ряда индикативных показателей и определяются, насколько суверенным является исследуемое государство, но, опять же, именно в отношении экономического суверенитета.

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400, рассматривает государственный суверенитет РФ как одну из ключевых задач, решаемых в рамках государственной политики по обеспечению государственной безопасности как особого состояния защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз.

В отечественной науке теории государства и права государственный суверенитет рассматривается как свойство государственной власти, реализуемое, как отмечают, в частности, В.В. Лазарев, С.С. Алексеев, В.М. Сырых, в ее верховенстве и независимости [2, 1, 6].

М.Н. Марченко к верховенству и независимости государственной власти добавляет такое свойство, как единство [6, с. 52].

В.Е. Чиркин, В.В. Красинский и целый ряд отечественных авторов отмечают особую роль такой сущностной характеристики государственной власти, как государственный суверенитет. В.В. Красинский так и пишет: «Мощь и эффективность государственной власти измеряется в первую очередь ее суверенностью» [3, с. 6]. Далее он же обращает внимание на то, что только суверенная государственная власть способна самостоятельно решать любые внутри- и внешнеполитические задачи, обеспечивать реализацию своих властных полномочий в отношении всех субъектов права в пределах своей территориальной юрисдикции [3, с. 9].

В.Е. Чиркин также отмечает роль государственного суверенитета в характеристике государственной власти, что особо проявляется при ее осуществлении, но при этом отмечает, что в современном мире при распространении надгосударственных структур полной суверенности государственной власти добиться невозможно, что наиболее ярко в настоящее время проявляется в странах, входящих в Европейский союз. Надгосударственная, или в терминологии Евросоюза, «наднациональная публичная власть», отмечает указанный автор, строится на передачи части государственного суверенитета региональному объединению, причем процесс передачи властных полномочий еще не закончен, но наблюдается усиливающаяся динамика этого процесса [8, с. 9]. Следовательно, исходя из сущностных особенностей суверенности государственной власти, государственный суверенитет следует рассматривать как самостоятельность государственной власти в принятии управленческих решений и ее независимость в реализации функций государства от внешних и внутренних воздействий.

Следует отметить, что в настоящее время в теоретических изысканиях отечественных исследователей, а также в актах государственной власти чаще используется более широкое по своему смыслу понятие национального суверенитета, вытекающего из сущности национальной безопасности, связанной с обеспечением национальных интересов в рамках реализации органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности.

Некоторые ограничения государственного суверенитета могут быть вызваны объективными обстоятельствами внешнеполитического свойства, поскольку само участие государства в межгосударственных объединениях глобального и регионального характера предполагает определенные ограничения в реализации задач внешней политики, но такие самоограничения не следует считать угрозой государственному суверенитету, поскольку само участие государства в объединениях политического, экономического, оборонного свойства является реализацией суверенной внешней политики [4, с. 313]. Об ограничениях суверенитета следует говорить в тех случаях, когда государственная власть принимает решения вследствие угроз внешнеполитического характера, либо в угоду интересам внутриполитического характера.

Поскольку правовая категория государственного суверенитета находится в постоянной динамике, как и международное право, оказывающее существенное влияние на реализацию государственного суверенитета в сфере правотворчества и даже в процессе правоприменения, в современных условиях санкционного, информационного, финансового и экономического давления для Российской Федерации существует насущная необходимость разработки механизмов укрепления государственного суверенитета.

В зависимости от того, в каком ключе рассматривается категория государственного суверенитета, механизмы его укрепления разрабатываются с учетом соответствующих методик. Если государственный суверенитет рассматривается как политологическая категория, соответственно и механизмы, средства его укрепления разрабатываются в рамках методологии соответствующей общественной науки. Так, например, С.М. Небренчин предлагает десять основных направлений защиты суверенитета от закрытия структур «глубинного государства» до дальнейшего развития внешнеполитической активности, оперативного реагирования на внешнеполитические вызовы [5, с. 78].

Если же рассматривать проблему укрепления государственного суверенитета в рамках методологии науки теории государства и права, то механизмы указанной деятельности будут несколько иными. Так, например, С.В. Воробьева указывает на необходимость точного терминологического определения дефиниции «государственный суверенитет» и только затем ставить вопрос о разработке механизмов его укрепления и определения основных направлений его усиления и развития [2, с. 56].

Актуальные механизмы и способы усиления государственного суверенитета должны опираться на конституционно-правовые принципы, организующие государственную власть, соответствие способов усиления государственного суверенитета должно опираться на принципы законности, достаточности и необходимости. В противном случае можно разработать такие способы усиления государственного суверенитета, которые могут оказаться невостребованными в силу излишнего государственного воздействия на общественные отношения, создать дополнительные, в том числе и антиконституционные, ограничения для реализации гражданами своих конституционных прав и свобод, а для субъектов предпринимательской деятельности – ограничения в реализации принципа свободы экономической деятельности.

Следовательно, борьба государственной власти с новыми для реализации государственного суверенитета внешними и внутренними вызовами должна соответствовать этим вызовам и не создавать тех механизмов, которые необходимы для нивелирования негативного воздействия на самостоятельность осуществления государственной власти.

Учитывая объем экономических санкций, которые наложены группой государств, объединяемых политологическим термином «условный (коллективный) Запад», внешнеполитическое и экономическое давление не только на РФ, но и на те страны, которые не поддерживают санкционную политику в отношении России, наиболее актуальными мерами усиления государственного суверенитета следует считать разработку и реализацию мер по созданию и развитию межгосударственных объединений с участием Российской Федерации и, одновременно, отсутствию так называемых «недружественных стран» по примеру ШОС и БРИКС; меры по ограничению влияния актов международно-правового характера на национальную правовую систему, прежде всего, это касается актов Европейского Союза, поскольку интеграционные процессы в этом направлении в настоящее время свернуты и нет оснований для восстановления этих связей.

Среди мер по усилению государственного суверенитета внутреннего характера современными исследователями указывается на необходимость разработки законодательной базы для усиления доверия граждан к власти, что может выражаться в развитии мер социальной поддержки населения, развития доступности государственных услуг, государственной и муниципальной службы, борьбы с коррупцией и использованием государственными и муниципальными служащими служебного положения в корыстных целях.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория государства и права: учебник. М.: Норма, 2004. 283 с.
2. Воробьева С.В. К вопросу об укреплении суверенности российской государственности // Актуальные проблемы государства и права. 2017. Т. 1. № 3/4. С. 48 – 57.
3. Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 608 с.
4. Михеев В.А. Государственный суверенитет: политические аспекты обеспечения, проблемы, перспективы // Власть. 2020. № 6. С. 313.
5. Небренчин С.М. Актуальные проблемы обеспечения национального суверенитета России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13. Ч. 1. С. 74 – 80.
6. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2002. 606 с.

7. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2012. 704 с.

8. Чиркин В.Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5 – 19.

References

1. Alekseev S.S. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Norma, 2004. 283 s.

2. Vorob'eva S.V. K voprosu ob ukreplenii suverenosti rossijskoj gosudarstvennosti. Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2017. T. 1. № 3/4. S. 48 – 57.

3. Krasinskij V.V. Zashhita gosudarstvennogo suvereniteta: monografija. M.: NORMA, INFRA-M, 2017. 608 s.

4. Miheev V.A. Gosudarstvennyj suverenitet: politicheskie aspekty obespechenija, problemy, perspektivy. Vlast'. 2020. № 6. S. 313.

5. Nebrenchin S.M. Aktual'nye problemy obespechenija nacional'nogo suvereniteta Rossii. Rossija: tendencii i perspektivy razvitija. 2018. № 13. Ch. 1. S. 74 – 80.

6. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik dlja juridicheskikh vuzov i fakul'tetov. pod red. V.M. Korel'skogo i V.D. Perevalova. M.: Izdatel'skaja gruppa NORMA-INFRA-M, 2002. 606 s.

7. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik dlja vuzov. 6-e izd., pererab. i dop. M.: ЗАО «Justicinform», 2012. 704 s.

8. Chirkin V.E. Integracionnye mezhgosudarstvennye processy, konstitucii i gosudarstvennyj suverenitet. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2019. № 3. S. 5 – 19.

Проблема формирования безопасной среды в университете как условие профилактики террористических проявлений в студенческой среде

**Рубанцова Т.А., доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий**

Аннотация: в настоящее время одной из самых актуальных становится проблема формирования комфортной и безопасной образовательной среды университета. становятся ключевой задачей воспитательного процесса в вузе. В современных условиях возможности террористических угроз, формирование безопасности и защиты, обучающихся в вузе от негативных социальных явлений, становится наиболее актуальной задачей воспитательного процесса. Данная научная тема является дискуссионной, так как в исследованиях нет единой точки зрения по данному вопросу. Объектом исследования статьи являются проблемы формирования безопасной образовательной среды в университете, которая служит основой для противодействия террористическим угрозам и вызовам современного общества. Цель статьи – рассмотреть профилактику и противодействие идеологии терроризма через формирование безопасной образовательной среды. В статье рассмотрены основные подходы к проблеме формирования безопасной образовательной среды в университете, разработана классификация категории «безопасная образовательная среда», выявлено три основных подхода данного феномена в научной литературе. Исследования, которые анализируют и раскрывают категорию «безопасная образовательная среда», можно классифицировать по трем основаниям: психологическому, социальному и национальному. При анализе проблемы формирования и профилактики безопасной образовательной среды от воздействия террористических угроз использовались теоретические работы российских ученых по данной проблематике. В исследовании применены в теоретических подходах: общенаучные методы анализа и синтеза, восхождение от абстрактному к конкретному. При исследовании феномена профилактики и противодействию террористических угроз в системе образования использован системный и структурно-функциональный подход.

Ключевые слова: безопасная среда в университете, террористическая угроза, профилактика

Для цитирования: Рубанцова Т.А. Проблема формирования безопасной среды в университете как условие профилактики террористических проявлений в студенческой среде // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 89 – 92.

The problem of forming a safe environment at the university as a condition for the prevention of terrorist manifestations in the student environment

**Rubantsova T.A., Doctor of Philosophical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Siberian State University of Geosystems and Technologies**

Abstract: currently, one of the most urgent problems is the formation of a comfortable and safe educational environment of the university. They become a key task of the educational process at the university. In modern conditions, the possibility of terrorist threats, the formation of security and protection of university students from negative social phenomena, is becoming the most urgent task of the educational process. This scientific topic is debatable, since there is no single point of view on this issue in research. The object of the article's research is the problems of forming a safe educational environment at the university, which serves as a basis for countering terrorist threats and challenges of modern society. The purpose of the article is to consider the prevention and counteraction of the ideology of terrorism through the formation of a safe educational environment. The article considers the main approaches to the problem of forming a safe educational environment at the university, develops a classification of the category "safe educational environment", identifies three main approaches to this phenomenon in the scientific literature. Studies that analyze and reveal the category of "safe educational environment" can be classified on three grounds: psychological, social and national. When analyzing the problem of formation and prevention of a safe educational environment from the effects of terrorist threats, theoretical works of Russian scientists on this issue were used. The research uses theoretical approaches: general scientific methods of analysis and synthesis, ascent from the abstract to the concrete. In the study of the phenomenon of prevention and countering terrorist threats in the education system, a systematic and structural-functional approach was used.

Keywords: safe environment at the university, terrorist threat, prevention

For citation: Rubantsova T.A. The problem of forming a safe environment at the university as a condition for the prevention of terrorist manifestations in the student environment. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 89 – 92.

Актуальность исследования проблемы формирования безопасной образовательной среды в университете не вызывает сомнений, так как основой для различных вызовов и девиаций являются негативные социальные тенденции, которые проявляются в молодежной среде. Именно травля сверстников, несправедливость, обиды, постоянные унижения и побои приводят к трагическим развязкам в стенах учебных заведений, а иногда и к террористическим актам. Цель работы – рассмотреть проблемы формирования безопасной образовательной среды в современном обществе как фактор противодействия терроризму. В статье исследуется категория «безопасная среда», рассматриваются факторы, влияющие на ее формирование. Дан анализ проблем по формированию противодействия террористическим угрозам и профилактике в образовательной среде противоправной деятельности в стенах университета. Предлагаются практические пути решения проблемы формирования безопасной студенческой образовательной среды.

В. В. Маленков провел социологический анонимный опрос в интернете по вопросу формирования патриотизма и гражданственности в студенческой среде. В результате он получил противоречивые данные, только четвертая часть опрошенных считают, что они считают себя патриотами, а 21% себя патриотами своей страны не считают, а 48% утверждают, что патриотами могут назвать себя отчасти [7, с. 125]. Мнения в данных категориях граждан патриотов и не патриотов разделились в отношении гражданского долга. Граждане, имеющие патриотическое сознание, считают, что они обязаны выполнять обязательства перед государством и обществом (85%), то есть имеют развитое чувство долга, большая часть респондентов, не разделяющих чувство патриотизма, отрицают сопричастность к делам родины (72%) [7, с. 127]. Социологические данные свидетельствуют необходимости формирования в образовательной среде идеалов патриотизма, любви к родине, гордость за Отечество и ее достижения, что, несомненно, будет уменьшать риск противоправных террористических действий в университетах.

В течение длительного времени в учебных программах РСФСР сокращали гуманитарные дисциплины под предлогом наличия идеологического содержания, однако в социальном и гуманитарном знании сохраняются ценностные основы идей патриотизма и гражданственности, которые и формируют любовь к родине. Эти основы были заложены в образовательную модель России А. К.Д. Ушинским, Л.С. Выгодским и продолжены советскими педагогами новаторами, такими как С. Макаренко, Ш. Амонашвили и В.Ф. Шаталов и другими. Необходимо вернуть в университеты гуманитарные и социальные циклы дисциплин, формирующих у молодежи патриотическое мировоззрение и гражданскую ответственность. В системе образования в России должна быть сформирована система знаний об окружающем мире, обществе и месте человека в нем. Именно среди сомневающихся, отрицающих базовые ценности российского общества молодых людей, и ищут своих жертв вербовщики для террористических актов.

В научных исследованиях категория «безопасная образовательная среда» не имеет единой точки зрения, она является дискуссионной. Все основные подходы, изложенные в теоретических исследованиях, можно классифицировать на три основные группы.

Первая группа научных источников, она наиболее многочисленная, определяет безопасную образовательную среду как психологически комфортные условия, которые сформированы все социальные и психологические условия для комфортного обучения студента, это подход можно назвать психологическим. О. О. Андронникова, анализируя безопасность образовательной среды университета, выделяет негативную тенденцию, психологическое и физическое состояние обещающихся, причем во всех возрастных группах детей, ухудшается [1, с. 6]. Ряд авторов выделяют еще одну негативную тенденцию – усиление виктимизации в молодежной среде, то есть растет количество жертв, которые страдают от психологического и физического давления со стороны сверстников. И.А. Баева отмечает, что необходимо отвечать на современные вызовы в системе образования и активнее формировать психологическую безопасную образовательную среду в университете [2, с. 134]. Т. С. Кабаченко считает, что психологическая безопасность студентов должна стать частью системы образовательного процесса, так как без нее не возможно формирование личности [5, с. 45].

М.Г. Сергеевна отмечает сложную структуру безопасности образовательной среды, которая состоит из множества других сред, которые влияют друг на друга через процессы взаимодействия. В качестве основных характеристик безопасной образовательной среды автор выделяет комфорт и социальную безопасность обучающихся, автор обращает внимание на постоянную изменчивость социальной среды, которая отражает общие тенденции развития общества [9, с. 311]. М.Г. Сергеева утверждает, что данный вид безопасности отражает социальную защищенность общества в целом, данный подход можно назвать социальным. Этой позиции придерживается ряд авторов, таких как, М.Г. Анохина и А.В. Макеева. Категория «безопасность» рассматривается при данном подходе как «защищенность жизненно важных интересов личности от различных угроз», однако стоит уточнить, что в исследованиях речь идет не только о психологической составляющей

ющей, но и на социальной детерминанте, которые формируют безопасную образовательную среду для личности [6, с. 150].

Позиция С.Ю. Галиевой, Е.Н. Поповой и О.В. Фуриной основаны тезисе о том, что безопасная образовательная среда должна быть сформирована с учетом фактора национальной безопасности. Авторы рассматривают взаимосвязь психологической безопасности субъектов образовательного процесса и защите правопорядка, отдельно они выделяют и физическую безопасность [3, с. 16]. Данная позиция является наиболее убедительной, так как в ФЗ «Об образовании» отмечено, что жизнь и здоровье граждан является основными приоритетами (п. 1, ст. 2), этот подход можно назвать комплексным, так как он отражает национальные интересы по защите жизни и здоровья граждан. Это безопасная образовательная среда, которая обеспечивает защиту субъектов от всех видов угроз. Авторы предлагают интересную концептуальную модель безопасной образовательной среды в университете, которая содержит четыре компонента, однако стоит отметить, что она носит описательный характер и не имеет практических рекомендаций. Данный подход можно назвать национальным.

Следует остановиться еще на одной важной проблеме безопасной образовательной среды, это предупреждение террористических угроз в стенах университета. Современное общество является информационным, и террористические сообщества стремятся активно проводить работу с молодежью в киберпространстве. Эта деятельность террористов очень опасна, так как доступ в интернет дает возможность иметь большую аудиторию, нет цензуры и этот ресурс достаточно дешев. С. Завьялов отмечает проблемы при противодействии террористам в сети Интернет, это огромный охват аудитории, отсутствие регистрации при получении доступа к запрещенным материалам, которые можно многократно копировать [4, с. 38]. Правовая база РФ по запрету противоправного контента в сети Интернет противоречива, а запрет требует определенных процессуальных действий и времени. Поэтому с момента публикации запрещенных материалов до их удаления проходит достаточное время, чтобы они разошлись по сети.

Исследователи особое внимание обращают на тот факт, что террористы среди молодежи проводят активную вербовку в социальных сетях. А.В. Понедельников отмечает, что террористы внимательно изучают объект вербовки в соцсетях, выясняют его мысли, настроения и желания. Сайты террористов отличает яркий дизайн, доступность, возможность в любой момент связаться и поговорить с куратором и т.д. Террористы формируют в киберпространстве группы сочувствующих, которым внушаются различные противоправные идеи, и только потом начинается активная обработка сознания молодежи через пропаганду, после этого следует вербовка [8, с. 183].

Террористы не жалеют никого, любой может стать жертвой агрессии, именно поэтому важно формировать у молодежи развитие правосознание, отрицание всех видов террористической пропаганды. На занятиях в университетах важно разъяснять антиобщественный характер деятельности террористов, раскрывать неотвратимость наказания за все виды террористических преступлений, от вербовки до участия в террористических актах. Необходимо преподавателям в учебных аудиториях формировать правовое и критическое сознание у студентов, умение анализировать и сопоставлять события и факты. Именно органам государственной власти и местного самоуправления следует обратить особое внимание на профилактику и распространение террористических идей среди молодежи в сети Интернет через созданные в РФ центры по противодействию террористических угроз в киберпространстве.

В научной литературе в последнее время достаточно внимания стали уделять формированию безопасной образовательной среды, несомненно, психологический, социальный и иные факторы оказывают огромное влияние на становление личности молодого человека. В публикациях по формированию безопасной образовательной среды крайне редко можно встретить точку зрения о необходимости активного противодействия распространению идеям террористической направленности среди студентов. Однако нельзя игнорировать непосредственную угрозу жизни и здоровья для молодежи, которые могут создать террористические преступления. Данная проблема не достаточно изучена, она требует более внимательного анализа и разработки, практических мер по формированию правосознания у студентов и охране их жизни и здоровья. Задача по противодействию идеологии терроризма стоит не только перед государством, но и перед гражданами России.

Следовательно, безопасная образовательная среда университета является необходимым условием для становления личности студента и в учебном заведении следует ее активно формировать. Терроризм остается одной из самых опасных социальных явлений современности, поэтому необходимо обратить особое внимание на профилактику и противодействие террористическим идеям и угрозам в образовательном и воспитательном пространстве университета. Особое внимание следует обратить на разъяснение деятельности террористических организаций в социальных сетях и Интернете, раскрывать преступный и противоправный характер деятельности этих организаций. На занятиях в университете необходимо показывать на

конкретных примерах античеловеческую сущность современного терроризма и экстремизма. Необходимо формировать в системе образования у студентов правового и критического сознания по восприятию материалов экстремистского и террористического содержания. Эта учебная и воспитательная деятельность педагогов по профилактике негативных социальных явлений угроз среди молодежи должна стать частью стратегии по формированию безопасной образовательной среды вуза.

Литература

1. Андронникова О.О. безопасность образовательной среды как условие сохранения физического и психологического здоровья участников образовательного процесса // СМАЛЬТА: НГПУ. 2019. №1. С. 5 – 14.
2. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб: ГИЭФПиТ, 2019. 174 с.
3. Галиевой С.Ю., Поповой Е.Н., Фуриной О.В. Модель формирования образовательной среды с целью успешной социализации личности // Пермский педагогический журнал. 2020ю № 11. С. 15 – 21.
4. Завьялов С. Зарубежный опыт в области борьбы с пропагандой терроризма в интернете // Зарубежное военное обозрение. 2014. № 4. С. 34 – 39.
5. Кабаченко Т.С. Психология управления: учебное пособие. Москва: Педагогическое общество. 2000. 384 с.
6. Кочнев А.О. К вопросу о создании безопасной среды в общеобразовательном учреждении // Вестник Черепановского государственного университета. 2012. № 4. С. 143 – 151.
7. Маленков В.В. патриотизм. Гражданственность в политике и идентичности молодежи // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политика. 2022. № 67. С. 120 – 131 с.
8. Понедельников А.В. Социально-политические аспекты демографических процессов, влияющих на национальную безопасность России // Власть. 2014. № 7. С. 180 – 185.
9. Сергеева М.Г., Соколова А.С. Методика проектирования безопасной и комфортной образовательной среды в условиях цифровизации современного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68. С. 311 – 315.

Refrecens

1. Andronnikova O.O. bezopasnost' obrazovatel'noj sredy kak uslovie sohraneniya fizicheskogo i psihologicheskogo zdorov'ja uchastnikov obrazovatel'nogo processa. SMAL"TA: NGPU. 2019. №1. S. 5 – 14.
2. Baeva I.A. Psihologicheskaja bezopasnost' v obrazovanii. SPb: GIJeFPiT, 2019. 174 s.
3. Galievoj S.Ju., Popovoj E.N., Furinoj O.V. Model' formirovaniya obrazovatel'noj sredy s cel'ju uspeshnoj socializacii lichnosti. Permskij pedagogicheskij zhurnal. 2020ju № 11. S. 15 – 21.
4. Zav'jalov S. Zarubezhnyj opyt v oblasti bor'by s propagandoj terrorizma v internete. Zarubezhnoe voennoe obozrenija. 2014. № 4. S. 34 – 39.
5. Kabachenko T.S. Psihologija upravlenija: uchebnoe posobie. Moskva: Pedagogicheskoe obshhestvo. 2000. 384 s.
6. Kochnev A.O. K voprosu o sozdanii bezopasnoj sredy v obshheobrazovatel'nom uchrezhdenii. Vestnik Cherepanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4. S. 143 – 151.
7. Malenkov V.V. patriotizm. Grazhdanstvennost' v politike i identichnosti molodezhi. Vestnik TGU. Filosofija. Sociologija. Politika. 2022. № 67. S. 120 – 131 s.
8. Ponedel'nikov A.V. Social'no-politicheskie aspekty demograficheskikh processov, vlijajushhih na nacional'nuju bezopasnost' Rossii. Vlast'. 2014. № 7. S. 180 – 185.
9. Sergeeva M.G., Sokolova A.S. Metodika proektirovaniya bezopasnoj i komfortnoj obrazovatel'noj sredy v uslovijah cifrovizacii sovremennogo obrazovanija. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. 2020. № 68. S. 311 – 315.

Правовые аспекты суррогатного материнства в России и за рубежом

Харина Э.Н., кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация: тема статьи «Правовые аспекты суррогатного материнства в России и за рубежом» представляется актуальной, особенно в современных условиях. Проблема суррогатного материнства является довольно острой на сегодняшний момент, ее значимость с каждым днем возрастает. Количество бездетных браков увеличивается, вместе с тем существующее желание иметь потомство приводит к тому, что возникает необходимость обращаться к женщине, готовой выносить чужого ребенка за вознаграждение. Таким образом, встает вопрос о суррогатном материнстве. Такая ситуация характерна не только для России, но и зарубежных стран. Однако, данная проблема в нашей стране мало освещена и недостаточно четко регулируется, в связи с этим возникает ряд проблем, в том числе и с различными формами мошенничества. В статье рассматриваются правовые аспекты суррогатного материнства в России и зарубежных странах, делается акцент на проблемных вопросах, анализируется в целом отношение общества и религии к данной теме. Обращается внимание, на производство генетических экспертиз, особенностям их производства, целям и задачам. Делая акцент на обозначенных проблемах, предлагаются некоторые пути их решения.

Ключевые слова: бесплодие, деторождение, эмбрион, суррогатное материнство, вознаграждение, законы, проблемы

Для цитирования: Харина Э.Н. Правовые аспекты суррогатного материнства в России и за рубежом // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 93 – 98.

Legal aspects of surrogate motherhood in Russia and abroad

Kharina E.N., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA)

Abstract: the topic of the article «Legal aspects of surrogate motherhood in Russia and abroad» seems to be relevant, especially in modern conditions. The problem of surrogate motherhood is quite acute at the moment, and its importance is increasing every day, the number of childless marriages is increasing and the desire to have offspring leads to the fact that it becomes necessary to turn to a woman who is ready to bear someone else's child, for a fee. Thus, the question of surrogate motherhood arises. This situation is typical not only for Russia, but also for foreign countries. However, this problem in our country is little consecrated and not clearly regulated, in connection with this, a number of problems arise, including with various forms of fraud. The article discusses the legal aspects of surrogate motherhood in Russia and foreign countries, focuses on problematic issues, analyzes the general attitude of society and religion to this issue. Attention is drawn to the production of genetic examinations, the features of their production, goals and objectives. Focusing on the identified problems, some ways of solving them are proposed.

Keywords: infertility, childbearing, embryo, surrogate motherhood, remuneration, laws, problems

For citation: Kharina E.N. Legal aspects of surrogate motherhood in Russia and abroad. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 93 – 98.

Еще с древних времен, а именно в Древнем Риме, появилось суррогатное материнство. Определенно, такого понятия не существовало, но сам процесс и осознание суррогатного материнства было практически тождественным. Например, мужчинам приходилось отдавать своих жен супружеским парам, которые по каким-либо причинам не могли иметь детей. Соответственно, ребенок, родившийся у женщины, которая его выносила, считался законным для тех супругов, которые обратились за помощью к «наемной» матери.

Рассматривая суррогатное материнство с точки зрения исключительно альтруистических побуждений, встает вопрос: почему многие категорично высказываются о возможности использования вспомогательных репродуктивных технологий? Конечно, основным институтом духовной сферы, который в большей степени отвергает данное явление, является церковь. Главная причина сведения к минимуму случаев рождения ребенка с помощью ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии) состоит в том, что естественное рождение матерью своего ребенка является фундаментом между их взаимоотношениями. Церковь утвер-

ждает, что с первых недель вынашивания ребенка у женщины развиваются биологические, так называемые, материнские инстинкты. Именно они закладывают истинную духовную связь между матерью и ребенком. Суррогатное материнство, наоборот, противоречит данной концепции. Процесс искусственного помещения эмбриона в организм женщины, которая не является биологической матерью ребенка, нарушает традиционный уклад зачатия и развития ребенка. Кроме того, исходя из религиозных убеждений, суррогатное материнство пагубно влияет на развитие самого ребенка после его рождения. Поскольку связь, которая установилась между суррогатной матерью и ребенком во время вынашивания последнего, действительно оказывает глубокое бессознательное влияние на новорожденного. Безусловно, не каждая религия негативно отзывается о суррогатном материнстве, например последователи буддизма утверждают: «суррогатное материнство, если никому не приносит страданий – оправдано, потому что направлено на помощь тем, кто по каким-то причинам не в состоянии выносить и родить ребенка самостоятельно» [9]. Разумеется, нарастание темпов распространения такого вида деторождения может привести к целой индустрии суррогатного материнства, а это в первую очередь связано с коммерциализацией. Конечно, такой подход может повлиять на первичную ценность суррогатного материнства, но так или иначе, суррогатное материнство – это в первую очередь бескорыстная помощь.

Проблема человеческого бесплодия является актуальной в настоящее время. Множество людей, как в России, так и в зарубежных странах страдают от неспособности к воспроизводству рода. Но с помощью медицинских технологий и технического прогресса данная проблема стала решаемой. Вспомогательные репродуктивные технологии – это прежде всего различные способы лечения и борьбы с бесплодием. Так, при ВРТ развитие эмбрионов происходит вне организма биологической матери.

Одним из методов ВРТ считается суррогатное материнство. Так или иначе, в естественном понимании под суррогатным материнством понимается вынашивание какой-либо женщиной ребенка «на заказ» [2].

Наиболее полное определение суррогатного материнства было закреплено Всемирной организацией здравоохранения в 2001 году. Данное понятие устанавливало, что суррогатная мать – женщина, у которой беременность наступает в результате оплодотворения ооцитов.

В данном определении использовано иное обозначение суррогатной матери как «гестационного курьера», но смысл сохраняется.

В России суррогатное материнство имеет достаточное распространение. Из-за нарастающей потребности в данной технологии, все больше возникает проблем правового регулирования. Правовое обеспечение суррогатного материнства на данный момент имеет множество пробелов, в связи с этим возникают трудности в его регулировании. Тем не менее при складывании отношений в сфере суррогатного материнства, которые не могут быть разрешены путем применения правовой нормы, суд исходит из возможности применения аналогии права. Острота вопросов о суррогатном материнстве затрагивает не только правовые аспекты, но и нравственные, религиозные, что вызвало внимание общественности к данной проблеме.

Нельзя однозначно утверждать, что в суррогатном материнстве есть только плюсы или минусы. Мнение о таком способе деторождения – неоднозначное. Отрицательное мнение основывается на том, что суррогатное материнство отождествляет понятие детей с товаром. Материнство перестает быть ценностью и рассматривается как работа или оказание услуги по договору, где целью является получение взаимных выгод. Для суррогатной матери материальный аспект превалирует над моральными и нравственными ценностями.

Кроме того, суррогатное материнство также можно рассматривать как форму эксплуатации женщины. А сторонники различных религиозных объединений находят в суррогатном материнстве одну из главных причин разрушения традиционного института семьи.

Существует несколько разновидностей суррогатного материнства в зависимости от наличия или отсутствия материального вознаграждения за вынашивание ребенка. Так, например, одни страны допускают суррогатное материнство в том числе на возмездной основе, другие признают исключительно некоммерческое суррогатное материнство, третьи и вовсе отказались от легализации такого вида ВРТ.

Означает ли это, что необходимо признавать только некоммерческое суррогатное материнство, чтобы материальная составляющая не перевешивала нравственные начала? На основе анализа подобных вопросов и общей оценке законодательного регулирования суррогатного материнства выявляются основные проблемы в данной сфере.

Одной из самых обсуждаемых тем является договор суррогатного материнства, особенно среди ученых цивилистов [7]. Так как в Семейном кодексе РФ действует диспозитивность в определении отношений между сторонами соглашения. Из этого все больше нарастают правовые коллизии.

Правовая основа суррогатного материнства в России появилась в период 2011-2013 годов. Было принято несколько законодательных актов, разработаны и дополнены нормы Семейного кодекса.

В Семейном кодексе нормы, касающиеся суррогатного материнства, содержатся в Разделе IV Главы 10 (Установление происхождения детей), а именно статьях 51-52. Из этого следует, что суррогатное материнство в РФ закреплено на законодательном уровне, а также именно суррогатной матери принадлежит право определять будущее ребенка. Норма о судьбе ребенка одна из спорных в данной статье, широкие права в данном случае предоставляются суррогатной матери. Так, при оформлении родительских прав приоритет отдается суррогатной матери, поскольку биологические родители могут быть внесены в книгу записей о рождении ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка. Вероятно, законодатель исходит из того, что в случае разногласий, неурегулированных договором, последнее слово будет за суррогатной матерью, что позволит исключить интерпретацию «рожденный ребенок – товар». Безусловно, такой подход минимизирует негативный подход к суррогатному материнству, однако нередки случаи, когда суррогатная мама злоупотребляет своим правом и зачастую манипулирует биологическими родителями. Конечно, предусмотреть все возможные варианты развития событий при вынашивании ребенка невозможно, однако успешные компании, занимающиеся в сфере суррогатного материнства, предлагают прописывать в договоре ряд условий, при выполнении которых суррогатная мама сможет оставить ребенка себе. К таким условиям могут относиться, например, возмещение расходов, потраченных на ЭКО, возмещение морального вреда, тогда биологические родители могут полностью отказать в выплате гонорара. Таким образом, последние имеют законный способ отстаивать свои права и интересы [4].

Федеральный закон №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [10] включает в себя определенные требования, которым должна соответствовать суррогатная мама, например, возраст до 35 лет; наличие собственного здорового ребенка; удовлетворительное состояние здоровья и наличие соответствующего медицинского заключения; согласие на медицинское вмешательство; необходимо письменное согласие супруга, если женщина состоит в браке. Необходимо отметить, что, несмотря на наличие или отсутствие брачного союза, каждый гражданин РФ имеет право на реализацию программы ВРТ.

Помимо Федерального закона №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в нашей стране также действует приказ Минздрава РФ от 30 августа 2012 г. №107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [6]. Данный НПА непосредственно регулирует отношения в сфере суррогатного материнства, а также включает в себя основные положения об определении показаний к реализации вспомогательных репродуктивных технологий и объем проводимых исследований.

Стоит отметить, что в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержится ряд статей, который вовсе не соответствует основным принципам, закрепленных в Конституции РФ. Например, некоторые нормы закона содержат в себе положения, при толковании которых ребенок выступает как объект сделки. Несмотря на это, согласно статье 55 Федерального закона №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», суррогатное материнство предназначено людям, которые по медицинским показателям не имеют возможности выносить и родить ребенка самостоятельно. Таким образом, суррогатное материнство – это вспомогательная репродуктивная технология. Важно отметить, что такой подход к пониманию суррогатного материнства исключает возможность использовать суррогатную маму как «контейнер», а ребенка как «товар».

Юристы и правоведа отмечают, что актуальность суррогатного материнства постоянно возрастает, поэтому необходим соответствующий правовой подход. Использование суррогатного материнства в качестве источника мошенничества и шантажа недопустимо. Для того, чтобы минимизировать развитие преступных деяний в сфере суррогатного материнства, безусловно необходимо развивать и расширять законодательную базу.

Что касается проведения генетических экспертиз, то в суррогатном материнстве экспертиза проводится в случаях установления отцовства, в более редких случаях для установления материнства, когда суррогатная мать отказывается добровольно передавать ребенка.

ДНК тестирование при определении родства – важный элемент суррогатного материнства, после его проведения отпадают все сомнения о родстве ребенка, выношенного суррогатной матерью.

Кроме того, метод исследования дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) проводится не только для установления биологического родства, но и для идентификации личности человека, для установления доказательственной информации. Такого рода исследования, предполагают наличие знаний не только в области криминалистики, но и в области молекулярной биологии.

Метод был открыт 10 сентября 1984 года британским ученым – биологом Аллексом Джеффрисом. ДНК-анализ используется преимущественно в криминалистике при проведении судебно-медицинских экспертиз [3].

А. Джеффрис в 1983 г. обнаружил в молекулах ДНК участки, которые характерны для каждого человека. На этой основе он разработал способы, которые позволили бы использовать данные ДНК человека в криминалистике. А. Джеффрис доказал, что различное число участков ДНК, а именно мини-сателлитов, определяет индивидуальность каждого человека. Точнее расположение в определённой последовательности нуклеотидов – единиц ДНК, характеризует уникальность индивида. При проведении экспертиз объектом исследования будет выступать генетический материал, который в свою очередь представлен как биологические следы.

Основная задача проведения генетической экспертизы для суррогатного материнства – установления родства. Экспертиза помогает найти ответы на некоторые вопросы: принадлежит ли образец материала одному лицу; тождественны ли предоставленные образцы; каково процентное отношение соответствия фрагментов ДНК каждого из исследуемых образцов и т.д.

Помимо основных вопросов при проведении конкретной экспертизы не исключаются и дополнительные вопросы для более достоверного экспертного заключения.

Процесс проведения генетической экспертизы состоит из отбора материалов для ДНК теста, которые составляют генетические образцы двух участников экспертизы. При анализе сравниваются амплифицированные молекулярные маркеры в процессе ПРЦ-реакции. Они находятся на определенных участках (локусах) цепочки рибонуклеиновой кислоты.

Достоверность совпадения может варьироваться в зависимости от степени родства, поэтому определение биологических связей по ДНК классифицируется следующим образом: маловероятное, неопределенно и вероятное.

Метод высокочувствительный, анализ ДНК можно провести с помощью небольшого количества биологического материала. Обычно на экспертизу предоставляют волос или образец крови, достаточно одной капли крови. Методика исследования заключается в следующем. Молекулы ДНК распределяют в пробирку, в которую добавляют рестрикционный фермент. Последний в свою очередь способствует разрушению одного из четырех азотистых оснований. В результате, в месте нахождения основания разрывается цепь ДНК, что приводит к полному расщеплению ДНК на участки (мини – сателлиты). Далее наступает вторая стадия – распределение участков по размерам [3].

Исследуя биологические законы, судебные эксперты отмечают, что ДНК ребенка всегда содержит часть материала от матери, часть – от отца. Поэтому при исследовании показатель достоверности составляет 99,99 %. Процент достоверности зависит от количества фрагментов и от природы происхождения. Поэтому для максимальной достоверности определения факта родства необходимо проанализировать большое количество участков ДНК, иными словами – локусов.

Также, существуют несколько способов определения родства: во время вынашивания (по-другому называют пренатальным способом) и после рождения. Установление родства пренатальным способом возможно инвазивным и неинвазивными методами.

Инвазивный метод основан на том, что биологические материалы отбираются у плода во время беременности. Данный способ несет большой риск для здоровья плода и самой суррогатной матери, так как возможно прерывание беременности.

Неинвазивный метод основывается на анализе венозной крови беременной женщины. В сравнении с инвазивным методом, последний является наиболее безопасным для женщины и плода. Кроме того, установить отцовство возможно на ранних сроках беременности.

Несомненно, самый безопасный метод – послеродовой. У ребенка и биологических родителей берется буккальный эпителий (соскоб палочкой с внутренней стороны щеки). Далее в лаборатории проводится генетический анализ.

ДНК-анализ считают одним из самых верных способов определения кровного родства, но ввиду сложности его проведения, не во всех случаях вывод специалиста отражает действительную ситуацию. Если заключение вызывает сомнение, то всегда можно обратиться в иную судебно-экспертную организацию и заказать встречную экспертизу. Это поможет пересмотреть результаты первой экспертизы, а также назначить повторное проведение генетической экспертизы для получения наиболее достоверных данных.

Инициатором проведения ДНК экспертизы может быть, как частное лицо – для личных целей, так и судебные органы в рамках гражданских или уголовных дел. Исходя из этого, выделяют виды ДНК экспертиз – информационная, досудебная, судебная. Информационный тест проводится по желанию для получения личной информации о родстве. В некоторых случаях, когда образцы ДНК берутся без соблюдения официально оформленной процедуры, результаты ДНК могут не иметь доказательственной силы при последующем предоставлении в судебные органы.

Досудебная экспертиза проводится при идентификации всех участников анализа, т.е. нельзя проводить анонимно. Заключение специалиста может быть использовано как доказательство в суде на усмотрение лица.

Чтобы провести судебную экспертизу, необходимо постановление суда. Место забора образцов определяется по согласованию с судом. По решению суда забор образцов материала может быть осуществлен как в здании суда, так в ином учреждении. Заключение эксперта по ДНК экспертизе непосредственно представляется в суд.

Важно отметить, что при проведении экспертизы в иных медицинских учреждениях, например, в учреждениях регионального уровня, необходимо соблюдать правила пересылки образцов крови. Так, образец упаковывается в запечатанный бумажный пакет. На упаковке ставится идентифицирующая надпись, подписью медицинского работника, который взял кровь, и печать медицинского учреждения.

В зарубежных странах метод ДНК достаточно распространен и широко применяется в экспертно-криминалистической практике.

В России база данных ДНК содержит информацию об осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, о биологических следах и неопознанных трупах, и за преступления против половой неприкосновенности [5].

Использование метода ДНК для установления родства характерно для многих зарубежных стран и по своей специфике не отличается от практики исследования в России. Однако, подход к определению понятия суррогатного материнства не стандартизирован, так как на данный момент нет единой политики в отношении суррогатного материнства для всех государств.

Ряд стран считают разумным допустить исключительно некоммерческое суррогатное материнство, например, Дания, Канада, Израиль, Нидерланды (введен запрет на какую-либо рекламу суррогатного материнства), также в штате США – Вирджиния. Целью некоммерческого суррогатного материнства является проявление искреннего желания суррогатной матери помочь биологическим родителям, а не получение крупной денежной суммы. То есть в таком случае суррогатной матери выплачивается разумная сумма на текущие расходы. Достаточно интересный критерий отбора суррогатных матерей в некоторых штатах США. Так, в США в некоторых случаях женщине могут отказать в принятии в программу суррогатного материнства, если у нее есть финансовые трудности [1].

Затрагивая вопрос об ответственности в суррогатном материнстве, то необходимо выделить ст.106 Уголовного кодекса РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка» [1]. Выявляется правовая коллизия в толковании данной нормы, а именно не совпадение в понимании биологической и юридической природы матери ребенка.

Известны прецеденты, когда убийство совершается биологической матерью, в то время как юридической матерью является иное лицо [8]. На основании данных прецедентов предлагается изменить диспозицию данной нормы и заменить слово «мать» словами «роженица» или «родильница». Так как при формировании данной нормы законодатель имел в виду «мать» с биологической точки зрения.

Таким образом, анализ правового регулирования суррогатного материнства в России и зарубежных странах, показывает, что понимание в определении данного метода идентичны. Но законодательная база и отношение государств к суррогатному материнству различаются, это представляется нормальным явлением для правовой системы.

Из обозначенных проблем можно предложить некоторые пути их решения. Необходимо принять специальный ФЗ «О суррогатном материнстве» для отражения специфики института суррогатного материнства и преодоления коллизий. Представляется необходимым включить в такой ФЗ раздел о проведении ДНК экспертизы, где будут содержаться: процесс её проведения и в каких случаях необходима данная экспертиза при суррогатном материнстве.

ДНК экспертиза, имеет большое значение, как для установления родства, так и для идентификации личности. С помощью генетической экспертизы было расследовано множество преступлений во всем мире, что еще раз подтверждает значимость данного метода.

Литература

1. Аленкин Н.Е. Вопросы уголовной ответственности за детоубийство (ст.106 УК РФ) // Вестник Московского государственного университета, «Трибуна молодых ученых», серия 11, Право. 2013. № 5. С. 87 – 101.
2. Демина И.А. Правовые проблемы суррогатного материнства // Электронный журнал «Наука. Общество. Государство». 2020. № 2 (30). С. 152 – 161.

3. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. доктора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «Контракт», «Инфра-М», 2005. 780 с.
4. Козинченко Т.Н. Договор суррогатного материнства в российском праве // Вестник МНЭПУ. 2014. N 1. С. 147 – 152.
5. Михайлов М.А. Совершенствование системы дактилоскопической регистрации: Конференция в гос. Дума // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридическая наука. 2015. № 1. С. 292 – 306.
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. №107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // ЭПС «Система ГАРАНТ».
7. Шадрин В.В. Правовая природа суррогатного материнства // Молодой ученый. 2015. № 22 (102). С. 641 – 645.
8. Шамшов А.А., Голомышкина К. В. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 54-55. С. 35 – 39.
9. Электронный журнал РИА НОВОСТИ «Суррогатное материнство: чего бояться разные религии». 2019. URL: <https://ria.ru/20191204/1561931117.html>
10. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс

References

1. Alenkin N.E. Voprosy ugovolnoj otvetstvennosti za detoubijstvo (st.106 UK RF). Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, «Tribuna molodyh uchenyh», serija 11, Pravo. 2013. № 5. S. 87 – 101.
2. Demina I.A. Pravovye problemy surrogatnogo materinstva. Jelektronnyj zhurnal «Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo». 2020. № 2 (30). S. 152 – 161.
3. Ishhenko E.P., Toporkov A.A. Kriminalistika: uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. Pod red. doktora juridicheskikh nauk, professora E.P. Ishhenko. M.: Juridicheskaja firma «Kontrakt», «Infra-M», 2005. 780 s.
4. Kozinchenko T.N. Dogovor surrogatnogo materinstva v rossijskom prave. Vestnik MNJePU. 2014. N 1. S. 147 – 152.
5. Mihajlov M.A. Sovershenstvovanie sistemy daktiloskopicheskoj registracii: Konferencija v gos. Duma. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juri-dicheskaja nauka. 2015. № 1. S. 292 – 306.
6. Prikaz Ministerstva zdavoohranenija RF ot 30 avgusta 2012 g. №107n «O porjadke ispol'zovanija vspomogatel'nyh reproduktivnyh tehnologij, protivopokazanijah i ogranichenijah k ih primeneniju». JePS «Sistema GARANT».
7. Shadrin V.V. Pravovaja priroda surrogatnogo materinstva. Molodoj uchenyj. 2015. № 22 (102). S. 641 – 645.
8. Shamshov A.A., Golomyshkina K. V. Problemy pravovogo regulirovanija surrogatnogo materinstva v Rossii. Voprosy sovremennoj jurisprudencii. 2015. № 54-55. S. 35 – 39.
9. Jelektronnyj zhurnal RIA NOVOSTI «Surrogatnoe materinstvo: chego bojatsja raznye religii». 2019. URL: <https://ria.ru/20191204/1561931117.html>
10. Federal'nyj zakon ot 21 nojabrja 2011 g. № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» (s izmenenijami i dopolnenijami). SPS Konsul'tant Pljus

**Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении
душевнобольных арестантов в XVII-XIX вв.**

**Шипеев Я.Г., ассистент,
Чебоксарский кооперативный институт, филиал Российского университета кооперации**

***Аннотация:** в статье анализируются организационно-правовые аспекты исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении душевнобольных арестантов. Исследуется организация пенитенциарного воздействия на душевнобольных арестантов в Кожозерском, Соловецком, Кирилло-Белозерском, Спасо-Ефимьевском и других монастырях. В статье найден отражение анализ нормативно-правовых актов, регламентировавших этот процесс. Прослежено противостояние светских властей в лице Тайной канцелярии и Правительствующего Сената, со Святейшим Синодом и главами епархий и монастырей по поводу пенитенциарной практики в монастырях и попытки Русской Православной Церкви избавить монастыри от не свойственных им функций.*

Акцентировано внимание на особенности режимных предписаний по содержанию душевнобольных арестантов. Проанализированы инструкции игуменам монастырей по организации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении душевнобольных, а так же других категорий арестантов.

При подготовке статьи упор был сделан на анализ научной литературы по исследуемой проблематике, архивные данные и нормативный материал. Особое внимание было уделено организации работы тюремного отделения для содержания душевнобольных арестантов в Спасо-Ефимьевском монастыре, как наиболее специализированном пенитенциарно-монастырском учреждении Российской империи. Обоснован вывод о том, что монастыри сыграли ключевую роль в реализации наказания в отношении душевнобольных арестантов. Анализ эволюции отечественной монастырско-пенитенциарной системы показал, что выступая как пенитенциарное, лечебно-коррекционное и культовое учреждение, монастыри, именно в таком качестве, смогли решить такую сложную медико-социальную проблему, как исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении душевнобольных арестантов. Так же есть основания утверждать, что арсенал режимно-коррекционных средств, используемый монастырями был вполне адекватен тогдашним историческим реалиям. Констатируется обоснованный вывод, что ни какие другие учреждения Российской империи, кроме монастырей, были не в состоянии решить такую важную и сложную задачу.

***Ключевые слова:** душевнобольные арестанты, Тайная канцелярия, Сенат, Синод, монастырь, архимандрит, инструкция, тюремное отделение, пенитенциарная практика, психические заболевания*

Для цитирования: Шипеев Я.Г. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении душевнобольных арестантов в XVII-XIX вв. // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 99 – 104.

**Execution of punishment in the form of imprisonment in relation
to mentally ill prisoners in the XVII-XIX centuries**

**Shipeev Ya.G., Assistant Professor,
Cheboksary Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation**

***Abstract:** the article analyzes the organizational and legal aspects of the execution of punishment in the form of imprisonment in relation to mentally ill prisoners. The organization of penitentiary influence on mentally ill prisoners in Kozhozersky, Solovetsky, Kirillo-Belozersky, Spaso-Efimiyevsky and other monasteries is investigated. The article reflects the analysis of normative legal acts regulating this process. The confrontation of the secular authorities in the person of the Secret Chancellery and the Governing Senate, with the Holy Synod and the heads of dioceses and monasteries over the penitentiary practice in monasteries and the attempts of the Russian Orthodox Church to rid monasteries of functions not peculiar to them is traced.*

Attention is focused on the peculiarities of regime regulations for the maintenance of mentally ill prisoners. The instructions to the hegumens of monasteries on the organization of the execution of punishment in the form of imprisonment in relation to the mentally ill, as well as other categories of prisoners, are analyzed.

During the preparation of the article, emphasis was placed on the analysis of scientific literature on the subject under study, archival data and normative material. Special attention was paid to the organization of the work of the prison department for the detention of mentally ill prisoners in the Spaso-Yefimiyevsky Monastery, as the most specialized penitentiary and monastic institution of the Russian Empire. The conclusion is substantiated that monasteries played a key role in the implementation of punishment against mentally ill prisoners. The analysis of the

evolution of the domestic monastic-penitentiary system has shown that acting as a penitentiary, medical-correctional and religious institution, monasteries, in this capacity, were able to solve such a complex medical and social problem as the execution of a sentence in the form of imprisonment for mentally ill prisoners. There is also reason to assert that the arsenal of regime-correction means used by monasteries was quite adequate to the historical realities of that time. A reasonable conclusion is stated that no other institutions of the Russian Empire, except monasteries, were able to solve such an important and complex task.

Keywords: *mentally ill prisoners, Secret Chancery, Senate, Synod, monastery, archimandrite, instruction, prison department, penitentiary practice, mental illness*

For citation: Shipeev Ya.G. Execution of punishment in the form of imprisonment in relation to mentally ill prisoners in the XVII-XIX centuries. Law Journal. 2023. 6 (4). P. 99 – 104.

Исходной точкой зарождения института монастырской опеки душевнобольных на Руси принято считать середину XI века, время основания Киево-Печерского монастыря, при котором было построено специальное помещение для оказания помощи психически больным людям. Так как, общественное мнение того времени душевные заболевания связывало с нанесением порчи, действиями колдунов и потусторонних сил, то выбор монастырей, в качестве мест исцеления был понятен и безальтернативен.

Под влиянием христианства эта тенденция более отчетливо проявилась в средние века и приобрела системный характер. На Руси, как и в Европе, сложилась устойчивая практика душевнобольных преступников, как лиц страдающих психическими заболеваниями и представляющих потенциальную угрозу обществу, направлять для отбывания наказания в монастыри. На эту особенность обратил внимание автор первой отечественной монографии о законодательстве, регламентировавшем правовое положение душевнобольных, ученый, внесший значительный вклад в развитие отечественной психиатрии, Иван Васильевич Константиновский: «христианство в средние века ... способствовало ... заведению убежища для помешанных в монастырях ... от которых общество желало избавиться ... потому, что они были опасны» [12].

Специального юридического термина для обозначения психического заболевания человека в юридической лексике того времени не существовало. Обычно использовался термин «вне ума», который охватывал довольно широкий круг психических девиаций: от явного помешательства до состояния сильного алкогольного опьянения.

Судебник 1550 года уже оперирует термином «безумие», но применительно к гражданско-правовым отношениям. В XVIII веке в юридический оборот для обозначения психических заболеваний использовались термины «черная немощь» и «черный недуг», которые влекли за собой, как правило, освобождение от тюремного наказания. Так, в ответ на челобитную заболевшего в тюрьме «черным недугом» казака Тихона Пищулина 6 марта 1646 года последовал царский указ: «Государь ... тюремного сидельца Тихонка Пищулина ... велели из тюрьмы выпустить без наказания...» [16].

В подавляющем большинстве случаев умалишенные преступники направлялись в монастыри, которые выступали в качестве и лечебного и культового и пенитенциарного учреждения. Основанием для помещения их в монастыри являлись царские и патриаршие указы, реже – распоряжения местных церковных или светских властей с санкции Патриарха, а в последующем Синода. Если психические больные не представляли реальной опасности окружающим, их передавали на попечение или поруки родственникам, соседям или сельской общине.

Режимные ограничения для данной категории преступников обычно определялись в указах о направлении в монастыри. Так, после неудачной попытки направить по месту проживания, освобожденного на поруки от тюремного заключения в связи с душевным заболеванием, крестьянина Дорофея Иванова, в 1631 году водворили в Кожозерский монастырь «под начало ... старцу добру», который бы его « правилу ... принуждал без лености» и «работу на него положить не большую...» [14].

Настоятели монастырей были обязаны строго и неукоснительно следовать, определенным в указах, режимным предписаниям по содержанию поступивших арестантов. Исследовавшие практику заключения умалишенных в монастырских тюрьмах, Шаляпин С.О. и Плотников А.А. выделяют: «три основных режима пребывания душевнобольных преступников в монастыре: в числе братии, в трудах (в хлебне и в поварне) и в железах в келье (темнице) ... ссыльному назначался «начальный старец», руководивший всеми сторонами жизни «подначального» и участием в монастырских богослужениях». Они, как представляется, обосновано и аргументированно, делают вывод о том, что «именно богослужения и строгий монашеский образ жизни воспринимались как путь исцеления от душевного недуга» [16]. Более того, большинство указов о принудительном водворении в монастырь, представляющих опасность для общества, душевнобольных преступников, ограничивали срок их содержания «до исправления ума».

В случаях проявления буйства, причинения увечий или совершения убийства к душевнобольным применялись строгие меры воздействия – телесные наказания, оковы и одиночное содержание в келье.

В монастыри весьма часто помимо душевнобольных арестантов, ссылались и больные хроническим алкоголизмом представители высших сословий. Например, архивы содержат сведения о водворении в монастырь по причине помутнения рассудка из-за постоянного пьянства боярина Ф.И. Годунова дважды: в 1645 – 1646 гг и в 1650 – 1651 гг в Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри [6].

Нередко в категорию душевнобольных ссылаемых в монастыри попадали политические и религиозные противники властей. Режим их содержания был значительно строже и включал ряд особых ограничений. Как правило, им категорически запрещалось пользоваться письменными принадлежностями, покидать пределы монастыря и максимально ограничивался круг общения. Так, например, в царской грамоте о помещении в монастырь противника исправления церковных книг черноризного священника Никольского монастыря в Костроме Никона предписывалось «держат под крепким началом покаместа он будет в совершенном разуме и никоим образом к нему не припускать и говорить ни с кем ничего не велеть» [7].

Для освобождения душевнобольных арестантов из монастырской тюрьмы требовались стабилизация их душевного состояния, челобитные самих арестантов либо письменное обращение их родственников. Челобитные и обращения направлялись в Москву в те инстанции, которые санкционировали их направление в монастыри. К этим документам прилагались подтверждающие грамоты настоятелей монастырей о нормальности психического состояния сосланных. При желании челобитчика и разрешения Патриарха он мог быть пострижен в монахи и остаться в монастыре уже в новом качестве.

Представляются верными и научно обоснованными выводы Шаляпина С.О. и Плотникова А.А. о том, что «судебные инстанции (как церковные, так и государственные) того времени уже ставили возможность применения того или иного наказания в зависимости от тяжести психического состояния и наличия его обострения в момент совершения правонарушения.

В целом правовая доктрина допетровской России шла по пути смягчения наказания умалишенным, вплоть до его полной отмены в некоторых случаях. Сама практика замены жестокого уголовного наказания, предусмотренного законом, заточением в монастырь уже свидетельствует о стремлении вывести умалишенных преступников из-под прямого действия уголовно-карательных мер» [16].

Одной из главных проблем функционирования, фактически уже к тому времени оформившейся, церковно-пенитенциарной системы стал длящийся конфликт между Синодом, главами епархий и настоятелями монастырей с одной стороны и, Сенатом, Тайной канцелярией и рядом коллегий с другой стороны, по поводу практики направления, для отбывания наказания, различных категорий арестантов в монастыри. Тем более, что практика ссылки в монастыри все больше расширялась и включала в себя уже и признание отставных солдат, инвалидов, несовершеннолетних и престарелых.

Особенно острой была полемика по поводу содержания в монастырях душевнобольных арестантов. Синод неуклонно проводил политику на избавление монастырей от выполнения не свойственных им функций. В качестве аргумента Синод ссылался на устный, официально не оформленный указ от 1723 года Петра I о запрете ссылать «сумасбродных» в монастыри и обязанности Главного магистрата построить специальный госпиталь для содержания и лечения такой категории арестантов.

Контраргументом позиции Синода стал принятый 12 мая 1725 года Правительствующим Сенатом указ «Об отсылке беснующихся в Святейший Синод для распределения их по монастырям», который предписывал «...беснующихся ... отослать, также и впредь таких отсылать в Святейший Синод для определения в монастыри ... содержать оных в особом месте, имея над ними надзирание ... и довольствовать их ...» [1].

По этому, Екатерина I указом от 15 марта 1727 года, ссылаясь на прежнее законодательство Петра I, подтвердила практику ссылки в монастыри престарелых, калек и душевнобольных арестантов. [2] Такая позиция государства являлась вполне предсказуемой, ибо она формировалась исходя из меркантильных соображений. На это обстоятельство обращает внимание Верховский П.В.: «приноровившись к тому, что очень удобным ... местом заключения важных политических преступников и сумасшедших могут служить монастыри, правительство уже не думало о построении для них особых домов и тюрем» [10].

Весьма аргументировано позицию Синода и монастырских властей по вопросу ссылки умалишенных арестантов в монастыри изложил ростовский митрополит Арсений Мацеевич: «монастыри устроены ... не для содержания сумасбродов, воров и смертных убийц, колодников для которых довольно есть устроенных по их заслугам острогов, тюрем и арестантских изб для содержания и хранения их...» [9].

Последовавший 6 сентября 1735 года указ Анны Иоанновны в очередной раз подтвердил сохранение церковно-пенитенциарной системы и принудил Синод продолжать принимать арестантов в монастыри и содержать их за собственный счет: «... ежели по делам Тайной канцелярии случаются поврежденные в уме

... которым свободы дать не можно, для отсылки же в монастыри отсылать их в Синод ... в уме поврежденных колодников принимать в монастыри по прежнему» [3].

23 апреля 1762 года император Петр III утвердил доклад Сената «О постройке для безумных особых домов и об отдаче имений, принадлежащих безумным, под надзор наследников» [4] Но смерть императора не позволила реализовать задуманное. Вошедшая на престол Екатерина II 20 августа 1762 года указом «Об оставлении в своей силе указа 23 апреля сего года о постройке для безумных особого дома» реанимировала идею Павла III [5]. Вскоре императрица приняла решение специальное здание не строить, а перепрофилировать, для этих целей, уже имеющиеся помещения при новгородском Зеленецком и московском Андреевском монастырях. Но уже 6 сентября 1766 года императрица в очередной раз изменила свое решение и информировала Синод «о переведении сосланных ... для исправления в уме, в разные монастыри колодников ... Суздальской епархии в Спасо-Ефимьев монастырь» [8].

Этот указ положил начало более чем вековой истории существования специального тюремного монастырского отделения для душевнобольных арестантов. Вскоре в обитель были этапированы первые душевнобольные арестанты. Их разместили в больничных кельях Никольской церкви монастыря. Всего же за всю историю тюрьмы Спасо-Евфимьевского монастыря в ней содержались с 1766 года по 1800 год – 62 арестанта, а с 1800 по 1902 годы – 341 человек [13].

Режим содержания арестантов регламентировался специально принятой инструкцией, которая была довольно либеральной для своего времени и специфичности сферы правового регулирования. Возглавлял тюрьму архимандрит. Охрана арестантов осуществляла караульная команда в составе унтер-офицера и шести караульных. На них возлагалась обязанность исключить проникновение к арестантам колюще-режущих и других запрещенных предметов, а также письменных принадлежностей. В качестве режимно-предупредительных мер применение кандалов не предусматривалось, но разрешалось применять в дисциплинарном порядке одиночное содержание и ограничение пищи.

Инструкция предписывала караулу обращаться с арестантами вежливо, без грубости и строгости, так как они являлись психически не здоровыми людьми. Арестантов, без признаков внешней агрессии разрешалось выводить в церковь на богослужения. В зависимости от имущественного положения арестантов, во многом определялись и их материальные условия содержания. Осужденные из привилегированных сословий имели право вещевое и пищевое довольствие обеспечивать за свой счет. При надлежащем поведении им разрешалось свободное передвижение по территории монастыря и свидания с родственниками. Остальные узники содержались за счет государства. Их пищевое довольствие было аналогичным монастырским пищевым раскладкам.

Основным субъектом коррекционно-исправительного воздействия были монахи. На них возлагалась обязанность богослужебными средствами способствовать нравственному исправлению арестантов. За каждым узником из числа монахов закреплялся духовник, задачами которого было проведение душевспасительных бесед и увещание своих подопечных. В последующем в тюрьме была открыта библиотека, укомплектованная только книгами Священного Писания и изданиями Святейшего Синода. Освобождение из тюрьмы выздоровевших арестантов производилось решением специальной комиссии Святейшего Синода по представлению архимандрита.

Возникнув, как учреждение для содержания душевнобольных преступников, тюрьма Спасо-Евфимьевского монастыря, к началу XIX века превратилась в место заключения сектантов и идейных противников Русской Православной Церкви, а также совершивших правонарушения представители духовенства.

В связи с увеличением численности контингента, 20 мая 1821 года архимандрит вынужден был просить министра внутренних дел о выделении средств на строительство потребных тюремных помещений. В ответ на ходатайство министра, 7 августа 1821 года император утвердил решение о строительстве в монастыре нового тюремного здания с одиночной системой содержания арестантов. После завершения строительства в 1826 году тюрьма Спасо-Евфимьевского монастыря включала в себя два тюремных корпуса из восьми общих и тридцати одиночных камер и десяти «секретных покоев» [11].

Новое здание тюрьмы было обнесено высокой каменной оградой, внутри которой имелись прогулочный двор, тюремная церковь, караульное помещение, кухня и хозяйственный блок. Камеры представляли собой небольшие помещения с окном, столом, стулом и кроватью. В последующем, по инициативе Владимирского губернатора в тюрьме было открыто лазаретное отделение на три койко-места.

В связи с обострением революционных волнений во Франции и, как следствие, осложнением внутривосточной ситуации в стране был несколько ужесточен режим содержания арестантов в тюрьме Спасо-Ефимьевского монастыря. 12 сентября 1848 года по ходатайству министра внутренних дел Святейший Си-

нод ограничил доступ в тюрьму посторонних лиц и ужесточил порядок представления свиданий с родственниками.

Была упорядочена процедура надзора за состоянием душевного здоровья у арестантов. Периодически комиссией в составе архимандрита, врача, жандармского офицера и врачебного инспектора проводилось освидетельствование арестантов. По его итогам комиссия принимала решение о переводе осужденного в больницу, передаче его родственникам или оставлении в тюрьме для дальнейшего отбывания наказания.

В 1855 году Синод подготовил новый проект тюремной инструкции, который значительно расширял полномочия игумена как начальника учреждения. В его подчинении находились смотритель арестантского отделения, военная стража и служители тюрьмы. Он наделялся дисциплинарными полномочиями в отношении арестантов, применяя к ним, с последующим уведомлением архиерея и губернатора, наложение кандалов и ограничение пищи за исключением хлеба и воды. Игумену вменялось в обязанность представлять раз в полгода в Святейший Синод списки арестантов с характеризующими их данными [11].

Общих для всех осужденных режимных ограничений инструкция не устанавливала. В каждом конкретном случае, исходя из психического состояния и тяжести совершенного преступления, устанавливался дифференцированный режим отбывания наказания – от одиночного заключения до полусвободного перемещения по территории монастыря. 5 марта 1905 года уже опустевшая к тому времени тюрьма официально прекратила свое существование [15].

Анализ эволюции отечественной монастырско-пенитенциарной системы позволяет констатировать, что монастыри сыграли ключевую роль в реализации наказания в отношении душевнобольных арестантов, и выступали в качестве как пенитенциарного, так и лечебно-корректирующего и культового учреждения в отношении данной категории правонарушителей. Как представляется, именно, только такой симбиоз в тогдашних реалиях мог решить эту сложную медико-социальную проблему.

Отбывание наказания, в силу понятных причин, носило бессрочный и неопределенный характер, отличалось дифференцированностью и поливариантностью режимных требований, в зависимости от личностных, криминальных, психофизиологических и других параметров конкретного преступника. Режимные ограничения и исправительные воздействия реализовывались силами монашеской братии и руководства монастырей.

Не смотря на устоявшиеся в части современных, и особенно, в советских исследователей, подходы к монастырскому заключению, как крайне суровому, репрессивному и не гуманному, полностью разделить такую точку зрения не представляется возможным. Монастырские тюрьмы, исходя из стоящих перед ними пенитенциарных задач и имеющихся для этой цели ресурсов, были вполне адекватны тем историческим реалиям, в которых они исполняли наказание и оказывали духовно-нравственное воздействие на психически больных преступников. Никакое другое учреждение империи того времени было не в состоянии решить возложенные на монастыри задачи по исполнению наказания в отношении душевнобольных арестантов, политических и религиозных противников властей.

Литература

1. Сенатский указ «Об отсылке беснующихся в Святейший синод для распределения их по монастырям» от 12.05.1725 г. // ПСЗ I. Т. VII. № 4718.
2. Именной указ, объявленный из Верховного тайного совета Сенату «Об отсылке в монастыри преступников за старостью лет и от природы увечных, также умалишенных людей по прежнему» от 15.03.1727 г. // ПСЗ I. Т. VII. №5034.
3. Именной, данный Синоду «О смотре в монастырях за преступниками, посылаемыми из Тайной Канцелярии и лишившихся разсудка» от 6 .09. 1735 г. // ПСЗ I. Т. X. № 6803.
4. Высочайше утвержденный доклад Сената «О постройке для безумных особенных домов и об отдалении имений, принадлежащих безумным, под надзор наследников» от 20.04.1762 г. // ПСЗ I. Т. XV. № 11509.
5. Сенатский указ вследствие Высочайше утвержденного 8 августа доклада «Об оставлении в своей силе указа 23 апреля сего года о постройке для безумных особого дома» от 20.08.1762 г. // ПСЗ I. Т. XVI. № 11647.
6. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Д. 115, 120.
7. РГАДА Ф. 27. Оп. 1. Д. 161. Л. 1, 3.
8. ПСПиР. Царствование государыни императрицы Екатерины II. СПб. 1910. Т. 1. 831 с.
9. ПСПиР. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. СПб. 1899. Т. 1. 536 с.
10. Верховской П.В. Населенные недвижимые имения СВ. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших приемниках Петра Великого. СПб. тип. Уч-ща глухонемых. 1909. 345 с.

11. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. 1946. Т. 2. 478 с.
12. Константиновский И.В. Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранным законодательством. СПб. Тип. М.М. Стасюлевича. 1887. 285 с.
13. Монастырские тюрьмы в царской России: Сборник. Рязань: Александрия. 2010. 352 с.
14. Новомбергский Н.Я. Слово и дело Государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1909-1911. Т. 1. 593 с.
15. Петренко Н.И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России. «ИПК «Чувашия». Чебоксары. 2002. 531 с.
16. Шаляпин С.О., Плотников А.А. Особенности заключения умалишенных преступников в России XVIII-XVIII вв. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 2 (42). С. 27 – 39.

References

1. Senatskij ukaz «Ob otsylke besnujushhihsja v Svjatejshij sinod dlja raspredelenija ih po monastyrjam» ot 12.05.1725 g. PSZ I. T. VII. № 4718.
2. Imennoj ukaz, ob#javlennyj iz Verhovnogo tajnogo soveta Senatu «Ob otsylke v monastyri prestupnikov za starost'ju let i ot prirody uvechnyh, takzhe umalishennyh ljudej po prezhnemu» ot 15.03.1727 g. PSZ I. T. VII. №5034.
3. Imennoj, dannyj Sinodu «O smotrenii v monastyrjah za prestupnikami, posylaemyi iz Tajnoj Kanceljarii i lishivshih razsudka» ot 6 .09. 1735 g. PSZ I. T. H. № 6803.
4. Vysochajshe utverzhennyj doklad Senata «O postrojke dlja bezumnyh osobennyh domov i ob otdache imenij, prinadlezhashhих bezumnym, pod nadzor naslednikov» ot 20.04.1762 g. PSZ I. T. XV. № 11509.
5. Senatskij ukaz vsledstvie Vysochajshe utverzhdennogo 8 avgusta doklada «Ob ostavlenii v svoej sile ukaza 23 aprelja sego goda o postrojke dlja bezumnyh osobogo doma» ot 20.08.1762 g. PSZ I. T. XVI. № 11647.
6. Arhiv SPb II RAN. F. 260. D. 115, 120.
7. RGADA F. 27. Op. 1. D. 161. L. 1, 3.
8. PSPiR. Carstvovanie gosudaryni imperatricy Ekateriny II. SPb. 1910. T. 1. 831 s.
9. PSPiR. Carstvovanie gosudaryni imperatricy Elizavety Petrovny. SPb. 1899. T. 1. 536 s.
10. Verhovskoj P.V. Naseennye nedvizhimye imenija SV. Sinoda, arhierjskih domov i monastyrej pri blizhajshih priemnikah Petra Velikogo. SPb. tip. Uchshha gluhonemyh. 1909. 345 s.
11. Gernet M.N. Istorija carskoj tjur'my. M. Juridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva justicii SSSR. 1946. T. 2. 478 s.
12. Konstantinovskij I.V. Russkoe zakonodatel'stvo ob umalishennyh, ego istorija i sravnenie s inostrannym zakonodatel'stvom. SPb. Tip. M.M. Stasjulevicha. 1887. 285 s.
13. Monastyrskie tjur'my v carskoj Rossii: Sbornik. Rjazan': Aleksandrija. 2010. 352 s.
14. Novombergskij N.Ja. Slovo i delo Gosudarevy (processy do izdaniya Ulozhenija Alekseja Mihajlovicha 1649 goda). M.: Pech. A.I. Snegirevoj, 1909-1911. T. 1. 593 s.
15. Petrenko N.I. Stanovlenie i razvitie upravlenija ugovolno-ispolnitel'noj sistemoj Rossii. «IPK «Chuvashija». Cheboksary. 2002. 531 s.
16. Shaljapin S.O., Plotnikov A.A. Osobennosti zakljuchenija umalishennyh prestupnikov v Rossii XVIII-XVIII vv. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazaniya, ispravlenie. 2018. № 2 (42). S. 27 – 39.

Проблемы возмещения вреда, нанесенного преступлением террористической направленности

**Гатауллин З.Ш., кандидат юридических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет**

***Аннотация:** в данной статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования возмещения вреда, нанесенного преступлением террористической направленности. Проведен анализ статистических данных о преступлениях террористической направленности. Рассмотрены случаи совершения подобных преступлений в различные годы на территории Российской Федерации. Отмечено в результате совершения теракта потерпевшими становятся ни в чем не виновные лица, которые нуждаются в возмещении вреда, нанесенного преступлением. Автор данной статьи, соблюдая научную этику, вступает полемику с различными авторами, которые изложили свои позиции в публикациях юридической литературе, относительно правового регулирования возмещения вреда, нанесенного преступлением, высказывает свою точку зрения по исследуемой проблематике. Изучено правовое регулирование возмещения вреда, на мировом, европейском уровнях, в странах входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Содружества независимых государств (СНГ) и современной Российской Федерации. Предложено перенять положительный опыт тех стран, в которых на законодательном уровне удалось отрегулировать защиту прав, потерпевших на возмещение вреда. На основе полученных результатов проведенного исследования автором данной статьи внесены конкретные предложения о внесении изменений в действующее законодательство и практические рекомендации по созданию условий для правового регулирования возмещения вреда, нанесенного преступлением террористической направленности.*

***Ключевые слова:** преступление, теракт, потерпевший, закон, возмещение вреда, государство, конфискация*

Для цитирования: Гатауллин З.Ш. Проблемы возмещения вреда, нанесенного преступлением террористической направленности // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 105 – 108.

Problems of compensation for damage caused by a terrorist crime

**Gataullin Z.Sh., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kazan (Volga region) Federal University**

***Abstract:** this article discusses the current problems of legal regulation of compensation for damage caused by a terrorist crime. The analysis of statistical data on terrorist crimes is carried out. The cases of the commission of such crimes in various years on the territory of the Russian Federation are considered. It is noted that as a result of the commission of a terrorist act, innocent persons who need compensation for the damage caused by the crime become victims. The author of this article, observing scientific ethics, enters into a polemic with various authors who have stated their positions in publications in the legal literature regarding the legal regulation of compensation for damage caused by a crime. Expresses his point of view on the problem under study. The legal regulation of compensation for harm, world, European level, the countries of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Commonwealth of Independent States (CIS) and the modern Russian Federation has been studied. It is proposed to adopt the positive experience of those countries that have managed to regulate the protection of the rights of victims to compensation for harm at the legislative level. Based on the results of the research, the author of this article has made specific proposals for amendments to the current legislation and practical recommendations for creating conditions for the legal regulation of compensation for damage caused by a terrorist crime.*

***Keywords:** crime, terrorist attack, victim, law, compensation for harm, state, confiscation*

For citation: Gataullin Z.Sh. Problems of compensation for damage caused by a terrorist crime. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 105 – 108.

Преступления террористической направленности представляют собой повышенную общественную опасность, являются достаточно распространённым видом преступлений. Так, в 2022 г. органами МВД России зарегистрировано – 2233 преступлений террористической направленности. Для сравнения, в 2021 г. было совершено – 2136 преступлений подобной категории. Увеличение количества преступлений террористической направленности сопровождается снижением их раскрываемости, в 2022 г. из – 2233 преступлений террористической направленности раскрыто – 1169 преступлений, что составляет – 52,3%. Для сравне-

ния, в 2021 г. раскрываемость преступлений террористической направленности составила - 51%, в 2020 г. низкий, всего – 39% [6].

Проведенный анализ статистических данных свидетельствует, раскрываемость рассматриваемой категории преступлений желает лучшего. Достаточно низкий процент раскрываемости преступлений террористической направленности приводит к тому, что в большей части совершенных терактов «террорист-преступник» не установлен, следовательно, рассчитывать на возмещение вреда, нанесённого преступлением террористической направленности, не приходится.

Под термином вреда (моральный, физический и имущественный) нами понимается влекущие за собой негативные последствия совершения преступления террористической направленности для участников уголовного судопроизводства. Безусловно, самое ценное человеческая жизнь и его здоровье. В результате совершения теракта наносится физический вред жизни и здоровью, как правило, ни в чем не повинных людей, прежде всего, потерпевших, очевидцев и свидетелей. Так, 24.01.2011 г. в результате совершения теракта в аэропорту «Домодедово» количество погибших – 37, раненых – 170 человек. Подрыв воздушного судна, следовавшего в Санкт-Петербург, 31.10.2015 г. погибли - 224 человека. 03.04.2017 г. совершение взрыва в метро Санкт-Петербурга погибли – 15, ранены – 17 человек. 2 апреля 2023 г. взрыв кафе в Санкт-Петербурге пострадали - 40 человек [8], этот список можно было бы продолжить.

В результате совершения теракта разрушаются конструкции зданий и сооружений, тем самым наносится имущественный вред физическим и юридическим лицам.

Проблемы возмещения вреда, нанесенного преступлением, находится в центре внимания исследователей. Так, Н.В. Лантух и Э.В. полагают, что возмещение рассматриваемого вреда лежит в гражданско-правовой плоскости [4, с. 94]. Действительно, из положений уголовно-процессуального закона, например, ст. 42 УПК РФ вытекает, что возмещения вреда, нанесенного преступлением, разрешается при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства, и в первом и во-втором случае разрешаются в соответствии с нормами гражданского законодательства [7]. Обращение сначала в уголовный, а затем в гражданский суд означало бы затруднить защиту прав и законных интересов потерпевшего.

Имеются и другие предложения так, Н.Г. Муратова и Р.Г. Хасаншина, предлагают возмещение вреда, нанесенного преступлением через некие компенсационные процедуры механизма примирения сторон под гарантии государства [5, с. 160], на нашем примере, между обвиняемым «террористом» и потерпевшим. Под гарантией государства ряд авторов, например, Е.П. Гришина, С.А. Саушкин, понимают создание некоего государственного фонда, в случае невозможности возмещения вреда потерпевшему, когда у осужденного террориста, отсутствует имущество, на которое могло бы быть обращено взыскание, предлагается прибегнуть к использовать финансовые возможности этого специализированного, внебюджетного фонда [1, с. 132].

Можно было согласиться с предложениями уважаемых авторов, однако возникает вопрос, сколько нужно ждать потерпевшему, пока идет расследование, затем длительное судебное разбирательство, в том числе через обжалование принятых судом промежуточных и окончательных решений. Скажем потерпевшему терактом нанесен вред здоровью, взрывом ампутирована нижняя конечность, достаточно вспомнить теракт в аэропорту Домодедово 24.01.2011 г., расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение нужны ему со дня совершения теракта.

Правовая основа возмещения вреда, нанесенного преступлением террористической направленности заложена в положениях основного закона страны, который вменяет в обязанность государства обеспечение потерпевшим доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Однако механизма рассматриваемого возмещения ущерба жертвам террористических актов, в том числе, путем заложения средств компенсации затрат в бюджете страны не предусмотрено.

Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений [2] прямо предписывает о том, что государство должно взять на себя компенсацию потерю дохода, затраты на медикаменты и госпитализацию, затраты на похороны, алименты, содержание иждивенцев и т.д.

В связи с началом СВО на территории Украины на основании решения принятом Президентом РФ, Совет Европы принял ряд недружественных актов в отношении России [3], в свою очередь Россия вынуждена была принять зеркальные меры в отношении самого Совета Европы, в том числе, прекращение членства РФ в Совете Европы. Отказ от соблюдения ряда международных договоров, ранее действовавших между РФ и Советом Европы, входят к числу ответных мер.

Отметим, что положения рассматриваемой Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений на территории РФ продолжает действовать, к числу международных дого-

воров Совета Европы утративших свою силу с 16 марта 2022 г. определённых ФЗ № 43 от 28 февраля 2023 года [10] не входит.

Изучение материалов следственной и судебной практики, а также проведенный анализ научных трудов свидетельствует о необходимости закрепления на законодательном уровне единой для всей страны методики расчета возмещения вреда в денежном выражении по актам терроризма, порядка их выплаты, самое главное, в бюджете страны заложить необходимые для этой цели финансовые ресурсы. На практике получается Москва исходя из своих возможностей, возмещает жертвам теракта одну сумму, Волгоград, к примеру, иную, прослеживается явное нарушение конституционного права о равенстве всех граждан РФ.

На основании проведенного исследования нами предлагается принятие специального закона, возможно закона о внесении изменений в ФЗ о противодействии терроризму [9], где следует конкретно прописать возмещение вреда нанесенного совершением преступления осуществляется государством, компенсация государственных расходов для этой цели достигается путем конфискации имущества осужденного и (или) его родственников и близких, если имущество подлежащее конфискации добыто преступным путем.

Литература

1. Гришина Е.П., Саушкин С.А. Международные правовые акты о возмещении ущерба жертвам преступлений // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы: сб. матер. Международной научно-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2016. Ч. 1. 351 с.
2. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений ETS N 116 от 01.02.1988 г. <http://www.consultant.ru>.
3. Комитет министров Совета Европы принял решение о прекращении членства России в организации с 16 марта 2022 г. <https://www.coe.int/en/web/portal/home>
4. Лантух Н.В., Лантух Э.В. Институт возмещения вреда, причинённого преступлением, в уголовном судопроизводстве России: правовая природа, значение, перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 94 – 100.
5. Муратова Н.Г., Хасаншина Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: монография / под ред. Ф.Р. Сундурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 192 с.
6. Официальный сайт МВД России <https://мвд.рф/reports/item/>
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 N 1-П "По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Недвижимость-М", общества с ограниченной ответственностью "Соломатинское хлебоприемное предприятие" и гражданки Л.И. Костаревой" // <http://www.consultant.ru>
8. Российская газета. – 2023. - 3 апреля <https://rg.ru/2023/04/03/reg>
9. Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ. <http://www.consultant.ru>
10. Федеральный закон от 28.02.2023 N 43-ФЗ "О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы". <http://www.consultant.ru>

References

1. Grishina E.P., Saushkin S.A. Mezhdunarodnye pravovye акты o vozmeshhenii ushherba zhertvam prestuplenij. Vozmeshhenie vreda poterpevshemu v ugovolnom sudoproizvodstve: organizacionnyye, pravovyye i kriminalisticheskiye problemy: sb. mater. Mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konf. M.: Akademija upravlenija MVD Rossii, 2016. Ch. 1. 351 s.
2. Evropejskaja konvencija po vozmeshheniju ushherba zhertvam nasil'stvennyh prestuplenij ETS N 116 ot 01.02.1988 g. <http://www.consultant.ru>.
3. Komitet ministrov Soveta Evropy prinjal reshenie o prekrashhenii chlenstva Rossii v organizacii s 16 marta 2022 g. <https://www.coe.int/en/web/portal/home>
4. Lantuh N.V., Lantuh Je.V. Institut vozmeshhenija vreda, prichinjonno go prestupleniem, v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii: pravovaja priroda, znachenie, perspektivy razvitija. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 4 (76). S. 94 – 100.
5. Muratova N.G., Hasanshina R.G. Sushhnost' i znachenie vozmeshhenija vreda poterpevshemu pri prinjatii processual'nyh reshenij po ugovolnym delam: monografija. pod red. F.R. Sundurova. M.: Jurlitinform, 2016. 192 s.
6. Oficial'nyj sajт MVD Rossii <https://mvd.rf/reports/item/>

7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31.01.2011 N 1-P "Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chastej pervoj, tret'ej i devjatoj stat'i 115, punkta 2 chasti pervoj stat'i 208 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii i abzaca devjatogo punkta 1 stat'i 126 Federal'nogo zakona "O nesostojatel'nosti (bankrotstve)" v svjazi s zhalobami zakrytogo akcioner-nogo obshhestva "Nedvizhimost'-M", obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost'ju "Solomatinskoe hle-bopriemnoe predpriятие" i grazhdanki L.I. Kostarevoj". <http://www.consultant.ru>

8. Rossijskaja gazeta. – 2023. 3 aprelja <https://rg.ru/2023/04/03/reg>

9. Federal'nyj zakon "O protivodejstvii terrorizmu" ot 06.03.2006 N 35-FZ. <http://www.consultant.ru>

10. Federal'nyj zakon ot 28.02.2023 N 43-FZ "O prekrashhenii dejstvija v otnoshenii Rossijskoj Federacii mezhdunarodnyh dogovorov Soveta Evropy". <http://www.consultant.ru>

Современное состояние молодежной преступности в Германии

Исаев В.В.,

Московский государственный институт международных отношений МИД России

Аннотация: в настоящее время, проблема молодежной преступности является особенно актуальной во многих странах Европейского Союза. Рост уровня молодежной преступности связан, прежде всего, с нарушением уровня социальной стабильности общества. Санкционная политика Европейского союза в отношении России привела к тому, что многие производства, которые производили товары для России, или же получали дешевые энергоносители из России, вынуждены закрываться и увольнять сотрудников. Рост безработицы приводит к росту протестных настроений среди молодежи и повышению уровня преступности во время митингов и демонстраций. Так же растет уличная преступность, особенно в среде мигрантов, которые в условиях социально-экономической нестабильности, теряют работу в первую очередь. В соседней с Германией страной – Франции, вот уже несколько месяцев подряд не прекращаются митинги и демонстрации, связанные с недовольством населения, прежде всего молодежи, ввиду повышения пенсионного возраста. В ФРГ проблема молодежной преступности, так же является чрезвычайно актуальной. На фоне увеличивающегося количества лиц, эмигрировавших в ФРГ, случаи совершения преступлений молодежью вызывают обеспокоенность в немецком обществе. Под молодежной преступностью в ФРГ понимают всю совокупность преступлений, совершенных вменяемыми физическими лицами в возрасте от 14 до 21 года. В статье рассматривается современное состояние молодежной преступности в Германии. Изучена официальная статистика Федерального криминального агентства ФРГ. Отдельное внимание уделено проблемам учета и регистрации преступлений, совершаемых молодежью. Автор исследует причины совершения молодыми людьми преступлений в современных условиях.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, ФРГ, наказания, причины, статистика, Федеральное криминальное агентство

Для цитирования: Исаев В.В. Современное состояние молодежной преступности в Германии // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 109 – 113.

Current status of youth crime in Germany

Isaev V.V.,

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: at present, the problem of youth crime is especially relevant in many countries of the European Union. The growth in the level of youth crime is associated, first of all, with a violation of the level of social stability of society. The sanctions policy of the European Union towards Russia has led to the fact that many industries that produced goods for Russia, or received cheap energy from Russia, are forced to close and lay off employees. Rising unemployment leads to an increase in protest moods among young people and an increase in crime during rallies and demonstrations. Street crime is also growing, especially among migrants, who, in conditions of socio-economic instability, lose their jobs in the first place. In the neighboring country of Germany - France, for several months in a row, rallies and demonstrations have not stopped, related to the discontent of the population, especially young people, due to the increase in the retirement age. In Germany, the problem of youth crime is also extremely relevant. Against the backdrop of an increasing number of people who emigrated to Germany, cases of crimes committed by young people are of concern in German society. Under youth crime in Germany understand the totality of crimes committed by sane individuals aged 14 to 21 years. The article deals with the current state of youth crime in Germany. The official statistics of the Federal Criminal Agency of Germany was studied. Special attention is paid to the problems of accounting and registration of crimes committed by young people. The author examines the reasons why young people commit crimes in modern conditions.

Keywords: crime, juveniles, Germany, punishments, causes, statistics, Federal Criminal Agency

For citation: Isaev V.V. Current status of youth crime in Germany. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 109 – 113.

Согласно официальной информации министерства юстиции Нижней Саксонии, уголовные правонарушения регистрируются по разным возрастным группам. Например, дети до 14 лет не подлежат уголовной ответственности, однако преступления, совершенные ими, подлежат полицейской регистрации в целях общей и частной превенции [4].

Уголовно-наказуемые деяния, совершенные несовершеннолетними в возрасте от 14 до 17 лет, также учитываются полицейскими органами, а виновные лица подлежат уголовной ответственности не по Уголовному кодексу ФРГ, а на основании Закона «Об осуществлении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних». Так, в предложении 1 статьи 1 данного законодательного акта указано, что лицо в возрасте от 14 до 21 года, совершившее правонарушение, влекущее за собой предусмотренное законом наказание, подлежит привлечению к ответственности на основании и в порядке, установленном данным законом [5].

Статистические данные МВД ФРГ за 2008 год свидетельствуют об увеличении количества молодых людей, подозреваемых в совершении преступлений примерно на 100 тысяч человек по сравнению с 1990 годом. Число осужденных увеличилось примерно на 20 тысяч в рассматриваемый период [4].

С 2010 года наблюдается снижение количества зарегистрированных общественно-опасных деяний, совершаемых молодыми людьми. В частности, в федеральной земле Нижняя Саксония в 2016 году было зарегистрировано на 2% ниже случаев подозрений несовершеннолетних в совершении преступлений по сравнению с 2015 годом. Численность уголовных правонарушений, совершенных лицами в возрасте от 18 до 21 года, повысилась в 2016 году примерно на 3% в сравнении с годом ранее. Более чем на 5% снизилась преступность среди детей в 2016 году по отношению к предыдущему году.

По итогам 2019 года на территории ФРГ было зафиксировано на 2% меньше случаев привлечения молодых лиц к уголовной ответственности, чем в 2018 году [6].

Однако количество преступлений, совершенных малолетними в указанный период, возросло на 15%, в то же время наблюдается рост численности уголовно-наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними примерно на 4,6%. Благодаря значительному уменьшению количества уголовных правонарушений (примерно на 23%), совершаемых лицами в возрасте от 18 до 21 года, обусловлен общий спад молодежной преступности в 2019 году [7].

При анализе официальных статистических данных возникает вопрос относительно достоверности, полноты и точности отражения в них действительного количества совершенных преступлений. Так, в целях установления реального количества преступлений были проведены различные исследования. Например, проведенный в 2018 году опрос показал, что в последнее время в обществе сложилась некая терпимость по отношению к агрессии со стороны молодых людей [2].

В 2019 году были организованы исследования в Нижней Саксонии, на основании которых эксперты пришли к выводу об увеличении насильственных преступлений со стороны молодежи [8].

Количество уголовно-наказуемых деяний, совершаемых молодыми лицами, является важным показателем положения детей и подростков в обществе, который отражает сложившиеся отношения внутри данных социальных групп. Если молодежь чувствует себя благополучно, то не возникает никаких опасностей относительно будущего этих людей, то есть риск совершения преступлений молодежью в таком случае достаточно низкий. В случае, если положение молодых людей в обществе неблагоприятно, возникает опасность того, что криминальное поведение молодежи отразится на их поведении в будущем, что создаст еще большую угрозу для окружающих. Преступность детей, несовершеннолетних и лиц в возрасте от 18 до 21 года проникает во все слои общества и проявляется в основном среди юношей и девушек в процессе их созревания. Ученые указывают, что молодые люди начинают совершать запрещенные УК деяния в возрасте 12 лет, и до 16 лет их преступная активность только возрастает, после чего резко падает. С приобретением образования, работы и партнера для семейной жизни, криминально поведение так же достигает своего минимума.

Какие преступления совершаются молодыми людьми чаще всего? Первое место занимают кражи из супермаркетов, за которыми следуют насильственные деяния, например, умышленное причинение вреда здоровью, изнасилование и убийство. Замыкает статистику умышленная порча имущества. Например, в 2019 году число несовершеннолетних, совершивших магазинную кражу, составило 2300 человек. Однако данный показатель больше в 2 раза количества лиц, совершивших аналогичное деяние в возрасте от 18 до 21 года [9].

В 2020 году данный показатель возрос в обеих группах примерно на 300 случаев [10].

Также в 2020 году число детей и несовершеннолетних, совершивших умышленное причинение вреда здоровью увеличилось на 14 и на 7% соответственно в сравнении с годом ранее, в то время как за данный

период времени число лиц в возрасте от 18 до 21 года, совершивших такое правонарушение, снизилось почти на 8% [7].

Большинство преступлений совершается юношами. Так, в 2019 году более 800 молодых лиц мужского пола в возрасте 14-16 лет являлись обвиняемыми по уголовным делам о насильственных преступлениях, в то же время к уголовной ответственности за такие же составы были привлечены чуть более 200 девушек того же возраста.

По сравнению со взрослыми, молодые люди чаще совершают насильственные деяния. Например, в 2019 году, более 1000 человек в возрасте от 16 до 18 лет подлежали ответственности по УК ФРГ за насильственные преступления против жизни и здоровья. Однако количество лиц в возрасте от 23 до 25 лет, привлеченных к уголовной ответственности за те же самые составы, заметно ниже и составляет чуть более 700 человек.

Как подчеркивают криминологи, уголовные деяния, совершаемые молодыми людьми, сопровождаются совершением их спонтанно, то есть с преобладанием внезапно возникшего умысла, а также в группе лиц. Преобладающее число задержанных уже были замечены в совершении правонарушений один или два раза, то есть велик риск рецидива совершения преступлений [4].

В чем же заключаются основные причины молодежной преступности в Германии? По мнению социолога Дика Байэра, на первом месте находится безнаказанный пропуск занятий в школе. Так, молодой человек, не посещая занятия в образовательной организации и не получивший в ответ на свое поведение никакой реакции со стороны администрации учебного заведения, осознает, что может совершать более тяжкие поступки так же безнаказанно [11].

Социальное окружение играет огромную роль в становлении личности молодого человека. Отношения в семье имеют также первостепенное значение при формировании личностных качеств юношей и девушек. Так, вышеупомянутый ученый видит опасность для молодых лиц нахождение в семье, где один из родителей или оба страдают алкогольной зависимостью. В семейных отношениях, где домашнее насилие является нормой, существует риск того, что и дети в будущем будут воспринимать насилие как нормальное социальное явление. Социолог видит также риск в компьютерных играх, в основе сюжета которых заложены насильственные моменты.

Интересно и количество совершенных преступлений молодыми людьми, эмигрировавшими в Германию. По мнению Кристиана Вальбурга количество совершенных краж молодыми людьми-мигрантами и коренными жителями Германии сильно не отличается друг от друга, в том время как лицами, эмигрировавшими в ФРГ, совершается большее количество насильственных уголовно-правовых деликтов. Так, например, в 2014 году количество уголовно-наказуемых деяний, связанных с применением насилия и совершенные лицами, эмигрировавшими в ФРГ, составляло на 2000 случаев больше, чем число деяний насильственного характера, которые были совершены гражданами ФРГ [3].

В 2019 году численность случаев умышленного причинения вреда здоровью, совершенных мигрантами, составляла в 2-4 раза больше по сравнению с уголовно-наказуемыми деяниями по аналогичным составам, совершенные гражданами ФРГ [8].

К причинам, порождающим насильственное поведение у молодых людей-мигрантов, ученый относит слабую защищенность в социальной сфере, а именно низкое качество полученного образования, слабые шансы на построение профессиональной карьеры, а также проживание в социально-неблагополучных районах города. Факторами, порождающими негативное социальное поведение, являются также особенности жизни эмигрировавших лиц, а именно чувство чуждости и учащающиеся внутрисемейные конфликты [12].

Какие наказания налагаются на молодых лиц, совершивших преступление?

В борьбе с молодежной преступностью эксперты отдают предпочтение превентивным мерам, нежели карательным, объясняя применение последних только в случае крайней необходимости. Однако в случае применения наказаний дети и несовершеннолетние должны быть как можно скорее освобождены от него и реинтегрированы в общество.

Уголовное законодательство Германии устанавливает следующие виды наказаний за совершение преступления специальным субъектом, то есть малолетним, несовершеннолетним или лицом в возрасте от 18 до 21 года: предупреждение, денежный штраф, арест, лишение свободы, а также предусматривает возможность применения и воспитательных мер по отношению к таким лицам. Согласно данным официальной статистики, в 2018 году было осуждено всего 59 278 молодых людей за совершение уголовных правонарушений, из них 24 327 осужденным были назначены меры воспитательного характера. 33 тысячи человек были подвергнуты наказанию в виде официального предупреждения, в то время как 9 тысячам юношей и девушек в качестве меры исправительного характера было назначено лишение свободы. Однако из 9 тысяч приговоренных 5 тысячам молодых людей были назначены условные сроки. Таким образом, только 4 тыся-

чи молодых преступников из 59 278 выявленных были осуждены к реальным срокам отбывания наказания в виде лишения свободы.

По состоянию на 31 марта 2019 года 3523 молодых преступников мужского пола находятся в местах лишения свободы на территории ФРГ. Количество девушек, содержащихся в исправительных учреждениях для несовершеннолетних, составляет всего 156 человек [13].

Большинство лиц составляют осужденные в возрасте от 18 до 21 года. Так, количество отбывающих наказание мужчин в данных возрастных границах составляет 1457 человек, в то время как лишь 50 осужденных женского пола данного возраста отбывают наказание в исправительных колониях. По сравнению с несовершеннолетними, количество которых составляет 394 и 30 лиц мужского и женского пола соответственно, число заключенных в возрасте от 18 до 21 года носит преобладающий характер. Реальные сроки отбывания наказания назначаются, в основном, мужчинам.

Подводя итог, следует сказать о снижающемся числе преступлений, совершенных молодыми лицами, что обуславливается уменьшающимся количеством уголовных правонарушений, совершаемых юношами и девушками в возрасте от 18 до 21 года

Одновременно увеличивается численность совершаемых уголовно-наказуемых деяний, за которые привлекаются к ответственности малолетние и несовершеннолетние с преобладанием лиц мужского пола.

Автор считает применение превентивных мер, а также их сочетание с карательными мерами провальным опытом воздействия на молодых людей и предупреждения совершения новых преступлений, так как число совершенных общественно-опасных деяний не снижается среди лиц в возрасте до 18 лет.

Кроме того, неприменение реальных сроков лишения свободы хотя и дает возможность нарушителям reintegrироваться в общество и встать на путь исправления, однако одновременно порождает чувство безнаказанности и дает возможность избежать воздаяния за совершенное нарушение.

Литература

1. Jugendgerichtsgesetz. Artikel 1. Elektronisches Portal. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/juschg/BJNR273000002.html> (дата обращения: 11.04.2021)
2. Pfeiffer, Christian/Baier, Dirk/Kliem, Sören (2018): Zur Entwicklung der Gewalt in Deutschland. Schwerpunkte: Jugendliche und Flüchtlinge als Täter und Opfer. Zürich. 350 S.
3. Walburg, Christian (2016): Migration und Kriminalität – aktuelle kriminalstatistische Befunde. Ein Gutachten im Auftrag des Mediendienstes Integration. Elektronisches Portal. URL: https://mediendienstintegration.de/fileadmin/Dateien/Gutachten_Walburg_Kriminalitaet_Migration.pdf (дата обращения: 12.04.2021)
4. Statistisches Bundesamt Deutschland. Elektronisches Portal. URL: https://www.statistischebibliothek.de/mir/servlets/MCRFileNodeServlet/DEMonografie_derivate_00001798/Rechtspflege2008_1.pdf (дата обращения: 11.04.2021)
5. Niedersächsisches Ministerium für Inneres und Sport. Elektronisches Portal. URL: https://www.mj.niedersachsen.de/startseite/themen/strafrecht_und_soziale_dienste/jugendkriminalitaet/jugendkriminalitaet-10654.html (дата обращения: 12.04.2021)
6. Bundeskriminalamt. Polizeiliche Kriminalistik. Elektronisches Portal. URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/pks_node.html (дата обращения: 12.04.2021)
7. Zahlen-Daten-Fakten. Jugendgewalt. Elektronisches Portal. URL: https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/jugendkriminalitaet/Broschuere_ZDF_2020-05_final.pdf (дата обращения: 12.04.2021)
8. Bergmann, Marie Christine/Kliem, Sören/Krieg, Yvonne/Beckmann, Laura (2019): Jugendliche in Niedersachsen. Ergebnisse des Niedersachsensurveys 2017. Forschungsbericht Nr. 144, Hannover.
9. Die Entwicklung der Jugendkriminalität in Deutschland im Hell- und im Dunkelfeld. Elektronisches Portal. URL: https://www.dvjj.de/wp-content/uploads/2019/06/microsoft_powerpointentwicklung_der_jugendgewalt_-_dvjj_nbg.pdf (дата обращения: 12.04.2021)
10. Polizeiliche Kriminalstatistik 2020. Elektronisches Portal. URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2020/pks2020_node.html;jsessionid=8ED01ABA79466876F5D6E708BA7EDF65.live0611 (дата обращения: 12.04.2021)
11. Kultur. Ard.de. – Elektronisches Portal. URL: https://www.ard.de/home/kultur/Wie_werden_Kinder_zu_Verbrechern_/897058/index.html (дата обращения: 12.04.2021)

12. Babka von Gostomski 2003, Gewalt als Reaktion auf Anerkennungsdefizite?, in Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie 2/2003. Elektronisches Portal. URL: <https://www.jura.uni-hamburg.de/forschung/institute-forschungsstellen-und-zentren/institut-kriminalwissenschaften/abteilung-kriminologie/ueber-uns/nordkrim/fachtagung-2013/abstracts/poster-uysal-2013.pdf> (дата обращения: 14.04.2021)

13. Statistisches Bundesamt (Hrsg.) (2020): Rechtspflege. Strafvollzug. Demographische und kriminologische Merkmale der Strafgefangenen zum Stichtag 31.3. 2019, Fachserie 10, Reihe 4.1, Wiesbaden

References

1. Jugendgerichtsgesetz. Artikel 1. Elektronisches Portal. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/juschg/BJNR273000002.html> (data obrashhenija: 11.04.2021)

2. Pfeiffer, Christian/Baier, Dirk/Kliem, Sören (2018): Zur Entwicklung der Gewalt in Deutschland. Schwerpunkte: Jugendliche und Flüchtlinge als Täter und Opfer. Zürich. 350 S.

3. Walburg, Christian (2016): Migration und Kriminalität – aktuelle kriminalstatistische Befunde. Ein Gutachten im Auftrag des Mediendienstes Integration. Elektronisches Portal. URL: https://mediendienstintegration.de/fileadmin/Dateien/Gutachten_Walburg_Kriminalitaet_Migration.pdf (data obrashhenija: 12.04.2021)

4. Statistisches Bundesamt Deutschland. Elektronisches Portal. URL: https://www.statistischebibliothek.de/mir/servlets/MCRFileNodeServlet/DEMonografie_derivate_00001798/Rechtspflege2008_1.pdf (data obrashhenija: 11.04.2021)

5. Niedersächsisches Ministerium für Inneres und Sport. Elektronisches Portal. URL: https://www.mj.niedersachsen.de/startseite/themen/strafrecht_und_soziale_dienste/jugendkriminalitaet/jugendkriminalitaet-10654.html (data obrashhenija: 12.04.2021)

6. Bundeskriminalamt. Polizeiliche Kriminalistik. Elektronisches Portal. URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/pks_node.html (data obrashhenija: 12.04.2021)

7. Zahlen-Daten-Fakten. Jugendgewalt. Elektronisches Portal. URL: https://www.dji.de/fileadmin/user_upload/jugendkriminalitaet/Broschuere_ZDF_2020-05_final.pdf (data obrashhenija: 12.04.2021)

8. Bergmann, Marie Christine/Kliem, Sören/Krieg, Yvonne/Beckmann, Laura (2019): Jugendliche in Niedersachsen. Ergebnisse des Niedersachsensurveys 2017. Forschungsbericht Nr. 144, Hannover.

9. Die Entwicklung der Jugendkriminalität in Deutschland im Hell- und im Dunkelfeld. Elektronisches Portal. URL: https://www.dvjj.de/wp-content/uploads/2019/06/microsoft_powerpointentwicklung_der_jugendgewalt-_dvjj_nbg.pdf (data obrashhenija: 12.04.2021)

10. Polizeiliche Kriminalstatistik 2020. Elektronisches Portal. URL: https://www.bka.de/DE/AktuelleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2020/pks2020_node.html;jsessionid=8ED01ABA79466876F5D6E708BA7EDF65.live0611 (data obrashhenija: 12.04.2021)

11. Kultur. Ard.de. – Elektronisches Portal. URL: https://www.ard.de/home/kultur/Wie_werden_Kinder_zu_Verbrechern_/897058/index.html (data obrashhenija: 12.04.2021)

12. Babka von Gostomski 2003, Gewalt als Reaktion auf Anerkennungsdefizite?, in Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie 2/2003. Elektronisches Portal. URL: <https://www.jura.uni-hamburg.de/forschung/institute-forschungsstellen-und-zentren/institut-kriminalwissenschaften/abteilung-kriminologie/ueber-uns/nordkrim/fachtagung-2013/abstracts/poster-uysal-2013.pdf> (data obrashhenija: 14.04.2021)

13. Statistisches Bundesamt (Hrsg.) (2020): Rechtspflege. Strafvollzug. Demographische und kriminologische Merkmale der Strafgefangenen zum Stichtag 31.3. 2019, Fachserie 10, Reihe 4.1, Wiesbaden

Тенденции цифровизации российского права, как элемент предмета истории и методологии юридической науки

Кужеков А.Ю., кандидат юридических наук, доцент,

Кузьмин И.М.,

Юридический институт им. М.М. Сперанского,

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

***Аннотация:** процесс перехода привычных правоотношений в цифровое пространство ведется с момента распространения сети Интернет, поэтому термин «цифровизация» является относительно молодым в русском языке, а потому не существует на данный момент полного понятия, отражающего все характерные черты данного явления. Постараемся на основе имеющихся источников сгенерировать понятие цифровизации самостоятельно. Изучаемое явление неразрывно связано с развитием научно-технического прогресса и вызовами санитарно-эпидемиологической ситуации в мире. Действительно, сегодня цифровые и информационные технологии внедрились во многие сферы деятельности человека, начиная от военно-промышленных комплексов и заканчивая «умными» помощниками в телефоне человека. А эпидемиологическая ситуация в мире и в России в частности вынудила перенести многие общественные отношения в цифровое пространство. Начиная от денежных переводов и заканчивая дистанционным получением образования. Целью данного исследования является рассмотрение тенденции цифровизации российского права, как элемента предмета юридической науки. В рамках данной статьи определяется термин цифровизации, анализируются сферы ее влияния в российском праве, в том числе на предмет юриспруденции. В заключении делается вывод о том, что цифровизация является неотъемлемой частью предмета юриспруденции.*

***Ключевые слова:** наука, юридическая наука, юриспруденция, цифровизация, оцифровка, автоматизация, предмет науки*

Для цитирования: Кужеков А.Ю., Кузьмин И.М. Тенденции цифровизации российского права, как элемент предмета истории и методологии юридической науки // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 114 – 116.

Trends in the digitalization of Russian law, as an element of the subject of history and methodology of legal science

Kuzhekov A.Yu., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,

Kuzmin I.M.,

M.M. Speransky Law Institute,

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

***Abstract:** the process of transition of habitual legal relations into the digital space has been underway since the spread of the Internet, therefore the term "digitalization" is relatively young in the Russian language, and therefore there is currently no complete concept reflecting all the characteristic features of this phenomenon. We will try to generate the concept of digitalization independently on the basis of available sources. The phenomenon under study is inextricably linked with the development of scientific and technological progress and the challenges of the sanitary and epidemiological situation in the world. Indeed, today digital and information technologies have been introduced into many spheres of human activity, ranging from military-industrial complexes to "smart" assistants in a person's phone. And the epidemiological situation in the world and in Russia in particular has forced many public relations to be transferred to the digital space. Starting with money transfers and ending with distance education. The purpose of this study is to consider the trend of digitalization of Russian law as an element of the subject of legal science. Within the framework of this article, the term digitalization is defined, the spheres of its influence in Russian law are analyzed, including on the subject of jurisprudence. In conclusion, it is concluded that digitalization is an integral part of the subject of jurisprudence.*

***Keywords:** science, legal science, jurisprudence, digitalization, automation, the subject of science*

For citation: Kuzhekov A.Yu., Kuzmin I.M. Trends in the digitalization of Russian law, as an element of the subject of history and methodology of legal science. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 114 – 116.

На протяжении всей истории существования человек стремится познать себя и окружающий его мир. В разные времена людьми предпринимались самые разнообразные методы для накопления знаний об окружающей нас реальности. Формирующаяся сфера деятельности человека получила название, сохранившееся до наших дней – наука. В истории науки существуют разные этапы ее развития. Например, развитие фило-

софии в древнем мире, возрастание роли точных наук, таких как математика и геометрия, интерес к естественным наукам в 18 веке и так до наших дней. Сегодня существует общепринятое во всем мире понятие науки как сферы деятельности человека, направленной на добывание новых объективно отражающих действительность знаний.

Среди всего многообразия существующих сегодня наук своё почётное место (в свете событий XX века) занимает юридическая наука, достижения которой помогают человеку создать устойчивое общество и государство, обеспечить мир и порядок во всем мире, а также отвечать на непростые вызовы социальной реальности. Существует несколько подходов к понятию юридической науки.

Одно из основополагающих понятий, юридическую науку представляет как науку о теории государства и права, существующих отраслях права, системе социальных норм, политической системы и функциях государства [3].

Так же нельзя не согласиться с определением известного юриста В.Е Чиркина изложенное в следующей формулировке. Юридическая наука представляет собой систему знаний о государстве и праве, гуманитарную науку, изучающую правовое регулирование отношений в государстве [1].

Термин юридическая наука обладает и общепринятым трактованием. Это система знаний в сфере государственно-правовых явлений, в частности закономерностей возникновения, развития, совершенствования права и функций государства.

В ходе нашего исследования мы попытаемся найти ответ на два вопроса: 1) что такое цифровизация? и 2) является ли цифровизация права предметом юридической науки?

Юридическая наука является полностью самостоятельной и признанной, поскольку имеет свой отличный от других наук предмет. В противном случае она не признавалась бы наукой [5]. Как и другая наука, юриспруденция имеет свой объект и предмет. Объект науки представляет собой, реально существующий объект познания, характеризующийся самостоятельностью, определенной формой существования и единством содержания. На что направлено исследование ученого в предметной области научного познания, является объектом науки. Объектом юридической науки является государство и право (правовая реальность).

Что же касается предмета юридической науки, его границы так строго не определены. В литературе продолжают споры о границах предметной сферы юридической науки. Существует несколько подходов к пониманию предмета юридической науки, однако на сегодняшний день выделяется компромиссное мнение, согласно которому предметом юридической науки являются закономерности возникновения, развития, совершенствования права и функций государства. Соответственно закономерности развития права составляют часть предмета юридической науки (юриспруденции).

Закономерность – это соответствие с законом, последовательное проявление действия какого-нибудь закона [8]. Такая трактовка подходит к советскому пониманию законов (бытия): закон – обязательное постоянно повторяющиеся отношения в обществе [2]. Однако сегодня выработано современное синтезированное понятие закономерности применительно, в том числе, к правовым явлениям.

Закономерность – это объективная, необходимая, существенная, устойчивая (повторяющаяся) связь общего характера между отдельными явлениями [6]. Именно в таком ключе мы будем понимать закономерность в представленной статье.

Для того чтобы ответить на поставленные в начале статьи вопросы, а именно в части: является ли цифровизация права предметом юридической науки, необходимо доказать, что цифровизация является закономерностью. Для этого разберём подробнее, что такое цифровизация и отличается ли она от цифровизации права.

Процесс перехода привычных правоотношений в цифровое пространство ведется с момента распространение сети Интернет, поэтому термин «цифровизация» является относительно молодым в русском языке, а потому не существует на данный момент полного понятия, отражающего все характерные черты данного явления. Постараемся на основе имеющихся источников сгенерировать понятие цифровизации самостоятельно.

Изучаемое явление неразрывно связано с развитием научно-технического прогресса и вызовами санитарно-эпидемиологической ситуации в мире. Действительно, сегодня цифровые и информационные технологии внедрились во многие сферы деятельности человека, начиная от военно-промышленных комплексов и заканчивая «умными» помощниками в телефоне человека. А эпидемиологическая ситуация в мире и в России в частности вынудила перенести многие общественные отношения в цифровое пространство. Начиная от денежных переводов и заканчивая дистанционным получением образования. Но являются ли перечисленные явления проявлениями именно цифровизации?

Цифровизация в праве появилась из экономической функции государства. основополагающими терминами в цифровизации являются: оцифровка диджитализация. Оцифровка означает преобразование информации с материального носителя в цифровой. Важно, что оцифровка не изменяет данные, а лишь кодирует в цифровую форму, применяя при этом современные цифровые технологии. С появлением новых технологий стал легче доступ к информации, процессу ее обработки, что привело к оцифровке во всех сферах деятельности в обществе. Диджитализация означает цифровизацию и подразумевает использование информационных технологий для обеспечения системного взаимодействия и совершенствования оцифрованных данных.

Еще одно смежное явление – процесс автоматизации, тоже пришедший из области экономики. Он означает использование современных технических систем управления, исключающих участие человека полностью или частично в производстве по получению информации, материальных средств, энергии и др. [7]. Автоматизация предназначена, прежде всего, для повышения производительности труда. Цель автоматизации – повышение производительности. Существуют и иные трактовки данного явления. Автоматизация – использование высокотехнологической техники для производства, а в дальнейшем и обслуживания различных материальных средств [4]. Такой процесс по своему значению схож с оцифровкой, поскольку благоприятно влияет на процедуру, но не изменяет качественно содержание процессов и отношений.

Применительно к правовой действительности автоматизацию можно обнаружить в процессах реализации права. Например, использование компьютеров при предоставлении государственных услуг в многофункциональных центрах. При заполнении электронных деклараций, осуществления электронных закупок и тендеров, участия в выборах используются цифровые средства удостоверяющие физическое или юридическое лицо.

Таким образом, на сегодняшний день цифровизация все быстрее проникает в юридическую науку, становясь неотъемлемым элементом предмета юриспруденции.

Литература

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/law/text/4932807>.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/Закон>.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bes/Юридическая наука>.
4. Научно-технический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/27>
5. Сырых В.М. Материалистическая теория права: избр. М., 2011. С. 50.
6. Головкин Р.Б. и др. Теория государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / под ред. проф. Р.Б. Головкина; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 680 с.
7. Техника. Современная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/technology_modernenc/автоматизация
8. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ushakov/закономерность>

References

1. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://old.bigenc.ru/law/text/4932807>.
2. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/bse/Zakon>.
3. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://gufo.me/dict/bes/Juridicheskaja nauka>.
4. Nauchno-tehnicheskij jenciklopedicheskij slovar' [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/27>
5. Syryh V.M. Materialisticheskaja teorija prava: izbr. M., 2011. S. 50.
6. Golovkin R.B. i dr. Teorija gosudarstva i prava [Jelektronnyj resurs]: ucheb. Posobie. pod red. prof. R.B. Golovkina; Vladim. gos. un-t im. A.G. i N.G. Stoletovyh. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2020. 680 s.
7. Tehnika. Sovremennaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://gufo.me/dict/technology_modernenc/avtomatizacija
8. Tolkovyj slovar' Ushakova [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [https://gufo.me/dict/ushakov/zakonomernost'](https://gufo.me/dict/ushakov/zakonomernost)

История развития форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в КНР

Ван Лу, аспирант,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: статья раскрывает историю развития форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в рамках КНР. При этом вопрос рассматривается с древнейших времен до наших дней. Дети – это опора нации и надежда человеческой цивилизации. Но не все дети вырастают здоровыми и счастливыми. И в древние времена, и сегодня в китайском обществе существует немало детей, оставшихся без попечения родителей. При этом есть национальные особенности в рассматриваемом вопросе. Основными формами устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в современном Китае являются опека, усыновление, помещение в специализированные учреждения. В китайской системе опеки над несовершеннолетними закон при выборе опекунов отдаёт приоритет близким родственникам, таким как бабушки и дедушки, дети передаются на усыновление в основном между родственниками. Это отличает китайскую систему опеки и усыновления от российской системы. Изучение истории развития опеки и попечительства в Китае приводит нас к мысли, что культура древнего Китая и традиционное китайское конфуцианство оказали глубокое влияние на формирование современной правовой системы, в том числе в части опеки над детьми.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения родителей, опека, усыновление, патриархальная семья, конфуцианство, Гражданский кодекс КНР

Для цитирования: Ван Лу История развития форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в КНР // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 117 – 120.

The history of the development of forms of placement of children left without parental care in China

Wang Lu, Postgraduate,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article reveals the history of the development of the forms of arrangement of children left without parental care in the PRC. At the same time, the issue is being considered from ancient times to the present day. Children are the backbone of the nation and the hope of human civilization. But not all children grow up healthy and happy. Both in ancient times and today in Chinese society there are many children left without parental care. At the same time, there are national peculiarities in the issue under consideration. The main forms of placement of children left without parental care in modern China are guardianship, adoption, placement in specialized institutions. In the Chinese system of guardianship of minors, the law gives priority to close relatives, such as grandparents, when choosing guardians, children are transferred for adoption mainly between relatives. This distinguishes the Chinese system of guardianship and adoption from the Russian system. Studying the history of the development of guardianship and guardianship in China leads us to believe that the culture of ancient China and traditional Chinese Confucianism had a profound influence on the formation of the modern legal system, including in terms of child custody.

Keywords: children left without parental care; guardianship; adoption; patriarchal family; Confucianism; Civil Code of the People's Republic of China

For citation: Wang Lu The history of the development of forms of placement of children left without parental care in China. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 117 – 120.

Китай – это древняя цивилизация с многовековой историей и традициями. Более двух тысяч лет назад китайцы начали обращать внимание на устройство детей, оставшихся без попечения родителей. В 475 году до н.э., когда династия Цинь объединила шесть царств, в Китае началось развитие феодальных отношений. В условиях феодального мелкокрестьянского хозяйства китайская семейная структура постепенно трансформировалась в патриархальную семью со своими особенностями. Эта семья стала основной ячейкой производства и жизни людей в древнем Китае. Древний Китай был традиционным аграрным обществом с самодостаточным натуральным хозяйством, что породило уникальную китайскую систему. Патриархальный строй представлял собой особый тип общественных отношений, при котором семья формировалась на основе патрилинейных (идущих от отца) кровнородственных связей, при этом отношения между государ-

ством и семьей были, по сути, аналогичны отношениям между правителем и обществом. Отец был не только главой семьи, но и своего рода нетитулованным чиновником государства, которое управляло каждым членом семьи через правителя, вассала, отца и сына [3].

В патриархальных семьях древнего Китая акцент делался на «коллективном стандарте», когда родители имели огромную власть над детьми, вплоть до убийства, а другие члены семьи не имели личной независимости, и свобода воли каждого была подчинена патриархальным установкам. Когда в семье ребёнок лишался родителей, другие члены семьи брали на себя заботу о нём и становились его опекуном, при этом в древнем Китае существовала строгая система выбора такого опекуна [7].

Эта система была в то время главной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Она имела следующие особенности:

1. Главными опекунами всегда были близкие родственники, их действия дополнялись социальной опекой людей того же клана. В общем, порядок назначения опекунов был следующим: первый – брат отца; второй – старший брат ребенка; третий – двоюродный брат отца; кроме того, мать дяди, бабушка и дедушка по материнской линии, отец дяди и более дальние родственники того же клана также могли выступать в качестве опекунов.

2. В плане содержания опеки:

2.1. с точки зрения личных прав, опекун имел право обучать и воспитывать подопечного, но дисциплинарная власть была менее строгой, чем у родителей;

2.2. с точки зрения имущественных прав, опекун имел право управлять имуществом подопечного.

3. С точки зрения правовой основы она базировалась на конфуцианской идее «ритуала», важнейшего этического и морального кодекса и кодекса поведения в древнекитайском обществе. Именно этот кодекс был основой системы опеки над несовершеннолетними в то время;

4. С точки зрения гендерной перспективы, принцип назначения опекунов-мужчин имел патриархальный и неравноправный характер. Древняя система опеки над несовершеннолетними сочетала в себе мораль и этику и возводила ее в ранг кодекса поведения. Когда в семье появлялся ребенок, оставшийся без попечения родителей, для близких родственников мужского пола опекунство по отношению к ребенку становилось моральным долгом – долгом, от которого нельзя было уклоняться.

5. С точки зрения подхода, основанного на интересах, опека основывалась на интересах семьи или клана, а не на интересах несовершеннолетнего.

В настоящее время, согласно статье 27 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики, родители являются опекунами своих несовершеннолетних детей. Если родители несовершеннолетнего умерли или неспособны к опеке, лица, способные к опеке, выступают в качестве опекунов в следующем порядке:

- бабушка и дедушка;
- старший брат или сестра;
- другие лица или организации, желающие выступить в качестве опекунов.

Назначение опекуном происходит при условии получения согласия городского комитета жителей (на каждой улице есть свой Комитет жителей, который находится в ведении районной администрации), сельского комитета жителей или отдела по гражданским делам по месту жительства несовершеннолетнего. Можно утверждать, что современное китайское законодательство находится под влиянием древней китайской системы опеки. Под влиянием традиционного китайского конфуцианства опека близкими родственниками детей, потерявших родителей, больше похожа на моральный долг, от которого нельзя уклоняться, поэтому Гражданский кодекс Китая устанавливает порядок опекунов, при котором наиболее способными защитить права и интересы детей, помимо родителей, считаются бабушки и дедушки по отцовской линии, бабушки по материнской линии, старшие братья и сестры. Китайская традиция основывается на том, что дети, потерявшие родителей, скорее всего, вырастут здоровыми и счастливыми, если будут находиться под опекой своих семей [6].

Помимо системы опеки над несовершеннолетними, в древнем Китае возникла система усыновления – как практическая необходимость и как отражение правового прогресса.

В древнем Китае существовали два типа усыновления: усыновление близкими родственниками детей, оставшихся без родителей, и усыновление брошенных детей. Как однажды сказал древнекитайский мудрец Мэн Цзы: «Есть три вещи, которые являются несчастными, и отсутствие наследника – самая большая из них.». В подобной ситуации усыновление оказывалось наиболее подходящим решением. В древнем Китае, если не хватало наследников мужского пола, чтобы унаследовать имущество и статус человека, то можно было найти ребенка с такой же фамилией среди родственников по отцовской линии и усыновить его. При этом выбор делался по кровному родству: первым выбирался племянник родного брата, и только если сре-

ди племянников родного брата не было подходящей кандидатуры, то выбирался племянник двоюродного брата или племянники других родственников [1].

Стоит отметить, что одной из важнейших особенностей древней китайской системы усыновления было то, что мальчиков с разными фамилиями не разрешалось усыновлять, при этом слово «фамилия» узко трактовалась как знак того, что усыновитель и усыновляемый имеют общего предка. В эпоху династии Тан закон о браке гласил: «Человек, усыновивший мальчика с другой фамилией, должен быть заключен в тюрьму на один год, а также подвергнут порке (пятьдесят ударов тростью)» [5]. Каралось законом не только усыновление ребенка с другой фамилией, но и передача ребенка в семью с другой фамилией в качестве приемного ребенка. Династии Мин и Цин предусматривали, что если ребенок с другой фамилией был усыновлен в качестве наследника, то и усыновитель, и даритель подлежали наказанию в виде шестидесяти ударов тростью, а ребенок возвращался в клан (т.е. отправлялся обратно в семью дарителя).

Усыновление детей, потерявших родителей, брошенных или оставшихся без присмотра в результате стихийных бедствий, предусматривало меньшее число ограничений.

Согласно закону династии Тан, «если малышу меньше трех лет и он не может выжить самостоятельно, то его могут усыновить, даже если он говорит, что является ребенком другой семьи». В 670 г. н.э., когда на Китай обрушилась внезапная снежная буря и многие младенцы и дети замерзли насмерть, китайский император издал временное правило: если в семье были дети, которых родители не могли прокормить, то этих детей разрешалось усыновлять кому-то, кто мог заботиться о них, даже если усыновитель принадлежал к другой семье (имел другую фамилию) [2]. В этом правиле были смягчены условия для усыновления, чтобы обеспечить лучшее устройство детей, оставшихся без попечения родителей, защитить их права и интересы.

В настоящее время регламентация усыновления является важной частью китайского законодательства. Согласно статье 1102 Гражданского кодекса КНР, если лицо, не имеющее супруга, намеревается усыновить ребенка другого пола, предполагаемый усыновитель должен быть старше усыновляемого не менее чем на сорок лет. Это положение призвано защитить детей от нарушений их прав. Но в то же время Гражданский кодекс КНР (статья 1099) предусматривает, что усыновление ребенка своими родственниками того же поколения и до третьей степени родства может быть освобождено от ограничений, установленных статьей 1102 настоящего Кодекса. На практике, дети передаются на усыновление в Китае в основном между родственниками. Все это свидетельствует о влиянии древней традиционной системы усыновления близкими родственниками на современный Китай.

Помимо системы опеки над несовершеннолетними, которая была ограничена рамками семьи, и системы усыновления сирот, в древнем Китае существовали институциональные учреждения, похожие на современные детские дома.

Во время династии Цин, население росло так быстро, что средняя площадь пахотных земель уменьшалась, и часто случалось так, что урожайность земли была такой же, как прежде, но детей у людей становилось все больше и больше, и доходов не хватало для того, чтобы прокормить семью. Рождение ребёнка, несомненно, увеличивало нагрузку на всю семью, поэтому бедные семьи предпочитали отказаться от ребенка или от его воспитания. Древнекитайское общество было патриархальным, мужчины отвечали за преемственность семьи и в целом доминировали в семейных отношениях. Что касается наследования имущества, то право наследования также принадлежало мужчине, в то время как женщина после замужества становилась членом семьи мужа и отрывалась от семьи отца. В древнем Китае частой была практика отказа от детей, особенно девочек. Исходя из этого, законы Китая защищали детей, оставшихся без попечения родителей, создавая по всей стране специальные учреждения для помощи младенцам и маленьким детям, такие как ясли и общества защиты младенцев, что, несомненно, обеспечивало выживание детей [4].

Подводя итоги статьи, можно сделать следующие выводы. Система опеки, сложившаяся в древнем Китае, оказала важное влияние на современное законодательство об опеке над несовершеннолетними в КНР, особенно на порядок назначения опекунов, поскольку китайцы считают, что передача детей под опеку близких родственников является лучшей защитой для ребенка, потерявшего родителей. Система усыновления близкими родственниками, которая ограничивала усыновление рамками семьи, также оказала глубокое влияние на современное китайское законодательство об усыновлении, например, на Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, который смягчает условия усыновления, если ребенок усыновляется в пределах трёх поколений кровных родственников. Кроме того, в древнем Китае существовало множество учреждений для устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Всё это отражает заботу китайского народа о детях, оставшихся без попечения родителей.

Литература

1. Ву Шучен. Традиционная китайская правовая культура. Пекин: Издательство Пекинского университета, 1994. 60 с.
2. Лю Сюй. Старая книга Тан, под пятой хроникой императора Гаоцзуна (Книга I). Пекин: Китайское книжное бюро, 1975
3. У Шу Чэнь. Всеобщая история Китая, 2012. 406 с.
4. Цзян Синьмяо. Сравнительное исследование закона об усыновлении, 2005. 106 с.
5. Чансун Вуцзи. Танский закон Шу Шу. Пекин: Китайское книжное бюро, 1983. 206 с.
6. Чэн Ли. Историческая трансформация и ценностная ориентация системы опеки над семьей ребенка // Теория и реформа. 2016. № 2. С. 159.
7. Чэнь Хуэйсинь. Исследование проблем закона о родстве. Тайбэй: издательство Юэтан, 1993. 516 с.

References

1. Vu Shuchen. Tradicionnaja kitajskaja pravovaja kul'tura. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 1994. 60 s.
2. Lju Sjuj. Staraja kniga Tan, pod pjatoj hronikoj imperatora Gaoczuna (Kniga I). Pekin: Kitajskoe knizhnoe bjuro, 1975
3. U Shu Chjen'. Vseobshhaja istorija Kitaja, 2012. 406 s.
4. Czjan Sin'mjao. Sravnitel'noe issledovanie zakona ob usynovlenii, 2005. 106 s.
5. Chansun Vuczi. Tanskij zakon Shu Shu. Pekin: Kitajskoe knizhnoe bjuro, 1983. 206 s.
6. Chjen Li. Istoricheskaja transformacija i cennostnaja orientacija sistemy opeki nad sem'ej rebenka. Teorija i reforma. 2016. № 2. S. 159.
7. Chjen' Hujejsin'. Issledovanie problem zakona o rodstve. Tajbjej: izdatel'stvo Jujetan, 1993. 516 s.

**Принципы правотворчества и их правовое закрепление
в законодательстве субъектов Российской Федерации**

**Магомедова Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Воробьева М.О.,
Муравель М.А.,**

**Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Зайцева М.А.,**

Калужский институт, филиал Московского гуманитарно-экономического университета

***Аннотация:** в статье проводится исследование по вопросу необходимости и целесообразности закрепления принципов правотворчества в действующем законодательстве. В начале статьи анализируются существующие в отечественной доктрине права подходы к принципам правотворчества. В условиях отсутствия в системе российского законодательства федерального закона о нормативных правовых актах авторы обратились к законам субъектов федерации. Авторами проводится анализ тридцати региональных законов о законах, в результате чего формируется позиция о целесообразности объединения данных законов в три группы в зависимости от качества правовой регламентации принципов правотворчества. Первая группа включает законы, в которых получили правовое закрепление анализируемые принципы. Вторая группа включает законы, в которых отсутствует нормативное закрепление принципов правотворчества. В третью группу вошли законы, в которых региональный законодатель использует различные подходы к закреплению идейных начал правотворчества в этих нормативных правовых актах. В итоге делается вывод о необходимости не только отражения в законах самих принципов правотворчества, но и их содержательного наполнения. Авторы также констатируют необходимость принятия федерального закона «О нормативных правовых актах», в котором обязательно должны получить закрепление принципы правотворчества.*

***Ключевые слова:** правотворчество, принципы, федеральный закон, система законодательства, юридическая наука, законность, гласность, плановость*

Для цитирования: Магомедова Е.А., Воробьева М.О., Муравель М.А., Зайцева М.А. Принципы правотворчества и их правовое закрепление в законодательстве субъектов Российской Федерации // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 121 – 125.

**The principles of law-making and their legal consolidation
in the legislation of the subjects of the Russian federation**

**Magomedova E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vorobyova M.O.,
Muravel M.A.,**

**Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky,
Zaitseva M.A.,**

Kaluga Institute (branch) of Moscow University of Humanities and Economics

***Abstract:** the article conducts a study on the necessity and expediency of fixing the principles of law-making in the current legislation. At the beginning of the article, the approaches to the principles of law-making existing in the domestic doctrine of law are analyzed. In the absence of a federal law on regulatory legal acts in the system of Russian legislation, the authors turned to the laws of the constituent entities of the federation. The authors analyze thirty regional laws on laws, as a result of which a position is formed on the expediency of combining these laws into three groups, depending on the quality of legal regulation of the principles of law-making. The first group includes laws in which the analyzed principles have been legally consolidated. The second group includes laws in which there is no normative consolidation of the principles of law-making. The third group includes laws in which the regional legislator uses various approaches to consolidate the ideological principles of law-making in these normative legal acts. As a result, it is concluded that it is necessary not only to reflect the principles of law-making in the laws themselves, but also to fill them with content. The authors also state the need for the adoption of the federal law "On Normative Legal Acts", in which the principles of law-making must be consolidated.*

***Keywords:** lawmaking, principles, federal law, system of legislation, legal science, legality, publicity, planning*

For citation: Magomedova E.A., Vorobyova M.O., Muravel M.A., Zaitseva M.A. The principles of law-making and their legal consolidation in the legislation of the subjects of the Russian federation. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 121 – 125.

Развитие как отечественной, так и зарубежной юридической науки обусловлено множеством факторов. Вместе с тем, следует отметить, что с учётом того, что юридическое научное знание является верным отражением правовой действительности, оно призвано быть локомотивом позитивного и конструктивного развития этой действительности. Однако, на наш взгляд, целесообразно обозначить, что развитие юридической науки и правовой действительности находятся в глубокой взаимосвязи и подвержены фундаментальному взаимовлиянию. В этом плане представляется важным констатировать, что своевременный и содержательный отклик доктрины права на социальные запросы позволяет сформировать позитивные тенденции развития правовой сферы. В связи с чем следует отметить, что реформирование различных сфер жизнедеятельности российского общества в последние 30 лет предопределило высокую интенсивность правотворческой деятельности. Данные обстоятельства повлекли за собой формирование устойчивого научного интереса к проблемам правотворчества, результатом чего стало оформление в отечественной доктрине права самостоятельной составляющей – теории правотворчества.

Обращаясь к содержательному наполнению данной теории, можно отметить, что в её структуре разработаны такие компоненты, как понятие и признаки правотворчества, принципы правотворчества, виды правотворчества, стадии правотворческого процесса, вопросы проектирования, прогнозирования, планирования в правотворчестве, требования, предъявляемые к нормативным правовым актам, и другие. Однако, следует обозначить, что многие системные доктринальные разработки в сфере правотворчества так и не нашли должного правового закрепления в отечественном законодательстве. Необходимо отметить, что принятие Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» остается мечтой отечественных правоведов на протяжении последних 30-ти лет. По нашему мнению, принятие данного закона во многом способствовало бы повышению качества принимаемых нормативных правовых актов. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что практически во всех субъектах Российской Федерации так называемые «законы а законах» уже приняты. В связи с этим, а также принимая во внимание заявленную тему научной статьи, считаем возможным обратиться к вопросу правового закрепления принципов правотворчества в законодательстве субъектов Российской Федерации.

Принципы правотворчества получили довольно обстоятельную разработку в рамках теории права в целом и теории правотворчества в частности. Так, под принципами права в отечественной доктрине права понимаются основные идейные начала, отражающие сущность и содержание права. Кроме того, предложены различные подходы к классификации принципов права. Однако, если подняться на достаточно высокую степень обобщения, то можно констатировать, что практически все учёные-теоретики считают возможным дифференцировать принципы права на общеправовые, межотраслевые и отраслевые.

Следует согласиться с М.Б. Румянцевым, который определяет, что «целью общей теории правотворчества является выработка научно обоснованных правил подготовки и принятия нормативно-правовых актов, отраслей, институтов и норм права на основе исторической преемственности и традиций российского законодательства» [9, с. 45].

По нашему мнению, при таком подходе к теории правотворчества целесообразно считать одной из важных её составляющих систему научных положений, фундаментально характеризующих принципы правотворчества. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что состав принципов правотворчества в работах различных авторов в определённой степени различается, но в целом может быть сведён к следующим: принцип демократизма, законности, профессионализма, системности, гласности, планирования, научности, исполнимости, оперативности. Ряд ученых обосновывают выделение принципов регионального правотворчества и относят к ним системность; взаимосогласованность и взаимодополняемость федерального и регионального правотворчества в сфере совместной компетенции; дифференциацию правотворческих полномочий и иерархичность нормативных правовых актов компетентных правотворческих органов субъекта Федерации; учет социальной, исторической и иной специфики субъекта Федерации; взаимосвязь теории с практикой [8, с. 11].

Кроме того, как считают Н.Н. Черногор и М.В. Залоило, «нормативные правовые акты должны быть подготовлены с учетом принципов нормативности, полноты, конкретности, системности, точности, ясности, простоты, краткости, обоснованности, эффективности» [10, с. 41].

На наш взгляд, даже при системной, обстоятельной, фундаментальной разработке принципов правотворчества все глубокие научные изыскания так и останутся теоретическими положениями, эффективность реализации которых будет стремиться к нулю, пока они не получат должного правового закрепления. Как было упомянуто ранее, к сожалению, в структуре федерального законодательства по сей день отсутствует «закон о законах», в котором могли бы найти свое достойное место принципы правотворчества, причем не только в их внешнем выражении, но и в содержательном наполнении. Поэтому считаем целесообразным исследовать вопрос правового закрепления принципов правотворчества в законодательстве субъектов Рос-

сийской Федерации. Поскольку рамки научной статьи не позволяют провести анализ законов о правовых актах, о нормативных правовых актах, о правотворчестве всех субъектов Российской Федерации, был проведен выборочный анализ, который в принципе позволил сформировать целостную картину по данному вопросу. Исследование правовой материи доступных авторам тридцати региональных «законов о законах» позволяет выявить три подхода законодателя субъектов федерации к исследуемой теме.

В семи законах таких субъектов, таких, как Забайкальский край, Калужская область, Новосибирская область, Республика Северная Осетия – Алания, Самарская область, Челябинская область вообще отсутствует упоминание о принципах правотворчества. Представляется необходимым акцентировать внимание на том, что даже в Кодексе о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа нет закрепления принципов правотворчества. При том, что данный нормативной правовой акт, на наш взгляд, содержит правовую материю достаточно высокого качества, отдельные его главы посвящены вопросам планирования законотворческой деятельности и мониторингу законодательства Автономного округа, законотворческой деятельности, юридико-техническому оформлению проектов нормативных правовых актов. Заслуживают внимания приложения к Кодексу, в которых закреплены особенности языка нормативных правовых актов, требования к структуре законопроекта, требования к структуре иных нормативных правовых актов. Вместе с тем, как уже отмечалось, закрепление принципов правотворческой деятельности в данном законе отсутствует [1].

Вторая группа, которую можно сформировать из анализируемых законов, характеризуется тем, что в них в отдельных статьях закреплены принципы правотворчества. К таким законам можно отнести законы следующих субъектов Российской Федерации: Астраханская область, Липецкая область, город Москва, Орловская область, Кировская область, Республика Алтай, Республика Марий-Эл и других. Анализ данных законов позволяет делать вывод, что в разных регионах законодатель закреплял различный спектр принципов. Так, например, в законах Астраханской и Липецкой областей палитра принципов практически идентична и включает принципы разделения властей, законности, гласности, системности и планирования [2, 5].

Законодатели города Москвы и Орловской области отчасти использовали тождественный подход и включили в число принципов правотворчества соответствие правовых актов общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации, федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации; соответствие содержания и видов правовых актов компетенции принявших (издавших) их органов государственной власти (должностных лиц); верховенство правовых актов большей юридической силы; планомерность и своевременность принятия (издания) правовых актов; обязательность создания механизмов реализации правовых актов; открытость и доступность информации о правовых актах [3].

На наш взгляд, наиболее интересными в исследовательском плане являются законы субъектов Российской Федерации о правотворчестве, в которых региональный законодатель использовал подход, суть которого заключается в том, что напрямую не выделяются принципы правотворчества, но в отдельных статьях содержатся те или иные идейные начала осуществления регионального правотворчества. Так, например, в законах Ненецкого автономного округа, Краснодарского края, Брянской области, Волгоградской области, Тверской области самостоятельные статьи посвящены вопросам планирования правотворчества. В этих статьях закреплены основы планирования регионального правотворчества: виды планов, цели планирования, значение и порядок планирования и т.п. Представляется, что целесообразнее было бы закрепить планомерность в качестве самостоятельного принципа правотворческой деятельности и предложить содержательное наполнение данного принципа в трактовке самостоятельной статьи либо её части. Довольно оригинальный, но, на наш взгляд, не совсем конструктивный алгоритм изложения правового материала в части плановых основ регионального правотворчества использовали законодатели республик Башкортостан и Дагестан. Практически в середине базовых законов о законах названных субъектов имеются в наличии самостоятельные статьи, которые содержат следующие нормативные предписания: «Подготовка проектов законов и иных нормативных правовых актов республики осуществляется на основе программ и планов в целях: создания научно обоснованной системы нормативных правовых актов; обеспечения гласности в нормотворческой деятельности; обеспечения комплексного и последовательного решения нормотворческих задач; совершенствования организации законопроектных работ, усиления контроля за сроками подготовки проектов нормативных правовых актов» [6, 7]. Представляется, что при таком варианте правового закрепления плановой основы регионального правотворчества в определенной степени произошло смешение различных базовых начал правотворческой деятельности (научности, планомерности, гласности, комплексности и других). Используемый подход нельзя признать конструктивным как по структурному размещению нормативного материала, так и по его содержательному наполнению.

Законодатели Краснодарского края и Томской области самостоятельную статью региональных законов посвятили вопросу эффективности нормотворческой деятельности. Причем представляет интерес смысл данной правовой конструкции: «Эффективность правотворчества края обеспечивается качеством, законностью, научной обоснованностью, системностью и своевременностью принятия (изменения либо отмены) нормативных правовых актов края» [4]. Анализ данной статьи позволяет сделать вывод, что региональный законодатель раскрыл понятие эффективности правотворчества, опираясь на базовые идейные начала данной разновидности юридической деятельности: законность, научная обоснованность, системность и т.п. Представляется, что при таком прочтении целесообразнее было бы для повышения качества правотворческой деятельности в регионе закрепить данные начала в виде принципов, раскрыв содержание каждого и тем самым создав прочную идейно-методологическую основу для регионального правотворчества.

Таким образом, анализ доступных авторам региональных законов, предметом регулирования которых является правотворческая деятельность, позволяет сделать вывод, что лишь каждый третий закон субъекта Российской Федерации посвящает принципам правотворчества самостоятельную статью. Причем далеко не во всех этих статьях раскрывается содержательное наполнение данных принципов. К сожалению, как правило, дается только звучание принципа без его дальнейшей расшифровки. С учетом важности и значимости принципов правотворчества для повышения качества принимаемых нормативных правовых актов представляется целесообразным обязательное закрепление этих принципов в базовых законах о законах с последующим уточнением содержательного наполнения каждого из принципов. Именно данный подход, по нашему мнению, позволит вывести на качественно более высокий научно-методический уровень процесс разработки и принятия региональных нормативных правовых актов.

Литература

1. Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа от 24.02.2009 № 25-ОЗ (принят Думой Чукотского автономного округа 20.02.2009) (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Сводное региональное законодательство (дата обращения: 23.03.2023)
2. Закон Астраханской области от 10.04.2012 № 18/2012-ОЗ «О нормотворческой деятельности, нормативных правовых актах и иных правовых актах органов государственной власти Астраханской области» (принят Думой Астраханской области 29.03.2012) (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Сводное региональное законодательство (дата обращения: 23.03.2023)
3. Закон г. Москвы от 08.07.2009 № 25 «О правовых актах города Москвы» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Сводное региональное законодательство (дата обращения: 23.03.2023)
4. Закон Краснодарского края от 06.06.1995 № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» (принят ЗС КК 26.05.1995) (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Сводное региональное законодательство (дата обращения: 23.03.2023)
5. Закон Липецкой области от 22.12.2020 № 485-ОЗ «О нормативных правовых актах Липецкой области» (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Сводное региональное законодательство (дата обращения: 23.03.2023)
6. Закон Республики Башкортостан от 12.08.1996 № 42-з «О нормативных правовых актах Республики Башкортостан» (принят Законодательной Палатой Государственного Собрания РБ 11.07.1996) (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Сводное региональное законодательство (дата обращения: 23.03.2023)
7. Закон Республики Дагестан от 16.04.1997 № 8 «О нормативных правовых актах Республики Дагестан» (принят Народным Собранием РД 31.03.1997) (действующая редакция) // СПС «Консультант Плюс». Сводное региональное законодательство (дата обращения: 23.03.2023)
8. Каменская Е.В. Региональное правотворчество в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 10 – 14.
9. Румянцев М.Б. Правотворчество как юридическая наука // Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 39 – 45.
10. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2018. 289 с.

References

1. Kodeks o normativnyh pravovyh aktah Chukotskogo avtonomnogo okruga ot 24.02.2009 № 25-OZ (prinjat Dumoj Chukotskogo avtonomnogo okruga 20.02.2009) (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus». Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo (data obrashhenija: 23.03.2023)
2. Zakon Astrahanskoj oblasti ot 10.04.2012 № 18/2012-OZ «O normotvorcheskoj dejatel'nosti, normativnyh pravovyh aktah i inyh pravovyh aktah organov gosudarstvennoj vlasti Astrahanskoj oblasti» (prinjat Dumoj Astrahanskoj oblasti 29.03.2012) (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus». Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo (data obrashhenija: 23.03.2023)
3. Zakon g. Moskvy ot 08.07.2009 № 25 «O pravovyh aktah goroda Moskvy» (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus». Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo (data obrashhenija: 23.03.2023)
4. Zakon Krasnodarskogo kraja ot 06.06.1995 № 7-KZ «O pravotvorchestve i normativnyh pravovyh aktah Krasnodarskogo kraja» (prinjat ZS KK 26.05.1995) (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus». Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo (data obrashhenija: 23.03.2023)
5. Zakon Lipeckoj oblasti ot 22.12.2020 № 485-OZ «O normativnyh pravovyh aktah Lipeckoj oblasti» (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus». Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo (data obrashhenija: 23.03.2023)
6. Zakon Respubliki Bashkortostan ot 12.08.1996 № 42-z «O normativnyh pravovyh aktah Respubliki Bashkortostan» (prinjat Zakonodatel'noj Palatoj Gosudarstvennogo Sobranija RB 11.07.1996) (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus». Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo (data obrashhenija: 23.03.202)
7. Zakon Respubliki Dagestan ot 16.04.1997 № 8 «O normativnyh pravovyh aktah Respubliki Dagestan» (prinjat Narodnym Sobranijem RD 31.03.1997) (dejstvujushhaja redakcija). SPS «Konsul'tant Pljus». Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo (data obrashhenija: 23.03.2023)
8. Kamenskaja E.V. Regional'noe pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2005. S. 10 – 14.
9. Rumjancev M.B. Pravotvorchestvo kak juridicheskaja nauka. Zakonodatel'stvo i jekonomika. 2015. № 5. S. 39 – 45.
10. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Aktual'nye problemy pravotvorchestva: uchebnoe posobie. M.: «Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: OOO «Juridicheskaja firma Kontrakt», 2018. 289 s.

**Налоговые преступления и налоговые правонарушения:
вопросы разграничения, проблемы выявления**

**Пономарев О.В., старший преподаватель,
Моженко Н.С.,
Прохорова Н.А.,
Шичко А.Р.,
Дальневосточный федеральный университет**

***Аннотация:** работа посвящена теме: «налоговые преступления и налоговые правонарушения: вопросы разграничения, проблемы выявления». В данной статье произведено научно-правовое исследование налоговых правонарушений и налоговых преступлений, а именно их разграничение по определённым критериям. Демонстрируются труды авторов разного времени, которые посвящены раскрытию данной проблемы. Выделены основные подходы к пониманию касающихся данной темы дефиниций, выводятся некоторые проблемы.*

Актуальность статьи состоит в том, что до сих пор нет единого мнения касательно данной темы, из-за чего возникают проблемы права. Поэтому здесь изложены наши взгляды касательно сложившейся ситуации.

Методологическую базу составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Также используются общенаучные методы: анализ, синтез и системный подход.

Предметом исследования являются институты налогового правонарушения и налогового преступления.

Была достигнута цель – формулирование собственного мнения по данной теме.

***Ключевые слова:** налоговое правонарушение, налоговое преступление, налоговое право, уголовное право, уголовный закон, правонарушение, разграничение*

Для цитирования: Пономарев О.В., Моженко Н.С., Прохорова Н.А., Шичко А.Р. Налоговые преступления и налоговые правонарушения: вопросы разграничения, проблемы выявления // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 126 – 130.

Tax crimes and tax offences: issues of differentiation, problems of detection

**Ponomarev O.V., Senior Lecturer,
Mozhenko N.S.,
Prokhorova N.A.,
Shichko A.R.,
Far Eastern Federal University**

***Abstract:** the work is devoted to the theme: "Tax crimes and tax offenses: differentiation problems, problems of identification". The article is devoted to scientific and legal research of tax offences and tax crimes, namely their differentiation according to certain criteria. The works of authors of different time, which are devoted to the disclosure of this problem, are demonstrated. The basic approaches to the understanding of definitions related to this topic are highlighted, some problems are derived.*

The relevance of the article lies in the fact that so far there is no consensus on this topic, which raises problems of law. Therefore, our views on the current situation are presented here.

The methodological basis consisted of comparative-legal and formal-legal methods. Also general scientific methods are used: analysis, synthesis and systematic approach.

The subject of the research is the institutes of tax offense and tax crime.

The goal was achieved – to formulate own opinion on the topic.

***Keywords:** tax offense, tax crime, tax law, criminal law, criminal law, offense, distinction*

For citation: Ponomarev O.V., Mozhenko N.S., Prokhorova N.A., Shichko A.R. Tax crimes and tax offences: issues of differentiation, problems of detection. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 126 – 130.

В сфере налогообложения может складываться правомерное и противоправное поведение субъектов налогового права.

Правомерное поведение – это деятельность субъектов налоговых правоотношений, которая соответствует нормам налогового законодательства. Соответственно, противоправное поведение – это деятельность субъектов налоговых правоотношений, которая не соответствует нормам налогового законодательства (их нарушает).

Выделяется несколько типов правомерного поведения [6]:

- 1) общественно необходимый (своевременная уплата налогов);
- 2) желательный (досрочная уплата налога);
- 3) допустимый (отсрочка налоговых платежей).

Каждый тип нашёл своё выражение в повседневной жизни субъектов налогового права.

Начиная разбор обозначенной нами темы, нужно для начала разобраться в понятийном аппарате. Поможет нам это сделать основной источник налогового права – Налоговый кодекс Российской Федерации. В ст. 106 НК РФ содержится определение понятия налогового правонарушения. Из вышеназванной статьи следует, что налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность [1]. Разберем это определение по частям. Мы видим, что это виновно совершенное деяние, вина может быть в форме умысла или неосторожности, деяние считается совершенным противоправно, так как происходит нарушение законодательства о налогах и сборах. Также стоит отметить, что налоговым правонарушением признается не только действие, но и бездействие. Приведем примеры для легкого восприятия. Противоправным действием будет считаться нарушение порядка постановки на учет в налоговом органе (ст. 116 НК РФ). Непредставление налоговой декларации (расчета финансового результата инвестиционного товарищества) (ст. 119 НК РФ) как и неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора) (ст. 122 НК РФ) будут считаться противоправным бездействием, то есть отсутствует конкретно определенное действие, которое должно выполняться.

В название темы включено еще одно понятие, а именно налоговые преступления. Вообще существует ли разница между налоговым правонарушением и налоговым преступлением? Ответ очевиден, что да. Мы бы не стали просто так указывать в одном предложении несколько одинаковых конструкций. Чтобы понять, в чем различие между этими словосочетаниями, нужно обратиться к теоретическому материалу. Кратко это различие можно охарактеризовать следующим образом: различная степень общественной опасности. Правонарушение несет минимальную общественную опасность, а преступление – максимальную. Совершенное правонарушение не имеет последствий в виде наличия судимости. За преступление, наоборот, предусмотрено лишение свободы.

Толковый словарь Ожегова толкует нам правонарушение как нарушение права, проступок, преступление. Юридический словарь объясняет нам это словосочетание более развернуто. Правонарушение – родовое понятие, означающее любое деяние, которое нарушает какие-либо нормы права. Уже можно сделать вывод из данных выше определений, что правонарушение подразумевает любое отклонение в отрицательном смысле от нормы, а также преступление является одним из видов правонарушения, то есть преступление и правонарушение соотносятся как часть и целое. Чтобы дать определение понятию преступление, нужно обратиться к Уголовному кодексу Российской Федерации. В силу ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания [2]. Из данного определения можно сделать вывод о том, что деяние, имеющее признаки состава преступления, может регулироваться и разрешаться только в соответствии с уголовным законодательством, в то время как в определении понятия правонарушения не указывается источник регулирования. Делаем вывод о том, что правонарушения могут регулироваться различными НПА, например, КоАП, НК РФ. Существует еще немало различий между этими понятиями, но все равно преступление и правонарушение часто используются как взаимозаменяемые слова.

Необходимо отметить, что впервые закрепление легальных характерных черт налогового правонарушения было осуществлено Конституционным судом РФ, а не законодателем в первой части Налогового кодекса. КС РФ выделял следующие признаки: 1) карательный характер; 2) противоправность; 3) виновность; 4) деяние, предусмотренное законом [4]. Исходя из этого, законодатель расширил толкование налогового правонарушения, включив важные признаки.

Уголовная ответственность за налоговые преступления предусмотрена главой 22 УК РФ, например ст. 198, ст. 199. Глава именуется как «Преступления в сфере экономической деятельности». Вышеупомянутая глава УК РФ раскрывает налоговое преступление как виновно противоправное общественно опасное дея-

ние, совершенное в налоговой сфере, преступный характер которого признан уголовным законодательством РФ. Анализируя определение налогового преступления, можно прийти к выводу о том, что налоговое преступление содержит в себе те же самые элементы, что и налоговое правонарушение. О разнице между налоговым правонарушением и налоговым преступлением мы говорили выше. Но существование преступления без налогового правонарушения невозможно. Налоговое правонарушение становится налоговым преступлением при наличии повышенной концентрации общественной опасности.

Фактором, влияющим на затруднение доказуемости налоговых преступлений, является то, что факт совершения налогового преступления неочевиден и сопровождается различными способами сокрытия следов преступления. Именно это отличает налоговые преступления от иных преступлений, предусмотренных УК РФ (кража, грабеж, разбой), где факт совершения преступления очевиден. Следует отметить, что налоговые преступления, совершаемые наиболее изощренными способами, труднодоказуемы, осуществляются людьми подготовленными, высокопрофессиональными, разбирающимися в бухгалтерском учете, экономике, технических процессах, в вопросах права, имеющими организационно-руководящий опыт [12].

Проблемой выявления налоговых правонарушений (в том числе налоговых преступлений) является их активное развитие, видоизменение и усложнение действующих способов их совершения, появление новых схем уклонения от уплаты налогов и сборов. Вследствие этого у налоговых органов возникает необходимость предпринимать контрольные действия (мероприятия) для выявления и предотвращения налоговых преступлений.

Именно в процессе осуществления мероприятий по налоговому контролю выявляются признаки различных преступлений в налоговой сфере.

Среди проблем, порождающих сложности выявления, изучения и анализа налоговых деяний, Кужугет Т. К. называет ограниченный объем следов налогового преступления. «Характерным является то, что механизм преступного поведения предопределяет возникновение следов, в основном, в виде интеллектуального подлога. Специфика выявления налоговых преступлений состоит в том, что оно объективно возможно только путем исследования и анализа представленных налогоплательщиком документов. Сложность выявления признаков состава преступного деяния заключается в необходимости исследования действий гражданско-правовой сделки, которые порождают налоговые обязанности, и найти нарушенные нормы в структуре процесса налогообложения неуплаченного или заниженного налога» [12].

Теперь поговорим о вопросах разграничения. Одним из критериев эффективности налоговой системы государства является четкое законодательное разграничение противоправных деяний. В законодательстве Российской Федерации сложности присутствуют в разграничении налогового правонарушения и налогового преступления.

Первым разграничением необходимо отметить субъектов налогового правонарушения и налогового преступления. В соответствии с положениями ст. 19, ст. 20, ст. 21 УК РФ субъектом преступления может являться вменяемое, физическое лицо, достигшее 16-ти лет на момент совершения преступных действий. Именно физическое лицо. Это также распространяется на налоговые преступления, которые предусматриваются особенной частью УК РФ. К тому же Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 №48 это прямо закрепляет. Что касается налоговых правонарушений, то ст. 107, 108 НК РФ определяют субъектов, которые совершают налоговые правонарушения. Ими являются как физические, так и юридические лица. Соответственно, разграничение происходит по субъектному составу того или иного деяния.

Возникает вопрос по поводу общественной опасности. Одни учёные относят общественную опасность к налоговым правонарушениям [7], а другие к налоговым преступлениям [8].

По нашему мнению, общественная опасность присуща абсолютно любому деянию, которое является противоправным. Разница состоит лишь в том, что налоговые преступления обладают наибольшей концентрацией общественной опасности. Ведь особенная часть УК РФ предусматривает ответственность только за правонарушения в крупном размере.

Примером может служить такая ситуация. В случае неисполнения обязанности налоговым агентом не в крупном размере, будет происходить квалификация по ст. 123 НК РФ, а если будет присутствовать крупный размер, то уже квалификация будет по ст. 199.1 УК РФ. Неуплата налога отражается не только на его субъекте, но и обществе, государстве, отдельных категориях граждан. Чем больше будет размер неуплаты, тем меньше государство сможет гарантировать защиту прав и свобод граждан от различных жизненных ситуаций. Ведь каждый неуплаченный налог – это недостаток средств для удовлетворения потребностей общества, государства, определённых категорий граждан. Функция налогообложения обеспечивает реализацию иных функций государства (оборона, социальная поддержка, образование и т.д.). В случае неуплаты налога в крупном размере общественная опасность является значительной, ведь такая сумма (15 000 000 р.) может повлиять на конкретные жизненные обстоятельства, например, спасти человека от болезни. Грубо

говоря, в случае неуплаты суммы налога, налогоплательщик может лишить жизни другого человека, ограничив его право на бесплатную медицинскую помощь [3]. Что касается неуплаты менее крупного размера, то любая денежная единица имеет ценность, хоть это один рубль, которого не будет хватать на покрытие определённых расходных обязательств, что предполагает наличие, хоть минимальной, но общественной опасности, а совокупность невыполненных налоговых обязательств, не подходящих под крупный размер, будет образовывать ещё большие последствия, тем самым превышая степень общественной опасности, установленной УК РФ.

Исходя из этого, необходимо понимать, что реализация функций государства прямо зависит от наполняемости бюджета. Поэтому вне зависимости от суммы неуплаченного налога общественная опасность будет присутствовать, только в разной концентрации.

Следующим вопросом разграничения налогового правонарушения и налогового преступления является – вина. Вина – это психическое отношение субъекта правонарушения к своему деянию. Традиционно выделяется две формы вины: 1) умысел; 2) неосторожность. Умысел подразделяется на прямой и косвенный, а неосторожность подразделяется на легкомыслие и небрежность.

Налоговые правонарушения, согласно ст. 110 НК РФ, совершаются умышленно или по неосторожности. То есть наличие любой из двух форм вины образует состав налогового правонарушения. Если проанализировать составы УК РФ, относящиеся к налоговым правоотношениям, то из легального закрепления становится понятно, что о форме вины, как неосторожность, не может идти и речи. Все статьи особенной части УК РФ в сфере налогов имеют форму вины умысла, а именно прямого умысла. К тому же закрепляется на подзаконном уровне наличие прямого умысла у субъектов налоговых преступлений [5].

Исходя из этого, отличием налогового преступления от налогового правонарушения является то, что составы УК РФ закрепляют сознательное (умышленное) предоставление налоговым органам недостоверной информации относительно величины налоговых обязательств или о сокрытии имущества от принудительного взыскания недоимки. Выявление субъективной стороны налоговых преступлений является задачей следователей. В ходе предварительного следствия такой категории дел возникают определённые трудности, важнейшей из которых является установление наличия именно прямого умысла. С течением времени выработалась определённая методика, которая помогает определить вину субъекта налогового преступления [11]. В результате суды устанавливают вину. Исходя из судебной практики, выявление прямого умысла строится при отсутствии фактов случайности в обстоятельствах уголовного дела.

В связи с этим необходимо отметить размышления Генеральной прокуратуры, ФНС, МВД и СК РФ о введении нового состава в УК РФ, а именно «налоговое мошенничество» [10]. Ведь действительно, на практике правоохранительных органов возникают сложности в квалификации деяний, а при наличии такой статьи будет происходить упрощение в подборе состава тому или иному деянию, а также более детальное разграничение компетенций налоговых и правоохранительных органов. В соответствии с этим, необходимо пересмотреть составы налоговых преступлений для их корректировки и детального закрепления.

Актуальными проблемами выявления налоговых преступлений являются: 1) отсутствие чёткой типовой личностной выраженности субъекта налогового преступления; 2) ограниченность криминалистически значимой информации; 3) неэффективное использование специальных знаний; 4) ограниченный объём следов преступления; 5) проблема сохранения документов, уличающих преступников; 6) недостаточное обоснование состава преступления.

Одной из главных проблем выявления налоговых правонарушений (в том числе налоговых преступлений) является их активное развитие, видоизменение и усложнение действующих способов их совершения, появление новых схем уклонения от уплаты налогов и сборов.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что термины «налоговое правонарушение» и «налоговое преступление» являются абсолютно разными категориями. Налоговое правонарушение и налоговое преступление разграничиваются по субъектам деяния, субъективной стороне (формы вины), а также концентрации общественной опасности.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. ст. 3824; 02.01.2023. № 1 (часть I). Ст. 12.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954; 2023, № 1 (часть I). ст. 33.

3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. ст. 6724; 02.01.2023; № 1 (часть I). Ст. 16.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Собрание законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. ст. 197.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. № 276. 06.12.2019.
6. Козырин А.Н. Введение в российское налоговое право: учебное пособие. Москва: Институт публично-правовых исследований. 2014. 304 с.
7. Хачатуров Р.Л., Ягутян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти: Академия бизнеса и банковского дела. 1995. 220 с.
8. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. К вопросу о субъективной стороне налоговых правонарушений // Налоги и налогообложение. 2017. С. 1 – 20.
9. Ширкин А.А., Назарова А. Б. Налоговые правонарушения. Основные признаки // Закон и право. 2020. № 2. С. 59 – 60.
10. Кошкина А.В. В УК может появиться новая статья «Налоговое мошенничество» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/27/835448-uk-poyavitsya>
11. Карнович С.А., Киселёв Е.А., Казачек Е.Ю. Особенности установления формы вины при расследовании налоговых преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4 (83). С. 312 – 317.
12. Кужугет Т.К. Актуальные проблемы выявления налоговых преступлений и возможные пути их разрешения // Вестник. 2016. № 1. С. 87 – 93.

References

1. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 28.12.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023). Sobranie zakonodatel'stva RF. № 31. 03.08.1998. st. 3824; 02.01.2023. № 1 (chast' I). St. 12.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2022). Sobranie zakonodatel'stva RF. 17.06.1996. № 25. st. 2954; 2023, № 1 (chast' I). st. 33.
3. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (red. ot 28.12.2022) «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2023). Sobranie zakonodatel'stva RF. 28.11.2011. № 48. st. 6724; 02.01.2023; № 1 (chast' I). St. 16.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17.12.1996 № 20-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punktov 2 i 3 chasti pervoj stat'i 11 Zakona Rossijskoj Federacii ot 24 ijunja 1993 goda «O federal'nyh organah nalogovoj policii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 06.01.1997. № 1. st. 197.
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 26.11.2019 № 48 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nalogovye prestuplenija». Rossijskaja gazeta. № 276. 06.12.2019.
6. Kozyrin A.N. Vvedenie v rossijskoe nalogovoe pravo: uchebnoe posobie. Moskva: Institut pub-lichno-pravovyh issledovanij. 2014. 304 s.
7. Hachaturov R.L., Jagutjan R.G. Juridicheskaja otvetstvennost'. Tol'jatti: Akademija biznesa i bankovskogo dela. 1995. 220 s.
8. Lipinskij D.A., Musatkina A.A. K voprosu o sub#ektivnoj storone nalogovyh pravonarushenij. Nalogi i nalo#oblozhenie. 2017. S. 1 – 20.
9. Shirkin A.A., Nazarova A. B. Nalogovye pravonarusheniya. Osnovnye priznaki. Zakon i pravo. 2020. № 2. S. 59 – 60.
10. Koshkina A.V. V UK mozhet pojavit'sja novaja stat'ja «Nalogovoe moshennichestvo» [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/27/835448-uk-poyavitsya>
11. Karnovich S.A., Kisel'jov E.A., Kazachek E.Ju. Osobennosti ustanovleniya formy viny pri rassledovanii nalogovyh prestuplenij. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 4 (83). S. 312 – 317.
12. Kuzhuget T.K. Aktual'nye problemy vyjavleniya nalogovyh prestuplenij i vozmozhnye puti ih razresheniya. Vestnik. 2016. № 1. S. 87 – 93.

**Материальные и процессуальные аспекты использования
переписки в сети «Интернет» (на примере мессенджеров)**

**Саблин Р.А., специалист,
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**

***Аннотация:** ведение переписки в сети «Интернет» с использованием приложений для обмена мгновенными сообщениями (мессенджеры) является наиболее распространенным способом взаимодействия участников гражданского оборота, что непременно требует надлежащего юридического оформления данных отношений и разрешения связанных с такими отношениями материальных и процессуально-правовых вопросов. В работе приводятся аргументы в пользу наличия возможности заключения сделок посредством ведения переписки в мессенджерах, при условии явного выражения участниками переписки воли на вступления в соответствующие правоотношения. Также в работе дается анализ проблемных вопросов процессуального характера, связанных с возможностью и способами доказывания факта ведения переписки в мессенджерах и ее содержания. Отдельное внимание уделяется отсутствию единообразия в судебной практике по вопросу о необходимости нотариального удостоверения предоставленных в суд снимков экрана (скриншотов) с перепиской. Также в работе подчеркивается, что полноценное доказывание факта и содержания переписки с использованием мессенджеров предполагает установление принадлежности электронных средств, номеров телефона или аккаунтов, с использованием которых велась переписка. Наконец, в работе констатируется проблематика с доказыванием содержания переписки, осуществленной через приложения (мессенджеры), содержащие функцию безвозвратного удаления сообщений. Констатируется нерешенность данной проблемы на текущем этапе развития уровня техники, что не может быть отнесено к изъяну исключительно правового характера. В выводе работы автор констатирует существование общих материально- и процессуально-правовых принципов осуществления и последующего использования переписки в сети «Интернет».*

***Ключевые слова:** интернет, переписка, мессенджеры, доказательство из Интернета, снимок экрана, онлайн-чаты*

***Для цитирования:** Саблин Р.А. Материальные и процессуальные аспекты использования переписки в сети «Интернет» (на примере мессенджеров) // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 131 – 134.*

**Substantive and procedural aspects of the use of correspondence
on the internet (using the example of messengers)**

**Sablin R.A., Specialist,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)**

***Abstract:** conducting correspondence on the Internet using instant messaging applications (messengers) is the most common way of interaction between participants in civil turnover, which necessarily requires proper legal regulation of these relations and resolution of substantive and procedural legal issues related to such relations. The paper presents arguments in favor of confirming the possibility of concluding transactions by means of correspondence in messengers, provided that the participants in the correspondence explicitly express their will to enter into the relevant legal relations. The paper also analyzes problematic issues of a procedural nature related to the possibility and methods of proving the fact of correspondence in messengers and its content. Special attention is paid to the lack of uniformity in judicial practice on the need for notarization of screen shots (screenshots) with correspondence submitted to the court. The paper also emphasizes that a full-fledged proof of the fact and content of correspondence using messengers involves establishing the ownership of electronic means, phone numbers or accounts with which the correspondence was conducted. Finally, the paper states the problems with proving the content of correspondence carried out through applications (messengers) containing the function of irrevocable deletion of messages. It is stated that this problem is unresolved at the current stage of the development of the state of the art, which cannot be attributed to problems of an exclusively legal nature. In the conclusion of the work, the author states the existence of common substantive and procedural legal principles for the implementation and subsequent use of correspondence on the Internet.*

***Keywords:** Internet, correspondence, messengers, proof from the Internet, screenshot, online chats*

***For citation:** Sablin R.A. Substantive and procedural aspects of the use of correspondence on the internet (using the example of messengers). International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 131 – 134.*

В современных реалиях использование сети «Интернет» – наиболее популярного и доступного средства коммуникации – имеет массовый характер, что предполагает желательность и даже необходимость правового оформления такого использования для целей адекватного урегулирования связанных с этим материально-правовых и процессуальных правоотношений.

Главными материально-правовыми вопросами использования информации в сети «Интернет» являются вопросы о том, в каких случаях такое использование имеет юридическое значение для участников гражданских правоотношений. Иными словами, речь идет об определении круга случаев, когда опубликование, распространение и воспроизведение информации в сети «Интернет» влечет возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, то есть, говоря словами догматики, является юридическим фактом [1].

Практические отголоски указанной проблематики проявляются прежде всего в вопросах, связанных с установлением обязательственных правоотношений с использованием приложений для обмена мгновенными сообщениями (мессенджеры). Например, в литературе до сих пор однозначно не разрешено о том, в каких случаях возможно заключение договора с использованием мессенджеров.

Особый интерес в связи с этим представляет собой Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ [2], которым были дополнены действующие правила ГК РФ о письменной форме сделок. Согласно новелле, письменная форма сделки считается соблюденной также при совершении сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

Представляется, что данное законоположение не может считаться достаточно определенным и недвусмысленным для всех случаев использования «электронных или иных технических средств» при совершении сделок.

Представим себе ситуацию, когда два гражданина договорились совершить сделку посредством обмена сообщениями в мессенджере «Whatsapp», например, установить заемное обязательство либо обязательство из договора купли-продажи. Будет ли считаться простой обмен сообщениями достаточным для того, чтобы считать правила о письменной форме сделки соблюденной?

Судебная практика по данному вопросу не является единообразной: часть судов признает возможность заключения договоров с помощью мессенджеров [3], в то время как другие суды иногда относятся к такой переписке настороженно и не признают обмен сообщениями в мессенджерах надлежащим способом соблюдения письменной формы сделки [4].

Процессуальная же проблематика данного вопроса обычно сводится к дискуссии о том, каким конкретно способом возможно доказывание факта заключения договора в сети «Интернет». Достаточно ли предоставление суду простых снимков экрана (скриншотов) с перепиской либо же требуется дополнительно нотариальное удостоверение переписки, в отсутствие которой суды часто не принимают незаверенные снимки экрана переписки в качестве допустимых доказательств [5]?

На наш взгляд, ни действующее законодательство, ни даже сугубо теоретические соображения не препятствуют заключению сделки посредством обмена сообщениями в сети «Интернет», если из содержания такой переписки однозначно следует воля сторон на заключение договора, в частности, если из сообщений явно и недвусмысленно следуют оферта и акцепт (например, предложение приобрести определенную вещь за определенную цену, в ответ на которое был направлен однозначный ответ о согласии с предложением).

Запрещать заключение сделок таким способом было неправильно, что подтверждается общим правилом ст. 159 ГК РФ о возможности заключения устных сделок (за исключением случаев, специально оговоренных законом). Совершенно непонятно, почему при наличии возможности заключать сделку устно, то есть в отсутствие какой-либо фиксации достигнутых договоренностей, такая возможность не предоставлялась бы для заключения сделок, содержание которых хоть как-то фиксируется с помощью технических средств связи. Это противоречило бы правилу *argumentum a fortiori* («если разрешено большее, то разрешено и меньшее») [6].

Что касается надлежащего доказывания факта ведения переписки, то представляется обоснованной практика судов, принимающих простые снимки экрана с запечатленной перепиской сторон спора. Нотариальное заверение такой переписки представляется необходимым только в той ситуации, когда другая сторона спора прямо оспаривает содержание переписки, например, предоставляет суду распечатанные документы с перепиской иного содержания, в силу чего суд не может разрешить имеющиеся противоречия в доказательствах каким-либо иным способом, кроме изучения переписки сторон, удостоверенной третьим и независимым лицом – нотариусом.

Не менее важным является установление не столько содержания переписки, сколько лиц, в ней участвующих. В судебной практике наблюдается тенденция к критической оценке представленной в материалы дела переписки в случае, когда у суда имеются разумные сомнения в личности адресата и адресанта сообщений.

Зачастую происходят ситуации, когда стороны представляют суду нотариально заверенную переписку в мессенджере, однако у суда может возникнуть сомнение в принадлежности номера телефона, с которого (на который) передавались юридически значимые сообщения. В подобных ситуациях суды склонны признавать такую переписку недопустимым доказательством [7]. В то же время такую проблему возможно преодолеть посредством направления судебного запроса оператору связи о принадлежности номера телефона конкретному гражданину или организации, из ответа на который может следовать, что номер принадлежит ответчику. Направление такого рода запросов хоть и редко, но практикуется судами [8].

Весьма сложной и, пожалуй, пока не решенной проблемой в сфере доказывания содержания переписки является использование мессенджеров с возможностью безвозвратного удаления отправленных сообщений (таких как «Telegram»). В литературе обращается внимание на данный феномен, за счет которого возможно мгновенное удаление юридически значимой информации, за исключением случаев ее мгновенной фиксации [9]. Судя по всему, стоит признать, что это является скорее вопросом текущего развития уровня техники, нежели вопросом права, в связи с чем использование таких площадок для коммуникации следует считать слишком рискованным для построения серьезных деловых связей и экономических отношений.

Во всяком случае, представляется возможным выделение общих правил, допускающих использование переписки в сети «Интернет», которыми является: 1) правило установления воли сторон на возникновение, изменение или прекращения их прав и обязанностей; 2) правило документальной фиксации осуществленной переписки, обеспечивающей неизменность её содержания и возможность проверки достоверности фиксации путем изучения исходных сообщений; 3) правило определения принадлежности устройств коммуникации либо аккаунтов конкретным физическим или юридическим лицам.

Литература

1. Белов В.А. Классификации юридических фактов: проблема верхнего уровня // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 8. С. 17 – 18.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" (СПС «Консультант Плюс»)
3. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 по делу N 88-333/2022 (СПС «Консультант Плюс»)
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.11.2021 по делу N 33-44398/2021 (СПС «Консультант Плюс»)
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2023 N Ф05-35256/2022 по делу N А40-67863/2022 (СПС «Консультант Плюс»)
6. Koch/Rubmann, Juristische Begründungslehre, 1982. P. 259.
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2022 по делу N 88-21313/2022 (СПС «Консультант Плюс»)
8. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2022 N 88-7175/2022 по делу N 2-630/2021 (СПС «Консультант Плюс»)
9. Сааков Т.А. Судебная автороведческая экспертиза объектов из цифровой среды при установлении демографических характеристик автора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 7 – 9.

References

1. Belov V.A. Klassifikacii juridicheskikh faktov: problema verhnego urovnja. Vestnik jekonomicheskogo pravosudija Rossijskoj Federacii. 2022. № 8. S. 17 – 18.
2. Federal'nyj zakon ot 18.03.2019 N 34-FZ "O vnesenii izmenenij v chasti pervuju, vtoruju i stat'ju 1124 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" (SPS «Konsul'tant Pljus»)
3. Opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 10.03.2022 po delu N 88-333/2022 (SPS «Konsul'tant Pljus»)
4. Apelljacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.11.2021 po delu N 33-44398/2021 (SPS «Konsul'tant Pljus»)
5. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 31.01.2023 N F05-35256/2022 po de-lu N A40-67863/2022 (SPS «Konsul'tant Pljus»)
6. Koch/Rubmann, Juristische Begründungslehre, 1982. P. 259.

7. Opređenje Vtorogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 03.10.2022 po delu N 88-21313/2022 (SPS «Konsul'tant Pljus»)

8. Opređenje Vtorogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 22.03.2022 N 88-7175/2022 po delu N 2-630/2021 (SPS «Konsul'tant Pljus»)

9. Saakov T.A. Sudebnaja avtorovedcheskaja jekspertiza ob#ektov iz cifrovoj sredy pri ustanovlenii demograficheskikh harakteristik avtora. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2020. № 4. S. 7 – 9.

Инновации в юридической деятельности

Хачатурова С.С., кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация: каждый юрист работает с большим объемом информации, осуществляя получение, передачу, хранение и переработку данных. Многообразие задач обеспечивается необходимостью работать с информационными технологиями от привычных всем текстовых редакторов до инновационных решений. Использование инноваций позволяет юридическим фирмам и компаниям оптимизировать рабочие процессы и повышать качество предоставляемых услуг. Инновационные технологии включают в себя: машинное обучение и анализ данных, автоматизацию процессов с помощью роботов-юристов и виртуальных помощников, технологии распознавания речи, использование виртуальной реальности в обучении юристов, аналитические инструменты для прогнозирования судебных решений и др. Отмечается, что инновации оптимизируют профессиональную деятельность юриста и улучшают качество предоставляемых услуг.

Практическое применение результатов исследования заключается в возможности их использования в теоретических и практических курсах и семинарах по учебному курсу «Информационные технологии в юридической деятельности».

Ключевые слова: юридическая деятельность, облачные технологии, онлайн-консультации, роботы-юристы, электронная подпись

Для цитирования: Хачатурова С.С. Инновации в юридической деятельности // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 135 – 137.

Innovations in legal activity

Khachaturova S.S., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: each lawyer works with a large amount of information, transferring, receiving, storing and processing data. The variety of tasks is provided by the need to work with modern technologies from the usual text editors to innovative technologies. The use of innovations helps law firms and companies to optimize their work processes and improve the quality of services provided. Modern technologies include machine learning and data analysis, automation of processes using robot lawyers and virtual assistants, speech recognition technologies, mobile applications for remote work, the use of virtual reality in the training of lawyers, analytical tools for predicting court decisions, etc. It is noted that innovative technologies optimize the professional activity of a lawyer and improve the quality of services provided.

The practical application of the research results lies in the possibility of their use in theoretical and practical courses and seminars on the training course "Information technologies in legal activity".

Keywords: legal practice, data analysis, cloud technologies, online consultations, blockchain, robot lawyers, electronic signature

For citation: Khachaturova S.S. Innovations in legal activity. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 135 – 137.

Современные юридические фирмы и компании все чаще используют инновационные технологии для оптимизации профессиональной деятельности: электронную подпись и искусственный интеллект, облачные технологии, онлайн-консультации и блокчейн, которые позволяют повысить безопасность и надежность юридических документов и данных, сократить время на выполнение задач, повысить качество работы и улучшить коммуникацию и сотрудничество с клиентами [5]. "Происходит настоящая LegalTech-революция, которая делает юридические услуги доступными, и коренным образом меняет работу юристов" - мнение Ирины Цветковой, адвоката, основателя платформы для юристов и не только PLATFORMA [6].

Приведем некоторые из них:

Автоматизация процессов. Автоматизация с помощью роботов-юристов позволяет запускать роботов для выполнения рутинных задач. «Роботы давно проникли во все сферы жизни, и это не удивительно – они эффективно справляются с типовой работой, оставляя живым сотрудникам самые интересные и сложные задачи» [3]. Робот-юрист делает юридические услуги доступными, он может использоваться для поиска информации или составления документов, таким образом коренным образом меняет работу юриста-специалиста. Кроме того, робот-юрист может быть запрограммирован для выполнения определенных

процедур, таких как проверка документов на соответствие определенным стандартам. «Автоматизация делопроизводства позволит сэкономить время на регистрацию входящей и исходящей корреспонденции, а также на решение, кому ее направить (например, система пошлет письма из МВД в службу безопасности, а из суда – в юридический департамент)» [4].

Распознавание речи – автоматический процесс преобразования речевого сигнала в цифровую информацию, например, в текстовые данные [1]. Технологии распознавания речи могут использоваться для транскрибирования аудиозаписей в текстовый формат, что упрощает процесс работы с записями судебных заседаний и интервью. Такие технологии могут быть использованы и для совершения звонков и отправки сообщений на основе голосовых команд, улучшения процесса диктовки текста, что поможет повысить производительность работы юристов и сократить время на написание документов.

Инструменты для прогнозирования судебных решений, используя машинное обучение для создания алгоритмов и анализа больших объемов данных, таких как решения судов и статистика прецедентов, выявляют тенденции и предсказывают исходы будущих дел. Многие юридические фирмы и компании используя данные технологии повышают эффективность профессиональной работы и улучшают качество предоставляемых услуг. Их алгоритмы могут предсказывать исходы дел, выделять ключевые аргументы сторон и определять наиболее эффективные стратегии защиты. Ведь большинство судебных решений основываются на предыдущих решениях, и анализ этих данных может помочь предсказать исход будущих дел на основе анализа судебных решений и законодательства. Использование инструментов для прогнозирования судебных решений поможет сократить время, затрачиваемое на исследование и анализ дел, и повысить точность прогнозирования исходов.

Интересное применение машинного обучения в юридической практике – это *взвешивание аргументов клиента* и его юридической позиции в судебном процессе. Современные адвокаты, используя системы машинного обучения для прогнозирования исхода дел, полагаются на данные, а не на инстинкт, чтобы оценить шансы на выигрыш дела. Не надо заставлять адвокатов высказывать свое мнение по огромному количеству потенциально нерелевантных документов, программное обеспечение используется для их фильтрации, чтобы зарезервировать ограниченное время на вынесение решения адвокатом того подмножества документов, которые с большей вероятностью будут иметь отношение к делу.

Хорошим примером является использование судьями *систем искусственного интеллекта* при вынесении приговоров или освобождении под залог обвиняемых по уголовным делам [2]. Например, когда судья решает, освободить ли обвиняемого по уголовному делу под залог в ожидании судебного разбирательства, она часто должна провести оценку риска в отношении опасности обвиняемого с точки зрения бегства или повторного совершения преступления. Сегодня судьи все чаще используют программные системы, в которых используется искусственный интеллект, чтобы выставить оценку, которая пытается количественно оценить риск обвиняемого повторного совершения преступления. Системы используют данные о прошлых преступлениях и пытаются экстраполировать, чтобы сделать прогноз относительно обвиняемого, которые порой влияют на решения судьи.

Онлайн-консультации. В современном мире все большее количество юристов предпочитают проводить свои деловые встречи и общение в онлайн-режиме. Онлайн-консультации и видеоконференции позволяют юристам общаться с клиентами и коллегами без необходимости физического присутствия, что экономит время и деньги на командировки, а также упрощает сотрудничество с клиентами из разных географических регионов или из-за занятости. Кроме того, онлайн-консультации позволяют сократить время на ожидание ответа от юриста, так как вопросы решаются в режиме реального времени.

Пример использования искусственного интеллекта в законодательстве – это юридические системы самопомощи в виде простых экспертных систем в форме чат-ботов, которые предоставляют обычным пользователям ответы на банальные юридические вопросы [2].

Облачные технологии. В юридической практике облачные технологии нашли свое применение при решении различных задач, например, в хранении юридических документов, обмене информацией с клиентами и коллегами, а также в управлении юридической практикой. Одним из примеров облачных технологий в юридической практике являются облачные хранилища, которые позволяют юристам хранить и обмениваться документами с коллегами и клиентами из любой точки мира. Они также обеспечивают высокий уровень безопасности для документов, так как все данные хранятся в облачном хранилище и, как правило, могут быть зашифрованы. Этот подход не только экономит время, но и делает процесс обработки данных более безопасным и эффективным.

Облачные платформы для управления документами позволяют зарегистрированным юристам легко хранить, обмениваться и управлять документами из любой точки мира. С их помощью можно создавать различные версии документов, управлять правами доступа и контролировать их целостность. Благодаря

этому юристы могут сосредоточиться на более важных задачах и более успешно сотрудничать с клиентами и коллегами из любой точки мира.

Электронная подпись (ЭП) – это также важная инновационная технология в юридической практике, которая значительно упрощает процесс подписания документов и обеспечивает высокую степень защиты от фальсификации и изменения документов. Одним из главных преимуществ использования ЭП в юридической практике является возможность удаленной работы и сотрудничества с клиентами из разных регионов. Это позволяет юристам и другим специалистам обмениваться документами и информацией в режиме реального времени, что упрощает и ускоряет процесс работы. Кроме того, ЭП гарантирует высокую степень защиты от несанкционированного доступа к документам и обеспечивает конфиденциальность информации.

Благодаря своей простоте и удобству, ЭП становится все более популярной среди юристов и других специалистов, которые ищут новые способы оптимизации своей работы и повышения эффективности. С помощью ЭП можно быстро и безопасно подписывать договоры, соглашения, отчеты и др., а также проверять их подлинность и целостность. В целом, использование ЭП является необходимым элементом в развитии юридической практики и бизнеса в целом.

Технология распознавания речи может использоваться в юридической практике для транскрибирования аудиозаписей в текстовый формат, экономя время и уменьшая ошибки в транскрипции.

Использование виртуальной реальности в юридическом образовании может улучшить качество подготовки юристов, позволяя им практиковать в реалистичной среде и лучше подготовиться к реальным ситуациям. Аналитические инструменты могут помочь юристам предсказывать исход дела, что позволяет принимать более обоснованные решения и лучше управлять ожиданиями клиентов.

Блокчейн-технология может использоваться для хранения данных в распределенной базе данных, что делает обработку данных более безопасной и надежной и снижает риски мошенничества и ошибок.

В целом, использование *инновационных технологий в юридической практике* становится все более важным в современном, технологически ориентированном мире. Юридические фирмы и компании, которые используют инновационные технологии, вероятнее всего будут опережать конкурентов и оставаться конкурентоспособными в данной сфере деятельности, предлагая клиентам лучший сервис за меньшие деньги, предоставляя оперативно ответы на часто задаваемые вопросы и производить первичный анализ документов, сокращая время на бумажную работу и ускоряя процессы, связанные с обменом документами, уменьшая время, затрачиваемое на выполнение рутинных задач, что позволяет юристам сконцентрироваться на более сложных задачах. Использование современных технологий в юридической практике позволяет юристам улучшить свою эффективность и качество работы, а также предоставляет возможность легко обмениваться и управлять документами.

Литература

1. Паносян Г.Г., Шарапов А.А. Разработка информационно-справочного робота // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. Т. 7. № 2. С. 244 – 247.
2. Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий: коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, Г.В. Петрук; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2020. 216 с.
3. <https://abkazakov.ru/comments/avtomatizatsiya-v-kompanii-zachem-i-komu-eto-vygodno/>
4. <https://pravo.ru/story/view/132809/>
5. <https://mosdigitals.ru/media/informatsionnye-tekhnologii-v-yuridicheskoy-deyatelnosti>
6. <https://platforma-online.ru/media/detail/v-rossii-zapushchen-robot-yurist-kotoryy-rabotaet-na-osnove-neyronnykh-setey/>

References

1. Panosjan G.G., Sharapov A.A. Razrabotka informacionno-spravochnogo robota. Interjekspo Geo-Sibir'. 2021. T. 7. № 2. S. 244 – 247.
2. Roboty zjavljajut o svoih pravah: paradigmal'nye social'no-jekonomicheskie i politiko-pravovye izmenenija v vek cifrovizacii i dolgovremennyh virusnyh jepidemij: kollektivnaja monografija. Pod red. A.Ju. Mamycheva, G.V. Petruk; Vladivostokskij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i servisa. Vladivostok: Izd-vo VGUJeS, 2020. 216 s.
3. <https://abkazakov.ru/comments/avtomatizatsiya-v-kompanii-zachem-i-komu-eto-vygodno/>
4. <https://pravo.ru/story/view/132809/>
5. <https://mosdigitals.ru/media/informatsionnye-tekhnologii-v-yuridicheskoy-deyatelnosti>
6. <https://platforma-online.ru/media/detail/v-rossii-zapushchen-robot-yurist-kotoryy-rabotaet-na-osnove-neyronnykh-setey/>

**Сравнительный анализ практики применения доктрины
forum non conveniens судами разных стран**

**Шайхутдинова А.И.,
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики**

Аннотация: в странах с системой общего права при возникновении трансграничного спора истец часто подает иск в суд, наиболее удобный для него с точки зрения процессуальных преимуществ, эффективности законодательства, стоимости расходов, отсутствия сложностей при исполнении судебного акта и в силу иных практических причин. Ответчик в такой ситуации стремится доказать обратное – то, что существует наиболее удобный альтернативный суд, где должен быть рассмотрен спор. Основным процессуальным институтом разрешения такой «процессуальной битвы сторон» является институт *forum non conveniens*, применение которого позволяет судьям по итогам анализа определенных факторов, в том числе баланса интересов сторон и технических возможностей судей, определить, какой суд действительно является наиболее удобным и наиболее подходящим для разрешения спора и для вынесения законного и обоснованного судебного акта. Поскольку доктрина *forum non conveniens* была сформирована в первую очередь в судебной практике, автор в настоящей статье делает акцент на анализе судебной практики применения доктрины *forum non conveniens* в таких странах, как Англия, США и Австралия. Также автор по итогам анализа судебных дел выделяет определенные подходы каждой страны при применении данной доктрины и делает выводы, которые могут стать основой для последующих исследований в указанной области права.

Ключевые слова: доктрина *forum non conveniens*, анализ «частных и публичных интересов», доктрина *lis alibi pendens*, юрисдикция суда, тест на «обременительный или неудобный суд», наиболее удобный и подходящий для рассмотрения спора суд

Для цитирования: Шайхутдинова А.И. Сравнительный анализ практики применения доктрины *forum non conveniens* судами разных стран. Сравнительный анализ практики применения доктрины *forum non conveniens* судами разных стран // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 138 – 147.

Comparative analysis of the practice of applying the *forum non conveniens* doctrine by the courts of different countries

**Shaikhutdinova A.I.,
National Research University Higher School of Economics**

Abstract: in common law countries, when a cross-border dispute arises, the plaintiff will often file a lawsuit in the court most convenient for him in terms of procedural advantages, the effectiveness of the law, the cost of expenses, the ease of enforcement of the judicial act, and for other practical reasons. The defendant in such situation seeks to prove the opposite - that there is another the most convenient alternative court where the dispute should be considered. The main procedural institution for resolving such a “procedural battle of the parties” is the institution of *forum non conveniens*, the use of which allows judges, based on the analysis of certain factors, including the balance of interests of the parties and the technical capabilities of judges, to determine which court is really the most convenient and most suitable for resolving dispute and for the issuance of a lawful and reasoned judicial act. Since the doctrine of *forum non conveniens* was formed primarily in judicial practice, the author in this article focuses on the analysis of judicial practice in the application of the doctrine of *forum non conveniens* in such countries as England, USA and Australia. Also, based on the results of the analysis of court cases, the author highlights certain approaches of each country in applying this doctrine and draws conclusions that can become the basis for further research in this area of law.

Keywords: the doctrine of *forum non conveniens*, the doctrine of *lis alibi pendens*, jurisdiction of a court, oppressive or vexatious test, most comfortable and appropriate court

For citation: Shaikhutdinova A.I. Comparative analysis of the practice of applying the *forum non conveniens* doctrine by the courts of different countries. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 138 – 147.

Введение

Forum non conveniens – доктрина неудобного суда, в соответствии с которой суд имеет право отказать в удовлетворении иска или прекратить производство по делу, если он считает, что есть суд другого государства, способный принять наиболее справедливое решение. Эта доктрина впервые проявилась в Шотландии в восемнадцатом веке, была известна как *forum non competens* и применялась судами в тех случаях, когда сторонами были иностранцы и судебное разбирательство в Шотландии считалось неудобным. До середины двадцатого века данный принцип применялся в исключительных случаях, а именно, если ответчик мог доказать, что суд является для него «обременительным или неудобным» (*oppressive or vexatious test*). Впоследствии во второй половине двадцатого века эта доктрина начала распространяться в странах с системой общего права как *forum non conveniens*.

Основная идея доктрины заключается в том, что спор должен рассматриваться в том суде, который наиболее удобен для сторон, наиболее тесно связан со спором и, рассмотрение спора в котором приведет к принятию наиболее законного, обоснованного и справедливого решения. На практике применение данного принципа означает то, что суд, компетентный рассматривать спор с учетом правил о подсудности, вправе по требованию ответчика отказать в иске, приостановить или прекратить производство по делу, если имеется более удобный суд в другом государстве.

Доктрина *forum non conveniens*, разработанная в юрисдикциях общего права, отдает предпочтение справедливому анализу, а не эффективным правилам, установленным законодательством (как, например, при применении схожего института, направленного на предотвращение параллельных разбирательств, доктрины *lis alibi pendens*, распространённого в странах с системой континентального права), а также дает судам свободу действий при определении наиболее подходящего для рассмотрения спора суда [1]. С одной стороны, если доказательства, свидетели, а иногда даже стороны находятся за границей, возможность передачи дела в более подходящий суд другого государства во многих случаях уменьшит расходы сторон и продолжительность рассмотрения дела. Кроме того, это может быть хорошим способом борьбы с *forum shopping* и стимулом для истца выбрать суд, наиболее подходящий для рассмотрения дела. С другой стороны, судебное разбирательство в неподходящем суде может быть дорогостоящим и трудоемким для обеих сторон, истец будет вынужден оплачивать предварительные судебные расходы, несмотря на риск заявления ответчиком ходатайства о прекращении производства на основании доктрины *forum non conveniens* и передачи рассмотрения спора в иной суд.

В данной статье будет проведен сравнительный анализ применения доктрины *forum non conveniens* в судебной практике разных стран, а именно будет рассмотрена судебная практика Англии, США и Австралии, а также будут выделены критерии, которыми руководствуются судьи каждой страны при применении данной доктрины и при установлении наиболее подходящего для рассмотрения спора суда.

1. Практика применения доктрины *forum non conveniens* английскими судами

До второй половины 1970 года английские суды могли отказаться от своей юрисдикции только в исключительных случаях, а именно, если ответчик мог доказать, что истец не пострадает от судебного разбирательства в суде иного государства, а рассмотрение спора в английском суде является обременительным и неудобным для ответчика.

В деле *MacShannon v. Rockware Glass Ltd* [2] английский суд впервые применил доктрину *forum non conveniens* и выделил следующие критерии, подлежащие доказыванию ответчиком. Во-первых, ответчик должен убедить суд в том, что существует другой суд с компетентной юрисдикцией, где отправление правосудия будет осуществлено с существенно меньшими неудобствами или расходами. Во-вторых, приостановление спора должно не лишать истца законного личного или юридического преимущества, которое было бы ему доступно при рассмотрении спора английским судом.

Основным делом, где было сформировано более детальное толкование доктрины *forum non conveniens* английскими судами, является дело *Spiliada Mar. Corp. v. Consulex Ltd* [3]. В данном деле Ответчик просил английский суд приостановить рассмотрение спора, ссылаясь на то, что существует другой компетентный и доступный суд, который имеет наиболее тесную связь со спором. Впоследствии бремя доказывания перешло к истцу, который убеждал суд в том, что основания для приостановления спора отсутствуют, поскольку правосудие не будет достигнуто в альтернативном суде, а также указывал на то, что по английскому законодательству истец сможет получить больше преимуществ таких, как более высокий размер ущерба, более эффективные процессуальные нормы и более либеральные сроки исковой давности. За исключением ситуации, когда истец может доказать, что он не может добиться правосудия в альтернативном суде, английский суд может приостановить производство по делу, ссылаясь на доктрину *forum non conveniens*.

Судья Lord Goff of Chieveley в данном деле выделил следующие шесть основных правил, которыми должны руководствоваться судьи при применении принципа:

1) Суд может приостановить спор исключительно в том случае, если он убедится в том, что какой-либо другой суд, обладающий компетентной юрисдикцией, является более подходящим местом для рассмотрения спора.

2) Бремя доказывания наличия иного более удобного суда лежит на ответчике.

3) Ответчик должен доказать не только то, что есть иной суд, который очевидно является более удобным для рассмотрения спора, но также и то, что спор не может быть рассмотрен в английском суде в силу его неудобности.

4) Поскольку не по всем спорам можно с легкостью сделать вывод о его наиболее тесной связи с английской юрисдикцией, суд должен исследовать следующие связующие обстоятельства при выборе наиболее компетентного суда: наличие свидетелей, закон, регулирующий соответствующий спор, место жительства сторон или место ведения предпринимательской деятельности.

5) Если альтернативный суд, который наиболее удобен для рассмотрения спора, отсутствует, английский суд откажет в приостановлении спора.

6) Если «есть какой-то другой доступный суд, который, на первый взгляд, явно является более подходящим для рассмотрения спора», суд по общему правилу может приостановить спор. Исключение составляют ситуации, когда истцу удастся доказать наличие объективных обстоятельств, которые подтверждают то, что справедливое отправление правосудия возможно только в английском, а не в ином альтернативном суде.

Ряд авторов, например, Beaumont P., Richard G. и Stuckelberg M., указывают, что в данном деле был сформирован двухступенчатый тест применения доктрины *forum non conveniens* (в части распределения бремени доказывания): 1) Ответчик должен доказать наличие другого явно более подходящего суда, т.е. суда, «в котором дело могло бы быть рассмотрено более надлежащим образом в интересах всех сторон и в целях правосудия»; 2) В опровержение данного ходатайства Истец должен представить доказательства того, что английский суд будет более компетентным судом в отличие от суда, предложенного Ответчиком. Такой тест намного шире первоначального теста на «обременение и неудобства» (*oppressive or vexatious test*), т.к. учитывает позиции обеих сторон и принимает во внимание различные обстоятельства, имеющие значение при выборе компетентного суда [4-6].

В деле *Connelly v R.T.Z. Corp* [7] спор возник между английской компанией, офис которой был зарегистрирован в Лондоне, но фактически основная деятельность по добыче полезных ископаемых компании осуществлялась в филиале в Намибии (Ответчик), и гражданином Шотландии (Истец), который несколько лет работал в Намибии на дочернюю компанию ответчика. Гражданин заболел раком в результате произошедшего в компании инцидента, что стало основанием для возбуждения судебного разбирательства в Англии. Однако в соответствии с Законом о правовой помощи 1988 года английский суд приостановил производство по спору, указав на то, что наиболее компетентным судом является суд Намибии. Вместе с тем, у истца не было достаточно финансов для возбуждения судебного разбирательства в Намибии, и он остался без средства правовой защиты. Палата лордов сделала вывод о неправильном толковании судами нижестоящих инстанций Закона о правовой помощи и сослалась на конечные цели *Spiliada Mar. Corp. v Consulex Ltd*, согласно которым приостановление спора возможно только в том случае, если судебное разбирательство в альтернативном суде приведет к наиболее справедливому отпращиванию правосудия. Палата лордов указала, что суд Намибии не является местом разрешения спора, где стороны могут добиться справедливости, поскольку истцу не хватало финансовых ресурсов для рассмотрения спора в этом суде, поэтому английские суды не имели права приостанавливать спор, даже если ответчик проживал в Англии, и даже если обе стороны признали, что судебный процесс наиболее тесно связан с Намибией. В связи с этим суд в настоящем деле при применении принципа *forum non conveniens* также указал на существенное значение такого фактора, как возможность реализации истцом права на получение юридической защиты в том или ином суде.

Из анализа данных дел можно сделать вывод о том, что английские суды при применении принципа используют широкий подход, поскольку принимают во внимание различные обстоятельства для установления наиболее удобного суда. Например, Paul Beaumont выделил следующие 12 ключевых факторов, которые должны быть исследованы и проанализированы судьями [8, 9]:

Таблица 1

№	Фактор	Позиция автора
1	Применимое право	Является важным фактором, если стороны согласовали применимое право в договоре, либо если оно не изменится при применении альтернативной юрисдикции. Суд может быть выбран на основании применимого права, т.к. суд, который применяет собственное право, сможет принять наиболее законный и обоснованный судебный акт по спору.
2	Рассмотрение спора в ином суде	Является существенным фактором, если судебное разбирательство в ином суде достигло такой стадии, которая практически разрешила спор между сторонами.
3	Свидетели (удобства для них)	Редко является важным показателем (т.к. стороны представляют в основном письменные доказательства), исключение составляют споры, которые могут быть разрешены исключительно с помощью привлечения свидетелей.
4	Удобства для сторон	Является существенным фактором, который препятствует сторонам возражать против рассмотрения спора в суде по месту их проживания.
5	Географическое место, с которым спор наиболее тесно связан	Является существенным фактором, например, место рассмотрения спора.
6	Вид требования	Если в одном суде предъявлен положительный иск, а в альтернативном суде – отрицательный, то наиболее удобным будет признан первый суд.
7	Третьи лица	Является существенным фактором в пользу английского суда, если третьи лица и ответчики могут быть привлечены в пределах этой юрисдикции.
8	Наличие предыдущего судебного разбирательства	Если спор уже рассматривался в английском суде, а ответчик не смог доказать необходимость рассмотрения спора в альтернативном суде, данный фактор подтверждает удобство английского суда.
9	Предмет спора	Английский суд не будет отказываться от юрисдикции, если спор затрагивает вопросы государственной политики, которые подлежат разрешению исключительно внутри государства.
10	Издержки, убытки сторон	Не имеют значения при определении наиболее удобного суда.
11	Позиция Ответчика	Если Ответчик не может привести очевидные доказательства, подтверждающие удобства иного суда, суд сделает вывод в пользу своей юрисдикции с целью исключения затягивания рассмотрения дела.
12	Споры из деликта	Наиболее подходящим местом для разрешения спора, возникшего из деликта, является по общему правилу юрисдикция, на территории которой был совершен деликт.

Впоследствии в 2000 году английские суды применили принцип *forum non conveniens* в деле *Lubbe V. Cape Plc* [10]. В настоящем деле спор был возбужден по инициативе 3000 лиц (Истцы), которые во время работы на фабрике, находящейся в Южной Африке, понесли убытки в результате произошедшего инцидента. Иск был подан в английский суд, т.к. Ответчиком выступала компания-работодатель, зарегистрированная в Англии. Ответчик заявил о необходимости рассмотрения спора в южноафриканском суде, т.к. он является наиболее удобным и наиболее подходящим. С учетом факта группового иска и вопросов причинно-следственной связи и ответственности английские суды сделали вывод, что южноафриканский суд является наиболее благоприятным и наиболее подходящим судом для разрешения спора. Палата лордов не согласилась с такой позицией судов, указав на то, что более подходящий альтернативный суд для рассмотрения спора в настоящем случае отсутствует, поэтому спор подлежит рассмотрению в английском суде. Такой вывод суда, в первую очередь, был обусловлен тем, что истцы при рассмотрении спора в южноафрикан-

ском суде не смогут добиться справедливой юридической защиты из-за отсутствия квалифицированного юридического представительства (т.е. был принят во внимание фактор, связанный с удобствами для истца).

Судья Lord Bingham of Cornhill в настоящем деле выделил два этапа, которым должны следовать судьи при применении принципа *forum non conveniens*. Первый этап заключается в том, чтобы рассмотреть вопрос о том, является ли ответчик, который просит отклонения юрисдикции английского суда, в состоянии доказать два обстоятельства: 1) то, что английский суд не является естественным или подходящим местом для рассмотрения спора, 2) существует другой более доступный и очевидно более подходящий для рассмотрения спора суд. Если по итогам анализа представленных ответчиком доказательств суд установит, что есть наиболее подходящий для рассмотрения спора альтернативный суд, то суд будет гарантировать приостановление производства по делу (за исключением ситуаций, если истец докажет, что отправление правосудия в английском суде будет более справедливым). На втором этапе суд должен сосредоточиться исключительно на анализе факторов, связывающих спор с английским или иным альтернативным судом (в том числе факторов, указанных автором настоящей статьи в таблице выше). Исключительно после такого двухступенчатого теста суд сможет вынести решение о приостановлении спора на основании доктрины *forum non conveniens*.

Таким образом, из анализа вышерассмотренных дел можно сделать вывод о том, что в судебной практике английских судов сформировалось широкое толкование принципа *forum non conveniens*, поскольку суды при выборе наиболее компетентного суда анализируют существенное количество факторов, а истцы могут заблокировать передачу дела в другой суд при представлении доказательств того, что рассмотрение спора в английском суде будет более справедливым (т.е. учитываются частные интересы стороны).

2. Практика применения доктрины *forum non conveniens* американскими судами

Американские суды не использовали тест, сформированный английскими судами при применении доктрины *forum non conveniens*, а решили разработать свой подход при выборе наиболее компетентного суда для рассмотрения спора. В частности, американские суды сделали акцент на частных и публичных интересах, которые должны быть исследованы судом при анализе того, является ли альтернативный суд более подходящим местом для рассмотрения спора, чем суд, выбранный истцом.

Данный подход был сформирован в судебной практике по итогам рассмотрения трех основных дел: *Gulf Oil Corp. v Gilbert*, *Koster v Lumbermens Mutual Casualty Co* и *Piper Aircraft Co. v Reyno*.

Дело *Gulf Oil Corp. v Gilbert* [11] стало первым делом, где американские суды задумались над вопросом «Имеет ли окружной суд Соединенных Штатов неотъемлемое право отклонить свою юрисдикцию на рассмотрение спора в соответствии с доктриной *forum non conveniens*?». В настоящем деле житель Вирджинии подал иск в федеральный окружной суд Нью-Йорка против компании из Пенсильвании, которая осуществляла свою деятельность в Вирджинии, ссылаясь на то, что халатность компании привела к взрыву и пожару, уничтожившему склад истцов в Вирджинии. Районный суд прекратил дело на основании доктрины *forum non conveniens*, указав, что дело лучше рассматривать в Вирджинии. Второй окружной апелляционный суд не согласился с такой позицией. Верховный Суд же постановил, что в судах США «доктрина *forum non conveniens* подлежит применению только тогда, когда юрисдикция существует, при ее отсутствии – доктрина не может применяться».

Данное дело является основным в практике применения доктрины *forum non conveniens*, т.к. Верховный Суд выделил частные и публичные интересы, которые должны быть исследованы судом при применении принципа *forum non conveniens*. В частности, к частным интересам суд отнес наличие доступа к доказательствам, стоимость расходов на привлечение свидетелей, наличие сложностей при исполнении судебного акта и иные практические вопросы, которые сделают рассмотрение дела легким, оперативным и недорогим. Суд указал на важность баланса интересов обеих сторон: в случае, если выбранный истцом суд причиняет существенные неудобства ответчику, суд должен отдавать приоритет альтернативному суду, в случае же, если альтернативный суд грубо нарушит интересы истца, воля истца на рассмотрение спора в конкретном суде не должна быть нарушена. Верховный Суд обратил внимание также на то, что при применении доктрины необходимо анализировать и публичные интересы, а именно, загруженность судов с учетом количества дел, подлежащих рассмотрению в этом суде, компетентность суда для рассмотрения того или иного спора, местонахождение истцов в случае подачи ими группового иска, а также знание судом права, подлежащего применению.

Таким образом, правила применения принципа были установлены Верховным Судом США в деле *Gulf Oil Corp. v Gilbert*.

Впоследствии многие штаты руководствовались данными выводами Верховного Суда США, но были и те штаты, отношение которых к данному принципу отличалось. Например, Верховный суд Техаса в деле *Dow Chem. Co. v. Castro-Alfaro* [12] запретил применять федеральную доктрину *forum non conveniens* на том

основании, что закон штата запрещал такие дискреционные отклонения судов от своей юрисдикции. Впоследствии законодательный орган Техаса принял закон, разрешающий судам штатов применять доктрину в случаях, когда иностранные истцы подают в суд на ответчиков из США за телесные повреждения, полученные за границей в результате нарушений законодательства Техаса или США [13].

В деле *Koster v Lumbermens Mutual Casualty Co Piper* [14], по которому судебный акт был принят в тот же день как по делу *Gulf Oil Corp. v Gilbert*, страхователь компании взаимного страхования подал в суд Нью-Йорка (по месту его проживания) косвенный иск (от имени всех пострадавших лиц) к страховой компании. Ответчик заявил ходатайство о применении принципа *forum non conveniens*. Суд прекратил производство по делу на основании данного принципа, сославшись на то, что, поскольку при подаче косвенного иска лицо истец действует от имени всех лиц, находящихся в аналогичном положении, в деле, затрагивающем внутренние дела корпорации, удобства часто перевешивают в пользу суда, где находится компания-ответчик. При этом суд указал, что отсутствует общее правило о том, что такие иски должны быть рассмотрены в суде по месту жительства истцов, «спор должен быть рассмотрен там, где судебное разбирательство лучше всего послужит удобству стороны и цели правосудия», и «истец совершенно ничего не говорил о какой-либо причине удобства для себя или свидетелей, а также о наличии какой-либо выгоды для него в расходах, быстроте судебного процесса или достаточности средств правовой защиты, если дело рассматривалось в Нью-Йорке». В настоящем деле судья Джексон сделал следующие выводы: суды должны предоставить истцу право выбора суда для разрешения спора: если в споре участвуют только две стороны, суд не должен умалять выбор суда, сделанный истцом, и не должен лишать его тех преимуществ, которые есть в его собственной юрисдикции. Исключения составляют такие ситуации, когда 1) в материалы дела представлены доказательства того, что рассмотрение спора в суде причиняет существенное неудобство для ответчика, или 2) если рассмотрение спора в суде является неуместным в силу объективных обстоятельств (например, административные или юридические проблемы).

В 1948 году по итогам рассмотрения настоящих споров в законодательство США были внесены изменения. В частности, была добавлена следующая норма: «для удобства сторон и свидетелей, а также в интересах правосудия, окружной суд может передать любой гражданский иск в суд любого другого округа или района, где он может быть возбужден» (параграф 1404(a) Раздела 28 [15]). В результате, суды начали рассматривать большинство споров касательно юрисдикции на основании данной нормы, что уменьшило практику применения доктрины *forum non conveniens*.

В 1981 году Верховный Суд США принял решение по делу *Piper Aircraft Co. v Reyno* [16], где также сформировал современный подход к толкованию принципа *forum non conveniens*. В настоящем деле фактические обстоятельства были следующие. На территории Шотландии разбился самолет, изготовленный в Пенсильвании компанией Piper Aircraft, но собственником которой выступала шотландская компания воздушного такси. В результате инцидента погибли шесть пассажиров – граждане Шотландии, представителем, административным поверенным по распоряжению имуществом которых был назначен Реупо. Представитель подал в американский суд (сначала в суд Калифорнии, затем дело было передано по подсудности в суд Пенсильвании) иск о взыскании с Piper Aircraft Co убытков в силу его противоправных действий. Американский суд был выбран Истцом в силу того, что американские законы, в отличие от законодательства Шотландии, были более благоприятными для истца касательно вопросов об ответственности ответчика и возмещения убытков. Компания Piper Aircraft Co заявила ходатайство о прекращении производства по делу на основании доктрины *forum non convenience*.

Районный суд, опираясь на выводы, изложенные в деле *Gulf Oil Corp. v Gilbert*, и анализируя «факторы частного интереса», влияющие на удобство сторон в процессе, и «факторы публичного интереса», влияющие на удобство рассмотрения спора в конкретном суде, пришел к выводу, что Шотландия является подходящим местом для разрешения спора, и удовлетворил ходатайство Piper Aircraft Co о прекращении производства по делу. Однако апелляционный суд отменил данный судебный акт, указав, что суд злоупотребил своим усмотрением при проведении анализа Гилберта и что в любом случае нельзя прекратить производство по делу, если закон альтернативного суда менее благоприятен для истца, чем законодательства суда, выбранного истцом.

Верховный Суд США не согласился с такой позицией суда апелляционной инстанции, указал, что надлежащим судом является суд Шотландии, поскольку при рассмотрении спора в нем у сторон было бы меньше проблем с доказательствами; авария произошла в воздушном пространстве данного государства, все пострадавшие лица были шотландцами, поэтому вывод суда первой инстанции был признан правомерными.

При этом Верховный суд сделал следующие выводы касательно применения принципа *forum non conveniens*.

Во-первых, применимое право подлежит исследованию судом при применении принципа *forum non conveniens*, но оно не может быть основным фактором, имеющим решающее значение при определении удобного суда. Исключения составляют ситуации, когда суд установит, что право альтернативного суда настолько явно неадекватно и несправедливо, что это не является средством правовой защиты и не может быть оценено как надлежащее отправление правосудия. В настоящем споре, как мы видим, суды фактически лишили истцов права применять наиболее благоприятный закон, отдав приоритет выбору наиболее удобного для обеих сторон суда с учетом анализа частных и публичных интересов.

Во-вторых, суд обратил внимание на то, что ранее введенная в законодательство США норма (параграф 1404(а) Раздела 28 [15]) хоть и была составлена «в соответствии с доктриной *forum non conveniens*», но она давала районным судам больше возможностей передавать спор в другой суд по закону, чем отклонять иск или прекращать производство по делу в соответствии с доктриной общего права *forum non conveniens*. В связи с этим суды отдавали предпочтение федеральным нормам, а не доктрине, которая не предусмотрена законодательством.

В-третьих, Верховный Суд в настоящем деле также сделал следующий важный вывод: «существует сильная презумпция в пользу выбора суда истцом, который может быть преодолен только тогда, когда факторы частного и публичного интереса явно указывают на рассмотрение дела в альтернативном суде ... презумпция применяется с меньшей силой, когда истец или заинтересованные стороны являются иностранцами». Например, в деле *Union Carbide Corp. Gas Plant Disaster* [17] окружной суд указал, что обращение граждан Индии (Истец) в американский суд для рассмотрения их спора не должно оцениваться с таким же уважением, как если бы такой выбор сделали американские граждане, что стало бы основанием для прекращения производства по делу (даже несмотря на то, что в настоящем деле ответчиком выступала компания, зарегистрированная в Америке).

Как указал Второй окружной апелляционный суд в деле *Iragorri v. United Techs. Corp* [18], такой различный подход суда к делам, возбужденным по инициативе истцом-гражданин и истцов-иностранцев, обусловлен следующим. Если выбор суда истцами был продиктован причинами, которые закон признает действительными (например, наличие доказательств, свидетелей по выбранному месту разрешения спора), тем большее уважение будет оказано истцу, что в итоге станет достаточным основанием для признания выбранного истцом суда в качестве наиболее подходящего места для разрешения спора. Если же выбор истцом суда в США был мотивирован отрицательными факторами такими, как желание истца получить тактическое преимущество, вытекающее из местных законов, обычная щедрость присяжных в Соединенных Штатах, популярность истцов или непопулярность ответчика в данном государстве, неудобство и расходы ответчика в результате судебного разбирательства в этом суде, тем меньше уважения получит истец и, следовательно, тем легче ответчику будет добиться отклонения юрисдикции на основании *forum non conveniens*, доказывая, что удобство было бы лучше обеспечено путем судебного разбирательства в суде другого государства.

В Соединенных Штатах *forum non conveniens* часто рассматривается как защита от доктрины *forum shopping*. Судья Скалиа в деле *American Dredging Co. v Miller* [19] описал *forum non conveniens* как решение проблем как судебного администрирования, так и частных судебных разбирательств, отговаривая истцов от участия в *forum shopping*. Верховный Суд постановил, что суд может прекратить производство по делу на основании *forum non conveniens* даже до установления наличия юрисдикции, «когда того требуют соображения удобства, справедливости и судебной экономии».

Как и предвидел судья Блэк, когда Верховный Суд впервые принял *forum non conveniens* в деле *Gulf Oil Corp. v. Gilbert*, «совокупность факторов» этого принципа и широкие дискреционные полномочия означают, что сегодня на него можно ссылаться всего о каждом транснациональном деле [11]. Кроме того, этот набор факторов, многие из которых устарели или иным образом плохо подходят для трансграничных споров, не помогает судьям сбалансировать конкурирующие соображения вежливости и вместо этого может затуманить истинные причины отклонения дел судьями. Это отсутствие прозрачности в рассуждениях в сочетании с крайне дискреционным характером может привести к тому, что неудобства места рассмотрения спора кажутся непредсказуемыми, что, в свою очередь, не позволяет предприятиям полагаться на него при «принятии решений о первичном поведении – как управлять своим бизнесом и какие меры предосторожности принимать» [19, 20]. Действительно, даже несмотря на то, что Верховный Суд США намеревался применять доктрину редко, федеральные суды удовлетворяют примерно половину ходатайств об отклонении по причине неудобства суда [21, 22].

Таким образом, в американской судебной практике суды принцип *forum non conveniens* применяется довольно часто при установлении наиболее удобного суда. При этом судьи руководствуются анализом

«факторов Гилберта-Костера-Пайпера» (*Gilbert-Koster-Piper factors*), т.е. принимают во внимание как частные, так и публичные интересы при выборе наиболее компетентного суда.

3. Практика применения доктрины *forum non conveniens* судами Австралии

Судебная практика применения доктрины *forum non conveniens* в Австралии интересна тем, у судей в данной стране совершенно иной подход к толкованию доктрины, существенно отличный от современного подхода, сложившегося в США и Великобритании.

В частности, в 1988 году Высокий суд Австралии в деле *Oceanic Sun Line Special Shipping Co. v. Fay* [23] отказался следовать толкованию британской доктрины *forum non conveniens*, отраженной в деле *Spiliada Mar. Corp. v. Consulex Ltd.* Суд указал, что сторона, ссылающаяся на юрисдикцию компетентного суда, имеет *prima facie* право настаивать на рассмотрении спора в конкретном, выбранном им суде.

Этот подход получил дальнейшее развитие в решении Высокого суда в 1990 году по делу *Voth v. Manildra Flour Mills Pty. Ltd* [24], где суд, помимо вышеуказанного заключения, также сделал следующие выводы. Во-первых, право суда приостановить или прекратить производство по делу может быть реализовано не в соответствии с доктриной *forum non conveniens*, а на основании общего принципа, согласно которому спор не может быть рассмотрен в австралийском суде в случае, если это является «обременительным или неудобным» (*oppressive or vexatious test*) или если истец злоупотребляет процессуальными правами при выборе суда и преследует цель причинения вреда другой стороне. Во-вторых, установление судом того, что с точки зрения баланса сторон наиболее удобным является юрисдикция иного государства не является основанием для приостановления или прекращения производства по делу австралийским судом. В связи с суды данной страны применяют доктрину *forum non conveniens* очень редко, в большинстве случаев с «большой осторожностью».

При этом несмотря на то, в каждом австралийском штате действуют свои собственные правила в отношении доктрины *forum non conveniens*, они, по-видимому, придерживаются аналогичного ограничительного подхода к принципу. Например, Верховный суд штата Виктории в деле *Gutnick v. Dow Jones & Co* [25] указал, что правило 7.05(2)(b) этого штата позволяет суду отклонять юрисдикцию, когда суд штата Виктория не является удобным местом для рассмотрения спора.

Таким образом, приняв за отправную точку традиционный тест «обременительного или неудобного суда», в австралийской судебной практике был сформирован критерий «явного неподходящего суда для рассмотрения спора». Это означает, что вместо рассмотрения судом наличия «явно более подходящего суда» в другом государстве (как это делают британские и американские суды), австралийские суды фокусируются на том, является ли австралийский суд «явно неподходящим», т.е. серьезно и несправедливо обременительным, предвзятым или причиняющим какой-либо вред ответчику.

Заключение

Таким образом, доктрина *forum non conveniens* распространена в странах с системой общего права как принцип, применяемый судьями для передачи спора в суд другого государства, если он является более удобным, более подходящим и менее обременительным для сторон и суда. В силу отсутствия законодательного регулирования данного принципа применение данной доктрины в каждой стране (Англии, США и Австралии) отличается и имеет свои особенности.

В частности, английские суды при выборе наиболее удобного суда анализируют существенное количество факторов (в том числе, применимое право, стадию рассмотрения спора в ином суде, удобства для сторон и третьих лиц). В этой стране также действует двухступенчатый этап применения доктрины *forum non conveniens* (в части распределения бремени доказывания): сначала ответчик доказывает наличие другого явно более подходящего суда, затем истец вправе заблокировать передачу дела в другой суд при представлении доказательств того, что рассмотрение спора в английском суде будет более справедливым (т.е. в первую очередь учитываются частные интересы истца). Такой тест намного шире первоначального теста на «обременение и неудобства» (*oppressive or vexatious test*), т.к. учитывает позиции обеих сторон при принятии решения.

Американские суды придерживаются «факторов Гилберта-Костера-Пайпера» (*Gilbert-Koster-Piper factors*), т.е. при выборе наиболее компетентного суда суды принимают во внимание как частные интересы (наличие доступа к доказательствам, стоимость расходов на привлечение свидетелей, наличие сложностей при исполнении судебного акта), так и публичные интересы (загруженность судов, компетентность суда, местонахождение истцов в случае подачи ими группового иска, знание судом применимого права). Данный подход является настолько широким толкованием доктрины *forum non conveniens*, что позволяет ее применение практически в каждом трансграничном споре.

Австралийские суды, напротив, не являются сторонниками такого современного понимания доктрины, на их взгляд, лучшим способом применения принципа доктрина *forum non conveniens* является применение

теста «обременительного или неудобного суда» (*oppressive or vexatious test*), т.е. когда ответчик должен доказать неудобства австралийского суда, а не удобства суда другого государства.

Приведенный выше обзор подходов, сформированных судами различных стран общего права при применении доктрины *forum non conveniens* показывает, что хоть и существуют разные варианты применения доктрины, тем не менее существуют общее согласие всех стран в отношении необходимости предотвращения несправедливости при рассмотрении спора в неудобной для сторон юрисдикции путем поиска наиболее подходящего для разрешения трансграничного спора суда.

Литература

1. Ronald A.B., Scott R.J. *Forum non conveniens: history, global practice, and future under the Hague convention on choice of court agreements*. Oxford University Press, 2007. 358 p.
2. *MacShannon v. Rockware Glass Ltd.* MacShannon, House of Lords, 1978.
3. *Spiliada Mar. Corp. v. Consulex Ltd.* House of Lords, 1986.
4. Fawsett J.J. *Declining jurisdiction in private international law: reports to the XIVth Congress of the International Academy of Comparative Law*. Oxford University Press on Demand, 1994. 447 p.
5. Fentiman R.G. *Jurisdiction, Discretion and the Brussels Convention* // *Cornell International Law Journal*. 1993. Vol. 26. Issue 1. P. 59 – 99.
6. Stuckelberg M. *Lis Pendens and Forum Non Conveniens at the Hague Conference: The Preliminary Draft Convention on Jurisdiction and Foreign Judgements in Civil and Commercial Matters* // *Brooklyn Journal of International Law*. 2001. Vol. 26. Issue 3. P. 949 – 981.
7. *Connelly v. R.T.Z. Corp.* House of Lords, 1998.
8. Beaumont P. *Forum Non Conveniens/Lis Pendens*. 2001.
9. Beaumont P. *Forum non Conveniens and the EU rules on Conflicts of Jurisdiction: A Possible Global Solution*. *Revue critique de droit international privé*, 2018. 447 p.
10. *Lubbe and Others and Cape Plc. and Related Appeals*. House of Lords, 2000.
11. *Gilbert v. Gulf Oil Corp.* U.S. Supreme court, 1947.
12. *Dow Chem. Co. v. Castro-Alfaro*. U.S. Supreme court, 1990.
13. *Texas Civil Practice & Remedies Code*. 2002 (ann. § 71.05 1(a)) (Vernon).
14. *Koster v. Lumbermens Mut. Cas. Co.* U.S. Supreme court, 1947.
15. 28 U.S. Code § 1404. 1948.
16. *Piper Aircraft Co. v. Reyno*. U.S. Supreme court, 1981.
17. *Union Carbide Corp. Gas Plant Disaster*. U.S. Supreme court, 1986.
18. *Iragorri v. United Techs. Corp.* U.S. Supreme court, 2001.
19. *American Dredging Co. v. Miller*. U.S. Supreme court, 1994.
20. Henry J. *Friendly, Indiscretion About Discretion* // *Emory Law Journal*. 1982. Vol. 31. Issue 4. P. 747 – 784.
21. Donald Earl Childress III. *Forum Conveniens: The Search for a Convenient Forum in Transnational Cases* // *Virginia Journal of International Law*. 2012. Vol. 53. Issue 1. P. 157 – 179.
22. Joel H.S. *When Is an Alternative Forum Available? Rethinking the Forum Non Conveniens Analysis* // *Indiana Law Journal*. 2010. P. 1060 – 1117.
23. *Oceanic Sun Line Special Shipping Co. v. Fay*. High court of Australia, 1988.
24. *Voth v. Manildra Flour Mills Pty. Ltd.* High court of Australia, 1990.
25. *Gutnick v. Dow Jones & Co.* High court of Australia, 2001.

References

1. Ronald A.B., Scott R.J. *Forum non conveniens: history, global practice, and future under the Hague convention on choice of court agreements*. Oxford University Press, 2007. 358 p.
2. *MacShannon v. Rockware Glass Ltd.* MacShannon, House of Lords, 1978.
3. *Spiliada Mar. Corp. v. Consulex Ltd.* House of Lords, 1986.
4. Fawsett J.J. *Declining jurisdiction in private international law: reports to the XIVth Congress of the International Academy of Comparative Law*. Oxford University Press on Demand, 1994. 447 p.
5. Fentiman R.G. *Jurisdiction, Discretion and the Brussels Convention*. *Cornell International Law Journal*. 1993. Vol. 26. Issue 1. P. 59 – 99.
6. Stuckelberg M. *Lis Pendens and Forum Non Conveniens at the Hague Conference: The Preliminary Draft Convention on Jurisdiction and Foreign Judgements in Civil and Commercial Matters*. *Brooklyn Journal of International Law*. 2001. Vol. 26. Issue 3. P. 949 – 981.

7. Connelly v. R.T.Z. Corp. House of Lords, 1998.
8. Beaumont P. Forum Non Conveniens/Lis Pendens. 2001.
9. Beaumont P. Forum non Conveniens and the EU rules on Conflicts of Jurisdiction: A Possible Global Solution. *Revue critique de droit international privé*, 2018. 447 p.
10. Lubbe and Others and Cape Plc. and Related Appeals. House of Lords, 2000.
11. Gilbert v. Gulf Oil Corp. U.S. Supreme court, 1947.
12. Dow Chem. Co. v. Castro-Alfaro. U.S. Supreme court, 1990.
13. Texas Civil Practice & Remedies Code. 2002 (ann. § 71.05 1(a)) (Vernon).
14. Koster v. Lumbermens Mut. Cas. Co. U.S. Supreme court, 1947.
15. 28 U.S. Code § 1404. 1948.
16. Piper Aircraft Co. v. Reyno. U.S. Supreme court, 1981.
17. Union Carbide Corp. Gas Plant Disaster. U.S. Supreme court, 1986.
18. Iragorri v. United Techs. Corp. U.S. Supreme court, 2001.
19. American Dredging Co. v. Miller. U.S. Supreme court, 1994.
20. Henry J. Friendly, Indiscretion About Discretion. *Emory Law Journal*. 1982. Vol. 31. Issue 4. P. 747 – 784.
21. Donald Earl Childress III. Forum Conveniens: The Search for a Convenient Forum in Transnational Cases. *Virginia Journal of International Law*. 2012. Vol. 53. Issue 1. P. 157 – 179.
22. Joel H.S. When Is an Alternative Forum Available? Rethinking the Forum Non Conveniens Analysis. *Indiana Law Journal*. 2010. P. 1060 – 1117.
23. Oceanic Sun Line Special Shipping Co. v. Fay. High court of Australia, 1988.
24. Voth v. Manildra Flour Mills Pty. Ltd. High court of Australia, 1990.
25. Gutnick v. Dow Jones & Co. High court of Australia, 2001.

Бюджетно-правовая ответственность как институт бюджетного права

**Пономарев О.В., старший преподаватель,
Позняков К.С.,
Шичко А.Р.,
Моженко Н.С.,
Дальневосточный федеральный университет**

***Аннотация:** в данной статье рассмотрена бюджетно-правовая ответственность как институт бюджетного права. Автором выявлены особенности данного института, а также изучены виды бюджетной ответственности, предусмотренные Бюджетным кодексом РФ. В статье подробно проанализированы и классифицированы виды ответственности за нарушение бюджетного законодательства, а также рассмотрены основания наступления и порядок применения бюджетной ответственности. Бюджетная ответственность является одним из важнейших элементов бюджетного права, она тесно связана с другими его институтами. Бюджетная ответственность – это применение к нарушителям бюджетного законодательства мер принуждения, предусмотренных бюджетным законодательством. Она включает в себя виды бюджетных правонарушений и меры ответственности за их совершение, а также основания привлечения к ответственности. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ бюджетные правонарушения – это противоправные деяния, нарушающие бюджетное законодательство РФ, влекущие применение мер принуждения за их совершение. Право на применение мер принуждения к нарушителям бюджетного законодательства является безусловным конституционным правом государства. Однако оно распространяется лишь на лиц, обладающих публично-правовой ответственностью.*

***Ключевые слова:** бюджет, бюджетно-правовая ответственность, бюджетное право, законодательство, правонарушения*

Для цитирования: Пономарев О.В., Позняков К.С., Шичко А.Р., Моженко Н.С. Бюджетно-правовая ответственность как институт бюджетного права // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 148 – 151.

Budgetary and legal responsibility as an institute of budgetary law

**Ponomarev O.V., Senior lecturer,
Poznyakov K.S.,
Shichko A.R.,
Mozhenko N.S.,
Far Eastern Federal University**

***Abstract:** this article discusses budgetary and legal responsibility as an institution of budgetary law. The author reveals the features of this institution, and also considers the types of budget documentation provided for by the Budget Code of the Russian Federation. The article analyzes and classifies in detail the cases of violation of the budgetary legislation, as well as the cases of occurrence and the procedure for applying the budgetary situation. Budgetary responsibility is one of the many elements of budgetary law, it is closely related to its other institutions. Budgetary responsibility is the application of coercive measures provided for by budgetary legislation to violators of budgetary legislation. It includes types of budget offenses and complaints for their commission, and also leads to the point. In accordance with the Budget Code of the Russian Federation, budget offenses are illegal acts that violate the budget agreement of the Russian Federation, attracting the use of coercive measures for their commission. The right to apply coercive measures against violators of budget legislation is an unconditional constitutional right of the state. However, it only applies to persons with public liability.*

***Keywords:** budget, budgetary and legal responsibility, budgetary law, legislation, offenses*

For citation: Ponomarev O.V., Poznyakov K.S., Shichko A.R., Mozhenko N.S. Budgetary and legal responsibility as an institute of budgetary law. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 148 – 151.

Бюджетно-правовая ответственность как институт бюджетного права является сложным явлением. Бюджетная ответственность представляет собой применение к нарушителям бюджетных прав мер воздействия, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ и другими федеральными законами [1].

БК РФ определяет в основном субъектов бюджетных правонарушений через категорию «получателей бюджетных средств». В роли таковых могут выступать бюджетные учреждения, главные распорядители и распорядители бюджетных средств, органы государственной власти и местного самоуправления, публично-правовые образования в целом, кредитные организации; юридические лица, индивидуальные предприниматели, физические лица, получившие субсидии из бюджета любого уровня бюджетной системы РФ [2].

Однако БК РФ не дает определения понятия «получатель бюджетных средств», что может привести к неоднозначной трактовке его участниками бюджетного процесса. Неясность этого понятия может повлечь за собой многочисленные споры между участниками бюджетного процесса относительно круга лиц, которые могут быть признаны получателями бюджетных средств, а также по поводу определения того, какие виды бюджетных доходов и расходов могут относиться к таковым.

Так, в целом, бюджетная ответственность представляет собой один из видов ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации. По смыслу Бюджетного кодекса РФ (БК РФ) она представляет собой санкцию за совершение бюджетного правонарушения. Это комплексный институт, представляющий собой совокупность норм бюджетного законодательства. В нем выделяются нормы, закрепляющие основание и условия ответственности, правовые последствия ее наступления. Бюджетная ответственность представляет собой обязанность государства, муниципальных образований и их должностных лиц отвечать за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих бюджетных обязанностей. В то же время, бюджетная ответственность не является самостоятельной юридической обязанностью, она представляет собой один из видов юридической ответственности [5]. Она включает в себя разнообразные правовые формы воздействия на нарушителей бюджетного законодательства, которые проявляются в таких правовых формах, как административная, имущественная, дисциплинарная и уголовная ответственность. Ее составная часть – бюджетно-правовое принуждение – представляет собой систему административно-правовых мер воздействия на участников бюджетного процесса в целях обеспечения соблюдения ими бюджетного законодательства. Бюджетно-правовые санкции не могут быть отнесены к административным, поскольку они применяются за нарушение норм бюджетного права. Бюджетно-правовые санкции являются юридическим выражением государственного принуждения, направленного на обеспечение выполнения норм бюджетного права.

Бюджетно-правовой характер имеет не только ответственность за нарушение бюджетного законодательства, но и ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение бюджетного процесса, за нецелевое использование бюджетных средств [3].

В бюджетном праве в качестве основных субъектов ответственности выступают государственные органы, обладающие бюджетными полномочиями, а также органы местного самоуправления и муниципальные учреждения [2].

На наш взгляд, нормы о бюджетно-правовых санкциях должны быть закреплены в иных нормативных правовых актах. В частности, положения об ответственности за нецелевое использование бюджетных средств, а также средств государственных внебюджетных фондов, целесообразно включить в Налоговый Кодекс РФ.

В частности, не урегулирован порядок рассмотрения дел о правонарушениях, предусмотренных гл. 15 БК РФ. Не определен также порядок обжалования решений, вынесенных по делам о правонарушениях в сфере бюджетного законодательства. В связи с этим в Бюджетном кодексе Российской Федерации целесообразно было бы предусмотреть процедуру рассмотрения дел об административных правонарушениях и обжалования решений по ним. Так, до настоящего времени не существует единых правил рассмотрения дел о нарушении бюджетного законодательства. В частности, не определен субъект, который должен рассматривать дела о нарушении законодательства о бюджетной системе Российской Федерации. Не существует и единого порядка принятия решений по результатам рассмотрения таких дел.

В связи с этим возникает вопрос: должна ли применяться к отношениям, для которых предусмотрен особый порядок их возникновения и разрешения, специальная норма (например, Бюджетного Кодекса РФ), или же она должна применяться в совокупности с нормой, регулирующей общие положения, то есть по аналогии. Ответ на этот вопрос зависит от того, как мы понимаем правовую природу бюджетных правоотношений. Не урегулированы процессуальные вопросы привлечения к бюджетной ответственности за нарушение бюджетного законодательства. В частности, не решен вопрос о возможности привлечения к ответственности в форме наложения штрафа за несвоевременное представление сведений, необходимых для со-

ставления проекта бюджета. В настоящее время отсутствует возможность применения к нарушителю мер принуждения.

Бюджетно-правовая ответственность заключается в применении бюджетных мер принуждения, которые применяются уполномоченными государственными органами и должностными лицами. Бюджетная ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности [4]. Она не связана с имущественной ответственностью за нарушение бюджетного законодательства, поэтому не может рассматриваться в качестве разновидности гражданско-правовой ответственности.

Бюджетные санкции применяются в случаях нарушения бюджетного законодательства, в том числе законодательства о налогах и сборах. Основанием для применения бюджетных санкций является совершение бюджетного правонарушения. Меры бюджетного принуждения могут быть предусмотрены не только к органам и подведомственным им бюджетным учреждениям, но и к иным юридическим лицам, использующим средства бюджетов бюджетной системы РФ. В рамках бюджетного права меры бюджетного принуждения подразделяются на: меры финансовой ответственности (ст. 28 БК); меры ответственности за нарушение бюджетного законодательства (ст. 30 БК).

В свою очередь, бюджетные меры принуждения подразделяются на две группы:

- меры, применяемые в рамках бюджетных правоотношений;
- меры ответственности, применяемые в рамках других правоотношений.

К первой группе относятся меры принудительного воздействия, осуществляемые в пределах бюджетных полномочий органов государственной власти и управления. Меры первой группы могут быть названы бюджетными мерами принуждения, поскольку все они направлены на обеспечение исполнения бюджета в соответствии с его доходными и расходными статьями [3].

Среди бюджетных мер принуждения к исполнению бюджетной обязанности различают:

- 1) право на бесспорное взыскание суммы бюджетного платежа в бесспорном порядке, т.е. без обращения с иском в суд;
- 2) право на взыскание в судебном порядке суммы бюджетного неплатежа или платы за пользование бюджетными средствами;
- 3) право на получение отсрочки или рассрочки по уплате налога и сбора;
- 4) право на зачет или возврат излишне уплаченных сумм налога, сбора, пени.

Рассмотрение научных вопросов в этой сфере очень важно для понимания особенностей процесса формирования бюджета и ответственности за его исполнение, поскольку именно в процессе бюджетного планирования и исполнения бюджета происходят основные финансово-правовые отношения. Как показывает практика, отношения эти носят достаточно сложный характер, что не позволяет говорить о них только как о финансовых правоотношениях. Однако, как мы видим, в науке и обществе существует проблема, которую можно было бы назвать бюджетно-правовой безграмотностью.

Бюджетный кодекс РФ разграничивает понятия «бюджет» и «финансовые ресурсы». Финансовыми ресурсами являются денежные средства, которые находятся в распоряжении органов власти.

Итак, бюджетно-правовую ответственность можно определить как санкцию, применяемую к нарушителю за совершение бюджетного правонарушения. Бюджетно-правовая ответственность заключается в применении бюджетных мер принуждения, а также предусмотренных законодательством мер ответственности к нарушителям бюджетного законодательства. Бюджетная ответственность – это мера государственного принуждения к исполнению бюджетных обязательств, выражающаяся в наложении на нарушителей бюджетного законодательства финансовых санкций (штрафов, пеней, взысканий) в виде уменьшения сумм поступлений в бюджет или возврата на счета бюджета средств, использованных не по целевому назначению. В целом, бюджетная политика не ограничивается лишь рассмотрением этих вопросов. Она должна включать в себя также и другие проблемы, в том числе – и вопрос о необходимости более активного участия государства в регулировании экономики.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023)
2. Бюджетное право: учеб. пособие / Под ред. Никитина А.М. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2018. 235 с.
3. Годин А.М. Бюджетная система РФ: учеб. пособие. М.: Издательский Дом «Дашков и К°», 2019. 324 с.

4. Керимова С.Н., Карагишиев А.Э. Некоторые проблемы привлечения к ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2020. № 3. С. 75 – 81.

5. Трубин В.Ю. Современные аспекты бюджетно-правовой ответственности за нецелевое использование бюджетных средств // Вестник СГЮА. 2012. № 6 (89). С. 181 – 184.

References

1. Bjudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 N 145-FZ (red. ot 28.12.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023)

2. Bjudzhetnoe pravo: ucheb. Posobie. Pod red. Nikitina A.M. 2-e izd. pererab. i dop. M.: JuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2018. 235 s.

3. Godin A.M. Bjudzhetnaja sistema RF: ucheb. posobie. M.: Izdatel'skij Dom «Dashkov i K°», 2019. 324 s.

4. Keramova S.N., Karagishiev A.Je. Nekotorye problemy privlechenija k otvetstvennosti za naru-shenie bjudzhetnogo zakonodatel'stva. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3, Obshhestvennye nauki. 2020. № 3. S. 75 – 81.

5. Trubin V.Ju. Sovremennye aspekty bjudzhetno-pravovoj otvetstvennosti za necelevoe ispol'zovanie bjudzhetnyh sredstv. Vestnik SGJuA. 2012. № 6 (89). S. 181 – 184.

К дискуссии о вещной и обязательственной природе залога

**Веревкин Д.В.,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации**

Аннотация: залоговые отношения являются одними из самых распространенных правовых и экономических отношений, направленных на снижения риска неплатежеспособности должника. Тем не менее, длительное существование института не позволяет обойти стороной дискуссию о правовой природе залога, суть которой – определить, является ли залог институтом вещного либо обязательственного права. В работе осуществляется анализ основные аргументы обеих позиций, по результатам которого делается вывод о наличии в феномене залога как сугубо вещно-правовых, так и обязательственных аспектов. Также автор приходит к заключению об ошибочности однозначного отнесения конструкции залога либо к сфере вещного, либо к сфере обязательственного права, поскольку залог следует считать явлением комплексного порядка, сложным правоотношением, внутри которого наблюдается существование как вещно-правовых отношений (залогодержатель-предмет залога), так и обязательно-правовых связей (залогодержатель-залогодатель). В работе отмечается, что правильность ответа на вопрос о сущности залога зависит от конкретного содержания термина «залог» – как обременения, как договора залога или как залогового правоотношения в целом. При использовании термина в максимально широком смысле, то есть в значении правоотношения, отмечается, что залог обладает двойственной (комплексной) правовой природой, сочетающей в себе вещно-правовые и обязательно-правовые элементы. Категоричное отнесение залогового правоотношения к явлениям вещно-правового либо обязательно-правового порядке признается некорректным, что поддерживается некоторыми российскими авторами.

Ключевые слова: залог, залоговое правоотношение, договор залога, вещное право, обязательственное право, обременение

Для цитирования: Веревкин Д.В. К дискуссии о вещной и обязательственной природе залога // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 152 – 155.

To the discussion about the proprietary and obligatory nature of the pledge

**Verevkin D.V.,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration**

Abstract: pledge relations are one of the most common legal and economic relations aimed at reducing the risk of insolvency of the debtor. Nevertheless, the long-term existence of the institution does not allow us to ignore the discussion about the legal nature of the pledge, the essence of which is to determine whether the pledge is an institution of property law or law of obligations. The paper analyzes the main arguments of both positions, based on the results of which it is concluded that there are both purely proprietary and obligatory aspects in the phenomenon of a pledge. The author also comes to the conclusion about the fallacy of unambiguous attribution of the construction of the pledge either to the sphere of property law or to the sphere of the law of obligations, since the pledge is a phenomenon of a complex order, a complex legal relationship, within which there is the existence of both property relations (the pledgee – the subject of the pledge) and binding-legal relations (the pledgee - the pledger). The paper notes that the correctness of the answer to the question about the essence of the pledge depends on the specific content of the term "pledge" – as an encumbrance, as a pledge agreement or as a pledge legal relationship in general. When using the term in the broadest possible sense, that is, in the meaning of a legal relationship, it is noted that the pledge has a dual (complex) legal nature, combining proprietary and obligatory elements. Categorical attribution of the pledge legal relationship to the phenomena of the property law or law of obligations order is considered incorrect, which is supported by some Russian authors.

Keywords: pledge, pledge legal relationship, pledge agreement, property law, law of obligations, encumbrance

For citation: Verevkin D.V. To the discussion about the proprietary and obligatory nature of the pledge. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 152 – 155.

Гражданско-правовая конструкция залога является важнейшим инструментом исторического развития и последующего стабильного существования хозяйственного оборота. Возможность получения кредитором удовлетворения за счет вещи должника преимущественно перед всеми иными кредиторами является главной экономической ценностью залога, в отсутствие которой невозможно представить адекватное функционирование банковского сектора, рынков капитала, проектного финансирования и иных не менее важных сфер современной экономической жизни.

Несмотря на тысячелетнее существование феномена, градус дискуссии о правовой сущности залога нельзя переоценить – до настоящего времени в литературе не сложился консенсус относительно надлежащей правовой квалификации залога. Главный вопрос сводится к тому, является ли залог институтом вещного права либо же надлежащее догматическое описание явления относится к прерогативе права обязательственного?

Исторический экскурс не может служить панацеей в разрешении данного вопроса, поскольку в праве Древнего Рима, которому современное право обязано изобретением конструкции залога, четкое разделение имущественных прав на вещные и обязательственные в принципе отсутствовало [1].

Отечественное законодательство также не может служить надежным ориентиром в поисках истины по данной проблематике, поскольку в раннем советском законодательстве (ГК РСФСР 1922 г.) залог признавался институтом вещного права, однако в дальнейшем (ГК РСФСР 1964 г. и действующий ГК РФ) нашел свое время в системе норм об обязательствах.

Основным доводом в поддержку вещно-правовой сущности залога является апеллирование к свойству следования залогового права за вещью – независимо от принадлежности вещи и смены её собственника залог сохраняется, что является отличительным признаком всякого вещного права [2].

В развитие данного тезиса зачастую подчеркивается, что ценность залога состоит не в личности должника (залогодателя), что свойственно праву обязательственному, а непосредственно в самой вещи, её ценности, на которую кредитор может претендовать [3].

Наконец, отдельными авторами подчеркивается, что вещно-правовой характер залога также заключается в наличии юридической связи не только между залогодержателем и залогодателем, но и между залогодержателем и заложенным имуществом, в отношении которого последний пользуется арсеналом вещно-правовых способов защиты (виндикационный иск, иск о признании права), при этом свой интерес залогодержатель может принудительно удовлетворить без посредства должника, что также является отличительной чертой скорее вещного, нежели обязательственного права [4].

В противовес изложенному, в литературе имеется множество доводов в пользу обязательственной сущности залога. Так, довольно популярным тезисом является ссылка на возможность определения правомочий залогодержателя условиями договора о залоге, при этом доводы о наличии возможности применения вещно-правовых способов защиты и наличии феномена следования признаются несостоятельными ссылками на наличие подобных признаков у некоторых сугубо обязательственных явлений (например, аренда) [5].

Не менее распространенным доводом в пользу обязательственной природы залога является анализ залога обязательственных прав, что, по мнению ряда авторов, не представляется возможным в вещно-правовой парадигме залога, поскольку вещное право по своему определению может быть только на вещь, но не на какие-либо имущественные права [6].

Продолжая риторику определения природы залога в зависимости от объекта залога, некоторые авторы, в частности, В.В. Витрянский, указывают, что предметом залога могут быть будущие вещи, то есть, по сути, еще не существующие, на которые на момент возникновения залоговых правоотношений еще не существует права собственности, в связи с чем залог непременно является феноменом обязательственного права [7].

По нашему мнению, все вышеизложенные доводы имеют свои достоинства, однако их главными недостатками кажется их изолированность друг от друга, то есть отсутствие системного взгляда на феномен залога, оценка правовой природы которого не может быть такой однозначной при разложении конструкции залога на отдельные составляющие. Такой подход неизбежно приводит к компромиссному выводу о комплексной сущности залога, в котором могут усматриваться как вещно-правовые, так и обязательственные элементы. Поясним данную мысль детальнее.

Залоговое правоотношение является правоотношением сложным, поскольку состоит из множества прав и обязанностей участников данного правоотношения. По нашему мнению, отдельные права и обязанности, существующие в рамках залогового правоотношения, могут относиться к отношениям обязательственным, в то время как другие – к вещным, что не представляется чем-то противоестественным для научного осмысления либо практического применения конструкции залога.

Например, тот факт, что установление залога влечет известное обременение заложенного объекта, будь то вещь или обязательственные права, в силу которого все третьи лица лишаются возможности удовлетво-

рять свои требования путем обращения взыскания на заложенное имущество, безусловно свидетельствует о вещной природе залогового обременения. В противном случае следовало бы признать, что залогодатель и залогодержатель своими договоренностями в известной степени повлияли на правовое положение третьих лиц в нарушение принципа относительности обязательств.

Также обстоятельство, что залоговое обременение лишает собственника заложенного имущества части принадлежащих ему вещных прав на заложенную вещь, в частности такого важного вещного права как право на свободное распоряжение своей вещью, также свидетельствует о вещном характере залога как обременения, поскольку наличие такого ограничения не может быть объяснено с помощью обязательственно-правового инструментария. Бесспорно, что сторона может принять на себя обязательство не совершать какие-либо действия (негативное обязательство), однако его нарушение повлекло бы не более чем взыскание убытков с неисправного должника. В случае же с залогом «должник» (залогодатель) в принципе лишен возможности поступить с залоговым имуществом каким-либо образом вопреки воле залогодержателя, что свидетельствует об установлении определенного вещного права (обременения) на заложенную вещь.

В то же время, за рамками непосредственно обременения, в залоговых правоотношениях наблюдается комплекс иных правовых связей между залогодателем и залогодержателем, которые могут быть описаны только с помощью обязательственно-правовых конструкций.

Например, установление залога предполагает возникновение ряда обязанностей на стороне залогодателя перед залогодержателем, в частности, обязанности предупредить последнего о всех известных ему правах третьих лиц на предмет залога (п. 4 ст. 336 ГК РФ), обязанность страховать предмет залога от рисков его утраты и повреждения, обязанность бережного использования предмета залога (п. 1 ст. 343 ГК РФ), а также некоторые другие обязанности, которые представляют собой классические гражданско-правовые обязательства.

Изложенное наталкивает на вывод о том, что гражданско-правовой институт залога обладает двойственной природой, сочетая в себе элементы вещного и обязательственного права. Во многом разделение вещного и обязательственного аспектов предопределяется правильным использованием терминологии. Так, слово «залог» может пониматься как: а) обременение имущества; б) договор об установлении залога; в) залоговое правоотношение в целом.

По нашему мнению, залог как залоговое обременение безусловно является вещно-правовым феноменом в силу ранее приведенных аргументов. В то же время, понятие «залог» в широком смысле, которое включает в себя не только собственно обременение имущества, но и иные аспекты залога, оставшиеся помимо собственно обременения, например, договор залога и вытекающие из него или закона обязательства между залогодателем и залогодержателем, имеет также обязательственно-правовую сущность.

Отдельными авторами также признается комплексная (двойственная) сущность залога [8], что, по нашему мнению, является наиболее взвешенным и догматически чистым подходом к определению правовой природы залога.

Изложенное в купе свидетельствует о том, что разворачивающаяся в научных кругах дискуссия о вещном или обязательственном характере «залога» является некорректной с точки зрения самой постановки вопроса. Правильным с методологической точки зрения рассуждением будет анализ залогового правоотношения как сложного юридического отношения, в рамках которого наблюдаются как элементы вещных правоотношений, так и обязательственные правоотношения между залогодателем и залогодержателем как должником и кредитором.

Литература

1. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут. 2017. С. 17 – 25.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 240.
3. Вишневский А.А. Залоговое право: учебное и практическое пособие. М.: БЕК, 1995. С. 34 – 38.
4. Ахметьянова З.А. Вещное право: учебник. М.: Статут. 2011. С. 59.
5. Рудакова В.Д. Правомочие владения в гражданских // Нотариус. 2011. № 5. С. 27 – 29.
6. Васильева М., Мельникова Ю. и др. Способы обеспечения исполнения обязательств // Экономико-правовой бюллетень. 2002. № 7. (СПС «Консультант Плюс»)
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения (книга 1). М.: Статут. 2001. (СПС «Консультант Плюс»)
8. Брагинский М.И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М., 1998. (СПС «Консультант Плюс»)

References

1. Suhanov E.A. Veshhnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyj ocherk. M.: Statut. 2017. S. 17 – 25.
2. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M.: Spark, 1995. S. 240.
3. Vishnevskij A.A. Zalogovoe pravo: uchebnoe i prakticheskoe posobie. M.: BEK, 1995. S. 34 – 38.
4. Ahmet'janova Z.A. Veshhnoe pravo: uchebnik. M.: Statut. 2011. S. 59.
5. Rudakova V.D. Pravomochie vladenija v grazhdanskih. Notarius. 2011. № 5. S. 27 – 29.
6. Vasil'eva M., Mel'nikova Ju. i dr. Sposoby obespechenija ispolnenija objazatel'stv. Jekonomiko-pravovoj bjulleten'. 2002. № 7. (SPS «Konsul'tant Pljus»)
7. Braginskij M.I., Vitrjanskij V.V. Dogovornoe pravo. Obshhie polozhenija (kniga 1). M.: Statut. 2001. (SPS «Konsul'tant Pljus»)
8. Braginskij M.I. K voprosu o sootnoshenii veshhnyh i objazatel'stvennyh pravootnoshenij. Grazhdanskij kodeks Rossii. Problemy. Teorija. Praktika. M., 1998. (SPS «Konsul'tant Pljus»)

**Проблемы получения образцов для сравнительного исследования
в отношении лиц с религиозными убеждениями**

**Лотто Т.А.,
Брагер Д.К., кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Сахалинский институт железнодорожного транспорта, филиал Дальневосточного
государственного университета путей сообщения в г. Южно-Сахалинске**

***Аннотация:** в данной статье будут рассмотрены особенности, возникающие при получении образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями. В связи с чем представляется возможным сказать о том, что образцы для сравнительного исследования играют большую роль в процессе доказывания по уголовному делу, так как на их основе происходит осуществление многих судебных экспертиз. При этом при получении образцов для сравнительного исследования нередко возникают определенные проблемы, когда подозреваемый, обвиняемый отказываются добровольно предоставлять данные образцы, ссылаясь на имеющиеся у них религиозные убеждения. Поэтому необходимо акцентировать внимание на данной проблеме, что также обуславливает появление особенностей при производстве данного мероприятия. В настоящее время, когда человек постоянно пользуется цифровыми технологиями, обеспечение законности при производстве следственных действий приобретает определенный смысл, поэтому также важно исследовать порядок производства получения образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями. Результаты исследования окажут положительное влияние на практическую реализацию положений уголовно-процессуального законодательства, что непременно приведет к его развитию на всех стадиях уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** лица с религиозными убеждениями, принудительное получение образцов, экспериментальные образцы, образцы для сравнительного исследования*

Для цитирования: Лотто Т.А., Брагер Д.К. Проблемы получения образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 156 – 159.

Problems of obtaining samples for comparative research in respect of persons with religious beliefs

**Lotto T.A.,
Brager D.K., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Far Eastern State Transport University,
Sakhalin Institute of Railway Transport – a branch
of the Far Eastern State Transport University in Yuzhno-Sakhalinsk**

***Abstract:** this article will consider the features that arise when obtaining samples for a comparative study in relation to persons with religious beliefs. In this connection, it seems possible to say that samples for a comparative study play an important role in the process of proving in a criminal case, since many forensic examinations are carried out on their basis. At the same time, when obtaining samples for a comparative study, certain problems often arise when the suspect, the accused refuse to voluntarily provide these samples, referring to their religious beliefs. Therefore, it is necessary to focus on this problem, which also causes the appearance of features in the production of this event. At present, when a person constantly uses digital technologies, ensuring legality in the production of investigative actions acquires certain meaning, therefore it is also important to investigate the procedure for obtaining samples for comparative research in relation to persons with religious beliefs. The results of the study will have a positive impact on the practical implementation of the provisions of criminal procedure legislation, which will certainly lead to its development at all stages of criminal proceedings.*

***Keywords:** persons with religious beliefs, compulsory collection of samples, experimental samples, samples for comparative research*

For citation: Lotto T.A., Brager D.K. Problems of obtaining samples for comparative research in respect of persons with religious beliefs. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 156 – 159.

При производстве уголовного дела нередко возникают ситуации, когда обнаруженные на месте происшествия материальные следы необходимо сопоставить с другими объектами с целью их отождествления. То есть, иными словами, образцы для сравнительного исследования служат основой для производства судебной экспертизы, так как на основании полученных образцов эксперт может провести исследование, что в будущем позволит следователю либо дознавателю использовать результаты данной экспертизы в роли доказательства по уголовному делу.

Но также стоит сказать о том, что актуальность также обуславливают проблемы получения образцов для сравнительного исследования. С первого взгляда можно сказать о том, что в производстве данного следственного действия не может возникнуть каких-либо проблем, так как сущность получения образцов для сравнительного исследования состоит в том, что уполномоченное лицо получает от конкретного лица материальные следы, которые впоследствии лягут в основу отождествления с другими объектами. Но анализ практической деятельности в сфере получения образцов для сравнительного исследования показывает, что существуют ряд проблем, с которыми субъект органа предварительного расследования сталкивается при производстве данного следственного действия. Поэтому важно в этой статье рассмотреть данные проблемы, а также предложить пути их решения [10, с. 19].

Так, при изъятии образцов первоначально необходимо установить личность лица, то есть следует проверить его документы. После этого лицо следует ознакомить с постановлением о получении образцов для сравнительного исследования. При этом данные мероприятия позволят обеспечить необходимый уровень законности при производстве данного следственного действия [5, с. 101].

Стоит отметить, что при получении образцов в отношении лиц с религиозными убеждениями морально-этические нормы также должны соблюдаться. Объясняется это тем, что в период проведения следственного действия не надлежит применять методы, которые способны создавать «опасность для жизни и здоровья, либо унижают честь и достоинство лица» [1], у которого необходимо получить образцы для сравнительного исследования. В связи с этим, производство инструктажа лиц, участвующих в следственном действии, является обязательным элементом тактики производства получения образцов для сравнительного исследования [4, с. 467].

Для начала следует сказать о том, что получение образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями может проходить в условиях конфликтной и бесконфликтной ситуации.

Получение образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями в условиях бесконфликтной ситуации носит, как правило, добровольный характер и характеризуется тем, что лицо не совершает каких-либо действий, направленных на воспрепятствование деятельности следователя либо дознавателя. В такой ситуации тактика субъекта, производящего следственное действие, будет сводиться к тому, что соблюсти требования, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством для производства такого следственного действия.

Как правило, получение образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями в условиях конфликтной ситуации вызывает наибольший интерес в плане тактических действий следователя либо дознавателя. Важно при выборе тактики опираться на установление психологического контакта с лицом, у которого необходимо получить данные образцы. Психологический контакт в большинстве случаев имеет большое практическое значение в плане производства самого следственного действия, так как при нормальном протекании данного мероприятия следователь либо дознаватель, а также другие обязательные для участия в получении образцов лица смогут полностью сосредоточиться на данном мероприятии. В качестве тактических особенностей следует сказать о том, что субъект, который производит данное следственное действие, должен применить такие приемы, как:

1. Убеждение;
2. Приемы примера;
3. Разъяснение целей производства данного следственного действия;

4. Разъяснение, что отказ от участия в получении образцов для сравнительного исследования может носить правовой характер в том плане, что в суде данный отказ может служить доказательством. А именно суд может оценить, что образцы могут свидетельствовать как о причастности лица в совершении противоправного деяния, так и невиновности лица [4, с. 472].

Особое внимание заслуживает тактика производства данного следственного действия в условиях принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями. В таком случае следователь либо дознаватель должен четко представлять каким образом будут изыматься такие образцы. При этом, к примеру, принудительное изъятие образцов почерка невозможно будет произвести. Но стоит начать с того, что отказ от предоставления образцов для сравнительного исследова-

дования необходимо отражать в протоколе. Но с тактической точки зрения также следует учитывать то, что для производства экспертизы при наличии возможности следует предоставлять другие материалы [7, с. 491]. К примеру, тактические действия следует построить таким образом, чтобы появилась возможность изъять свободные либо условно-свободные образцы. Но это дает положительный эффект только в тех случаях, когда они могут заменить экспериментальные образцы. Говоря о том, что можно произвести иное процессуально оформленное следственное действия для принудительного изъятия образцов для сравнительного исследования следует сказать о их правильной фиксации и изъятии, так как, к примеру, в ходе обыска или выемки в совокупности с протоколом получения образцов для сравнительного исследования, где запечатлен отказ от дачи таких образцов, может являться одним из оснований законности использования иных объектов в ходе проведения экспертизы, но только при условии того, что такие объекты отвечают всем необходимым требованиям, установленным законом [8, с. 325].

Стоит уделить внимание тому, что свободные образцы для сравнительного исследования существуют уже в готовом виде к моменту начала производства по уголовному делу, а экспериментальные образцы возникают в связи возникновением надобности в сравнении с конкретным объектом, который по предположению следователя либо дознавателя имеет отношение к уголовному делу. Поэтому в ходе получения образцов для сравнительного исследования следует учитывать тот факт, что не будет являться получение образцов для сравнительного исследования изъятие объектов в ходе такого следственного действия как осмотр места происшествия, но при условии того, что такие объекты будут «оторваны» от основного носителя. Поэтому тактические действия следователя в такой ситуации также должны быть максимально продуманными. И прежде всего изъятие объектов, которые впоследствии планируется использовать в качестве образцов для сравнительного исследования должно происходить вместе с объектом-носителем [9, с. 81].

Также следует иметь в виду, что при получении образцов для сравнительного исследования у подозреваемого либо обвиняемого может присутствовать адвокат, который также всевозможными способами и методами может препятствовать нормальному производству данного следственного действия. В этой связи необходимо заранее определять круг участников, которые будут участвовать в данном следственном действии во избежание каких-либо ситуаций, которые могут препятствовать получению необходимых результатов данного следственного действия. При этом тактической особенностью необходимо отметить роль психологического фактора, а именно следует с первой минуты создать такую обстановку, чтобы все участвующие лица поняли, что следователь либо дознаватель является главным действующим лицом и что необходимо выполнять все его поручения [2, с. 698].

Большой интерес представляют также тактические особенности получения образцов для сравнительного исследования в ходе судебного разбирательства. Характерной особенностью получения образцов для сравнительного исследования в связи с назначением судебной экспертизы в судебном заседании является то обстоятельство, что обеспечение принуждения при данном судебном действии довольно сложно реализовать.

Важно отметить, что процессуальное лицо сильно ограничивает ряд законов, в соответствии с которыми ему является невозможным на законных основаниях изъятие образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке даже к обычным лицам, без определенных религиозных убеждений. На практике же все действия принудительного характера являются незаконными, так как в законе нет даже толкования принудительного получения образцов. Принуждение в любой форме уже само по себе является нарушением прав и свобод личности, которые закреплены в Конституции РФ, а рамок дозволенного принуждения не существует, законно они нигде не закреплены, поэтому каждый определяет эти рамки дозволенного самостоятельно. Поэтому необходимо закрепить на законодательном уровне допустимые процедуры принудительного получения образцов для сравнительного исследования [3, с. 201].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать о том, что есть элементы, которые характеризуют получение образцов для сравнительного исследования как самостоятельное следственное действия, способствующее производству судебной экспертизы посредством предоставления необходимых материалов. Важно сказать, что следователь либо дознаватель должен качественно подходить к процессу подготовки к данному следственному действию, а также должен реализовывать установленные цели в ходе получения образцов для сравнительного исследования посредством применения тактических приемов и учитывая особенности проведения данного следственного действия [6, с. 240].

Стоит отметить, что тактика получения образцов для сравнительного исследования в отношении лиц с религиозными убеждениями должны состоять из:

1. Установление личности лица, у которого необходимо получить образцы для сравнительного исследования;
2. Ознакомление лица с постановлением о получении образцов для сравнительного исследования;

3. В процессе производства данного следственного действия должно строго соблюдаться законодательство, не допуская при этом методов, которые каким-либо создают угрозу жизни или здоровью граждан, а также унижающие честь и достоинство лиц, которые участвуют в данном следственном действии.

Но это еще не все особенности данного следственного действия, но они являются основополагающими, так как создают гарантии законности проведения данного следственного действия.

Однако нельзя не сказать о том, что следователь должен еще в процессе подготовки к производству данного следственного действия определить для себя наиболее важные моменты производства получения образцов для сравнительного исследования, которые и создают те особенности тактики, которые были рассмотрены нами в данном вопросе.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС Консультант плюс. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.01.2023)
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА, 2000. 990 с.
3. Брагер Д.К., Татауров А.А. Отдельные проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования при расследовании преступлений против жизни и здоровья // Казанская наука. 2012. № 7. С. 198 – 201.
4. Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2021. 613 с.
5. Колегов А.Л., Волосников И.В. Проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4. С. 96 – 106.
6. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2007. 441 с.
7. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Филиппова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 855 с.
8. Криминалистическая методика для дознавателей: учебник для вузов / под общей ред. А.Г. Филиппова. М.: Издательство Юрайт, 2011. 414 с.
9. Стельмах В.Ю. Получение образцов для сравнительного исследования по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации: понятие, порядок производства и проблемные вопросы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 78 – 85.
10. Ушаков А.Ю., Расулова Н.С. К вопросу о применении принудительных мер при получении образцов для сравнительного исследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 18 – 23.

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ. SPS Konsul'tant pljus. Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashhenija: 22.01.2023)
2. Aver'janova T.V., Belkin R.S., Koruhov Ju.G., Rossijskaja E.R. Kriminalistika: uchebnik dlja vuzov. M.: Izdatel'stvo NORMA, 2000. 990 s.
3. Brager D.K., Tataurov A.A. Otdel'nye problemy prinuditel'nogo poluchenija obrazcov dlja sravnitel'nogo issledovanija pri rassledovanii prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ja. Kazanskaja nauka. 2012. № 7. S. 198 – 201.
4. Egorov N.N., Ishhenko E.P. Kriminalistika: uchebnik i praktikum dlja vuzov. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2021. 613 s.
5. Kolegov A.L., Volosnikov I.V. Problemy prinuditel'nogo poluchenija obrazcov dlja sravnitel'nogo issledovanija. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 4. S. 96 – 106.
6. Kriminalistika: uchebnik. pod red. A.G. Filippova. M., 2007. 441 s.
7. Kriminalistika. Polnyj kurs: uchebnik dlja vuzov. pod obshh. red. A.G. Filippova. M.: Izda-tel'stvo Jurajt, 2020. 855 s.
8. Kriminalisticheskaja metodika dlja doznavatelej: uchebnik dlja vuzov. pod obshhej red. A.G. Filippova. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2011. 414 s.
9. Stel'mah V.Ju. Poluchenie obrazcov dlja sravnitel'nogo issledovanija po ugolovno-processual'nomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: ponjatje, porjadok proizvodstva i problemnye voprosy. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1. S. 78 – 85.
10. Ushakov A.Ju., Rasulova N.S. K voprosu o primenenii prinuditel'nyh mer pri poluchenii obrazcov dlja sravnitel'nogo issledovanija. Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 18 – 23.

Недействительность сделки в судебной практике

Гитинова М.М., кандидат юридических наук, доцент,
Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),

Ишкова Я.Г.,

Магомедгаджиева П.М.,

Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений

Аннотация: в представленной работе речь идет о проблемах признания сделок недействительными в судебном порядке. В России ежедневно совершается огромное число сделок в самых различных сферах жизнедеятельности общества. Но нередко при их заключении наблюдаются случаи нарушения прав и законных интересов граждан, выступающих сторонами в данных сделках. В числе способов восстановления нарушенного права можно назвать и судебную защиту, когда в установленном законом порядке суд признает сделку недействительной, если она была совершена с нарушениями условий ее заключения. Автор связывает данные проблемы с тем, что нормы Гражданского кодекса РФ, устанавливающие критерии недействительности сделок, содержат оценочные категории, которые не позволяют однозначно подходить к признанию сделок недействительными. Порядок заключения, изменения, расторжения сделки, а также признания ее недействительной регламентируется законом, который содержит обязательные для выполнения сторонами требования при заключении сделок. В противном случае это приведет к признанию сделки недействительной. Оснований для признания сделок недействительными в законе достаточно. Так, в числе таких оснований можно назвать недееспособность лица, отсутствие взаимного согласия, временное психическое расстройство, которое делает невозможным осознавать характер своих действий, и иные обстоятельства заключения сделок. Право оспорить недействительную с точки зрения закона сделку всегда должно оставаться у лица либо его представителя, выступающего в защиту его интересов.

Ключевые слова: недействительность сделки, признание сделки ничтожной, оспоримая сделка, сделка под влиянием обмана или заблуждения

Для цитирования: Гитинова М.М., Ишкова Я.Г. Недействительность сделки в судебной практике // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 160 – 164.

Invalidity of a transaction in judicial practice

Gitinova M.M., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
North Caucasian Institute (branch) All-Russian State
University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),

Ishkova Ya.G.,

Magomedgadzhieva P.M.,

Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations

Abstract: in the presented work, we are talking about the problems of recognizing transactions as invalid in court. In Russia, a huge number of transactions are made every day in various spheres of society. But often, when they are concluded, there are cases of violation of the rights and legitimate interests of citizens acting as parties to these transactions. Among the ways to restore a violated right, one can also name judicial protection, when, in accordance with the procedure established by law, the court recognizes the transaction as invalid if it was made with violations of the conditions for its conclusion. The author connects these problems with the fact that the norms of the Civil Code of the Russian Federation, which establish the criteria for the invalidity of transactions, contain evaluation categories that do not allow unambiguously recognizing transactions as invalid. The procedure for concluding, amending, terminating a transaction, as well as recognizing it as invalid, is regulated by law, which also contains requirements that are binding on the parties when concluding transactions and the conditions for their completion. Otherwise, it will lead to the recognition of the transaction as invalid. There are enough grounds for declaring transactions invalid. So, among such grounds one can name the person's incapacity, lack of mutual consent, temporary mental disorder, which makes it impossible to realize the nature of one's actions and other circumstances of the conclusion of transactions. Право оспорить недействительную с точки зрения закона сделку всегда должно оставаться у лица, либо его представителя, выступающего в защиту его интересов.

Keywords: *invalidity of a transaction, recognition of a transaction as void, voidable transaction, transaction under the influence of fraud or delusion*

For citation: Gitinova M.M., Ishkova Ya.G. Invalidity of a transaction in judicial practice. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 160 – 164.

Порядок и условия совершения сделок, а также основания признания сделок недействительными содержатся в нормах гражданского права, гражданско – процессуального, арбитражного права. При несоблюдении условий заключения сделок, истец прибегает к помощи суда. Основаниями такого обращения считаются нарушения условий, предъявляемых различного рода сделкам.

Практикующие юристы говорят о некоторых сложностях, связанных с применением норм гражданского права, содержащие критерии для признания сделок и соглашений недействительными. Это могут различного рода психофизиологические состояния лиц, участвующих в сделках и в силу своего особого состояния, не способных в полной мере осознавать значимость совершаемых ими действий (опьянение, воздействие психотропных веществ, болезненное состояние и пр.). Недобросовестные участники гражданских отношений вовлекают лиц, которые находятся в таком состоянии в различного рода обязательства, договоры как участника и стороны сделки, что приводит к нарушению их прав, причинению ущерба, банкротству. При этом лица не способны понимать значение собственных действий или руководить ими, что означает нарушение требований закона относительно условий совершения сделок.

В судебной практике известны случаи совершения сделок, когда лицо участвует в ее заключении, будучи под влиянием существенного заблуждения относительно юридической стороны дела [3, с. 134]. Контингент таких лиц попадает под влияние различных мошенников, которые и вовлекают их в такую сделку, что зачастую приводит к утрате какого либо имущества, права на имущество. В таких случаях представляется сложным доказать в суде, что лицо искренне заблуждалось и иллюзорно предполагало другие последствия заключенной сделки.

И в качестве следующего примера обратимся к сделке, которая была заключена лицом под влиянием обмана, воздействия насилием или угрозы его применения, при которых наступают вредные последствия для лица, что также довольно часто встречается в уголовной практике.

При нарушении норм материального права для восстановления нарушенного права приходится прибегать к процессуальным нормам. Так, в обоснование законности своих притязаний истцу приходится приводить свою доказательственную базу, которая бы подтверждала, что сделка была совершена с нарушением закона (под различным психологическим воздействием или обманом, при наличии кабальных условиях для одной из сторон (потерпевшей стороны) и пр.). Таким образом, бремя доказывания о нарушении его законного права возлагается на истца, который обязан собрать достаточно объемный материал для подтверждения законности своих требований.

Правоприменители говорят, что отчасти подобные проблемы возникают из-за неоднозначной трактовки таких категорий как «заблуждение» и «обман», неумения проводить разграничение данных терминов. Понятия «заблуждение», «обман» относятся к терминам с оценочным характером, позволяющим субъектам правоприменения и суду в том числе, неоднозначно их толковать.

Если обратиться к этимологии слов, то в словаре С.Ожегова под заблуждением понимается «состояние того, кто заблуждается, ошибается» или имеет «ложное мнение» [4], а «обман» подразумевает ложь. Спорным понятием является и «существенное заблуждение». Но здесь подразумевается, что такое заблуждение было вызвано тем, что сторона совершила явную оговорку в условии договора относительно предмета сделки, сроков ее совершения, с лицом, которое выступает якобы стороной в договоре и иные основания.

При анализе судебной практики по искам о признании сделок недействительными, заключенными с нарушениями условий, предъявляемых к ним, обращает внимание их увеличивающееся число в общем числе сделок, наблюдаемое во всех сферах жизни людей.

Надо сказать, что институт недействительности сделок имеет межотраслевой характер. Но сфера гражданско - правовых отношений более всего криминализована нарушениями условий заключения сделок. В качестве примера хочется обратить внимание на иски о признании недействительными сделок, которые были заключены по купле - продаже недвижимости, завещанию, дарению. Нарушители чаще всего прибегают к обману. Этот термин относится к категории оценочных и требует судебного толкования, что способствует к единообразному пониманию и применению норм права.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается, что следует

расценивать как обман. Так, под обманом понимаются действия недобросовестных участников предпринимательских и гражданских отношений, имеющие цель распространять не соответствующую действительности информацию с тем, чтобы привлечь участников гражданского оборота к заключению сделок, которые впоследствии способны причинить ущерб добросовестным участникам [8]. Так, например в качестве таких действий можно отнести манипулирование рынком, распространение информации, которая дискредитирует определенное лицо - участника гражданского оборота. Возможно также утаивание информации о некоторых обстоятельствах заключаемых сделок. Так, это может повлечь для «добросовестной стороны» наступление определенных запретов и ограничений, снижению конкурентных возможностей. В соответствии с данным Пленумом это информация, которая должна была быть сообщенной при той добросовестности, какая требуется от стороны сделки по условиям оборота.

Гражданин К. приобрел у Л. квартиру за определенную денежную сумму, договор купли-продажи был составлен в письменной форме, удостоверен нотариусом. Но переход права собственности на указанную квартиру не был оформлен. Впоследствии Л., бывший хозяин квартиры умер, так и не оформив переход права собственности. Приобретатель гражданин К. для признания данной сделки ничтожной обращается в мировой суд и в исковом заявлении просит признать за ним право собственности на купленную им квартиру. Суд принимает решение о том, что право собственности на квартиру у Л. прекращается, на что Л. подала апелляционную жалобу. Руководствуясь п. 2 ст. 167 ГК РФ апелляционный суд принимает решение о признании недействительной сделки, и необходимости каждой из сторон возратить другой все полученное по сделке. Обязанность возместить стоимость блага или имущества не всегда представляется возможным, поскольку они находились в пользовании, тогда закон обязует недобросовестных участников такой сделки возместить его стоимость при условии, что иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом.

В данном примере суд справедливо выносит определение об исключении из единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним записи о регистрации права собственности К. на данную квартиру. Суд сделал вывод об удовлетворении требования истца о применении последствий недействительности сделки и взыскании с Л. в пользу К. денежные средства, которые были уплачены им по договору купли-продажи [5].

Сделка, которая была заключена с лицом, которое не отдавало отчета в своих действиях, и субъект сделки был временно лишен возможности адекватно мыслить, считается недействительной, но, однако, у него не всегда появляется возможность обосновать свое состояние. Дела такой категории довольно часто встречаются и с точки зрения возможности доказать свою невиновность и невнимательность, считаются бесперспективными. Зачастую проблема решается иными, не совсем законными методами, что может привести к более серьезным последствиям – преступлению против здоровья в отношении лица, основывающего законность своих требований.

Так, А. приватизировала квартиру, предварительно получив согласие на приватизацию на свое имя от всех членов семьи: ее сын, жена сына и их двое детей. Вскоре к ним приезжает ее дочь с внучкой Ю. они убеждают А. оформить квартиру на внучку Ю., которая будет до конца жизни бабушки с ней. При этом обещают постоянный уход, комфорт. А. переоформила квартиру на внучку с оговоркой, что в данной квартире будет проживать ее сын В. со своей семьей.

После составления договора дарения в 2021 году внучка увезла А. к себе, но так заботу о своей бабушке и не проявила, которая оказалась заложницей своей внучки Ю. (пенсию отбирали, связи с сыном не было, приличного ухода не было, держали впроголодь). До сына дошла информация о бедственном положении матери, он приехал и забрал ее. Гражданка А. подает в суд исковое заявление, в котором просит суд признать сделку недействительной в виду ее существенного заблуждения относительно условий, на которые она рассчитывала при заключении [6].

Факт существенного заблуждения является сложным для установления в суде, поскольку лицо, участвовавшее в сделке, было на момент его совершения дееспособным, осознавало совершаемые им действия, оговаривало условия заключения сделки. Для этого заблуждавшаяся сторона должна приложить усилия, чтобы собрать доказательственную базу для признания данного факта, что не всегда возможно, скорее даже невозможно в силу разных обстоятельств.

Как правило, по категории дел о признании сделок недействительными по статьям 177-179 ГК РФ происходит искажение информации относительно условий приобретения или отчуждения предметов сделки [1]. Так, в следующем примере, ФИО2 обратилась в суд с иском к ФИО3 о признании договора дарения, заключенного между ФИО3 и ФИО2 недействительным, применении последствий недействительности сделки по данному договору и возврате указанной квартиры ее первоначальному собственнику ФИО3, указав при этом, что на основании вышеуказанного договора приобрела у ответчика

спорную квартиру. Истец близким родственником ответчика не является. Через определенное время истцу пришло налоговое требование о выплате налога по кадастровой стоимости от квартиры. Минимальный срок владения, для освобождения от налогообложения между близкими родственниками 5 лет, спорной квартирой ответчик владел менее пяти лет, что не давало ему права дарить ее истцу. Истец не знала, что при договоре дарения между не близкими родственниками нарушается законодательство [7].

Как известно, требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено стороной сделки или иным лицом, указанным в законе. Основанием для признания оспоримой сделки недействительной является то, что она может нарушать права или охраняемые законом интересы лица, оспаривающего сделку, в том числе повлекла неблагоприятные для него последствия.

Закон, предоставляя участникам гражданского оборота право подавать иски о признании сделок недействительными, одновременно устанавливает, что подобные сделки не влекут юридических последствий. Исключения составляют те сделки, которые за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью. Например, было приобретено имущество по договору купли – продажи, которое по предыдущей сделке, признанной судом недействительной, влечет в отношении данного имущества последствия недействительности первой сделки.

Последствиями недействительности сделки выражаются в обязанности стороны, которая нарушила условия его заключения (недобросовестный субъект) возратить другой стороне (добросовестному участнику) все, что было получено им по данной сделке (имущество, деньги, ценные бумаги и пр.).

В материалах одного спорного дела указывалось, что на основании договора дарения ФИО3 подарил ФИО2 принадлежащую ему на праве собственности квартиру. Налоговый орган выставил требование о необходимости уплаты налога за недвижимость, полученную в дар исходя из кадастровой стоимости спорного объекта [3, с. 136].

Истец, таким образом, просила признать недействительным договор дарения, ссылаясь на незнание последствий заключенного договора. На основании ст. 178 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием заблуждения, может быть признана судом недействительной по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения, если заблуждение было настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел.

Например, поддельный документ, в котором содержатся недостоверные сведения о приобретаемом имуществе, его оценке, заблуждение относительно стоимости. В этом случае, заблуждавшееся лицо при решении вопроса о признании сделки недействительным находится не совсем выгодном положении, и бремя доказывания его существенного заблуждения ложится на него самого. Есть некоторые критерии, которые позволяют признать сделку недействительным, о которых указывается в ч. 2 ст. 178 ГК РФ (заблуждение сделки относительно природы сделки, заблуждение лица относительно предмета сделки пр.). Суд учитывает и тот факт, что сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой и пр.

Как обман рассматривается и бездействие субъекта сделки, умалчивающий об обстоятельствах, которые были ему известны о содержании сделки, и о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота [7].

Иногда в силу психофизиологических особенностей личности (временного расстройства психики, нахождения человека в шоковом состоянии после смерти близких и не отдающего отчета своих действий) решением суда сделка может быть признана недействительной. Но процесс доказывания довольно емкий по содержанию, и требует обращения к помощи судебно-психиатрической экспертизы. Она устанавливает болезненное состояние человека в психологическом аспекте, при этом учитывается законом возможность ее проведения и посмертно с собиранием документов, изучением истории болезни из медицинской карты лица, в отношении которого наблюдались нарушение его прав. Восстановить реальную картину психического здоровья завещателя в спорный период не всегда возможно.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что институт недействительности сделок в целом представляется сложным для правоприменителей.

Применение ст. 168 ГК РФ также создает ряд проблем для правоприменения с учетом того, что она не содержит конкретного условия, при котором несоответствие сделки условиям ее заключения выступает основанием для признания ее недействительной. В данной норме установлены лишь общие основания для признания сделок недействительным.

Если сделка заключена с нарушениями требований закона, то уже сама по себе относится к ничтожной сделке. Вызывает вопрос относительно четкого понимания публичного интереса, хотя Пленум Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и дает нам такое понимание, считая что «публичный интерес – это

интересы неопределённого круга лиц, которые требуют правовой защищенности во всех сферах, в том числе и в сфере предпринимательства, гражданской сфере [8].

В современном понимании все сделки, заключенные в нарушении требований их заключения, относятся к оспоримым, тогда как ничтожные являются таковыми в силу прямого указания закона.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Рос.газ. 8 декабря 1994. № 238-239.
2. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. 528 с.
3. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. Москва: Статут, 2019. 278 с.
4. Толковый словарь С.Ожегова. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7887> (дата обращения: 12.02.2023)
5. Гражданское дело № 2-103/2022 // Чунский районный суд Иркутской области
6. Постановление № 44Г-137/2021 по делу № 2-3515/21 // Архив Ленинского Суда г. Махачкала. https://sudact.ru/regular/doc/ATkalruGql1J/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=178 (дата обращения: 12.02.2023)
7. Дело № 2- 722/22 г. // Ленинский районный суд г. Махачкалы. <https://sudact.ru/regular/doc/KZ3mnTmuufQg> (дата обращения: 12.03.2023)
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // КонсультантПлюс

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja)» ot 30.11.1994 51-FZ (red. ot 16.04.2022). Ros.gaz. 8 dekabrja 1994. № 238-239.
2. Vitryanskij V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2018. 528 s.
3. Sklovskij K.I. Sdelka i ee dejstvie. Kommentarij glavy 9 GK RF. Princip dobrosovestnosti. 4-e izd., dop. Moskva: Statut, 2019. 278 s.
4. Tolkovij slovar' S.Ozhegova. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7887> (data obrashhenija: 12.02.2023)
5. Grazhdanskoe delo № 2-103/2022. Chunskij rajonnyj sud Irkutskoj oblasti
6. Postanovlenie № 44G-137/2021 po delu № 2-3515/21. Arhiv Leninskogo Suda g. Mahachkala. https://sudact.ru/regular/doc/ATkalruGql1J/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=178 (data obrashhenija: 12.02.2023)
7. Delo № 2- 722/22 g. Leninskij rajonnyj sud g. Mahachkaly. <https://sudact.ru/regular/doc/KZ3mnTmuufQg> (data obrashhenija: 12.03.2023)
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 "O primenenii sudami nekotoryh polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii". Konsul'tanpljus

Информация в телемедицине: врачебная тайна и персональные данные

**Марков Б.Б., аспирант,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)**

***Аннотация:** в настоящей статье изучено правовое регулирование информации, обрабатываемой в ходе оказания телемедицинских услуг. Рассматриваются различные категории такой информации, включая персональные данные и врачебную тайну. Автор выдвигает и обосновывает гипотезу о соотношении указанных категорий между собой как целого и части, а норм, их регулирующих, как общих и специальных.*

Актуальность работы обусловлена отсутствием единого подхода к указанной проблеме в юридической литературе и единообразия правоприменительной практики в данной области.

Объект настоящей работы – общественные отношения в области телемедицины, предмет – правовое регулирование использования и защиты информации в телемедицинской деятельности.

Цель настоящей работы – выявить выделяемые в российском праве разновидности информации, используемые в телемедицине.

При проведении данного исследования применялись общенаучные (в том числе, методы дедукции, логический, системный, функциональный методы), а также частнонаучные методы (формально-юридический метод как один из основных при проведении правовых исследований).

***Ключевые слова:** телемедицина, телемедицинские технологии, персональные данные, врачебная тайна, электронное здравоохранение, цифровизация медицины, сведения конфиденциального характера*

Для цитирования: Марков Б.Б. Информация в телемедицине: врачебная тайна и персональные данные // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 165 – 169.

Information in the realm of telemedicine: medical privacy and personal data

**Markov B.B., Postgraduate,
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)**

***Аннотация:** this article examines the legal regulation of information processed during the provision of telemedicine services. Various categories of such information are considered, including personal data and medical secrecy. The author puts forward and substantiates the hypothesis about the relationship of these categories to each other as a whole and a part, and the norms regulating them as general and special.*

The relevance of the work is due to the lack of a unified approach to this problem in the legal literature and uniformity of law enforcement practice in this area.

The object of this work is public relations in the field of telemedicine, the subject is the legal regulation of the use and protection of information in telemedicine activities.

The purpose of this work is to identify the types of information used in telemedicine that are distinguished in Russian law.

In conducting this research, general scientific methods (including deduction methods, logical, systemic, functional methods), as well as private scientific methods (formal legal method as one of the main ones in conducting legal research) were used.

***Keywords:** telemedicine, telehealth, personal data, medical privacy, e-medicine, digital medicine, information of limited access*

For citation: Markov B.B. Information in the realm of telemedicine: medical privacy and personal data. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 165 – 169.

Информация в самых различных её формах – один из важнейших ресурсов и компонентов жизни человека. Жизнь же человека современного характеризуется невиданными ранее объёмами информации. Какие-то сведения должны быть открытыми для широкого круга лиц, другие, наоборот, сокрыты от посторонних. Здоровье человека относится к области тайного, потому сведения о здоровье нуждаются в максимально эффективной защите. Пожалуй, наиболее значительную роль вопросы защиты информации играют в телемедицине – области здравоохранения, которая базируется на использовании информационных технологий. Телемедицинские услуги всегда сопряжены с обработкой информации в электронном виде, созданием

крупных баз данных, а потому нарушение их конфиденциальности может привести к наиболее тяжёлым последствиям.

Ограничение доступа к информации о здоровье обеспечивается различными средствами, выработанными в праве. Большое их обилие, в некоторой степени отсутствие целостности и системности регулирования создают неопределённость в правовой науке и приводят к отсутствию единообразия в правоприменительной практике. В конечном счёте это оказывает негативное влияние на состояние защиты прав пациентов, приводит к недоверию телемедицине и системе здравоохранения в целом. Это порождает научный интерес к изучению правового регулирования информации в области телемедицины и обуславливает актуальность настоящей работы.

Российское право устанавливает несколько видов информации, к которым можно отнести сведения, получаемые и используемые в ходе телемедицинской деятельности: персональные данные [1, ст. 3], специальные категории персональных данных [1, ст. 10], врачебная тайна [2, ст. 13], сведения конфиденциального характера [3]. В науке нет единого мнения относительно соотношения этих правовых категорий и их содержания, чему способствует регулирование этих институтов различными нормативными правовыми актами и отсутствие в большинстве случаев чётких дефиниций. Некоторые исследователи предлагают считать врачебную тайну частью личной тайны [4, ст. 35] или личной и семейной тайны [5, с. 144], другие относят её к профессиональным тайнам [6, с. 40], третьи предлагают рассматривать её как синтез вышеуказанных тайн [7, с. 202]. Нет единства и в вопросе соотношения врачебной тайны и персональных данных: иногда персональные данные рассматриваются как часть врачебной тайны [8, с. 120], в других случаях предлагается выделение двух различных правовых режимов [9, с. 120].

В статье 3 Федерального закона от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) закреплено определение понятия «персональные данные». Это любые сведения, которые относятся к определённому или определяемому физическому лицу. С нашей точки зрения, так как любая информация, обрабатываемая при оказании медицинских услуг с применением телемедицинских технологий, относится к физическому лицу (пациенту), то следует признавать её персональными данными пациента. То есть весь объём сведений, используемых при оказании телемедицинских услуг, относится к категории персональных данных.

Статьёй 13 Федерального закона от 21.11.2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплены компоненты врачебной тайны. Это сведения о факте обращения пациента за медицинской помощью, состоянии его здоровья, диагнозе, результатах диагностики и обследования, проведённом лечении, а также иные сведения, полученные при этом. Под иными сведениями, по нашему мнению, следует понимать любую информацию, даже и не относящуюся к здоровью физического лица напрямую, но полученную медицинским работником в ходе телемедицинской консультации. Любая такая информация может являться чувствительной, а её разглашение может привести к неблагоприятным последствиям для пациента. Потому она должна являться безусловной частью врачебной тайны. Таким образом, врачебная тайна в полном объёме входит в состав персональных данных, но не полностью их охватывает.

В свою очередь, специальная категория персональных данных о состоянии здоровья включает в себя сведения, поименованные в статье 10 Закона о персональных данных, то есть лишь информацию о состоянии здоровья физического лица. Следовательно, все компоненты этой специальной категории персональных данных поглощены врачебной тайной.

Вышеизложенное можно представить в виде схемы (рис. 1), где [Т] – тайна, [ПД] – персональные данные, [ВТ] – врачебная тайна, [ПДоСЗ] – специальная категория персональных данных о состоянии здоровья.

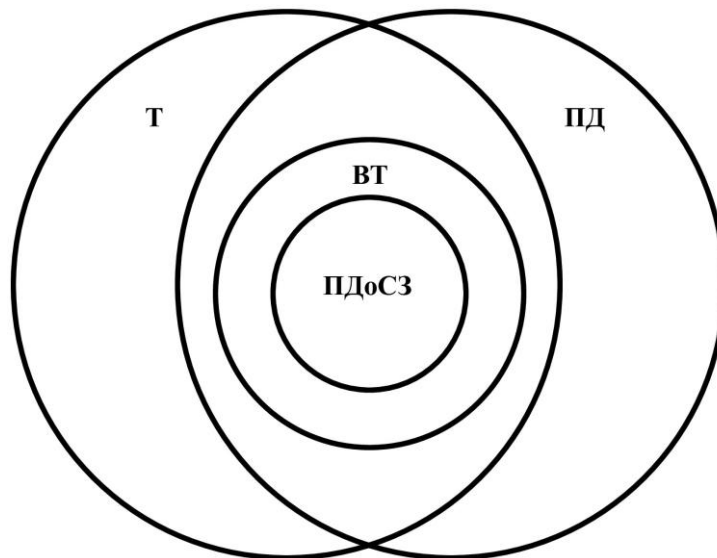

Рис. 1. Соотношение персональных данных, врачебной тайны и специальной категории персональных данных о состоянии здоровья

Для наглядности вообразим, что ведущий научный сотрудник обратился за телемедицинской консультацией ввиду нарушения сна. Для оказания телемедицинской услуги медицинской организацией были получены некоторые персональные данные (фамилия, имя, отчество, дата рождения, номер документа, удостоверяющего личность пациента и т.д.). В ходе консультации был изучен поставленный ранее диагноз, была осуществлена коррекция ранее назначенного медикаментозного лечения. При этом пациент рассказал врачу о том, что до обращения за медицинской помощью он обращался к экстрасенсу, но проведённые им ритуалы не имели результата. Информация о диагнозе и лечении будет относиться к специальной категории персональных данных о состоянии здоровья. Сам факт обращения за медицинской помощью будет являться врачебной тайной. К ней же необходимо отнести и сведения об обращении пациента к экстрасенсу. Эта информация не связана с лечением гражданина, однако, она была получена в ходе оказания телемедицинской услуги, касается частной жизни пациента, а её разглашение может привести к неблагоприятным для него последствиям (например, осуждение со стороны коллег и руководства ввиду анекдотичности обращения ведущего научного сотрудника за подобными «услугами», существо которых явно противоречит представлениям современной науки о мире). К сведениям же об удостоверяющем личность документе и пр. будут применяться лишь общие нормы о персональных данных.

Дискуссионным, как уже отмечалось выше, является и вопрос об отнесении врачебной тайны к категории личной или профессиональной тайн. С одной стороны, врачебная тайна связана с деятельностью специального субъекта (медицинского работника), в задачи которого входит неразглашение сведений, составляющих врачебную тайну, а доступ к ней этот субъект получает в результате своей профессиональной деятельности (выполнения трудовой функции). Кроме того, за нарушение порядка работы с врачебной тайной медицинский работник может привлекаться к дисциплинарной ответственности, что явно указывает на «профессиональную» природу этой разновидности тайн.

С другой стороны, личная тайна суть сведения, имеющие отношение к конкретному лицу, которые он не хотел бы предавать гласности. Данные о факте обращения человека за медицинской помощью, о состоянии его здоровья и пр. явно могут быть отнесены к этой группе. Важна и практическая сторона этого вопроса. Один из способов защиты гражданских прав, который может применяться при компрометации сведений, составляющих личную тайну, это компенсация морального вреда [10, с. 28]. В случае разглашения врачебной тайны могут применяться различные виды юридической ответственности, в том числе, административная и, как указывалось ранее, дисциплинарная. Однако факт привлечения медицинского работника (или медицинской организации) к такой ответственности никоим образом не способствует восстановлению нарушенных прав пациента. Именно поэтому гражданско-правовая ответственность имеет наиважнейший статус в данном случае, так как она в наибольшей мере является выражением восстановительной (компенсационной) функции юридической ответственности.

Учитывая вышеизложенное, считаем наиболее логичным признать тот факт, что врачебная тайна имеет двойственную природу, а её отнесение лишь к тайнам профессиональным или тайне личной не представляется верным.

Помимо прочего, возникает закономерный вопрос: каково следствие подобного разделения информации? В каком отношении между собой находятся нормы, регулирующие порядок получения и обработки персональных данных и врачебной тайны? Полагаем, что они соотносятся как общие и специальные нормы. В первую очередь для соответствующих отношений должны применяться более специализированные нормы и лишь в случае их недостаточности – общие. Например, порядок обработки информации об имеющихся у пациента хронических заболеваниях, полученной в ходе телемедицинской консультации, в первую очередь регулируется нормами о специальной категории персональных данных о состоянии здоровья, в части, неурегулированной ими, нормами о врачебной тайне, и лишь тот объём отношений, который не попал под регулирование указанных норм, будет регламентироваться общими положениями Закона о персональных данных.

В литературе отмечается тот факт, что правоприменительная практика в этой области не является единообразной: в идентичных спорах суды применяют в одних случаях одновременно нормы о врачебной тайне и нормы Закона о персональных данных, в других – лишь нормы о персональных данных [9, с. 121]. Считаем, что подобная проблема, безусловно, может разрешаться внесением изменений в законодательство о приоритете специальных норм, как это иногда предлагается [9, с. 131]. Однако, необходимо заметить, что ядро проблемы суть неверное толкование и применение права судами, игнорирование ими принципа приоритета специальных норм над общими (*lex specialis derogat generali*), а не явное несовершенство законодательства. Полагаем, что в подобном случае для достижения единообразия правоприменительной практики достаточно разъяснения законодательства и порядка его применения на уровне Верховного Суда Российской Федерации. Целью же законодателя должно стать формулирование и закрепление в нормативных актах чётких дефиниций.

Каковы наиболее распространённые проблемы защиты информации в здравоохранении и телемедицине в частности? Во-первых, недостаточный технический уровень защищённости сведений о пациентах. Медицинским организациям следует уделять большее внимание вопросам созданию систем хранения данных. Большие перспективы в этом отношении имеет технология блокчейн, которая при меньших финансовых затратах способна обеспечить высокую степень защиты сведений о пациентах. Во-вторых, невысокий уровень правовой культуры медицинских работников, ненадлежащее выполнение ими обязанностей по сохранению сведений в тайне [11, с. 51]. Получение медиками знаний и навыков работы с информацией, в первую очередь в электронном виде, должно стать обязательным элементом подготовки специалистов в области телемедицины. Содействовать подобному повышению квалификации могут телелекции и телесеминары, которые иногда относятся к составляющим телемедицины [12, с. 132]. При этом важно, чтобы регулирование хранения и защиты информации, не было чрезмерно жёстким, не вводило ненужных ограничений, к коим, например, относят иногда невозможность получения адвокатом сведений, составляющих врачебную тайну, в интересах доверителя-пациента путём направления в медицинскую организацию адвокатского запроса [13, с. 67-68].

Таким образом, в ходе оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий обрабатываются такие виды информации, как персональные данные, врачебная тайна, персональные данные о состоянии здоровья. Они соотносятся между собой как целое и частное – каждая последующая категория поглощена предыдущей. Нормы, регулирующие порядок обработки сведений определённого вида, соотносятся между собой как общие и специальные. Последние имеют приоритет, в случае же неурегулированности ими общественных отношений пробел восполняется применением общих норм (в данном случае, общих положений Закона о персональных данных).

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.
3. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // Собрание законодательства РФ. 10.03.1997. № 10. Ст. 1127.
4. Винокуров В.А. Проблемы соблюдения личной и врачебной тайны при оказании медицинских услуг // Медицинское право: теория и практика. 2021. № 2 (14). С. 33 – 40.
5. Радов В.В., Журилов Н.В. Проблемы права в регламентации врачебной тайны // Медицинское право: теория и практика. 2020. № 2 (12). С. 142 – 149.
6. Папеева К.О. Некоторые проблемы классификации тайн в российском уголовном законодательстве // Научный поиск. 2014. № 3.1. С. 39 – 44.

7. Пушкарева А.Н. Правовая природа защиты врачебной (или медицинской) тайны по законодательству Российской Федерации // Власть закона. 2016. № 1 (25). С. 196 – 203;
8. Пушкарева А.Н. Врачебная тайна как вид гражданско-правовой тайны по законодательству Российской Федерации: современное состояние, защита и тенденции правового регулирования в свете повышения уровня правовой культуры граждан // Правовая культура. 2017. № 2 (29). С. 117 – 124;
9. Журавлев М.С. Правовые аспекты информационной безопасности в телемедицине: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 191 с.
10. Рыжова О.А., Паменкова И.А. Ответственность за разглашение врачебной тайны // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 3 (19). С. 25 – 31.
11. Диваева И.Р., Ермоленко Т.В. Ответственность медицинских работников за разглашение врачебной тайны // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 1 (5). С. 50 – 55.
12. Волкова Н.С., Путило Н.В. Телемедицина: потребности общества и возможности законодательства // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 124 – 134.
13. Рубанова М.Е., Портенко Н.Н., Масляков В.В. Правовые аспекты врачебной тайны // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2-2. С. 63 – 69.

References

1. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nyh dannyh». Sobranie zakonodatel'stva RF. 31.07.2006. № 31 (chast' I). St. 3451.
2. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 28.11.2011. № 48. St. 6724.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 06.03.1997 № 188 «Ob utverzhdenii perechnja svedenij konfidencial'nogo haraktera». Sobranie zakonodatel'stva RF. 10.03.1997. № 10. St. 1127.
4. Vinokurov V.A. Problemy sobljudenija lichnoj i vrachebnoj tajny pri okazanii medicinskih uslug. Medicinskoe pravo: teorija i praktika. 2021. № 2 (14). S. 33 – 40.
5. Radov V.V., Zhurilov N.V. Problemy prava v reglamentacii vrachebnoj tajny. Medicinskoe pravo: teorija i praktika. 2020. № 2 (12). S. 142 – 149.
6. Papeeva K.O. Nekotorye problemy klassifikacii tajn v rossijskom ugolovnom zakonodatel'stve. Nauchnyj poisk. 2014. № 3.1. S. 39 – 44.
7. Pushkareva A.N. Pravovaja priroda zashhity vrachebnoj (ili medicinskoj) tajny po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii. Vlast' zakona. 2016. № 1 (25). S. 196 – 203;
8. Pushkareva A.N. Vrachebnaja tajna kak vid grazhdansko-pravovoj tajny po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostojanie, zashhita i tendencii pravovogo regulirovanija v svete povyshenija urovnja pravovoj kul'tury grazhdan. Pravovaja kul'tura. 2017. № 2 (29). S. 117 – 124;
9. Zhuravlev M.S. Pravovye aspekty informacionnoj bezopasnosti v telemedicinine: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2021. 191 s.
10. Ryzhova O.A., Pamenkova I.A. Otvetstvennost' za razglashenie vrachebnoj tajny. Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2017. Т. 5. № 3 (19). S. 25 – 31.
11. Divaeva I.R., Ermolenko T.V. Otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za razglashenie vrachebnoj tajny. Pravo: retrospektiva i perspektiva. 2021. № 1 (5). S. 50 – 55.
12. Volkova N.S., Putilo N.V. Telemedicina: potrebnosti obshhestva i vozmozhnosti zakonodatel'stva. Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 6. S. 124 – 134.
13. Rubanova M.E., Portenko N.N., Masljakov V.V. Pravovye aspekty vrachebnoj tajny. Zhurnal prikladnyh isledovanij. 2021. № 2-2. S. 63 – 69.

Искусственный интеллект в цифровом пространстве: теоретико-правовой взгляд

**Мехдиев Т.Э., аспирант,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина**

***Аннотация:** в статье рассматривается влияние развития технологий ИИ на право, общество и государство через призму теории государства и права. В частности, анализируется влияние технологий ИИ на судебное производство, на юридическую деятельность, на авторское право и право в целом, на деятельность по обеспечению правопорядка цифрового пространства как государствами, так и транснациональными корпорациями, владеющие цифровыми платформами. Отдельно отмечается влияние цифровых технологий в свете развития технологий ИИ на юридические правоотношения и, как следствие, на теоретическую категоризацию правоотношений, исходя из которой следует выстраивать механизм правового регулирования с учетом специфики каждого из видов правоотношений. Замечается проблема определения ценностных начал в свете действия технологий ИИ и, как следствие, аксиологических воззрений в праве на регулирование действия указанных цифровых технологий в цифровом пространстве. Отмечается важность междисциплинарного взаимодействия в ключе выстраивания конвенционального подхода к ценностям в работе ИИ во всех сферах, включая юридическую. Кроме того, подчеркиваются и иные проблемы, в том числе проблема предвзятости ИИ при юридической деятельности. Описывается роль государства в указанных аспектах, а также в этой связи анализируется снижающееся значение императивного метода воздействия на деятельность государства в цифровом пространстве. Также в работе описывается действие алгоритмов на базе ИИ в цифровом пространстве, возможности и вызовы действия таких алгоритмов. Характеризуется общий потенциал технологий ИИ в праве.*

***Ключевые слова:** цифровое пространство, ИИ, государство, право, правопорядок, цифровая эпоха*

Для цитирования: Мехдиев Т.Э. Искусственный интеллект в цифровом пространстве: теоретико-правовой взгляд // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 170 – 175.

Artificial intelligence in the digital space: a theoretical and legal perspective

**Mekhdiev T.E., Postgraduate,
Kutafin Moscow State Law University**

***Abstract:** the article examines the impact of the development of AI technologies on law, society and the state through the prism of the theory of state and law. In particular, it analyzes the impact of AI technologies on judicial proceedings, on legal activities, on copyright and law in general, on the law enforcement activities of the digital space by both states and transnational corporations that own digital platforms. Separately noted the impact of digital technologies in the light of the development of AI technologies on legal relations and, consequently, on the theoretical categorization of legal relations, based on which should be built a mechanism of legal regulation, taking into account the specifics of each type of legal relations. Notes the problem of determining the value principles in the light of the action of AI technologies and, consequently, axiological views in the law to regulate the action of these digital technologies in the digital space. The importance of interdisciplinary interaction in the key of building a conventional approach to values in the work of AI in all spheres, including legal. In addition, other problems are emphasized, including the problem of AI bias in legal activities. The role of the state in these aspects is described, and in this regard the declining importance of the imperative method of influencing the state's activities in the digital space is analyzed. The paper also describes the action of AI-based algorithms in the digital space, the opportunities and challenges of such algorithms. The general potential of AI technologies in law is characterized.*

***Keywords:** digital space, AI, state, law, law and order, digital age*

For citation: Mekhdiev T.E. Artificial intelligence in the digital space: a theoretical and legal perspective. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 170 – 175.

Существование цифрового пространства обусловлено не только высокими компьютерными мощностями, различными инфраструктурами и деятельностью миллионов пользователей, но и высокоразвитые технологии на базе искусственного интеллекта (далее – ИИ) как одна из технологий, изменяющих динамику цифрового пространства.

Так, например, технология GPT компании OpenAI представляет широкие возможности, включая возможность отвечать на любой запрос в соответствии с контекстом, анализировать настроение пользователя, излагать краткую информацию из большого объекта текста, писать компьютерный код и находить ошибки в уже существующем коде, генерировать текст, сочинять музыку и пр. Более подробный анализ возможностей и результатов тестирования последней версии технологии GPT (GPT-4) представлен в открытом доступе [1].

Человечеству еще долго придется осознавать передовой характер потенциала ИИ, но уже сегодня, например, с помощью технологии GPT могут приниматься судебные решения. Так, для вынесения судебного решения судья в Колумбии использовал чат-бот ChatGPT на базе технологии GPT для постановки юридических вопросов по делу и включил его ответы в свое решение, согласно судебному акту [2]. А в юридическом факультете Университета Миннесоты, занимающем 21 место в рейтинге лучших юридических факультетов США [3], профессора права выяснили, что чат-бот ChatGPT сдал экзамены на достаточное количество баллов для получения степени юриста [4]. Таким образом, правоотношения, в которых ранее цифровые технологии являлись лишь вспомогательным звеном, сегодня приобретают иную природу: приходится говорить о правоотношениях, цифровой элемент которых составляет важнейшую, а порой и неотъемлемую их часть.

Так, судебное дело в классическом понимании этого слова предполагает наличие участников процесса, являющихся людьми. В цифровую эпоху критерий участия только человека в качестве участника процесса несомненно будет поставлен под вопрос. И если уже сегодня адвокатом может признаваться технология на базе ИИ, то в скором времени подобные технологии будут признанными в качестве судей. Возможно также, что досудебное разбирательство будет в основе на базе ИИ, тогда как судебное разбирательство будет представляться в качестве «непосильного» для ИИ с точки зрения ценностных установок, а также учета ряда иных факторов.

Здесь же следует отметить, что правоотношения, цифровые технологии для которых являются лишь формой (например, судебное заседание с использованием видеоконференцсвязи как цифровой формы), с развитием ИИ претерпевают изменения с точки зрения безопасности верификации. Так, уже сегодня существуют технологии, создающие так называемые дипфейки, призванные сделать схожими одного человека с другим в цифровом пространстве по различным критериям, включая изображение и голос. Уже сегодня развитие дипфейк технологий бросает вызов использованию изображений, аудио- и видеозаписей в качестве доказательств.

Исходя из вышеизложенного, видится обоснованным регулирование правоотношений в цифровом пространстве через призму их разграничения на:

- те правоотношения, в которых цифровые технологии являются только формой таких правоотношений,
- те правоотношения, в которых цифровые технологии являются существенным звеном настолько, что без цифровых технологий такие правоотношения либо невозможны, либо, если и допустить их возможность, то технологический откат приводит к критическим последствиям для взаимодействия субъектов таких правоотношений,
- те правоотношения, сущность которых связана с цифровыми технологиями и без которых такие правоотношения не могут существовать.

Природа каждого из таких правоотношений предполагает особый подход с точки зрения правового регулирования.

Развитие технологий ИИ также влияет на положения авторского права, основы которого заложены в доцифровую эпоху. Так, например, технология Midjourney позволяет создавать уникальные изображения на основе большого количества уже существующих изображений с различных баз данных, включая Интернет. Таким образом, используя массив изображений, данная технология ИИ создает изображения, «вбирая» в себя «частицы» уже существующих изображений. При этом компания оставляет за собой авторские права в зависимости от используемого пользователем тарифа [5]. С точки зрения существующего авторского права встает вопрос [6] о том, насколько легально использование изображений, защищенных авторским правом, при создании другого изображения на базе ИИ. Также встает вопрос о присвоении таких созданных изображений. Очевидным является, что технологии ИИ будут и дальше трансформировать взгляд на существующие нормы авторского права, заложенные в доцифровую эпоху, что еще раз доказывает необходимость их пересмотра и изменения, в особенности с учетом принципов открытого доступа.

Говоря о вызовах развития ИИ нельзя не упомянуть работу С. Рассела «Совместимость с человеком: Искусственный интеллект и проблема контроля» [7], в которой утверждается, что традиционный подход к ИИ, предполагающий проектирование машин для оптимизации конкретной цели, несовершенен, поскольку

не учитывает тот факт, что человеческие ценности сложны и могут меняться со временем. Автор предлагает новый подход под названием «выравнивание ценностей», который предполагает проектирование машин для обучения и принятия человеческих ценностей в качестве своих целей. Таким образом, предполагается, что, сосредоточившись на согласовании ценностей, человечество сможет снизить риски и обеспечить развитие ИИ в полезном для общества русле. Автор предлагает механизм разработки прозрачных и интерпретируемых систем ИИ, чтобы обеспечивалась понятность работы ИИ с точки зрения соответствия конкретным ценностям того или иного общества и в целом человечества.

В книге подчеркивается необходимость междисциплинарного сотрудничества между компьютерными учеными, философами и другими специалистами для разработки ИИ, соответствующего определенным ценностям. В этой связи необходимо выделить роль юридического сообщества. Так, например, судебная система страны может использовать установившиеся в обществе ценности для вынесения решения по тому или иному делу, тогда как законодатель – фиксировать такие ценности [8]. Такой подход, присущий социологической школе права, является важнейшим элементом в обеспечении защиты ценностей общества от монополистической притязаний государства.

Также следует отметить работу Б. Кристиана «Проблема согласования» [9], в которой автор исследует проблему согласования целей и ценностей интеллектуальных машин с человеческими. Он утверждает, что по мере того, как ИИ становится все более мощным и автономным, он бросает фундаментальный вызов человеческому пониманию того, что значит быть человеком. Автор утверждает, что для создания действительно полезного ИИ нам необходимо разработать конвенциональное понимание того, что значит быть человеком, и сделать приоритетным согласование ИИ с человеческими ценностями. Ученый также делает упор на необходимость междисциплинарного сотрудничества и открытого диалога между заинтересованными сторонами для эффективного решения проблемы согласования ценностей.

Таким образом, если с точки зрения общества назревает вопрос того, что именно считать за ценность для урегулирования разработок в сфере ИИ [10], то с точки зрения юридической науки этот вопрос кристаллизуется и затрагивает аксиологический аспект в праве как феномена в эпоху трансформации права под воздействием цифровых технологий вообще, и под воздействием ИИ в частности.

Поскольку технологии ИИ действуют на основе уже созданных данных, то необходимо также иметь ввиду недостатки таких данных, в том числе в срезе существующей дискриминации по социальному статусу, полу, национальности, расе и пр., которая может быть репродуцирована технологиями ИИ без каких-либо препятствий, поскольку ИИ чуждо ценностное суждение на основе внутренних переживаний и опыта. В этой связи следует говорить о проблеме предвзятости в свете действия технологий ИИ. Немаловажным в праве также остается вопрос о лице, несущем ответственность за решения ИИ.

«Давайте наслаждаться долгим летом искусственного интеллекта, а не бросаться без подготовки в осень» – такими словами оканчивают свое открытое письмо ряд известных деятелей в области науки, предпринимательства, искусства о временной приостановке разработки систем искусственного интеллекта, способных превзойти технологию GPT-4, до тех пор, пока последствия такой технологии не будут лучше изучены, поскольку некоторые эксперты утверждают, что создание систем ИИ, способных превзойти GPT-4, может представлять значительные риски для общества, если не будут приняты соответствующие меры регулирования для недопущения использования технологий для причинения вреда [11]. В письме замечается, что создание мощных систем ИИ должно быть допустимым только случае, когда сопутствующие риски использования таких систем управляемы. В письме предлагаются конкретные шаги путем разработки надежных систем контроля систем ИИ по недопущению выхода их из-под контроля [12]. Последующий временный запрет технологии GPT в Италии побудил ряд европейских стран изучить вопрос о необходимости принятия более жестких мер по «обузданию» популярных ИИ технологий [13].

Примечательным является то, что в письме обращение направлено первоочередно к разработчикам ИИ, являющимися главным образом частными субъектами. «Параллельно разработчики ИИ должны работать с политиками, чтобы значительно ускорить разработку надежных систем управления ИИ» – именно таким образом в обращении подчеркивается важность частного сектора в деле разработки и создания ИИ. Очевидным образом такая данность связана с рыночными механизмами, задействованными в экономике, где частный сектор представлен в качестве передового составляющего развития общественных отношений с точки зрения раскрытия потенциала указанной технологии в условиях конкуренции.

При этом нельзя не отметить, что государства как никогда ранее заинтересованы в развитии сектора ИИ, в силу чего их роль в создании условий по развитию благоприятной сферы для ИИ также представляется весомой. Государства становятся как бы модераторами условий, в которых зарождаются проекты, создающие ИИ. Заинтересованность государства по внедрению ИИ в общество предполагает характеристику ряда факторов [14], анализ которых позволяет прояснить, насколько правительство конкретной страны готово к

такому внедрению. Одним из факторов является развитие государством стратегического видения по разработке и управлению ИИ с учетом этических вопросов, а также обладание государством сильного внутреннего цифрового потенциала, способного адаптироваться перед лицом новых технологий. Также это развитость технологического сектора страны, характеризующегося инновационностью, благоприятной предпринимательской средой и высокой оценкой капитала человеческих способностей. Кроме того, это данные конкретной страны, а именно доступность данных, их репрезентативность для граждан конкретной страны, а также инфраструктура страны, необходимая для обеспечения работы технологий ИИ и их взаимодействия с гражданами.

Представляется, что урегулирование развития цифровых технологий, и в частности ИИ, невозможно путем запретов, поскольку, во-первых, возможности государств в цифровом пространстве ограничены, и, во-вторых, запрет каких-либо технологий на уровне отдельной страны, делает запрещающую технологии страну не только отсталой в той или иной сфере, но и потенциально зависимой в будущем от технологий тех стран, которые не только не запрещали такие технологии, а порой и способствовали их развитию и распространению. Логическим следствием является то, что в цифровую эпоху значение императивных методов воздействия снижается: запреты и ограничения не позволяют развиваться, хоть и могут дать иллюзию эффективного установления безопасности.

Действие цифровых платформ тесно связана с действием цифровых алгоритмов на базе технологий ИИ. На своих цифровых платформах корпорации используют технологии ИИ для предотвращения действий, противоречащих условиям пользования, а также законодательству той или иной страны. Такие алгоритмы представляют собой рекомендательную систему на основе искусственного интеллекта, предназначенную для предоставления цифровой платформой наиболее интересного контента для конкретного пользователя, исходя из общих трендов и личных предпочтений пользователя. Тем самым цифровая платформа «подстраивается» под предпочтения пользователя, постоянно меняя рекомендуемый контент в зависимости от ряда факторов. На примере цифровой платформы TikTok такими факторами являются [15] [16] фактор взаимодействия с пользователем, при котором учитываются следующие действия пользователя: его подписки, комментарии, скрытый, понравившийся и избранный контент, время просмотра конкретного контента, то есть время «задерживания» внимания и др. Кроме того, это история поиска, а также настройки аккаунта, включая языковые предпочтения пользователя, его страну, категории интересов и др.

Одним из вызовов в этом ключе становится формирование пузырей фильтров (англ. filter bubble) для практически каждого пользователя Интернета, при котором пользователю показывается только та информация, которая согласуется с прошлыми точками зрения данного пользователя. Не исключено, что при этом возможно влияние корпораций (в первую очередь – транснациональных) на пользователей по тем или иным общественно значимым процессам, включая выборы. Это же относится и к деятельности государственных структур в Интернете [17].

Обеспечивающие существование цифрового пространства и действующие на базе технологий ИИ цифровые алгоритмы являются одним из важных элементов формирования правопорядка цифрового пространства. Использование алгоритмов, создаваемых на базе ИИ, требует правовой и этической оценок, определения рамок допустимого действия алгоритмов как в государственно-правовой сфере (в сфере судопроизводства и т.д.), так и с точки зрения безопасности алгоритмов для человека и общества. Важно, чтобы такие алгоритмы были прозрачными, подотчетными и проверяемыми, а их процессы принятия решений можно было тщательно изучить и оспорить.

В заключение, нельзя не отметить положительные эффекты воздействия технологий ИИ на общество, право и государство. В первую очередь речь идет о снижении экономических и временных затрат. В правовой сфере это проявилось в первую очередь автоматизацией рутинных задач. Также стоит отметить возможности технологий ИИ в анализе больших объемов данных, включая статистические показатели и даже правовое прогнозирование. Кроме того, на основе статистических закономерностей и корреляций технологии ИИ могут «вырисовывать» модель для разрешения той или иной правовой ситуации. Потенциал ИИ может быть использован при предоставлении государственных услуг и, как уже было отмечено ранее, при автоматизации государственной деятельности.

Литература

1. GPT-4 // OpenAI. URL: <https://openai.com/research/gpt-4> (accessed: 11.04.2023)
2. Radicado No. 13001410500420220045901 Accionante: Salvador Espitia Chávez Accionado: Salud Total E.P.S Sentencia No. 032 Fecha de la Providencia: 30-01-2023 // Rama Judicial De Colombia Juzgado 1° Laboral Del Circuito Cartagena. URL: <https://pupilacdn.nyc3.cdn.digitaloceanspaces.com/diariojudicial.public/documentos/000/106/904/000106904.pdf> (accessed: 15.04.2023)
3. University of Minnesota Law School Overview // U.S. News & World Report. URL: <https://www.usnews.com/best-graduate-schools/top-law-schools/university-of-minnesota-twin-cities-03085> (accessed: 15.04.2023)
4. ChatGPT passes law school exams despite 'mediocre' performance // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/legal/transactional/chatgpt-passes-law-school-exams-despite-mediocre-performance-2023-01-25/> (accessed: 15.04.2023)
5. Terms of Service // Midjourney. URL: <https://docs.midjourney.com/docs/terms-of-service> (accessed: 11.04.2023)
6. Exclusive: German authors, performers call for tougher ChatGPT rules amid copyright concerns // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/german-authors-performers-call-tougher-chatgpt-rules-amid-copyright-concerns-2023-04-19/> (accessed: 20.04.2023)
7. Russell Stuart J. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. Viking 2019.
8. Марчук В. П. «Свободное право» в буржуазной юриспруденции: критика концепций Е. Эрлиха. Киев: Вища шк., 1977. 107 с.
9. Christian B. The Alignment Problem: Machine Learning and Human Values. First ed. New York NY: W.W. Norton & Company. 2020.
10. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта / SHS/BIO/REC-AIETHICS // Генеральная конференция ЮНЕСКО, 41-ая сессия, Париж, 9-24 ноября 2021 года.
11. Elon Musk and others urge AI pause, citing 'risks to society' // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/musk-experts-urge-pause-training-ai-systems-that-can-outperform-gpt-4-2023-03-29/> (accessed: 11.04.2023)
12. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (accessed: 11.04.2023)
13. Italy's ChatGPT ban attracts EU privacy regulators // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/germany-principle-could-block-chat-gpt-if-needed-data-protection-chief-2023-04-03/> (accessed: 11.04.2023)
14. 2022 Government AI Readiness Index // Oxford Insights. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (accessed: 11.04.2023)
15. How TikTok recommends videos #ForYou // TikTok.com. URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/how-tiktok-recommends-videos-for-you> (accessed: 11.04.2023)
16. Learn why a video is recommended For You // TikTok.com. URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/learn-why-a-video-is-recommended-for-you> (accessed: 11.04.2023)
17. Асеева И.А. [Реф. моногр.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2022. – № 3. С. 77.

References

1. GPT-4. OpenAI. URL: <https://openai.com/research/gpt-4> (accessed: 11.04.2023)
2. Radicado No. 13001410500420220045901 Accionante: Salvador Espitia Chávez Accionado: Salud Total E.P.S Sentencia No. 032 Fecha de la Providencia: 30-01-2023. Rama Judicial De Colombia Juzgado 1° Laboral Del Circuito Cartagena. URL: <https://pupilacdn.nyc3.cdn.digitaloceanspaces.com/diariojudicial.public/documentos/000/106/904/000106904.pdf> (accessed: 15.04.2023)
3. University of Minnesota Law School Overview. U.S. News & World Report. URL: <https://www.usnews.com/best-graduate-schools/top-law-schools/university-of-minnesota-twin-cities-03085> (accessed: 15.04.2023)
4. ChatGPT passes law school exams despite 'mediocre' performance. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/legal/transactional/chatgpt-passes-law-school-exams-despite-mediocre-performance-2023-01-25/> (accessed: 15.04.2023)

5. Terms of Service. Midjourney. URL: <https://docs.midjourney.com/docs/terms-of-service> (accessed: 11.04.2023)
6. Exclusive: German authors, performers call for tougher ChatGPT rules amid copyright concerns. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/german-authors-performers-call-tougher-chatgpt-rules-amid-copyright-concerns-2023-04-19/> (accessed: 20.04.2023)
7. Russell Stuart J. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. Viking 2019.
8. Marchuk V. P. «Svobodnoe pravo» v burzhuaznoj jurisprudencii: kritika koncepcij E. Jerliha. Kiev: Vishha shk., 1977. 107 s.
9. Christian B. The Alignment Problem: Machine Learning and Human Values. First ed. New York NY: W.W. Norton & Company. 2020.
10. Rekomendacija ob jeticheskikh aspektah iskusstvennogo intelekta. SHS/BIO/REC-AIETHICS. General'naja konferencija JuNESKO, 41-aja sessija, Parizh, 9-24 nojabrja 2021 goda.
11. Elon Musk and others urge AI pause, citing 'risks to society'. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/musk-experts-urge-pause-training-ai-systems-that-can-outperform-gpt-4-2023-03-29/> (accessed: 11.04.2023)
12. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (accessed: 11.04.2023)
13. Italy's ChatGPT ban attracts EU privacy regulators. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/germany-principle-could-block-chat-gpt-if-needed-data-protection-chief-2023-04-03/> (accessed: 11.04.2023)
14. 2022 Government AI Readiness Index. Oxford Insights. URL: https://static1.squarespace.com/static/58b2e92c1e5b6c828058484e/t/639b495cc6b59c620c3ecde5/1671121299433/Government_AI_Readiness_2022_FV.pdf (accessed: 11.04.2023)
15. How TikTok recommends videos #ForYou. TikTok.com. URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/how-tiktok-recommends-videos-for-you> (accessed: 11.04.2023)
16. Learn why a video is recommended For You // TikTok.com. URL: <https://newsroom.tiktok.com/en-us/learn-why-a-video-is-recommended-for-you> (accessed: 11.04.2023)
17. Aseeva I.A. [Ref. monogr.]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 8: Naukovedenie. 2022. – № 3. S. 77.

Осмотр жилища: тактические и процессуальные особенности

**Перминов Я.В.,
Брагер Д.К., кандидат юридических наук, доцент,
Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Сахалинский институт железнодорожного транспорта, филиал Дальневосточного
государственного университета путей сообщения в г. Южно-Сахалинске**

***Аннотация:** в данной статье раскрывается вопрос тактических и процессуальных особенностей осмотра жилища. В работе выявлен и рассмотрен ряд проблем, возникающих во время ведения осмотра жилища, ряд ситуаций, требующих к себе определенного внимания, рассмотрены основные тактические приемы и сам процесс ведения осмотра жилища. В статье также приведены возможные пути к разрешению описанных ниже проблем и ситуаций, возникающих по ходу процесса осмотра жилища. В статье делаются выводы о необходимости в дополнении определенных статей законов Российской Федерации в сфере ведения осмотра жилища, а также об уточнении терминов и понятий, прописанных в Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах Российской Федерации, напрямую затрагивающие исследуемую нами тему по проведению осмотра жилища.*

***Ключевые слова:** криминалистика, судопроизводство, тактика, процессуальные особенности, жилище, осмотр*

Для цитирования: Перминов Я.В., Брагер Д.К. Осмотр жилища: тактические и процессуальные особенности // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 176 – 180.

A retrospective of the development of criminal law protection of victims in Russian legislation

**Perminov Ya.V.,
Brager D.K., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Far Eastern State Transport University,
Sakhalin Institute of Railway Transport – a branch
of the Far Eastern State Transport University in Yuzhno-Sakhalinsk**

***Abstract:** this article reveals the question of the tactical and procedural features of home inspection. The paper defines and considered a number of problems that arise during the inspection of a dwelling, a number of situations that require some attention, the main tactics and the process of conducting an inspection of a dwelling are considered. The article also provides possible ways to resolve the problems and situations described below that arise during the home inspection process. The article draws conclusions about the need to supplement certain articles of the laws of the Russian Federation in the field of home inspection, as well as to clarify the terms and concepts prescribed in the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Russian Federation that are directly related to the topic of home inspection.*

***Keywords:** criminalistics, legal proceedings, tactics, procedural features, housing, inspection*

For citation: Perminov Ya.V., Brager D.K. A retrospective of the development of criminal law protection of victims in Russian legislation. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 176 – 180.

Осмотр жилища является важной составляющей ведения следствия. Жилище, его обстановка, как и любое место обитания может дать определенные характеризующие показания в отношении лица, проживающим в данной среде.

В своей работе следователю важно совершить осмотр жилища, и чем вернее он будет проведен – тем больше показаний можно будет составить в отношении условного лица.

Исходя из вышеуказанного, возникают вопросы в отношении того, как именно стоит подходить к осмотру жилища. Важно выявить тактические и процессуальные особенности осмотра. От их эффективности напрямую зависит поучаемый следователем результат и дальнейший ход работы следствия [4, с. 20].

Достаточным основанием для проведения осмотра жилища предназначается «наличие соответствующего процессуального документа, который в соответствии с требованиями уголовно-

процессуального закона предоставляет возможность осуществления того или иного следственного действия» [11, с. 3].

При необходимости проведения осмотра жилища, представитель следствия должен получить согласие на осмотр гражданина, проживающего в данном жилище. На данном этапе возникает проблема, на которой мы бы хотели заострить внимание, а именно возможный отказ гражданина в даче разрешения на осмотр жилища. Необходимо обратить внимание, что процессуальная процедура осмотра жилища «без согласия проживающих в нем лиц, практически не урегулирован законодателем» [9, с. 521]. В данных обстоятельствах, при наличии предусмотренных процессуальным законом оснований для осмотра жилища и отсутствии согласия на сотрудничество в осмотре со стороны проживающих лиц, следователь обязан в силу закона обратиться в суд с целью получения процессуального документа на осмотр жилища.

В силу ст. 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2], следователь при проникновении в жилище обязан довести до сведения, находящимся в конкретном помещении гражданам, информацию о целях и задачах, правах и обязанностях участников, порядке проведения предстоящего следственного действия. В случаях, когда осмотр жилища осуществляется по постановлению следователя, «оно должно быть предъявлено следователем владельцу или иному лицу проживающему в данном жилище под роспись» [9, с. 520]. В тоже время, уголовно-процессуальным законодательством не закреплена процедура следственных действий при отсутствии проживающих лиц на момент производства осмотра жилища.

Одновременно, беря во внимание ст. 177 и 180 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следует отметить, что в отличие от обыска, осмотр жилища процессуально не ограничен возможностью проведения в случаях отсутствия проживающих граждан на момент осмотра. Так, по мнению И.А. Уварова «в данных случаях, для участия в осмотре, должны быть приглашены представители местной администрации или иной организации, в ведении которой находится жилое помещение, будь то ЖЭУ, ТСК или организации им подобные» [9, с. 522].

Исследуя тактические приемы осмотра жилища, надлежит обратить внимание на представление О. Я. Баева, который указывает, что «первостепенная задача следователя, при осмотре жилого помещения – это убедить проживающих в нем лиц дать согласие на проведение осмотра, разъяснения целей данного следственного действия, не противоречащих их интересам, а также негативных последствий отказа» [3, с. 82-83].

В случаях, когда убеждение следователя на жильцов не произвело нужного впечатления и не принесло результатов, и ежели имеющегося постановления об осмотре жилища (или судебного решения об осмотре жилища) оказалось недостаточно для того, чтобы жилец соизволил впустить следователя в само жилище – складывается одна из возможных ситуаций, которая не предусмотрена законом, ведь жилец может запереться в жилом помещении и банально отказать вступить в какой-либо контакт со следователем.

Изучив аналогичные ситуации, С.Д. Долгинов предлагает узаконить «применение мер принуждения, аналогичных тем, которые применяются при обыске» [6, с. 59], нам представляется считать мерами принуждения в подобных случаях указанные в ст. 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вскрытие помещения следователем [2].

Формируя модель подобной ситуации, Н. Власенко отмечает, что «с применением узаконенных мер принуждения, представитель правоохранительных органов не будет посягать на конституционные права проживающих в жилище граждан, но в то же время, сами граждане, отказавшиеся выполнять законные требования следователя, могут быть привлечены к административной или уголовной ответственности» [5, с. 26].

На наш взгляд, определенное уравнивание осмотра жилого помещения и обыска в жилом помещении пойдет на пользу следствию. Ибо на наш взгляд, корректная и эффективная работа следователей складывается во многом из взаимного понимания и взаимопомощи граждан и представителей следствия. В случаях же когда гражданин не идет на контакт со следствием или его представителями, мы предлагаем предоставить представителям следствия больше мер принуждения для скорейшего урегулирования недопонимания.

Стоит также смоделировать не менее возможную ситуацию, которая способна застопорить проведение осмотра жилища, а именно – смерть жильца. Предположим, что в подлежащем осмотру жилище был прописан, и проживал один человек. Также допустим, что в силу определенных причин, этот человек умер, либо совершил суицид, находясь при этом в самой квартире. Создается вопрос, как можно, и можно ли вообще следователю проникнуть в данное жилище?

По нашему мнению, подобная ситуация должна быть закреплена в ст. 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как одна из возможных в практике следователя, мы считаем, что следователю должно быть позволено проникать в подобные жилища.

Важно отметить, что прописанное в законе определение жилища видится нам достаточно размыто и, смеем предположить, что в данном вопросе нужна большая конкретика. Само понятие жилища закреплено в ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации. Под жилищем понимается индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящие в жилищный фонд, но предназначенные для временного проживания.

Мы имеем право задать вопрос по поводу второй части данной статьи, ибо с отношением «иного» помещения возникают некоторые трудности. Предположим, что следствию потребовалось осмотреть палаточный лагерь туристов. И тут возникает закономерный вопрос, а является ли палатка, или тем более шалаш в котором, так или иначе, обитали или обитают люди – жилищем? Или, предположим более радикальный вариант. Является ли жилищем, списанный железнодорожный вагон, оборудованный под жилое помещение, но при этом нигде не зарегистрированный. Можно ли его назвать жилищем, при условии, что в нем проживают, как на постоянном месте жительства, определенные граждане?

По мнению А.В. Бриллиантова, к жилищу не могут быть отнесены помещения и постройки, которые изначально не предназначались для проживания в них людей. К такому типу помещений, А.В. Бриллиантов относит погреба, амбары, гаражи и иные постройки хозяйственного назначения, а также строения, отделенные от жилых построек (в качестве примера можно привести строения амбарного типа, кои зачастую строятся отдельно от жилых домов). К подобной группе строений не подпадающих по мнению автора под понятие «жилого помещения», отнесены также и всевозможные каюты кораблей или вагоны поездов, ибо в данном случае, они являются, в первую очередь, транспортными средствами, а не жилыми помещениями [10, с. 610].

И все-таки следует отметить факт того, что многие ученые-юристы не разделяют позицию А.В. Бриллиантова, и указывают на необходимый ценз оседлости, а именно определенной требуемой продолжительности по использованию конкретного помещения в качестве жилища. Из приведенного можно заключить, что «вагон поезда, будь то вагон-купе или товарный вагон, а также каюта теплохода вполне могут быть признаны жилищем, но при условии, что человек находящийся (проживающий) в данном помещении обитает там более 24 часов (т. е. продолжительность поездки превышает этот срок)» [7, с. 65].

Академик Б.Н. Топорнин полагает, что «под понятие жилища подпадает любое помещение, приспособленное для проживания людей» (вне зависимости от постоянности или временности проживания оных людей). Таким образом, из его мнения можно выделить, что жилищем может быть: жилая комната, место общего пользования (вне зависимости будь то коридор, ванная комната, санитарный узел, или даже балкон и веранда). Сюда же можно отнести и выше обозначенную нами палатку, и комнату в гостинице или санатории, и даже земельный участок, прилегающий к частному дому. Также по мнению Б.Н. Топорнина, такая ширина истолкования понятия, обеспечивает права граждан на защиту частной жизни, собственности и неприкосновенность самого жилища [8, с. 186].

По нашему мнению, обе версии имеют права на существование, но мы смеем отдать предпочтение предложению Б.Н. Топорнина, так как это не только расширит круг понятия «жилого помещения», но и позволит придать ему точность.

Также, предлагаем решение проблемы расплывчивости понятия «жилого помещения». На наш взгляд ст. 139 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] стоит дополнить точными понятиями. Стоит прямо прописать, что к жилому помещению относится и палатка туриста, и вагон поезда, ибо это избавит и следствие, и граждан от возможного недопонимания, что можно считать жилищем, а что нет. Мы также смеем заметить, что в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не прописано понятие жилища.

Логично утверждать, что жильцом будет являться лицо, зарегистрированное в данном жилом помещении. Но возникает вопрос, что делать если зарегистрированный в данном жилом помещении гражданин, на деле обитает и проживает на совершенно ином помещении?

Предположим такую ситуацию, следователю необходимо провести осмотр квартиры, но придя на место он встает перед фактом: жилец, и собственник квартиры, а по совместительству и единственный человек, что в ней официально зарегистрирован живет в иной квартире. Но данная квартира, которая подлежит осмотру – не пустует и в ней тоже живут определенные граждане, к примеру наниматели жилого

помещения. Из данной ситуации вытекает вопрос, который мы и хотим задать, может ли согласие лица, проживающего в данном жилом помещении (в нашем случае согласие нанимателя) быть равным согласию собственника. Ведь лицо, проживающее в условной квартире может тем самым нарушить право гражданина в ней зарегистрированного на неприкосновенность жилья, ибо тот в свою очередь мог дать отказ на проведение осмотра жилого помещения.

На наш взгляд, данный вопрос можно решить путем закрепления в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации понятия «жильца», подразумевающий гражданина, проживающего в данном жилище.

Говоря о тактике осмотра жилища, стоит уточнить некоторую широту понятий, применяемых в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. К примеру, в ст. 180 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указывается, что сам порядок проведения осмотра жилого помещения проходит по принципу «сплошного описания объектов». Это буквально означает то, что следователь должен описывать все объекты, находящиеся в жилище, а это и следы, и предметы, нужно указывать их наличие и крайне подробно описать те предметы и следы, которые имеют прямое отношение к делу. На деле это может не только отнять много времени, но и заслонить важную информацию за тоннами, в сущности, не нужного описания. На наш взгляд, доскональность и подробность при описании жилого помещения не всегда идет на пользу, и мы смеем предположить, что описание должно быть более четким, и компактным, выделяющим основные предметы описания, решение данной проблемы криминалистической тактики мы видим в нормативном закреплении более упрощенной, но четкой по существу тактике описания в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, ибо попытки следователя быть более рациональным во время описывания жилища, на данный момент времени, могут быть расценены как противоречивость законности по ст. 180 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Подводя определенные итоги, можно сказать, что осмотр жилища является в настоящее время одним из самых эффективных следственных действий, в процессе которого подлежат обнаружению материальные носители криминалистической информации и в последующем вовлекаются в сферу процессуального доказывания.

И все же, мы смеем заметить, что самой базе, регулирующей осмотр жилища, требуются определённые дополнения, пояснения для более эффективной работы следствия, и для более точного понимания своих прав гражданами.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.11.2022)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.11.2022)
3. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика. М.: Экзамен. 2008. 640 с.
4. Брагер Д.К. Криминалистические аспекты принудительного проведения освидетельствования // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2011. № 3. С. 20 – 23.
5. Власенко Н., Иванов А. Осмотр жилища // Законность, 2004. № 11. С. 25 – 27.
6. Долгинов С.Д. Осмотр жилища: уголовно-процессуальные аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 3. С. 58 – 62.
7. Мясников А.А. К вопросу об определении понятия «жилище» в уголовном праве // Молодой ученый. 2018. № 35. С. 65 – 67.
8. Топорнин Б.Н. Европейское право. М.: Юрист. 2001. 456 с.
9. Уварова И.А. Тактические особенности осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц // Молодой ученый. 2015. № 19. С. 520 – 523.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект. 2015. 1184 с.
11. Янкин А.Н. Актуальные вопросы производства осмотра жилища // Российский следователь. 2008. № 10. С. 3 – 4.

References

1. Uголовnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ. SPS Konsul'tant pljus [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashhenija: 12.11.2022)
2. Uголовno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ. SPS Kon-sul'tant pljus [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (data obrashhenija: 12.11.2022)
3. Baev O.Ja. Taktika uголовnogo presledovanija i professional'noj zashhity ot nego. Sledstvennaja taktika. M.: Jekzamen. 2008. 640 s.
4. Brager D.K. Kriminalisticheskie aspekty prinuditel'nogo provedenija osvidetel'stvovanija. Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovanija. 2011. № 3. S. 20 – 23.
5. Vlasenko N., Ivanov A. Osmotr zhilishha. Zakonnost', 2004. № 11. S. 25 – 27.
6. Dolginov S.D. Osmotr zhilishha: uголовno-processual'nye aspekty. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki. 2009. № 3. S. 58 – 62.
7. Mjasnikov A.A. K voprosu ob opredelenii ponjatija «zhilishhe» v uголовnom prave. Molodoj uchenyj. 2018. № 35. S. 65 – 67.
8. Topornin B.N. Evropejskoe pravo. M.: Jurist. 2001. 456 s.
9. Uvarova I.A. Takticheskie osobennosti osmotra zhilishha pri otsutstvii soglasija prozhivajushhih v nem lic. Molodoj uchenyj. 2015. № 19. S. 520 – 523.
10. Uголовnoe pravo Rossii. Chasti Obshhaja i Osobennaja: uchebnik. pod red. A.V. Brilliantova. 2-e izd. M.: Prospekt. 2015. 1184 s.
11. Jankin A.N. Aktual'nye voprosy proizvodstva osmotra zhilishha. Rossijskij sledovatel'. 2008. № 10. S. 3 – 4.

Опционные соглашения при заключении договоров с долями обществ с ограниченной ответственностью: понятие, сфера применения

**Хабиров А.И., кандидат юридических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет**

***Аннотация:** в настоящей статье представлено исследование новых гражданско-правовых инструментов, используемых при совершении сделок с долями обществ с ограниченной ответственностью – опционных соглашений. Целью исследования является анализ новейшей договорной и судебной практики и описание возможности использования опционных соглашений в договорах с долями обществ с ограниченной ответственностью. Для реализации поставленной цели решены следующие задачи. Рассмотрены понятия и отличия опционных соглашений – опциона на заключение договора и опционного договора. Проведен анализ основных направлений, в которых используются опционные соглашения. Делается вывод об эффективности диспозитивных правил субинститута опционных соглашений и возможности договорного регулирования при отчуждении долей обществ с ограниченной ответственностью и повышении таким образом степени защищенности сторон.*

***Ключевые слова:** опцион на заключение договора, вторичное право, безотзывная оферта, опционный договор*

Для цитирования: Хабиров А.И. Опционные соглашения при заключении договоров с долями обществ с ограниченной ответственностью: понятие, сфера применения // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 181 – 185.

Optional agreements of concluding contracts with shares of limited liability companies: concept, scope of application

**Khabirov A.I., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Kazan (Volga region) Federal University**

***Abstract:** this article presents a study of new civil law instruments used in transactions with shares of limited liability companies – optional agreements. The purpose of the study is to analyze the latest contractual and judicial practice and describe the possibility of using optional agreements in contracts with shares of limited liability companies. To achieve this goal, the following tasks have been solved. The concepts and differences of option agreements – an option to conclude a contract and an optional contract are considered. The analysis of the main directions in which option agreements are used is carried out. The conclusion is made about the effectiveness of the dispositive rules of the substitute of option agreements and the possibility of contractual regulation when alienating shares of limited liability companies and thus increasing the degree of protection of the parties.*

***Keywords:** option to conclude the agreement, secondary right, irrevocable offer, optional contract*

For citation: Khabirov A.I. Optional agreements of concluding contracts with shares of limited liability companies: concept, scope of application. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 181 – 185.

При совершении сделок с долями в обществах с ограниченной ответственностью (далее – ООО) следует выделить несколько этапов. Первый этап – преддоговорный – в рамках которого стороны могут заключить предварительный договор или опцион. Рассмотрим более подробно опционы. Так, Арбитражный суд Ростовской области, рассматривая спор, вытекающий из соглашения о предоставлении опциона на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале, указал, что соглашение выражает волеизъявление сторон на заключение в будущем договора купли-продажи доли в уставном капитале, поэтому отвечает вытекающим из п. 1 ст. 429 ГК РФ признакам предварительного договора (решение Арбитражного суда Ростовской области от 25.01.2019 по делу № А53-28436/18; аналогичный вывод содержится еще в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 12.03.2015 N Ф05-15488/13 по делу № А41-6339/2013). В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплено две конструкции – соглашение о предоставлении опциона на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ) и опционный договор (ст. 429.3 ГК РФ). Между данными конструкциями имеются определенные отличия, поскольку они базируются на разных теоретических моделях, которые были разработаны в германской цивилистике XIX века [7, с. 330]. В основе опционного договора лежит так называемая теория единого договора, согласно которой стороны сразу

же заключают основной договор, например, договор купли-продажи доли в ООО, но исполнение по такому договору, а именно передача доли – происходит опционально. Это значит, что после заключения договор сразу же не исполняется. А будет ли он исполнен, зависит от одной из сторон этого договора [6, с. 62]. И если сторона не заявит об исполнении договора в течение срока действия опциона, то договор прекратится без исполнения, срок его действия закончится.

А в основе соглашения о предоставлении опциона на заключение договора лежит так называемая теория разделенного договора, согласно которой сначала стороны заключают соглашение о предоставлении опциона. Данное соглашение представляет собой преддоговорную конструкцию, которая играет роль безотзывной оферты, то есть одна сторона предоставляет другой стороне право заключить договор своими односторонними действиями. Возникновение права заключить договор может быть обусловлено как наступлением определенных условий, указанных в опционном соглашении, так и независимо от этого. Соответственно, вторая сторона такого соглашения обладает секундарным правом (это понятие было введено немецким цивилистом Эккелем, который понимал под секундарным правом возможность установить конкретное правоотношение посредством заключения односторонней сделки, которой противостоит не обязанность, а связанность другого лица действиями управомоченного субъекта [1, с. 279]) совершить акцепт этой безотзывной оферты в любое время либо когда наступают определенные условия, после чего и появляется основной договор. Таким образом, между указанными конструкциями есть определенные теоретические и практические различия и, как правило, в одном государстве применяется только одна из двух названных конструкций [5, с. 40].

Тем не менее в ходе реформы гражданского законодательства в ГК РФ были включены обе модели. Изначально в проекте закона о внесении изменений в ГК РФ закреплялась только модель, основанная на теории разделенного договора, т.е. законодатель намеревался закрепить только конструкцию соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. Однако в рамках второго чтения по инициативе Банка России было предложено закрепить в ГК РФ и вторую конструкцию – опционный договор, поскольку данная модель применяется при совершении биржевых сделок по оформлению биржевых опционов. Ранее в связи с отсутствием детального регулирования в российском законодательстве договоры, заключенные по конструкции опциона, нередко становились причиной судебных разбирательств, например: Постановление Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 1795/11; Постановление Президиума ВАС РФ от 6 марта 2007 г. № 13999/06.

Также еще одним из отличий между данными конструкциями является появление корреспондирующих норм в других федеральных законах. В частности, в федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» были внесены поправки в пункт 11 статьи 21, которые по своему характеру и значению коррелируют именно с нормами ст. 429.2 ГК РФ [2, с. 9]. И в целом, проведя анализ статей 429.2 и 429.3 ГК РФ, следует признать, что первая статья является более проработанной, содержит в себе различные механизмы регулирования возникающих отношений. Таким образом, при совершении сделок с долями ООО, как правило, применяется модель структурирования правоотношений, предусмотренная именно статьей 429.2 ГК РФ [4, с. 29]. Помимо названных выше причин использования данной статьи в качестве еще одной причины следует назвать принципиальную невозможность применения ст. 429.3 ГК РФ при совершении нотариусом последующих действий, связанных с регистрацией перехода прав на долю. Так, законодатель установил, что единственным легитимным заявителем при подаче документов в налоговую службу является нотариус, удостоверивший сделку. В свою очередь нотариус должен отправить документы в течение двух рабочих дней. Буквально это означает, что действия нотариуса по передаче документов в налоговую являются только срочными, но не могут быть условными, то есть стороны в соглашении могут лишь изменить срок для отправки документов, указав иную дату или событие, которое неизбежно должно наступить. Однако нельзя ставить подачу документов в зависимость от условия, которое может не наступить и именно поэтому модель опционного договора, предусмотренная в ст. 429.3 ГК РФ, не применяется к сделкам с долями в ООО. Такая модель вполне может быть применена к договорам по отчуждению недвижимого имущества, когда в соответствии с требованиями закона (ст. 550 ГК РФ) требуется составление одного документа, подписанного сторонами.

Далее рассмотрим основные сферы применения опционов на заключение договора с долями обществ с ограниченной ответственностью. Здесь следует подчеркнуть, что сфера применения опционных соглашений намного шире. Так, Арбитражный суд города Москвы указал, что подарочный сертификат, который приобретает покупатель, представляет собой разновидность опционного договора (решение Арбитражного суда города Москвы от 22.02.2018 N А40-226793/2017). Во-первых, конструкция опциона на заключение договора применяется в тех случаях, когда цена предмета договора не определена и зависит от наступления тех или иных условий, например, получение лицензии обществом, доли которого собираются приобрести.

Соответственно, если общество получает лицензию, действительная стоимость доли возрастает. Еще один интересный пример применения данной конструкции – выкуп застройщиком коттеджных поселков другой компании, которая обладает земельными участками, однако категория этих земельных участков не позволяет на данный момент проводить строительные работы. Допустим, на данный момент участки отнесены к категории земель сельскохозяйственного назначения. Однако собственник гарантирует, что в течение 6 месяцев эти земельные участки будут переведены в категорию «земли населенных пунктов», разрешенное использование «для индивидуального жилищного строительства». И стороны договариваются, что при наступлении данного условия покупатель приобретает доли другой компании. Однако поскольку это условие может и не наступить, то стороны могут сначала подписать опцион на заключение договора. Как только категория земельных участков будет изменена, покупатель своими односторонними действиями акцептует такую оферту.

Во-вторых, в качестве особой разновидности применения опциона на заключение договора следует упомянуть венчурное инвестирование, инвестирование в так называемые стартапы. В этом случае возможно заключение сделки по двум моделям опционов – прямой или обратный (штрафной) опцион. В первом случае инвестор, намеревающийся стать обладателем большей доли в ООО, сначала приобретает небольшую долю (5-10 %). А в отношении оставшейся доли (например 30-40%) оформляется прямой опцион, согласно которому в случае наступления определенных условий (например, достижение оговоренных финансовых показателей, количества продаж и так далее), покупатель-инвестор ее выкупает по заранее зафиксированной цене. Если же стороны договариваются применить обратный (штрафной) опцион, то покупатель сразу же приобретает всю долю в компании, однако при наступлении определенных, как правило, негативных обстоятельств (например, возбуждение уголовного преследования в отношении одного из учредителей выкупленной компании, отрицательные результаты налоговой проверки и тому подобное) имеет право на принудительный возврат купленной доли, а также право требовать уплаты штрафа, предусмотренного в опционном соглашении.

В-третьих, наиболее востребованной сферой применения опционных соглашений в отношении долей в обществах с ограниченной ответственностью в Российской Федерации за последние 7 лет являются опционы на фронтирование владения, когда конечный бенефициар компании по определенным причинам не желает числиться в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в качестве номинального владельца. Тогда доля обычно передается номинальному собственнику, в качестве которого выступают, как правило, родственники или знакомые конечного бенефициара. Если подобные отношения построить только на лично-доверительном основании, то всегда есть риск, что впоследствии номинальный владелец не передаст обратно полученные доли, а предпочтет и дальше числиться в ЕГРЮЛ в качестве владельца компании. Для того чтобы избежать подобной ситуации, оформляется безусловный опцион на заключение договора между бенефициаром и номинальным владельцем на длительный срок (как правило на 50 и более лет). Такое опционное соглашение дает право бенефициару в любой момент без наступления каких-либо условий по своему желанию забрать эту долю обратно путем одностороннего акцепта. Такая же конструкция используется и при структурировании владения в крупных корпорациях, когда номинальным владельцем дочернего общества является не материнская компания, а иное лицо, например, из числа руководителей дочерней компании.

В-четвертых, еще одна сфера применения опционов на заключение договора – это так называемые мотивационные опционы, которые позволяют работнику, осуществляющему свои функции по трудовому договору, по истечении определенного срока работы и достижения иных показателей, получить миноритарную долю в компании. Причина появления подобных мотивационных опционов кроется в желании собственников корпорации стимулировать ключевых сотрудников к высокоэффективной деятельности. Еще в 70-е годы XX века теоретики бизнеса задались вопросом повышения эффективности деятельности персонала и было выявлено, что обычное повышение заработной платы имеет лишь кратковременный эффект и через 3-6 месяцев производительность труда такого работника опускается на прежний уровень. Другое дело, когда работников стали премировать, заключая с ними опционные соглашения, по которому сотрудник получал миноритарную долю компании по достижении определенных показателей или результатов, например, стаж работы в компании, количество заключенных договоров с контрагентами и так далее.

И, наконец, еще одна сфера, где используются опционы на заключение договора, это урегулирование корпоративных конфликтов. В данном случае такие опционные соглашения включаются в корпоративные договоры, в которых, в свою очередь, прописывается порядок разрешения споров. Одним из часто встречающихся примеров является так называемый *deadlock*, ситуация, при которой в компании участники с одинаковым количеством долей не могут принять единогласное решение, вследствие чего наступает коллапс в деятельности компании [3, с. 52]. Как показывает многочисленная судебная практика, лучшим ре-

шением данной проблемы является добровольное соглашение участников. Механизмы разрешения подобных проблем, такие как русская рулетка, техасская перестрелка и иные, возможно заложить в корпоративном договоре. Так, согласно правилам механизма «русская рулетка», при наличии конфликта один участник общества направляет другому предложение выкупить его долю за определенную сумму. Второй участник имеет возможность совершить одно из двух действий – либо выкупить у второго участника его долю за предложенную сумму, либо продать свою долю второму участнику за эту же сумму. Подобный механизм оформляется через взаимные опционные соглашения, которые позволяют односторонними действиями одного участника распорядиться долей второго участника.

Также опционное соглашение, включенное в корпоративный договор, можно использовать в качестве санкции за нарушение обязательств одним из участников. В частности, можно установить обязательство не конкурировать, не разглашать конфиденциальную информацию. В случае нарушения стороной подобного обязательства наступают последствия, предусмотренные в опционном соглашении, например другие участники могут выкупить долю нарушителя за небольшую сумму либо наоборот продают ему свои доли по заранее согласованной цене и сверх этого получают компенсацию в виде предусмотренного опционом штрафа. Кроме того, в корпоративном договоре можно прописать порядок действий участников компании, если их долю захочет выкупить третье лицо. Для этого участники компании могут заранее заключить опционное соглашение по модели Tag Along или Drag Along [8]. При модели Tag Along остальные участники компании могут потребовать, чтобы третье лицо выкупило их доли по той же цене, что и у первого участника. А при заключении опционного соглашения по модели Drag Along третье лицо имеет право выкупить долю всех участников независимо от их согласия.

Таким образом, обобщая современную договорную практику предварительных сделок с долями ООО, можно прийти к следующим выводам:

1. Нотариальная форма сделок с долями в ООО позволяет снизить риски приобретения доли с ненадлежащими имущественными и иными значимыми характеристиками и с помощью заключения опционных соглашений стороны могут предусмотреть возможность варьировать свое поведение в виде акцепта или отказа от акцепта безотзывной оферты.
2. Имеющееся правовое регулирование договорных обязательств по отчуждению долей ООО позволяет использовать новые обязательно-правовые механизмы с учетом специфики корпоративной природы этих отношений.
3. Диапазон использования опционных соглашений крайне широк и отвечает разнообразным потребностям практики, позволяя выработать надлежащую модель взаимодействия как между сторонами таких соглашений, так и в отношениях с нотариусами.

Литература

1. Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х т. АО "Центр ЮрИнфоР", 2002. Т. 1. 490 с.
2. Илюшина М.Н. Новые гражданско-правовые механизмы договорного регулирования и пределы их использования в обороте долей обществ с ограниченной ответственностью // Гражданское право. 2019. № 3. С. 8 – 12.
3. Карапетов А.Г. Опцион на заключение договора и опционный договор согласно новой редакции ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 49 – 72.
4. Марданшина Е.А. Опцион на заключение договора купли-продажи доли в уставном капитале в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2021. N 11. С. 28 – 34.
5. Ралько В.В. Опцион на заключение договора и опционный договор в российском праве // Нотариус. 2016. N 5. С. 38 – 44.
6. Чупрунов И.С. Вопросы сферы действия и обхода преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 4. С. 24 – 97.
7. Юнусова А.Н. Анализ правового регулирования опционного договора в странах романо-германской правовой системы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 3. С. 329 – 341.
8. Неустойка и опционы по-новому: Минэк предложил новые правила для акционеров [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/236317/> (дата обращения: 03.04.2023)

References

1. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2-h t. AO "Centr JurInfoR", 2002. T. 1. 490 c.
2. Iljushina M.N. Novye grazhdansko-pravovye mehanizmy dogovornogo regulirovanija i predely ih ispol'zovanija v oborote dolej obshhestv s ogranichennoj otvetstvennost'ju. Grazhdanskoe pravo. 2019. № 3. S. 8 – 12.
3. Karapetov A.G. Opcion na zakljuchenie dogovora i opcionnyj dogovor soglasno novej redakcii GK RF. Vestnik jekonomicheskogo pravosudija Rossijskoj Federacii. 2016. № 3. S. 49 – 72.
4. Mardanshina E.A. Opcion na zakljuchenie dogovora kupli-prodazhi doli v ustavnom kapitale v notarial'noj praktike. Notarial'nyj vestnik. 2021. N 11. S. 28 – 34.
5. Ral'ko V.V. Opcion na zakljuchenie dogovora i opcionnyj dogovor v rossijskom prave. Notarius. 2016. N 5. S. 38 – 44.
6. Chuprunov I.S. Voprosy sfery dejstvija i obhoda preimushhestvennogo prava pokupki doli (akcij). Vestnik jekonomicheskogo pravosudija Rossijskoj Federacii. 2021. № 4. S. 24 – 97.
7. Junusova A.N. Analiz pravovogo regulirovanija opcionnogo dogovora v stranah romano-germanskoj pravovoj sistemy. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. 2019. T. 5(71). № 3. S. 329 – 341.
8. Neustojka i opciony po-novomu: Minjek predlozhl novye pravila dlja akcionerov [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://pravo.ru/story/236317/> (data obrashhenija: 03.04.2023)

Медико-правовые аспекты ятрогении

Раджабов Р.М., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет,
Азизов М.З.,
Омаргаджиев А.А.,
Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается довольно актуальный сегодня вопрос, связанный с медико-правовыми аспектами ятрогении. В статье приводится термин «ятрогения» (от греч. *iatros* – врач + *genes* – порождающий – «болезни, порожденные врачом»), под которым понимается разновидность психогенного расстройства, возникающая в результате непрофессионального поведения врача (медицинского работника) либо же его невнимательности. В статье авторы отмечают, что основной причиной для развития ятрогенных заболеваний может выступить неосторожное действие, либо же непрофессиональная речь лечащего врача (медицинского работника), которая в свою очередь может негативно повлиять на самочувствие больного. Авторами приводятся и иные нарушения закона, которые формируют ятрогенные преступления, а также предлагаются соответствующие меры для их эффективного устранения. В завершении авторы приходят к выводу о том, что каждому современному врачу и медицинскому работнику требуется постоянно повышать собственную квалификацию, оттачивать свои навыки, уметь в совершенстве владеть всеми знаниями о своей специальности, устремлять свое внимание на особенностях каждого пациента, но главное – помнить об этике и медицинской тайне, которую ни в коем случае нельзя раскрывать.

Ключевые слова: врач, медицина, ятрогения, правовое регулирование, классы болезней, врачебная ошибка, медицинская помощь, медицинский персонал, здоровье

Для цитирования: Раджабов Р.М., Азизов М.З., Омаргаджиев А.А. Медико-правовые аспекты ятрогении // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 186 – 188.

Medical and legal aspects of iatrogeny

Radzhabov R.M., Associate Professor,
Dagestan State Medical University,
Azizov M.Z.,
Omargadzhiev A.A.,
Dagestan State University

Abstract: the article deals with a rather topical issue related to the medical and legal aspects of iatrogenia. The article uses the term "iatrogenics" (from Greek *iatros* - doctor + *genes* - generating - "diseases generated by the doctor"), which refers to a type of psychogenic disorder resulting from the unprofessional behavior of a doctor (medical worker) or his inattention. In the article, the authors note that the main reason for the development of iatrogenic diseases can be a careless action or unprofessional speech of the treating doctor (medical worker), which in turn can adversely affect the well-being of the patient. The authors cite other violations of the law that form iatrogenic crimes, as well as propose appropriate measures for their effective elimination. In conclusion, the authors conclude that every modern physician and medical professional must constantly improve their own qualifications, hone their skills, be able to master perfectly all the knowledge of their specialty, to focus their attention on the specifics of each patient, but most importantly - remember the ethics and medical secrecy, which in no case can be disclosed.

Keywords: doctor, medicine, iatrogeny, legal regulation, classes of diseases, medical error, medical care, medical staff, health

For citation: Radzhabov R.M., Azizov M.Z., Omargadzhiev A.A. Medical and legal aspects of iatrogeny. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 186 – 188.

Одной из основных неблагоприятных тенденций в системе российского здравоохранения считается вездесущее распространение разнообразных отрицательных последствий лечения, таких как различного рода осложнения, психологический стресс, негативные последствия, вызванные небрежностью медицинского работника, болезни, возникающие на фоне основного заболевания. Таким образом, вышеперечисленные следствия врачебного вмешательства объединяют единую категорию болезней, называемых «ятрогения».

Ятрогенией считается разновидность психогенного расстройства, возникающая в результате непрофессионального поведения либо же невнимательности врача. Причиной развития ятрогенных заболеваний может являться неосторожное действие, либо же непрофессиональная речь лечащего врача, которая может негативно повлиять на самочувствие больного. Также возможны случаи, когда не сами высказывания медицинского работника могут вызвать ятрогенное заболевание, а то, с каким тоном данные были сообщены врачом.

Работа медицинского работника прежде всего ориентирована на помощь пациенту. Однако, к сожалению, оказать помощь и оберечь больного удастся не всегда. В трудных ситуациях особенно важна каждая секунда, и любое решение, принятое врачом, может иметь тяжелые последствия для здоровья пациента. Раскрывая ятрогенные преступления в первую очередь, необходимо дать определение данным преступлениям. Ятрогенным преступлением называют ошибки медицинских работников, совершаемых ими в процессе выполнения своей профессиональной деятельности, которые отражаются на жизни и здоровье лечащегося пациента вследствие нарушения правил оказания врачебной помощи [3, с. 55-64].

Вопрос особенностей предоставления врачебной помощи приобретает в наше время немалую значимость и актуальность, а именно ее анализ со стороны права. Правовая оценка является прерогативой юристов, и в связи с этим необходимо более точное, понятное толкование термина «ятрогения».

Рассматривая дефекты, возникающие в результате оказания помощи медицинским работником, в научной врачебной литературе можно сказать, что это непрофессиональные действия (бездействие) врача, в результате которых происходит нарушение нормативных актов, директив, действующих распоряжений руководства, положений предписаний и приказов, наставлений, результатом которого является некачественное оказание (неоказание) помощи врачом. Но нужно отметить, что в сознании множества врачей, юристов и ученых сформировалась такая точка зрения, согласно которой понятие «ятрогенный» обладает уголовным значением, имеет преступную окраску и во что бы то ни стало подлежит если не уголовно-правовой, то гражданско-правовой экспертизе. Однако не все врачебные ошибки имеют криминальные последствия [2, с. 14-18].

Более частой и основным фактором появления ятрогении является некомпетентное отношение медицинского работника к своему пациенту. Часто при обращении за медицинской помощью мы подвергаемся еще большей опасности со стороны лица, оказывающего помощь. В Российской Федерации нет законодательно закрепленных общих правил, которые могли бы соблюдать врачи, поэтому зачастую многие врачи не знают, как действовать при той или иной ситуации.

Учитывая сведения, полученные от Всемирной Организации Здоровья, год за годом от ошибок врачей погибает больше людей, чем в ДТП. Ни для кого не секрет, что врач может совершить ошибки, но к их возможному повторению приводит страх врачей, что они могут получить общественную огласку.

Выдающийся русский хирург Н.И. Пирогов впервые назвал и употребил термин «врачебная ошибка» под понятием «ятрогения» в начале 19 века. Он предложил группирование врачебных ошибок по стадиям лечения: выявление симптомов, распознавание болезни и установка диагноза и непосредственно само лечение больного.

Наиболее опасной в медицине является искажение личности медицинского работника, которое может выражаться в проявлении безразличия к пациентам, чрезмерной говорливости, высказываний о своих безосновательных предположениях, произнесенных пациенту сомнений.

Признаки ятрогенных преступлений включают в себя: 1) боль, появившуюся вследствие неверно проделанных и вредных для данного больного медицинских манипуляций или же их последствий. 2) страдание больного, которое необходимо было облегчить, но этого не было сделано; 3) боль пациента, которая возникла вследствие оказания несвоевременной помощи; 4) недоедание, жажда, возникшие во время пребывания в медицинском учреждении или в связи с результатами неправильных (противопоказанных) лечебных действий (бездействий) [5].

Данные нарушения закона и формируют ятрогенные преступления, т.е. действия медицинских работников, которые каким-либо образом наносят вред индивиду.

Данные преступления считаются сложными и трудно раскрываемыми, так как чаще всего все участники лечебной деятельности имеют единые взгляды и не стремятся свидетельствовать против своих коллег, что и затрудняет деятельность, связанную с раскрытием преступлений.

Мера наказания за ятрогенные преступления практически в полном объеме зависит от действий медиков, иными словами от того, что в какой степени они показали свою некомпетентность и недобросовестность. Однако законодательство не устанавливает наказание за невнимательность. Такие нарушения закона уже не считаются ятрогенией, они связаны с беспечным отношением к своей работе, причем наказание за такие преступления налагается в соответствии с совершенными действиями и их результатом.

К одним из частых проявлений некомпетентности медицинских работников относят неправильное введение обезболивающего, безответственное отношение к пациентам, которым нужно в срочном порядке оказать медицинскую помощь; оставление какого-либо объекта в организме пациента; передача пациенту не тех лекарств, а также ошибка в дозировке [4].

Причинение вреда самочувствию пациента зачастую бывает сопряжено как с активным оказанием медицинской помощи, так и бездействию при возможности оказания медицинской помощи при условии, что при выборе возможного поведения врачом причинение среднего и тяжкого вреда здоровью, а также смерть можно предотвратить [6, с. 352].

Необходимо отметить, что следует дополнить Уголовный Кодекс Российской Федерации специальными статьями, предписывающими ответственность: а) за ошибки, в результате которых случился смертельный исход либо причинение вреда; б) за использование знаний медицинским работником в преступных целях; в) за утаивание собственных действий, которые привели к смертельному исходу.

Так как закон по ятрогенным преступлениям сформулирован так, что имеет общий характер необходимо включить в Уголовный кодекс Российской Федерации ятрогенные преступления как отдельный состав.

Внедрение дополнительных положений в Уголовный кодекс Российской Федерации даст возможность устранить возможность производства и квалификации уголовных дел по другим статьям в отношении врачей. Одним единственным виновным в данном случае может быть медицинский работник.

Помимо этого, стоит привлечь экспертов-врачей, которые сумели бы установить и оценить степень, а также серьезность вины врача.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что вопрос действенности, а также эффективности оказания медицинских услуг является главенствующим и занимает приоритетное место среди проблем российской медицины.

Любому врачу и медицинскому работнику независимо от его специальности требуется непрерывно повышать собственную квалификацию, оттачивать свои навыки, уметь в совершенстве владеть всеми знаниями о своей специальности, устремлять свое внимание на особенностях каждого пациента. К тому же необходимо помнить об этике врача, медицинской тайне, которую ни в коем случае нельзя раскрывать.

Литература

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации: федеральный закон [от 30 июня 1996 года № 63-ФЗ (с посл. изм и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954
2. Долецкий С.Я. Ятрогения в хирургии. Ятрогенные болезни и повреждения // Сб. науч. работ. Махачкала, 1991. С. 14 – 18.
3. Кассирский И.А. Об ятрогенных заболеваниях // Труды I Всесоюзной конференции по проблеме медицинской деонтологии. М., 1970. С. 55 – 64.
4. Мишухин А.С., Кошелева Д.В., Инкин А.А. Предупреждение и профилактика ятрогенной преступности // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 213 – 220.
5. Некачалов В.В. О ятрогенной патологии // журнал "Медицинское право". 2018. № 4.
6. Акопов В.И., Маслов Е.Н.. Право в медицине. М.: Книга-Сервис, 2002. 352 с.

References

1. Ugolovnyj Kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon [ot 30 ijunja 1996 goda № 63-FZ (s posl. izm i dop.)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1996. № 25. St. 2954
2. Doleckij S.Ja. Jatrogenija v hirurgii. Jatrogennye bolezni i povrezhdenija. Sb. nauch. rabot. Mahachkala, 1991. S. 14 – 18.
3. Kassirskij I.A. Ob jatrogennyh zabolevanijah. Trudy I Vsesojuznoj konferencii po probleme medicinskoj deontologii. M., 1970. S. 55 – 64.
4. Mishuhin A.S., Kosheleva D.V., Inkin A.A. Preduprezhdenie i profilaktika jatrogennoj prestupnosti. Zakonnost' i pravoporjadok v sovremennom obshhestve. 2014. № 17. S. 213 – 220.
5. Nekachalov V.V. O jatrogennoj patologii. zhurnal "Medicinskoe pravo". 2018. № 4.
6. Akopov V.I., Maslov E.N.. Pravo v medicine. M.: Kniga-Servis, 2002. 352 s.

Защита авторского права в сети интернет

Викторов О.В., аспирант,
Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: защита авторских прав в интернете – это законные способы использования и распространения в сети интернет материалов защищенных авторских правом. Под авторским правом понимаются интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных с защитой авторских прав в Интернете, а также освещению возможностей и проблем, связанных с использованием материалов в Сети. Она направлена на изучение текущего законодательства в области авторского права и экспертного мнения на эту тему, также на ознакомление с основными принципами и правилами в сфере авторского права в интернете. В ней рассматриваются вопросы, связанные с защитой авторских прав на материалы, размещенные в сети, возможными последствиями нарушения авторских прав, а также рекомендации по правильному использованию материалов в сети Интернет. Статья направлена на то, чтобы помочь пользователям интернета ориентироваться в законодательстве и избежать нарушения авторских прав. Результаты, полученные в рамках нашего исследования, помогут более глубоко понять эту проблематику и найти наилучшие пути защиты прав авторов в Сети Интернет.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, лицензирование, хакерство, цифровые отпечатки

Для цитирования: Викторов О.В. Защита авторского права в сети интернет // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 189 – 194.

Copyright protection on the internet

Viktorov O.V., Postgraduate,
Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: copyright protection on the Internet is a legal way of using and distributing copyrighted materials on the Internet. Copyright refers to intellectual property rights to works of science, literature and art. The article is devoted to the study of issues related to the protection of copyright on the Internet, as well as highlighting the opportunities and problems associated with the use of materials on the Web. It aims to study the current legislation in the field of copyright and expert opinion on this topic, as well as to familiarize yourself with the basic principles and rules in the field of copyright on the Internet. It discusses issues related to the protection of copyright for materials posted on the network, the possible consequences of copyright infringement, as well as recommendations for the correct use of materials on the Internet. The article is aimed at helping Internet users navigate the law and avoid copyright infringement. The results obtained in the framework of our study will help to better understand this issue and find the best ways to protect the rights of authors on the Internet.

Keywords: copyright, intellectual property, licensing, hacking, digital fingerprints

For citation: Viktorov O.V. Copyright protection on the internet. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 189 – 194.

Введение

На сегодняшний день сеть Интернет уже давно стала неотъемлемой частью нашей жизни. Она проникает в нашу повседневность, предлагая массу возможностей для работы, развлечений и общения. Сеть Интернет является международной компьютерной сетью, которая состоит из множества сетей, соединенных между собой с помощью маршрутизаторов и других устройств. Основной протокол для передачи данных в сети Интернет – это протокол TCP/IP.

Система DNS (Domain Name System) используется для того, чтобы переводить доменные имена в IP-адреса, которые нужны для маршрутизации пакетов данных в сети. Для подключения к сети Интернет пользователи используют различные устройства, такие как компьютеры, ноутбуки, смартфоны, планшеты, роутеры и другие устройства с Wi-Fi. В зависимости от способа подключения, могут использоваться различные технологии, такие как DSL, кабельное подключение, Wi-Fi, 3G/4G и другие [1].

Актуальность темы исследования заключается в том, что авторское право является неотъемлемой частью гражданского права, признаваемой и охраняемой мировым сообществом. Благодаря стимулированию и обеспечению защиты, авторское право так быстро и стремительно развивается, одновременно расширяя культурную сферу. В соответствии с этим определена основная цель работы – формирование комплексного понимания защиты авторских прав в Интернете.

Реализация указанной цели основывалась на изучении юридической литературы по указанной теме [1, 6]. Значительный вклад в изучение защиты авторских прав и конфиденциальности информации внесли, такие авторы как: Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко [14, с. 1675], Р.Р. Ленковская [15, с. 140], В.П. Талимончик [16, с. 42], Л.Ф. Татарина [17, с. 206] и многие другие.

Сегодня в мире существует множество провайдеров, которые предоставляют услуги доступа в Интернет, и ряд организаций, которые занимаются развитием и поддержкой сети Интернет. Однако, также вместе с этим возникают и проблемы, связанные с нарушением авторских прав в Интернете.

Авторское право – это право, которое принадлежит автору произведения и даёт ему право использовать свою работу и контролировать её использование другими лицами. В России авторское право регулируется Федеральным законом «Об авторском праве и смежных правах» (от 09.07.1993 N 5351-1) и является гражданским правом. Авторское право на произведение возникает с его созданием и существует в течение всей жизни автора и семидесяти лет после его смерти. В настоящее время в России авторское право распространяется на литературные, музыкальные, художественные, аудиовизуальные и другие произведения [1, 3].

С развитием интернета возникли новые формы использования произведений, такие как публикация в сети и распространение по электронной почте. Это привело к возникновению новых проблем с авторским правом в интернете. Для того чтобы защитить авторские права на произведения, распространяемые в интернете, в России существует несколько законов и правил. Одним из них является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (от 27.07.2006 N 149-ФЗ), который устанавливает ответственность за нарушение авторских прав [2]. Согласно данному закону, пользователи интернета обязаны уважать авторские права на произведения и не могут без разрешения автора использовать его произведения, в том числе публиковать, изменять, распространять и т.д. Закон также устанавливает ответственность за нарушение авторских прав в интернете. Так, за нарушение авторских прав на произведения, распространяемые в интернете, предусмотрены штрафы и даже уголовная ответственность.

Для защиты своих авторских прав на произведения, опубликованные в интернете, авторы могут применять следующие меры [4].

1. Регистрация произведения. Авторы могут зарегистрировать свои произведения в Российском авторском обществе (РАО) и получить специальный сертификат, который подтверждает авторство и права на произведение.

2. Указание авторства. Авторы могут обязательно указывать своё авторство при публикации произведения в интернете. Также они могут использовать специальные символы и метки, которые защищают произведение от копирования.

Следует отметить, что нарушение авторских прав в сети - это использование чужого произведения без разрешения автора или правообладателя. Это может происходить, когда пользователь загружает на свой сайт, блог или социальную сеть музыку, фотографии, видео или другие материалы, которые являются интеллектуальной собственностью других людей.

Нарушения авторских прав в сети могут быть причиной судебных разбирательств и вести к уплате значительных штрафов. Для того чтобы избежать нарушения авторских прав, следует [5]:

- Проверять, какие материалы можно использовать с разрешения авторов или правообладателей;
- Получать письменное разрешение на использование материалов;
- Ссылаться на источник и авторство при использовании материалов для новостных или образовательных целей;
- Использовать только свои собственные материалы или материалы, которые не являются объектами авторского права.

Отсутствие четких правил и законодательства авторского права в сети может привести к массовому нарушению авторских прав и прав интеллектуальной собственности. Некоторые пользователи могут не понимать, что использование материалов без разрешения правообладателя является противозаконным и может привести к юридическим последствиям.

Это также может привести к несправедливому использованию и распространению контента, что может нанести ущерб авторам и правообладателям. Для защиты своих прав правообладатели могут вынуждены тратить много времени и ресурсов на поиск и пресечение нарушений [6].

Недостаточно жесткие правила и законы могут также вести к неопределенности в отношении того, каким образом можно использовать контент, что может мешать созданию новых творческих работ. В итоге, необходимо разработать более четкие правила и законы, которые помогут защищать права авторов и правообладателей, и в то же время стимулировать инновации и творчество.

Угрозами для правообладателей и авторов в сети являются [7, 9]:

1. Пиратство: Незаконное копирование и распространение авторских материалов, таких как фильмы, музыка, книги, программное обеспечение и т.д.
2. Нелегальные загрузки: Нарушение авторских прав путем загрузки и распространения контента, нарушающего права на интеллектуальную собственность.
3. Хакерство: Взлом компьютеров и сетей с целью получения несанкционированного доступа к авторским материалам и их краже.
4. Фальсификация: Создание и распространение поддельных материалов, таких как фотографии, документы, видео и т.д., которые могут нанести ущерб правообладателям и авторам.
5. Незаконный доступ к информации: Нарушение авторских прав путем несанкционированного доступа к конфиденциальной информации, такой как технологические схемы, бизнес-планы, персональные данные и т.д.
6. Кража идентичности: Использование фальшивой идентичности или украденных учетных данных для получения доступа к защищенной информации и материалам.
7. Злоупотребление правами: Незаконное использование авторских прав, такое как производство и распространение поддельных товаров, а также порнографического и другого контента, нарушающего законы и нормы общества.

А здесь приведу наиболее полный список мер по защите авторских прав в сети [8, 10]:

1. Авторские права (Copyright) – это законодательная форма защиты авторских прав, которая применяется к текстам, картинкам, музыкальным произведениям, видео и другим объектам интеллектуальной собственности, созданным в цифровом виде.
2. Лицензирование – это форма защиты авторских прав, в которой правообладатель разрешает другому лицу использовать его произведения в определенных условиях. Лицензия может быть платной или бесплатной и может быть выдана на определенный срок или в определенных условиях.
3. DRM (Digital Rights Management) – это технология, которая используется для защиты авторских прав, используемая в различных форматах цифрового контента, таких как музыка, видео и электронные книги. DRM может ограничить доступ к контенту, запретить его копирование, передачу или изменение.
4. Creative Commons – это формат защиты авторских прав, который позволяет авторам давать разрешение на использование своих произведений в определенных условиях. Например, автор может разрешить использовать свои произведения только при условии сохранения его имени и ссылки на источник.
5. Open Access – это формат защиты авторских прав, который позволяет каждому пользователю свободно использовать и распространять произведения с учетом определенных правил, например, нельзя изменять авторский текст или удалять его имя.
6. Защита авторского права с помощью услуги Content ID, обеспечивающая своевременную блокировку контента, нарушающего авторские права.
7. Антивирусный софт и пароли на файлы – формы защиты авторских прав на созданный контент.

Есть также программные и технологические решения по защите авторских прав в сети, такие как [11, 12]: Водяные знаки, Цифровые отпечатки, Системы авторизации, Блокирование контента, Автоматизированные системы мониторинга. В целом, защита авторских прав в Интернете – это сложный процесс, который включает в себя одновременное использование нескольких методов и стратегий. Однако, правильное использование технологических решений может значительно упростить этот процесс и помочь защитить вашу интеллектуальную собственность. К программным решениям относятся: Digital Rights Management (DRM), Watermarking, Антиплагиат, Blockseer, iCopyright, ContentGuard. Каждый из этих программных продуктов имеет свои преимущества и недостатки, поэтому перед выбором следует тщательно изучить каждую из них и выбрать наиболее подходящее решение для своих нужд.

Существует несколько международных договоров об авторском праве в интернете, которые направлены на обеспечение прав авторов и защиту их произведений в онлайн-среде.

Один из таких документов – **Всемирная декларация об авторском праве** (World Intellectual Property Organization Copyright Treaty, WIPO Copyright Treaty) – был принят в 1996 году и является дополнением к Всемирной конвенции об авторском праве (Berne Convention). Этот договор устанавливает правовую защиту для авторов произведений в цифровой среде, включая интернет, и регулирует использование их произведений в онлайн-модели бизнеса [13].

Еще один значимый документ – **Договор по правам интеллектуальной собственности в отношении торговли** (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, TRIPS) – был принят в 1994 году в рамках Всемирной торговой организации (World Trade Organization, WTO). Договор TRIPS является обязательным для всех членов WTO и устанавливает регулятивные нормы для прав интеллектуальной собственности, включая авторское право в интернете.

Еще один важный документ – **Договор относительно компьютерных программ** (Computer Programs and Databases Treaty) – был принят в рамках WIPO в 1996 году и устанавливает правовую защиту для программного обеспечения в интернете.

Кроме того, существует ряд других международных и региональных договоров, охватывающих права авторов в цифровой среде, таких как Европейская конвенция об авторском праве и дополнительной защите авторских прав, а также Соглашение о сотрудничестве государств-участников в борьбе с нарушениями авторских прав и смежных прав. Также Российская Федерация подписала Всемирную договоренность по авторскому праву и Нагойский протокол [12].

Несмотря на то, что эти договоры обеспечивают правовую защиту авторов в интернете, все еще существует проблема с нарушениями авторских прав в онлайн-среде, таких как пиратство и незаконное распространение материалов. Для решения этой проблемы необходима международная координация с участием правительств, владельцев авторских прав, интернет-провайдеров и других заинтересованных сторон.

Законодательство Российской Федерации об авторском праве в интернете регулируется Федеральным законом «Об авторском праве и смежных правах». Он был принят в 1993 году и впоследствии изменялся, чтобы учитывать развитие интернет-технологий [13].

Согласно этому закону, авторские права присваиваются авторам произведений и распространителям, владеющим исключительными правами на использование этих произведений. Закон также определяет, что интернет-сервис-провайдеры (ИСП) несут ответственность за нарушения авторских прав, если они знали или должны были знать о нарушении и не принимали мер для предотвращения его.

Законодательство также устанавливает сроки действия авторского права: для произведений, созданных физическими лицами, права действуют в течение жизни автора и еще 70 лет после его смерти; для юридических лиц – 50 лет с момента публикации произведения.

Российские законы об авторском праве в сети включают следующие основные нормативные акты:

1. Федеральный закон "Об авторском праве и смежных правах" от 09.07.1993 № 5351-1 (с изменениями и дополнениями), который регулирует вопросы авторского права и смежных прав в России, в том числе в сети Интернет [1].

2. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изменениями и дополнениями), который регулирует вопросы защиты информации, включая информацию в сети Интернет [2].

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями), который содержит нормы, устанавливающие ответственность за нарушение авторских прав в сети Интернет.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями), в котором содержатся нормы, устанавливающие ответственность за нарушение авторских прав в сети Интернет в рамках уголовного права [3].

Созданы также международные надзорные органы в области интеллектуальной собственности:

1. Роскомнадзор (Россия).
2. Национальный антипиратский центр (Россия).
3. Федеральная комиссия по связи (США).
4. Офис интеллектуальной собственности (США).
5. Европейский суд по вопросам интеллектуальной собственности (ЕС).
6. Агентство по праву интеллектуальной собственности (Китай).
7. Австралийская комиссия по конкуренции и потребительским делам (Австралия).
8. Канадское агентство по интеллектуальной собственности (Канада).
9. Японское министерство экономики, торговли и промышленности (Япония).
10. Генеральное управление по борьбе с нарушениями авторских прав (Корея).

Защита авторских прав также важна для экономического роста по нескольким причинам:

1. Способствует инновациям. Когда авторские права защищены, авторы и компании получают стимул для создания новых продуктов и технологий, затрачивая временные и финансовые ресурсы на их разработку, зная, что их интеллектуальная собственность будет защищена.

2. Повышает качество продукции. Когда авторские права защищены, авторы и компании имеют возможность защитить свою интеллектуальную собственность от недобросовестных производителей, которые могут использовать их идеи без разрешения. Это позволяет авторам и компаниям сохранить контроль над качеством своих продуктов.

3. Содействует развитию экономики. Когда авторские права защищены, это позволяет компаниям и инноваторам защитить свои идеи и инвестировать в свой бизнес без страха утери дохода. Это приводит к созданию новых рабочих мест и увеличению доходов.

4. Побуждает к созданию конкуренции. Конкуренция между компаниями может привести к улучшению качества продукции, снижению цен и увеличению выбора для потребителей. Авторские права защищают от недобросовестной конкуренции и способствуют здоровой конкуренции.

Авторское право является одним из главных инструментов защиты интеллектуальной собственности. Оно обеспечивает авторам право контроля использования и распространения их творений, а также защищает их права на получение доходов от использования этих творений. Побуждает инновации и творчество, поскольку авторы могут получить финансовое вознаграждение за свои усилия и инвестировать свои средства в дальнейшее развитие своих творений. Однако, авторское право также может ограничивать доступ к информации и знаниям, а также может стать препятствием для свободного обмена информацией. В случае искусственного удлинения сроков действия авторских прав, что может привести к ограничению доступа к творчеству, защищенному авторским правом.

Для авторов и правообладателей, в культурной жизни и экономике существует множество возможностей для продвижения и монетизации своих произведений. Однако, важно помнить о необходимости защиты авторских прав и соблюдении законодательства в области интеллектуальной собственности. Вот некоторые из этих возможностей:

1. Публикация произведений и получение дохода от продаж: авторы могут публиковать свои книги, статьи, музыку, видео, фотографии и т.д. и получать за это доход.

2. Продажа авторских прав: авторы могут продавать свои авторские права на произведения, что позволяет им получить значительный доход.

3. Лицензирование произведений: авторы могут лицензировать свои произведения для использования другими компаниями или организациями в обмен на определенную плату.

4. Участие в культурных мероприятиях: авторы могут участвовать в книжных ярмарках, выставках, фестивалях, конференциях и т.д. для продвижения своих произведений и установления контактов с людьми, связанными с культурной индустрией.

5. Сотрудничество с издательскими домами: авторы могут сотрудничать с издательскими домами для публикации и продвижения своих книг.

Резюмируя вышесказанное необходимо отметить, что эффективная защита авторских и смежных прав является тем инструментом, который позволит развивать интеллектуальный труд в России. Отсутствие этой защиты не только негативно сказывается на экономике страны, но и мешает проявить себя новым талантам.

Заключение

Таким образом, существуют проблемы и практические особенности применения метода ограничения доступа к информации, распространяемой в сети Интернет с нарушением авторских прав. Законодатели и правоохранительные органы пытаются их быстро и эффективно устранить, но это достаточно сложно в условиях стремительно развивающегося информационного общества. Ожидается, что в ближайшем будущем юристам и другим лицам, защищающим авторские права в сети, потребуется изучить интернет-технологии для предотвращения преступлений в этой сфере и обеспечения качественной защиты. Пока что самый действенный способ – временно ограничить доступ к информации и заблокировать страницы.

Литература

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации часть IV «об авторском праве и смежных правах».
2. Федеральный Закон Российской Федерации "Об информации, информационных технологиях и защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ с изм. и доп. от 29.12.2022.
3. Федеральный закон "Об авторском праве и смежных правах" от 9 июля 1993 года № 5351-1.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 891 "Об утверждении Правил использования результатов интеллектуальной деятельности, полученных в рамках государственных заказов".
5. Решение ФАС России от 14.11.2011 № Ф09-4041/11 "О нарушении антимонопольного законодательства при использовании материалов сайта без разрешения автора".
6. Решение Конституционного суда РФ от 02.12.2015 № 36-П "По делу о проверке конституционности статей 242 и 1253 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.О. Константинова на нарушения их прав на создание, использование и распространение творческих произведений".

7. Письмо Минкультуры России от 16.02.2012 № 107/01-2189 "Об использовании творческих произведений в сети Интернет".
8. Письмо Минобрнауки России от 19.03.2014 № 08-339 "О пользовании электронными учебными и методическими материалами образовательных учреждений и авторскими правами".
9. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 01.06.2017 № 27/128-А "О некоторых вопросах, связанных с использованием объектов авторских и смежных прав в сетевом пространстве".
10. Письмо Минюста России от 15.06.2017 № 2318/ЕФ-03-3333 "О законодательном регулировании в области авторского права и смежных прав в Российской Федерации".
11. Юридический портал Pravo.ru, с разделом по авторскому праву: <https://pravo.ru/>
12. Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС) – учреждение, профессионально занимающееся вопросами интеллектуальной собственности в России: <https://rgiis.ru/>
13. Официальный сайт Российского авторского общества. Специализированный ресурс "Авторское право в интернете": <https://rao.ru/>
14. Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н. Правоведение: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А.П. Сергеева. М.: Юрайт, 2017. С. 1675.
15. Ленковская Р.Р. Правовое обеспечение конфиденциальности информации и персональных данных в Российской Федерации // Образование и право. 2013. № 7 (47). С. 135 – 141.
16. Талимончик В.П. Технические средства защиты авторских прав. Как доказать незаконный доступ // Арбитражная практика. 2013. № 1. С. 43.
17. Татарнинова Л.Ф. Проблемные аспекты защиты чести и достоинства от посягательства в глобальных коммуникационных сетях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3 (50). С. 206.

References

1. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii chast' IV «ob avtorskom prave i smezhnyh pravah».
2. Federal'nyj Zakon Rossijskoj Federacii "Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i zashhite informacii" ot 27.07.2006 № 149-FZ s izm. i dop. ot 29.12.2022.
3. Federal'nyj zakon "Ob avtorskom prave i smezhnyh pravah" ot 9 ijulja 1993 goda № 5351-1.
4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24.09.2013 № 891 "Ob utverzhdenii Pravil ispol'zovanija rezul'tatov intellektual'noj dejatel'nosti, poluchennyh v ramkah gosudar-stvennyh zakazov".
5. Reshenie FAS Rossii ot 14.11.2011 № F09-4041/11 "O narushenii antimonopol'nogo zakonodatel'stva pri ispol'zovanii materialov sajta bez razreshenija avtora".
6. Reshenie Konstitucionnogo suda RF ot 02.12.2015 № 36-P "Po delu o proverke konstitucionnosti statej 242 i 1253 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svjazi s zhalobami grazhdan K.O. Konstantina na narushenija ih prav na sozdanie, ispol'zovanie i rasprostranenie tvorcheskih proizvedenij".
7. Pis'mo Minkul'tury Rossii ot 16.02.2012 № 107/01-2189 "Ob ispol'zovanii tvorcheskih proizvedenij v seti Internet".
8. Pis'mo Minobrнауки Rossii ot 19.03.2014 № 08-339 "O pol'zovanii jelektronnymi uchebnymi i metodicheskimi materialami obrazovatel'nyh uchrezhdenij i avtorskimi pravami".
9. Pis'mo General'noj prokuratury RF ot 01.06.2017 № 27/128-А "O nekotoryh voprosah, svja-zannyh s ispol'zovaniem ob#ektov avtorskih i smezhnyh prav v setevom prostranstve".
10. Pis'mo Minjusta Rossii ot 15.06.2017 № 2318/ЕФ-03-3333 "O zakonodatel'nom regulirovanii v oblasti avtorskogo prava i smezhnyh prav v Rossijskoj Federacii".
11. Juridicheskij portal Pravo.ru, s razdelom po avtorskomu pravu: <https://pravo.ru/>
12. Rossijskaja gosudarstvennaja akademija intellektua'noj sobstvennosti (RGAIS) – uchrezhdenie, professional'no zanimajushheesja voprosami intellektual'noj sobstvennosti v Rossii: <https://rgiis.ru/>
13. Oficial'nyj sajt Rossijskogo avtorskogo obshhestva.Specializirovannyj resurs "Avtorskoe pravo v internete": <https://rao.ru/>
14. Abramova E.N., Averchenko N.N. Pravovedenie: uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. pod red. A.P. Sergeeva. M.: Jurajt, 2017. S. 1675.
15. Lenkovskaja R.R. Pravovoe obespechenie konfidencial'nosti informacii i personal'nyh dannyh v Rossijskoj Federacii. Obrazovanie i pravo. 2013. № 7 (47). S. 135 – 141.
16. Talimonchik V.P. Tehnicheskie sredstva zashhity avtorskih prav. Kak dokazat' nezakonnyj dustup. Arbitrazhnaja praktika. 2013. № 1. S. 43.
17. Tatarinova L.F. Problemnye aspekty zashhity chesti i dostoinstva ot posjagatel'stva v glo-bal'nyh kommunikacionnyh setjah. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2013. № 3 (50). S. 206.

Общее имущество супругов: основания возникновения права собственности и особенности правового регулирования

**Крылов М.К., аспирант,
Московский финансово-промышленный университет Синергия**

***Аннотация:** в статье рассматривается развитие института имущественных отношений супругов в России сквозь призму принципа равенства супругов в семье. Вопрос о соотношении понятий «совместная собственность супругов» и «общее имущество супругов» в отечественной науке семейного права является одним из дискуссионных. Действующие редакции ст. 34 Семейного кодекса РФ и ст. 256 Гражданского кодекса РФ используют понятия «совместная собственность супругов» и «общее имущество супругов» как тождественные, равнозначные. В данном исследовании раскрываются содержание имущественных прав и обязанностей супругов, возможные режимы имущества супругов, особенности содержания и действия брачного договора, разграничиваются общие и личные обязательства супругов. Цель исследования - проанализировать возникновение права общей совместной собственности супругов, исследовать режим общей совместной собственности супругов, выявить проблемы в рассматриваемой области и предложить пути их решения. При написании статьи использовались методы структурного анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический. Результаты исследования. Проанализирован порядок владения, пользования и распоряжения в отношении имущества, принадлежащего на праве общей совместной собственности. Изучены условия возникновения режима общей совместной собственности. Отмечены дискуссионные проблемы в рассматриваемой области.*

***Ключевые слова:** общее имущество супругов, правовое регулирование, личные обязательства*

Для цитирования: Крылов М.К. Общее имущество супругов: основания возникновения права собственности и особенности правового регулирования // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 195 – 199.

Common property of spouses: grounds for origin property right and features of legal regulation

**Krylov M.K., Postgraduate,
Moscow Financial and Industrial University Synergy**

***Abstract:** the article discusses the development of the institution of property relations of spouses in Russia through the prism of the principle of equality of spouses in the family. The question of the relationship between the concepts of "joint property of the spouses" and "common property of the spouses" in the domestic science of family law is one of the debatable ones. The current versions of Art. 34 of the Family Code of the Russian Federation and art. 256 of the Civil Code of the Russian Federation use the concepts of "joint property of the spouses" and "common property of the spouses" as identical, equivalent. This study reveals the content of the property rights and obligations of the spouses, the possible regimes of the property of the spouses, the features of the content and operation of the marriage contract, and distinguishes between the general and personal obligations of the spouses. The purpose of the study is to analyze the emergence of the right of joint joint property of spouses, to investigate the mode of joint joint property of spouses, to identify problems in the area under consideration and to propose ways to solve them. When writing the article, the methods of structural analysis, comparative legal, formal legal, were used. Research results. The procedure for possession, use and disposal of property owned by the right of common joint ownership is analyzed. The conditions for the emergence of the regime of common joint ownership are studied. Discussing problems in the considered area are noted.*

***Keywords:** common property of spouses, legal regulation, personal obligations*

For citation: Krylov M.K. Common property of spouses: grounds for origin property right and features of legal regulation. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 195 – 199.

Введение

Исторически сложилось, что союз между мужчиной и женщиной, зарегистрированный в соответствии с законодательством, всегда подразумевал возникновение тех или иных юридических последствий. Различия в реализации правовых механизмов состоят в том, на территории какого государства возникают или возникли правовые отношения между двумя гражданами или между гражданином и нерезидентом.

В Российской Федерации брачный союз регистрируется в территориальных органах о записи гражданского состояния, структурой местного самоуправления или уполномоченным лицом, если регистрация брака осуществляется в нестандартных условиях [1]. Несмотря на наличие вариантов оформления союза между мужчиной и женщиной в Российской Федерации, юридические последствия брака идентичны. В частности, в отношении имущества, как совместно нажитого, так и принадлежащего одному супругу до момента вступления в брак. Именно поэтому аспекты владения движимым и недвижимым имуществом, пользования им и управления имеют существенное значение как для общества, так и для государства в целом. Нормативными актами предусмотрены случаи, которые затрагивают либо общие случаи (заключение брака, рождение ребенка, смерть одного из супругов, расторжение брака), либо регулярные случаи (дарение, наследство, приобретение имущества или его продажа и др.). Однако практика такова, что у супругов могут возникать различные ситуации, которые прямо или косвенно затрагивают вопросы имущества. Эти ситуации сопряжены с предсказуемыми и непредсказуемыми причинами и способствуют различному толкованию и использованию одних и тех же положений как Семейного, так и Гражданского кодексов РФ (далее – СК РФ и ГК РФ соответственно) [2].

Взаимоотношения нескольких владельцев оцениваемого имущества непосредственно рассматриваются в рамках общей собственности, учитываемой разные юридические факты. Как пример, планирование, подписание и заключение соглашения купли-продажи; наследование объектов, не подлежащих разделению; составление соглашения о деятельности, осуществляемой совместно, и др.

Различная степень сложности случаев, которые связаны не только с семейными обстоятельствами конкретных граждан, но также с реалиями в рамках гражданского права и рыночных отношений, способствует внедрению законодательными органами дополнительных и уточняющих нормативных документов, которые облегчают или упорядочивают регулирование семейных имущественных взаимоотношений.

Актуальность настоящей темы исследования вызвана заметным ростом таких случаев, как расторжение брака, которое подразумевает возникновение новых юридических фактов. К примеру, раздел общего имущества, определение местонахождения совместных несовершеннолетних детей, при их наличии, регулирование взаимоотношений вследствие брачного договора и др.

Имущественные отношения обоих супругов исследуются многими учеными-правоведами. Так, А.В. Слепакова [5, с. 28] подробно рассматривает совместное имущество в качестве объектов правоотношений и исходит из юридических особенностей, которым то или иное имущество обладает. И.Р. Альбиков [6, с. 38] акцентирует внимание на пути разрешения сложных случаев, которые возникают при разделе супругами общего имущества. А.В. Сутягина [8, с. 88], Ю.Ф. Беспалова [9, с. 10], А.М. Рабец и другие ученые-правоведы внесли свой вклад в исследуемую тему посредством изучения имущества семьи в рамках правового режима [10, с. 41].

Регулирование и развитие имущественных правоотношений внутри семьи формируется за счет имущественных прав и обязанностей обоих супругов. Термин «имущественные права» отличается комплексностью, так как содержит в себе обязательственные, вещные, а также исключительные права.

Имущественные взаимоотношения супругов рассматриваются и регулируются преимущественно в рамках семейного или гражданского права. В некоторых случаях вопросы раздела имущества могут рассматриваться отдельными отраслями права, например, международным, международным частным или корпоративным правом. Закономерным является изучение правовой природы имущественных взаимоотношений, которые можно раскрывать и дополнять различными профильными отраслями права в зависимости от специфики правового случая.

Ст. 5 СК РФ допускает рассмотрение семейных правовых отношений соответствующими положениями как гражданского, так семейного права. Если же такие положения отсутствуют в профильном законодательстве, то для регулирования спорных вопросов имущественных взаимоотношений допускается применение аналогии законодательных норм. В рамках положений семейного законодательства комплексно рассматривается право общей собственности субъектов супружеских отношений в качестве одного из личных прав. Этот подход формирует основу для законодательного регулирования имущества субъектов, предусмотренного в гл. 7 СК РФ [2].

Причины и предпосылки формирования совместной собственности двух супругов является предметом не только теоретического интереса, так как ответ на данный вопрос влияет определение времени, когда имущество становится общим, и начинает входить в состав совместного имущества. Так, в ст. 34 СК РФ перечислены два постулата для формирования совместной собственности, в том числе на имущество. Упомянутое имущество обязательно надлежит приобретению супругами в законном браке. Следующее основание непосредственно указывает на обязательность покупки имущества на доходы, являющиеся общими для супругов.

Обстоятельства, предсказуемые или непредсказуемые, у супругов могут появиться в процессе покупки имущества. Как пример, в результате заключения сделки могли быть использованы как совместные накопления, так и личные сбережения супруга или супругов. Собственные средства супруга могли образоваться по завещанию наследования, что согласно статьи ст.36 СК РФ, относит эти денежные ресурсы к личной собственности. Однако, несмотря на указанное обстоятельство, приобретаемая недвижимость или автомобиль законом рассматривается как общая собственность.

Тем не менее, ст. 37 СК РФ может существенно изменить ситуацию, если один из супругов докажет, что его вложения в личную собственность другого супруга в значительной степени увеличило стоимость этого имущества. При наличии данного обстоятельства и доказательств суд может признать личное имущество одного супруга в качестве совместного. Однако, чтобы такое имущество было признано судом как совместное, необходимо соблюдение двух условий, а именно юридического и технического. К техническому условию относятся: переустройство жилого помещения, капитальный и косметический ремонт, реконструкция либо существенная доработка, надстройка и пр. В качестве непосредственного юридического основания определено признание судом корректировка стоимости объекта в сторону увеличения после осуществления технических мероприятий. Л.Г. Кузнецова отметила, что в данном случае подразумевается превращение личного имущества в совместное. Однако при этом следует учесть, что имущество становится совместным не в качестве части объекта, а как целый объект. Анализ исследуемых положений способствует предложению нового правила, по которому управление непосредственно имуществом в браке формируется по таким нормам, которые учитываются для общего имущества [3, с. 64].

В ст. 34 СК РФ приведены примеры предпосылок к появлению права общей собственности супругов. Рассмотрим на примере, когда в браке один из супругов выполнял обязанности по домашнему хозяйству и уходу за несовершеннолетними детьми, соответственно, не имел возможность получения личного финансового дохода (согласно п.3 ст. 34 СК РФ) [1].

СК РФ основывается на постулатах равенства супругов в правах и обязанностях, соответственно, гарантирует право на общее имущество также за тем супругом, который не имел возможности получения личного финансового дохода. А.Н. Левушкин указывает на следующие ситуации, как: уход за нетрудоспособными и тяжелобольными членами семьи; наличие причин, препятствующих трудоустройству. Перечень причин, которые обозначены в ст. 34 СК РФ, является открытым и допускает расширенное толкование, в том числе судебными органами [4].

В частности, в одном из Кассационных определений, постановленных Судебной коллегией по гражданским делам Тульского областного суда учитываются «другие уважительные причины», которые могут рассматриваться судом при признании права совместной собственности супругов в вопросе недвижимого имущества. Как мобилизация, так и призыв в армию кого-либо из супругов учитывается судом в качестве обоснованного обстоятельства при разрешении спора о признании супругов их прав собственности на объект недвижимости. Существенным фактором являются доводы другой судебной практики, которая нашла свое место в иных Определениях и Решениях Верховного Суда РФ. Зачастую приобретенное в браке любое имущество не рассматривается как совместное в связи с тем, что покупалось на средства супругов, принадлежавшие данному супругу до заключения брака [4].

В Апелляционном определении, вынесенное Судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда от 28.11.2019 г., снова подтверждается справедливость поставленного вопроса о месте судебного усмотрения при внедрении предписаний п. 3 ст. 34 СК РФ. По рассматриваемым предписаниям, одной из уважительных причин, необходимой для признания объекта собственности непосредственно совместным имуществом, является отпуск супруга по беременности и родам [7, с. 13].

Существуют также сторонники формального подхода к непосредственному регулированию аналогичных разногласий. Как пример, А.В. Мыскин утверждает, что если один супруг не имел личных финансовых доходов вследствие отсутствия каких-либо обоснованных причин, то судебные органы могут отказать в обосновании за этим супругом совместной собственности, которая покупалась вторым супругом [9, с. 9].

Согласно п. 4 ст. 38 СК РФ, суд может признать имущество, нажитое одним или другим супругом в период раздельного проживания этих супругов и одновременно фактического прекращения ими семейных отношений, личной собственностью каждого из них. Данное положение рассматривается как исключение из общего правила, так как указания законодательства учитывают появление определенных юридических последствий непосредственно при регистрации брака или оформления развода в установленном законодательном порядке. Исходя из этого, суд может признавать имущество, приобретенное супругами в период их раздельного проживания и фактического распада брака, личной собственностью каждого из них. В данный период времени при этом могут быть источником покупаемого имущества также совместные средства. Раз-

дельное проживание супругов вследствие обучения в другом месте или долгой командировки не может влиять на юридический аспект общности имущества супругов [9, с. 10].

Определенные условия предоставляют возможность перехода личного имущества любого из супругов в совместную собственность регламентируют ст. 37 СК РФ и п. 2 ст. 256 ГК РФ. Это возможно в том случае, если установлено, что в браке совместное имущество супругов приобрело иную денежную оценку, благодаря личному имуществу или конкретному трудовому вкладу непосредственно одного из супругов. В связи с этим необходимо сопоставить рыночную стоимость рассматриваемого имущества до процесса осуществления вложения, а также после данного действия. Такая оценка имеет важность вследствие того, что в нормативно-правовой базе нет конкретных определений степени значительного увеличения стоимости рассматриваемого объекта собственности.

Изменение стоимости имущества определяется как в финансовом соотношении, так трудовым вкладом супруга. В судебной практике данное правило рассматривается по объектам недвижимости. Например, как любая квартира, так и частный дом с земельным участком или коттедж и пр. Однако не исключается более дорогостоящее вложение, в том числе в ремонт рассматриваемого имущества. Если супруги накануне заключили брачный договор, то при разделении имущества, вопрос о признании его совместным, – неприемлем.

Если один из супругов до заключения брака имел в собственности имущество, которое повлияло на размер стоимости совместного имущества, соответственно, этот супруг должен предоставить документы либо подтвердить свидетелями. Судебная практика имеет примеры, когда появляются разногласия по изъятию имущества, которое находилось в собственности до брака одного из супругов.

Как пример, имущество, принадлежавшее супругу до брака, продали после заключения брака. Деньги, полученные от реализации, были перераспределены на приобретение недвижимости, земельного участка и транспортного средства. Остаток денежных средств – размещен на банковский счет. В данном случае при разделе имущества приобретенные объекты относятся к тому супругу, на денежные средства они были приобретены, и считаются его личной собственностью. Таким образом, была осуществлена формальная замена одного имущества на другое.

Законодательство РФ не ограничивает данное имущество по какому-либо фактору, характеристике. Объект недвижимости не будет считаться общим имуществом супругов, если до заключения брака данным объектом владел один из супругов, и супруги стали вести после регистрации брака совместное хозяйство. Такая же ситуация образуется при получении супругом имущества в результате наследования или дарения.

Соответственно, российская нормативная правовая база не предусматривает положения, в соответствии с которыми равноценно определялись бы или фиксировались права супругов на общую собственность в нестандартных случаях. Поэтому для урегулирования подобных случаев необходимо дополнить в ГК РФ новыми положениями, для регламентирования процедуры регистрации прав в отношении совместного имущества и совершения сделок с ним.

Юридический смысл упомянутых дополнений состоит в том, чтобы профильные структуры при регистрации прав собственности сразу вносили персональные данные супругов в документы, устанавливающие право собственности на совместное имущество. Это возможно, если другие обстоятельства не указаны в брачном договоре или в других документарных соглашениях между супругами, соответствующими судебными решениями и другой документацией, которая может определять доли супругов в рассматриваемом имуществе.

Также необходимо внести корректировку в п. 3 ст. 34 СК РФ, утвердив непосредственно равенство прав за супругами. Тогда упомянутый пункт учитывал бы положения: у супругов равные права на имущество также в том случае, если один из них в период брака осуществлял обязанности по уходу за детьми, ведению домашнего хозяйства, или по другим уважительным причинам не имел личного финансового дохода.

Заключение

В настоящей работе были исследованы теоретические и нормативные положения об особенностях регулирования совместной собственности супругов. Основываясь на нормах законодательства РФ и судебной практике при разрешении имущественных разногласий супругов целесообразно применять термин «общее имущество супругов», который наиболее полно отражает сущность имущества, приобретенного или полученного иным способом супругами во время брака.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: [принят Государственной Думой 29 декабря 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16; 2012. № 47. Ст. 6394.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.06.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Чефранова Е.А. Семейное право: учебник для академического бакалавриата. 4-е изд. М.: Юрайт. 2018.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.09.2018 по делу № 33-39413/2018.
5. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут. 2015.
6. Альбикив И.Р. Имущественные отношения супругов: некоторые проблемы судопроизводства и пути их решения // Бюллетень нотариальной практики. 2017. № 2. С. 35 – 40.
7. Альбикив И. Р. Защита прав и интересов лиц, состоящих в фактических супружеских отношениях: проблемы и правовые особенности их разрешения // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 12 – 15.
8. Сутягина А.В. Имущественные отношения супругов и наследование. М.: ИД «ГроссМедиа»: РОСБУХ, 2014.
9. Беспалов Ю.Ф. Рассмотрение и разрешение споров о разделе общего имущества супругов (бывших супругов): некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 3. С. 9 – 10.
10. Рабец А.М. Семейное имущество: особенности правового режима (нормотворческий опыт отдельных стран Балтии) // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 39 – 43.

References

1. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii: [prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 29 dekabrja 1995 goda]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 1. St. 16; 2012. № 47. St. 6394.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' 1) ot 30.11.1994 № 51-FZ (s izm. i dop., vstup. v silu s 26.06.2021). Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. № 32. St. 3301.
3. Chefranova E.A. Semejnoe pravo: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. 4-e izd. M.: Jurajt. 2018.
4. Apelljacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 10.09.2018 po delu № 33-39413/2018.
5. Slepakova A.V. Pravootnoshenija sobstvennosti suprugov. M.: Statut. 2015.
6. Al'bikov I.R. Imushhestvennye otnoshenija suprugov: nekotorye problemy sudoproizvodstva i puti ih reshenija. Bjulleten' notarial'noj praktiki. 2017. № 2. S. 35 – 40.
7. Al'bikov I. R. Zashhita prav i interesov lic, sostojashhij v fakticheskijh supruzheskijh otnoshenijah: problemy i pravovye osobennosti ih razreshenija. Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2015. № 2. S. 12 – 15.
8. Sutjagina A.V. Imushhestvennye otnoshenija suprugov i nasledovanie. M.: ID «GrossMedia»: ROSBUH, 2014.
9. Bespalov Ju.F. Rassmotrenie i razreshenie sporov o razdele obshhego imushhestva suprugov (byvshijh suprugov): nekotorye teoreticheskie i prakticheskie aspekty. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. S. 9 – 10.
10. Rabec A.M. Semejnoe imushhestvo: osobennosti pravovogo rezhima (normotvorcheskij opyt ot del'nyh stran Baltii). Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2017. № 1. S. 39 – 43.

Законность и дисциплина в государственном управлении: понятие и сущность

**Плеханов С.М.,
Институт государственной службы и управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации**

***Аннотация:** в статье рассматривается соотношение категорий законности и дисциплины, которое является актуальным в современных условиях и характеризуется постоянной трансформацией видов и форм общественных отношений, а также изменениями в законодательстве в соответствии с этими отношениями. Государственное управление рассматривается как сложная комплексная деятельность по регулированию сфер общественной жизни и представляется как непосредственное осуществление деятельности органами исполнительной власти государства на уровне федерации и на уровне регионов, через призму применения принципов законности и дисциплины. В исследовании обосновывается неразрывная связь между законностью и дисциплиной, которая выражается в обеспечении законности соблюдением установленного порядка осуществления тех или иных действий, а дисциплина опирается на норму закона.*

***Ключевые слова:** законность, дисциплина, трансформация, общественные отношения, правовые категории, государственное управление, правопорядок*

Для цитирования: Плеханов С.М. Законность и дисциплина в государственном управлении: понятие и сущность // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 200 – 203.

Legality and discipline in public administration: concept and essence

**Plekhanov S.M.,
Institute of Public Administration and Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration**

***Abstract:** the article discusses the relationship between the categories of legality and discipline, which is relevant in modern conditions and is characterized by a constant transformation of the types and forms of social relations, as well as changes in legislation in accordance with these relations. Public administration is considered as a complex integrated activity to regulate the spheres of public life and is presented as a direct implementation of the activities of the executive authorities of the state at the level of the federation and at the level of regions, through the prism of applying the principles of legality and discipline. The study substantiates the inextricable link between legality and discipline, which is expressed in ensuring the rule of law by observing the established procedure for the implementation of certain actions, and discipline is based on the rule of law.*

***Keywords:** legal, discipline, transformation, public relations, legal categories, public administration, law and order*

For citation: Plekhanov S.M. Legality and discipline in public administration: concept and essence. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 200 – 203.

Введение

Государственное управление подразумевает сложную комплексную деятельность по регулированию сфер общественной жизни. Такая деятельность должна несомненно осуществляться в соответствии с установленными законами и в установленном порядке.

Неукоснительное следование законодательству относится к понятию законности. Соблюдение установленного порядка осуществления тех или иных действий относится к понятию дисциплины.

Данные категории являются исходными точками в осуществлении государственного управления, отправлении правосудия, предоставления государственных и муниципальных услуг, деятельности органов государственной власти и государственных служащих. Исследование категорий законности и дисциплины является актуальным в современных условиях, которые характеризуются постоянной трансформацией видов и форм общественных отношений, а также изменениями в законодательстве в соответствии с этими отношениями.

Объектом исследования являются государственно-правовые отношения в области правоприменения и соотношения законности и дисциплины.

Предмет исследования – законность и дисциплина в государственном управлении.

Целью данного исследования является определение понятия и роли законности и дисциплины в государственном управлении.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд следующих задач:

1. Рассмотреть понятие государственного управления;
2. Определить понятие и особенности законности и дисциплины в государственном управлении;
3. Проанализировать правовые категории законности и дисциплины в государственном управлении;
4. Проанализировать судебную практику.

Методологические основания исследования:

- Анализ,
- синтез,
- сравнительный метод,
- системный метод,
- формально-юридический.

1. Рассмотрение подходов к определению понятия государственного управления

Некоторые исследователи предпочитают выделять широкое и узкое определение государственного управления. В широком значении, государственное управление представляет собой деятельность государства по организующему воздействию со стороны специальных институтов права на общественные отношения. В узком понимании, государственное управление представляется как непосредственное осуществление деятельности органами исполнительной власти государства на уровне федерации и на уровне регионов [1].

С точки зрения социального подхода, государственное управление понимается как разновидность социального управления, субъектом которого является государство в лице органов государственной власти и должностных лиц, а объектом – общественные отношения и процессы [2].

Также данный исследователь предлагает функционально-целевой подход к понятию государственного управления и определяет его как практическое, организующее и регулирующее воздействие государства посредством государственных структур на общественную и частную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную структуру.

Государственное управление должно опираться на закон и только на закон. Законность является неотъемлемым принципом деятельности органов государственной власти. Главное содержание государственного управления включает в себя целенаправленное воздействие государства на общественные отношения.

2. Сущность законности и дисциплины в государственном управлении

Исследователи правового обеспечения государственного и муниципального управления также рассматривают принцип законности. Автор Л.М. Алланина не разделяет принципы законности и верховенства закона. Принцип законности автор трактует как строгое и точное соблюдение и исполнение субъектами государственного и муниципального управления актов действующего законодательства. Здесь автор говорит о законности в рамках осуществления своих полномочий органами государственной власти и местного самоуправления. Законность, по словам автора, имеет свое выражение в форме обязанности субъектов государственной и муниципальной управленческой деятельности осуществлять свои полномочия строго в пределах установленной законами компетенции. Законность в данном смысле ограничивается рамками законодательно закрепленной компетенции.

Л.М. Алланина также указывает на важнейшее значение данного принципа, выделяя роль законности как гаранта государственного и муниципального управления. Любой нормативно-правовой акт, не соответствующий конституционным нормам и нормам федерального законодательства, прекращает свою юридическую силу немедленно.

Также предлагается рассматривать некоторые характеристики принципа законности, являющиеся неотъемлемыми [3]. Автор в своем исследовании опирается на историческую и теоретико-исследовательскую практику изучения и применения принципа законности. На ее взгляд, принцип законности находится в тесной взаимосвязи с демократией. Демократия в данном контексте рассматривается автором как реальное народовластие, которое имеет свое выражение в форме создания народом органов государственной власти, которые, в свою очередь, выражают волю народа и обеспечивают реализацию их интересов.

Дисциплина предполагает правила внутреннего порядка, устанавливаемые в государственных органах, общественных организациях, а также учреждениях и предприятиях, которые обязательны для соблюдения. Соответственно, в качестве отдельной категории следует рассматривать государственную дисциплину,

которая предусматривает соблюдение правил, устанавливаемых со стороны государственного аппарата и имеющих обязательное значение для всего населения государства [4].

Дисциплина видится в неразрывной связи с законностью. Реализация законности невозможна без соблюдения дисциплины, а дисциплина предполагает соблюдение правил, установленных законом. Дисциплина в данном случае выступает неотъемлемой частью законности, общественного и правового порядка. Законность и дисциплина определяют качество государственного управления. Государственное управление построено на нормативно-правовых основах, которые регламентируют реализацию тех или иных механизмов по регулированию общественных сфер. Законность обеспечивает данные нормативно-правовые основы, а дисциплина определяет порядок неукоснительного следования данным нормативно-правовым основам. Важно понимать, что законность и дисциплина должны быть закреплены на уровне конституционных норм в любом правовом государстве. Правовое государство по своей природе строится на строгом и неукоснительном соблюдении законодательства. Также законность и дисциплина относятся к демократическому государству, в котором все разновидности прав и свобод граждан обеспечиваются посредством нормативно-правовой регламентации.

Судебная практика демонстрирует высокую роль соблюдения законности и дисциплины в государственном управлении. Например, одним из органов надзора за соблюдением соответствия нормативно-правовых актов конституции является Конституционный Суд РФ.

В октябре 2017 года Конституционный Суд РФ вынес решение по делу о проверке конституционности одной из норм Гражданского процессуального кодекса РФ. Норма кодекса относит к новым обстоятельствам, которые представляют собой основания для пересмотра судебных постановлений, определение в постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы. В результате длительного разъяснения норм российского права Конституционный Суд РФ признал норму Гражданского процессуального кодекса РФ не противоречащей Конституции РФ [5].

Также в октябре 2017 года Конституционный Суд РФ провел проверку конституционности одной из норм Семейного кодекса РФ, согласно которой при образовании задолженности по вине лица, который обладает обязанностью уплачивать алименты, виновное лицо обязано выплатить получателю неустойку в определенном законом размере [6].

Суд может регулировать размер неустойки (уменьшить ее), если она несоразмерна последствиям нарушения обязательства. В результате Конституционный Суд РФ признал норму Семейного кодекса РФ не противоречащей Конституции РФ [7].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что законность и дисциплина обеспечивают эффективную и результативную реализацию государственного управления. В своей деятельности органы государственной власти и местного самоуправления должны опираться на нормы законодательства, соблюдать их полностью и в установленном порядке.

В результате исследования данных категорий мной была установлена неразрывная связь между законностью и дисциплиной, которая выражается в том, что законность обеспечивается соблюдением установленного порядка осуществления тех или иных действий, а дисциплина опирается на норму закона [8].

Важным оказывается судебный контроль при обеспечении законности действий органов государственной власти, а также законности тех или иных нормативно-правовых актов в рамках их соответствия высшему закону в государстве – Конституции РФ.

Государственный механизм должен не только обеспечивать обновление законодательства в соответствии с новыми формами и видами общественных отношений, но и гарантировать соблюдение данного законодательства посредством судебного контроля и других надзорных государственных структур. [9] Кроме того, важным оказывается общественный контроль, согласно которому граждане обладают правом обращаться в уполномоченные структуры по обжалованию действий и бездействий органов власти и проверке конституционности тех или иных норм российского права.

Литература

1. Алланина Л.М. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление». Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 253 с.
2. Иванова М.В. Основы государственного и муниципального управления: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. 102 с.

3. Куликова Н.С. Определение и содержание законности как юридического принципа, метода и состояния общественных отношений // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 48 – 54.

4. Адилкариев Х.Т., Тультеев И.Т., Азизов Н.П. и др. Теория государства и права: учебник / под общ. ред. проф. Х.Т. Адилкариева. Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 2014. 522 с.

5. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности (от 17.10.2017 года), г. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision295029.pdf>

6. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности (от 06.10.2017 года), г. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision292709.pdf>

7. Фиалковская И. Д. Взаимосвязь дисциплины и законности в государственном управлении // Вестник ННГУ. 2014. №3-2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-distsipliny-i-zakonnosti-v-gosudarstvennom-upravlenii> (дата обращения: 25.03.2023)

8. Государственная служба (комплексный подход) / Под ред. А.В. Оболонского, А.Г. Барабышева. М.: Дело, 1999. 14 с.

9. Манохин В.М. Государственная дисциплина в народном хозяйстве. М.: Юридическая литература, 1970. 247 с.

References

1. Allanina L.M. Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija: uchebnoe posobie dlja studentov, obuchajushhihsja po napravleniju «Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie». Tjumen': TjumTNGU, 2015. 253 s.

2. Ivanova M.V. Osnovy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija: uchebnoe posobie. SPb.: Izd-vo SPbGJeU, 2015. 102 s.

3. Kulikova N.S. Opredelenie i sodержanie zakonnosti kak juridicheskogo principa, metoda i sostojanija obshhestvennyh otnoshenij. Obshhestvo i pravo. 2016. № 2 (56). S. 48 – 54.

4. Adilkariiev H.T., Tul'teev I.T., Azizov N.P. i dr. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik. pod obshh. red. prof. H.T. Adilkariieva. T.: Akademija MVD Respubliki Uzbekistan, 2014. 522 s.

5. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF po delu o proverke konstitucionnosti (ot 17.10.2017 goda), g. Sankt-Peterburg [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision295029.pdf>

6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF po delu o proverke konstitucionnosti (ot 06.10.2017 goda), g. Sankt-Peterburg [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision292709.pdf>

7. Fialkovskaja I. D. Vzaimosvjaz' discipliny i zakonnosti v gosudarstvennom upravlenii. Vestnik NNGU. 2014. №3-2. [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-distsipliny-i-zakonnosti-v-gosudarstvennom-upravlenii> (data obrashhenija: 25.03.2023)

8. Gosudarstvennaja sluzhba (kompleksnyj podhod). Pod red. A.V. Obolonskogo, A.G. Barabysheva. M.: Delo, 1999. 14 s.

9. Manohin V.M. Gosudarstvennaja disciplina v narodnom hozjajstve. M.: Juridicheskaja literatura, 1970. 247 s.

**Основания и порядок оспаривания сделок должника
в рамках дела о несостоятельности (банкротства)**

Василенков И.В., арбитражный управляющий

***Аннотация:** в предложенной статье мы провели анализ положений действующего законодательства, регламентирующего порядок и основания оспаривания различных сделок должников при наличии дел о банкротстве (несостоятельности). Нами рассматривается классификация различных оснований для последующего оспаривания сделок должника, условий при которых сделки должника могут оспариваться на основании норм Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Помимо этого, нами также рассматриваются отдельные проблемы, которые могут возникнуть при оспаривании сделок, совершённых должником, из-за процедуры банкротства.*

***Ключевые слова:** оспаривание сделок, недействительность сделок, банкротство, причинение вреда кредиторам, ничтожность сделок, несостоятельность*

Для цитирования: Василенков И.В. Основания и порядок оспаривания сделок должника в рамках дела о несостоятельности (банкротства) // International Law Journal. 2023. Том 6. № 4. С. 204 – 208.

**Grounds and procedure for challenging the debtor's transactions
in the framework of an insolvency (bankruptcy) case**

Vasilenkov I.V., Arbitration manager

***Abstract:** in the proposed article, we analyze the provisions of the current legislation regulating the grounds and procedure for challenging debtors' transactions in the framework of insolvency (bankruptcy) cases. We consider the classification of grounds for challenging the debtor's transactions, the conditions under which the debtor's transactions can be challenged on the basis of the norms of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)". In addition, we also consider certain problems that may arise when challenging the debtor's transactions in the framework of bankruptcy proceedings.*

***Keywords:** invalidity of transactions, contesting transactions, causing harm to creditors, bankruptcy, insolvency, nullity of transactions*

For citation: Vasilenkov I.V. Grounds and procedure for challenging the debtor's transactions in the framework of an insolvency (bankruptcy) case. International Law Journal. 2023. 6 (4). P. 204 – 208.

Одним из ключевых компонентов, нужных для обеспечения защиты законных интересов и прав кредиторов и достижения устойчивости гражданского оборота – институт оспаривания совершённых должником сделок через процедуры банкротства. Многие исследователи указывают на значительные отличия между оспариванием сделок в процедурах несостоятельности и обычных гражданских правоотношениях [1]. Мы не поддерживаем этот подход, так как в гражданском праве возможно оспаривание только гражданско-правовых сделок, тогда как при процедуре банкротства оспариванию могут подвергаться не только гражданско-правовые сделки, но и фактические действия, которые могут быть связаны не только с гражданскими правоотношениями. По действующей редакции Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)», в ст. ст. 61.1 – 61.9 предусматривается правовое регулирование оспаривания различных сделок, заключённых должником [2].

Статьей 61.1 закреплены общие правила, касающиеся оспаривания различных сделок, заключённых должником во время проведения процедуры несостоятельности. Согласно этой статье, различные сделки, осуществлённые должником, и сделки, осуществлённые иными лицами за его счёт, могут признаваться недействительными. Для признания сделок недействительными в Федеральном законе №127-ФЗ от 26.10.2002 г. предполагается выделение специальных и общих оснований, отражённых в Гражданском кодексе РФ. Отметим, что Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 №63 отмечалось, что добавление специальных оснований в Федеральный закон №127-ФЗ от 26.10.2002 г. для оспаривания сделок должника, не помешает суду признать сделки должника ничтожными, если есть определённые основания, указанные в ГК РФ [3].

При этом Верховный Суд в своём Определении от 28.04.2016 №306-ЭС15-20034 указывает, что в рассмотренном выше Постановлении Пленума ВАС РФ №63 говорится о сделках с признаками за рамками признаков подозрительных сделок [4].

Согласно действующему законодательству, можно выделить несколько типов сделок должника, которые считаются подозрительными. Один из таких типов – это сделки, которые связаны с неравноценным встречным исполнением, как описано в пункте 1 статьи 61.2 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г. Если сделки были заключены в течение года до направления заявления о банкротстве или после такого заявления, то суд может признавать такие сделки недействительными, когда встречное предоставление контрагентом не будет равнозначным или когда цена и другие условия подобных сделок приводят к существенному ухудшению финансового состояния самого должника, если сравнивать с подобными сделками [2].

При неравнозначном встречном выполнении обязательств окажется противоправной любая передача имущества либо реализация иных обязательств, при которых цена имущества, передаваемого должником, либо реализуемого обязательства существенно выше стоимости полученного встречного исполнения, учитывая все условия и обстоятельства.

Для оспаривания отдельной сделки должника, который признан банкротом, необходимо соблюдать условия о давности сделки и убедиться в наличии признаков неравноценности оспариваемой сделки. Признаки неравноценности сделки рассмотрены в Постановлении Пленума ВАС РФ №63, пункт 8:

- цена совершённой сделки либо иные её параметры приводят к существенному ухудшению положения самого должника, если сравнить со схожими сделками, которые были совершены в похожих ситуациях;
- передача имущества либо исполнение каких-либо иных обязательств должником в денежном исчислении значительно превышает получаемое должником имущество или выполнение других обязательств, учитывая обстоятельства и условия возможного встречного исполнения [3].

Во время оспаривания сделки должника на основании неравноценности встречного исполнения не требуется фактическое исполнение сторонами своих обязательств по сделке, так как признаки неравноценности могут быть определены на основе условий, которые были согласованы сторонами в договоре.

Так, например 18.01.2018 руководством АО «Страховая компания опора» было принято решение о поощрении работника посредством выплаты премии в размере 1 149 425 рублей. 14 апреля 2019 года Арбитражным судом Рязанской области было принято решение о признании АО "СК ОПОРА" несостоятельным и введено конкурсное производство в отношении этой компании. В рамках конкурсного производства, Государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов» в качестве конкурсного управляющего в отношении АО «СК ОПОРА», было обжаловано решение компании о премировании своего сотрудника, которое было принято после того, как запустили процедуру банкротства. В ходе исследования обстоятельств дела суд пришёл к заключению, что Ответчиком не были представлены доказательства предоставления встречного исполнения в отношении АО «СК ОПОРА», выражающегося в виде количества и качества затраченного труда, обусловившее выплату премии, существенно превышающей его заработную плату. Кроме того, суду также не было предъявлено доказательств, указывающих на обоснованность и экономическую целесообразность решение о премировании сотрудника.

Суд на основании перечисленных факторов пришел к выводу, что данная сделка отвечает критериям, определенным в пункте 1 статьи 61.2 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г., и поэтому может быть признана недействительной [5].

Второй тип сомнительных сделок обусловлен появлением ущерба у кредиторов. По пункту 2 статьи 61.2 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г., сделки, совершённые должником, чтобы нанести определённый ущерб имущественным правам, имеющимся у кредиторов, могут признаваться недействительными со стороны суда. Для этого подобная сделка должна быть заключена в срок до 3 лет до даты направления заявления по поводу банкротства должника. Либо после подобной подачи, когда её заключение нанесло урон определённым имущественным правам, имеющимся у кредиторов [2]. Одним из требований для оспаривания сделки на основании ущерба кредиторам является тот факт, что контрагент должника имел информацию либо должен был иметь о том, что совершённой сделкой нанесён урон определённым имущественным правам, имеющимся у кредиторов.

Последний вышеуказанный критерий возникает, когда контрагент должника имел информацию или должен был иметь, что целью сделки является ущемление имущественных прав кредиторов должника, или когда имеются признаки неплатежеспособности должника, например, отсутствие имущества для исполнения обязательств по сделке. Также можно предположить, что контрагент должника имел личный интерес в сделке и знал, что целью сделки является ущемление определенных имущественных прав кредитора.

Если целью заключения сделки было нанесение ущерба имущественным правам кредиторов, то это может быть предположено в следующих случаях:

- Должник уже обладал признаками неплатёжеспособности либо не обладал необходимым имуществом, чтобы выполнить обязательства на дату осуществления сделки либо подобные признаки возникли в связи с реализацией подобной сделки;

- сделка совершалась на безвозмездной основе либо с лицом, лично заинтересованным в ней;

- сделка предусматривала выплату доли в имуществе должника его учредителю из-за выхода из перечня учредителей;

- сделка совершалась при обстоятельствах, явно свидетельствующих о намерении должника нанести урон каким-либо имущественным правам, имеющимся у кредиторов.

По объяснениям, представленным в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №63, если вы хотите оспорить сделку на том основании, которое указано в этой ситуации, то вам следует доказывать присутствие совокупности таких факторов:

1. Цель сделки – нанести урон определённым имущественным правам, имеющимся у кредиторов.

2. В связи с совершением сделки определённым имущественным правам кредиторов нанесли урон.

3. У второй стороны сделки была информация или должна была быть о реализуемых должником целях на момент осуществления сделки [3].

Например, в ходе рассмотрения кассационной жалобы на решение, принятое Арбитражным судом Калининградской области, гражданка У.Т.Н. подала апелляцию в Арбитражный суд Северо-Западного округа. Последний подтвердил решение судов нижестоящих инстанций о недействительности сделки между У.Т.Н. и ООО «К Строй» относительно 70 договоров долевого строительства. В качестве обоснования своего решения суд указал, что общество потеряло активы (70 квартир), при этом ни общество, ни У.Т.Н. не доказали экономической целесообразности сделки. Кроме того, не было доказано, что у гражданки У.Т.Н. были необходимые финансовые возможности для приобретения 70 квартир, что привело к уменьшению имущества должника и подпадает под условия пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г. [6].

В рамках процедуры банкротства имеется еще один способ оспаривания сделки должника, который заключается в возникновении особых последствий от ее совершения, приводящих к преимущественному положению одного из кредиторов перед остальными. По статье 61.3 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г., если сделка, совершенная должником, приводит к появлению преимущественного положения для отдельного кредитора по сравнению с остальными, то подобную сделку можно считать недействительной на основании заявления, сделанного заинтересованным лицом [2].

Чтобы оспорить сделки должника при наличии дела о банкротстве, могут быть учтены следующие основания:

- совершение сделки, чтобы обеспечить исполнение обязательства должника либо другого лица перед кредитором, когда такое обязательство появилось до заключения опротестовываемой сделки;

- сделка вызвала изменение очередности удовлетворения различных требований кредиторов по тем обязательствам, которые появились до заключения опротестовываемой сделки, либо её реализация способна привести к подобным результатам;

- сделка удовлетворила требования одного кредитора, а срок их соблюдения на момент осуществления сделки ещё не наступил, при этом имеются требования от остальных кредиторов, и срок выполнения обязательств по которым уже настал, но должник не исполнил предусмотренные обязательства, или в ситуациях, когда подобная сделка может вызвать упомянутые последствия;

- сделка вызвала предоставление большего предпочтения определённому кредитору в области удовлетворения требований по сравнению с тем, что было до заключения опротестовываемой сделки, либо осуществление сделки может вызвать такое изменение очереди удовлетворения требований, которое не предусматривается в российском законодательстве.

По п. 2 ст. 61.3 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г., на основе рассматриваемого основания обособленная сделка должника может считаться недействительной, когда её совершают после принятия арбитражным судом заявления о признании человека банкротом либо в трёхмесячный срок до поступления этого заявления.

В соответствии с пунктом 3 статьи 61.3 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г., можно возражать против сделки, заключенной в последние полгода до направления заявления о несостоятельности, если целью сделки является закрытие долга перед определённым кредитором на основании долга, возникшего до сделки, или если сделка приводит к изменению порядка исполнения обязательств кредитором на основании долга, возникшего до сделки.

Также этот шестимесячный срок применяется к сделкам, по которым лица, заинтересованные в этих сделках, знали по поводу наличия у должника отдельных признаков неплатёжеспособности либо недоста-

точности его имущества или об определённых обстоятельствах, свидетельствующих о присутствии подобных признаков.

Из анализа норм статьи 61.4 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г. следует, что существуют определенные сделки, которые не могут быть оспорены на основании положений статей 61.2 и 61.3 этого закона. К таким сделкам относятся следующие ситуации:

- сделки, заключенные в рамках организованного тендера, основанного на заявках, поданных неограниченному числу участников, и обязательство по исполнению таких сделок;
- сделки, заключенные в ходе обычной хозяйственной деятельности должника с целью передачи имущества или исполнения конкретных обязательств. Стоимость передаваемого имущества или исполняемого обязательства не должна превышать 1% от собственных активов должника. Последнее условие основано на информации, содержащейся в отчетности должника за последний завершённый отчетный период.

Законодательством в статье 61.7 Федерального закона № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. предусмотрены случаи, когда не допускается оспаривание сделок должника в процессе банкротства, помимо тех, которые могут быть оспорены по установленным законом основаниям:

- цена имущества, купленного должником в рамках опротестовываемой сделки, больше цены того, что получится возвратить в общую конкурсную массу с помощью оспаривания сделки;
- покупатель по недействующей сделке возвратил всё в общую конкурсную массу.

Согласно действующему законодательству, внешний управляющий, конкурсный управляющий и финансовый управляющий имеют самостоятельное право оспорить сделки должника, которое не зависит от решения общего собрания кредиторов либо комитета кредиторов. Также в законе предусматривается право оспорить сделку со стороны кредитора. Для этого величина долга перед таким кредитором, добавленная в реестр требований кредиторов, должна превышать 10% от совокупной величины долга, зафиксированного в таком реестре.

Заявление о возражении против сделки, которое было совершено должником в рамках процедуры банкротства, необходимо подавать в тот же арбитражный суд, изучающий дело по поводу банкротства должника. Форма и содержание заявления должны соответствовать требованиям, которые установлены в Арбитражном процессуальном кодексе РФ [6]. В процессе изучения дела по поводу оспаривания сделки должника по процедуре банкротства также могут быть привлечены кредиторы и другие заинтересованные лица, которые были затронуты данной сделкой либо чьи обязанности и права могут оказаться предметом решения суда при рассмотрении опротестовываемой сделки.

По статье 61.8 Федерального закона №127-ФЗ от 26.10.2002 г. предусматривается, что у суда есть право на вынесение таких определений:

1. О признании сделки должника недействительной либо о применении последствий её недействительности.
2. Об отказе в удовлетворении поступившего заявления об отмене конкретной сделки, заключенной должником.

Из анализа действующего законодательства и правоприменительной практики выходит, что процедура оспаривания сделок должника в случае банкротства является крайне сложной. Это обусловлено необходимостью учета особенностей правового регулирования специальных оснований для отнесения сделки, совершённой должником, к недействительным. Для применения специальных оснований недействительности сделок должника, предусмотренных в Федеральном законе №127-ФЗ от 26.10.2002 г., необходимо также установить обстоятельства, связанные с законностью действий контрагентов должника.

Литература

1. Гартина Ю.А. Правовые особенности оспаривания сделок должника в процедуре банкротства // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-osparivaniya-sdelok-dolzhnika-v-protsedure-bankrotstva> (дата обращения: 21.03.2023)
2. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.
4. Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.04.2016 №306-ЭС15-20034 // НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС»

5. Постановление двадцатого Арбитражного апелляционного суда от 03.10.2022 по делу № А54-3783/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RdBWASZu4sJ9> (дата обращения: 21.03.2023)

6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.12.2019 по делу №А21-3046/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eHjOqcZlVcxb> (дата обращения: 21.03.2023)

7. Петров Д.А. Проблемы исчисления срока исковой давности при оспаривании конкурсным кредитором сделок, совершенных должником, по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве // Арбитражные споры. 2018. № 2. С. 63.

8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 №95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

References

1. Gartina Ju.A. Pravovye osobennosti osparivaniya sdelok dolzhnika v procedure bankrotstva. Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2019. № 10 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-osparivaniya-sdelok-dolzhnika-v-protsedure-bankrotstva> (data obrashhenija: 21.03.2023)

2. Federal'nyj zakon ot 26.10.2002 №127-FZ «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)». Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 43. St. 4190.

3. Postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 23.12.2010 №63 «O nekotoryh voprosah, svjazannyh s primeneniem glavy III.1 Federal'nogo zakona «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)». Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 2011. № 3.

4. Opredelenie Sudebnoj Kollegii po jekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 28.04.2016 №306-JeS15-20034. NPP «GARANT-SERVIS»

5. ostanovlenie dvadcatogo Arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 03.10.2022 po delu № А54-3783/2017. Sudebnye i normativnye акты RF. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RdBWASZu4sJ9> (data obrashhenija: 21.03.2023)

6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 19.12.2019 po delu №А21-3046/2018. Sudebnye i normativnye акты RF. [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/eHjOqcZlVcxb> (data obrashhenija: 21.03.2023)

7. Petrov D.A. Problemy ischislenija sroka iskovoj davnosti pri osparivanii konkursnym kreditorom sdelok, sovershennyh dolzhnikom, po special'nyh osnovanijam, predusmotrennym zakono-datel'stvom o bankrotstve. Arbitrazhnye spory. 2018. № 2. S. 63.

8. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 24.07.2002 №95-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 30. St. 3012.